

1904

17647.

Даневский
Пособие к изучению
истории и системы
международ. права
1892

17647

В. Л. ДАНЕВСКІЙ.

Ординарный проф. Императорскаго Харьковскаго университета, Членъ-Сотрудникъ
Гентскаго института международнаго права.

~~1921~~
1904

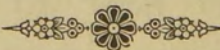

ПОСОБІЕ

КЪ ИЗУЧЕНІЮ ИСТОРІИ И СИСТЕМЫ

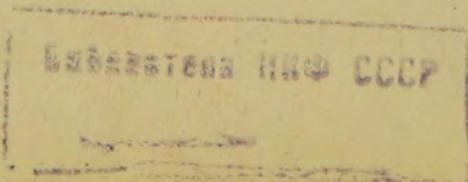
МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА.

Выпускъ I-й.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія А. Н. Гусева. бывш. В. С. Бирюкова. Рыбная ул., д. № 30.
1892.

К

В. П. ДАВЫДОВЪ

Оригиналы проф. Вильгельма Карловича Давыдова
Гонимого института императорского университета

ПОСОБІЕ

КЪ ИЗУЧЕНІЮ ИСТОРИИ И СИСТЕМЫ

На основаніи 41 ст. п. 4 и ст. 138 Уст. Россійскихъ Университетовъ
изд. 1884 г. настоящее сочиненіе разрѣшается къ печатанію и выпуску
въ свѣтъ. 1891 года. Октября 3 дня.

За Ректора Университета *А. Лебедевъ.*

71174

Вопросы 1-й

КАРБОНЪ

Университетъ С.-Петербургскій, Императорскій
1891

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ русской юридической литературѣ имѣются лишь два сочиненія, обнимающія собою, въ большей или меньшей степени, многосодержательный предметъ международнаго права: 1) проф. С.-Петербургскаго университета Ф. Мартенса—«Современное международное право» (2 тома), вышедшее двумя изданіями, и 2) проф. Харьковскаго университета А. Стоянова—«Очерки исторіи и догматики международнаго права» (1875). Первое изъ нихъ—очень объемисто и по цѣнѣ почти недоступно большинству учащихся; нѣкоторые же отдѣлы этого извѣстнаго труда (напр. о политическомъ равновѣсіи и началѣ легитимизма) изложены слишкомъ кратко. Что же касается до «Очерковъ» моего почтеннаго сотоварища, (проф. А. Стоянова), то этотъ трудъ, составляя въ настоящее время библиографическую рѣдкость, нѣсколько устарѣлъ въ исторической его части. Наконецъ, выходящій въ послѣднее время въ Кіевѣ «Конспектъ лекцій по международному праву» проф. Эйхельмана слишкомъ сжатъ и пока не представляетъ изъ себя полного, хотя бы и конспективнаго изложенія всего предмета.

Цѣль настоящаго «пособія»—двоякая: 1) Во-первыхъ, дать молодымъ людямъ, подвергающимся испытанію въ юридическихъ комиссіяхъ, сжатое изложеніе предмета международнаго права въ томъ его объемѣ, въ которомъ онъ требуется программами испытательныхъ комиссій. Съ этой стороны я беру на себя смѣлость утверждать, что въ предлагаемомъ «пособіи» готовящійся къ экзамену найдетъ достаточно полные отвѣты на всѣ вопросы, имѣющіеся въ программахъ; 2) Другая цѣль настоящаго труда—дать возможность изучить въ элементарномъ объемѣ весь предметъ международнаго права въ современномъ его состояніи. Программы испытаній совершенно произвольно исключаютъ изъ предмета нѣкоторые вопросы, напр. отдѣлы о литературной, художественной

и музыкальной собственности, объ организаціи международнаго общенія; между тѣмъ очевидно, что достоинство научнаго преподаванія требуетъ внесенія въ изложеніе и освѣщенія всего матеріала международнаго права, при томъ въ системѣ, совершенно отличной отъ принятой въ программахъ испытанія. Въ виду этой второй цѣли предлагаемаго труда, я значительно расширилъ содержаніе матеріала, вошедшаго въ «пособіе», и дѣлаю указаніе на литературу предмета. Компетентныя лица сами усмотрятъ, что въ «пособіи» изложено и изслѣдовано самостоятельно и что—компилятивно. Замѣчу лишь, что нѣкоторые отдѣлы его являются переработкою и дополненіями къ лекціямъ, читаннымъ мною въ Харьковскомъ университетѣ съ 1878 года.

Въ заключеніе считаю нужнымъ объяснить, что я сознательно избѣгалъ такъ называемыхъ «подстрочныхъ» ссылокъ на сочиненія разныхъ авторовъ. Цитаты и «подстрочныя» ссылки, съ указаніемъ на страницы, главы и проч. у авторовъ, будучи вполне умѣстны и необходимы въ *изслѣдованіяхъ*, представляются мнѣ излишними въ учебникахъ и пособіяхъ, балластомъ, совершенно ненужнымъ для учащагося и крайне обременительнымъ для пишущаго учебники и пособія. Я принялъ такую систему: въ началѣ каждой главы приводятся сочиненія, посвященныя изслѣдованію и разработкѣ предмета, о которомъ трактуется въ данной главѣ (изучающій специально этотъ предметъ долженъ будетъ обратиться къ указанной мною литературѣ). Если же въ самомъ изложеніи главы я ссылаюсь на какого-нибудь автора, то этимъ самымъ мною указывается на то, что извѣстная мысль или опредѣленный фактъ заимствованы въ сочиненіи этого автора, приведенномъ въ списокѣ пособій, начинающемъ главу. Изложеніе важнѣйшихъ фактовъ и явленій изъ международной жизни мною доведено до конца 1891 г., тоже (по нѣкоторымъ вопросамъ) и относительно указаній на литературу предмета.

В. Даневскій.

10 Февраля 1892 г.

ВВЕДЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Опредѣленіе и основныя начала международнаго права.

Литература. Изъ русскихъ сочиненій: *В. Даневскій*.—„Основаніе международнаго права, его принципы и цѣль“ (Юридическій Вѣстникъ, 1879 г.); *Его же*—„Историческій очеркъ нейтралитета и критика Парижской Морской Декларациі 16 апрѣля 1856 года“ (1879 г., отдѣлъ II); *Ф. Мартеусъ*—„Современное международное право цивилизованныхъ народовъ“, 2-е изданіе 1887 г., томъ I, часть общая; *А. Бялэцкій*—„О значеніи международнаго права и его матеріаловъ“, 1872 (глава I); *Графъ Л. Камаровскій*—„О международномъ судѣ“, 1881 г., книга I, глава III и книга IV, гл. I, § III; *Эйхельманъ*—„Введеніе въ систему международнаго права“, вып. I, 1889 г., § 4. Изъ иностранныхъ: *Holtzendorff*—„Handbuch des Völkerrechts (1885—1889 г.) томъ I, статьи самого *Holtzendorff'a* „объ основныхъ началахъ международнаго права“; но въ особенности *Kaltenborn*, *Kritik des Völkerrechts*, 1847 г. (и статья проф. *Земрева* въ Юридическомъ Вѣстникѣ, іюнь, 1878 г.) и *А. Vulmerincq*—„Praxis, Theorie und Codification des Völkerrechts“, 1874 г. (см. отдѣлъ—Theorie).

§ I. Разнообразіе и противорѣчивость, замѣчаемая въ существующихъ научныхъ опредѣленіяхъ международнаго права, зависятъ отъ: а) сложности понятія этого предмета, обильнаго содержаніемъ, б) неправильнаго расширенія границъ этого предмета, в) сравнительной юности науки международнаго права. наконецъ, d) отъ существенно различныхъ взглядовъ на основныя принципы международнаго права, нерѣдко приводящихъ къ одностороннему формулированію опредѣленія.

Еще въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, когда система римскаго права являлась единственно разработанною отраслью правовѣдѣнія, оказывавшею громадное вліяніе и на политическія науки, а наука международнаго права, только еще зарождавшаяся, была лишена всякой самостоятельности, понятія и институты римскаго гражданскаго права смѣшались съ чуждою ему областью права международнаго. Въ послѣднее вносилось понятіе о *jus gentium*, которое такимъ образомъ перепутывалось съ понятіемъ о *jus inter gentes* (право между народами, международное право); между тѣмъ *jus gentium* есть ничто иное, какъ совокупность гражданско-правовыхъ началъ, общихъ всемъ народамъ, распространяющихся на всехъ людей и обнимающихъ отношенія частныя.

И только въ 1651 году англичанинъ Зѣчь (Zouchäus) впервые отдѣлилъ понятіе о jus inter gentes отъ jus gentium; съ тѣхъ поръ постепенно выработались соотвѣтствующія jus inter gentes наименованія—*международное право (междугосударственное право), droit international, Völkerrecht.*

*Другіе писатели, созидавая зданіе системы международного права на началахъ свободы и независимости государствъ, которымъ придавалось преобладающее, нерѣдко почти исключительное значеніе, предлагаютъ такія опредѣленія международного права, въ которыхъ идея свободы народовъ (государствъ) поглощаетъ идею порядка, т. е. идею чего-то высшаго надъ частями (отдѣльными народами), безъ которой, въ качествѣ связующаго звена, отдѣльныя части являлись бы не органическимъ цѣлымъ, а собраніемъ разрозненныхъ частей, нерѣдко враждебно другъ другу противопоставленныхъ. Изъ многочисленныхъ опредѣленій этого рода можно привести, напр., такое: „международное право есть собраніе правилъ поведенія, соблюдаемыхъ народами въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ“; другими словами, *совокупность взаимныхъ обязательствъ государствъ, или правъ и обязанностей ихъ по отношенію другъ къ другу (Salvo).* Къ этому опредѣленію примыкаетъ и болѣе точная дефиниція проф. *Эйхельмана* — международное право есть *правовой порядокъ, опредѣляющій международныя отношенія независимыхъ другъ отъ друга государствъ.**

Международный союзъ есть сосуществованіе государствъ (народовъ) въ организованномъ порядкѣ, основанное на началахъ равенства. Международное право есть система юридическихъ нормъ, опредѣляющихъ взаимныя отношенія государствъ (народовъ) и ихъ подданныхъ въ сферѣ организованнаго юридическаго порядка.

Вѣрно замѣтилъ итальянскій ученый *Пьерантони*, что все чело-вѣчество раздѣлено на индивидуумовъ, національности и государства, которыя живутъ самостоятельною жизнью, но входятъ, какъ члены единаго организма, въ составъ высшаго порядка, т. е. чело-вѣчества. Поэтому сфера международного права—въ сущности все чело-вѣчество, а верховный источникъ международного права—общечело-вѣческое социальное право, почерпающее свое происхожденіе въ законѣ развитія чело-вѣческаго рода или, лучше сказать, въ законахъ природы чело-вѣка (ex natura hominis). Высшей задачей международного права будетъ осуществить предназначеніе чело-вѣчества; для достиженія этой идеальной, безконечно великой цѣли надо озаботиться созданиемъ подходящихъ условій; эти условія—*образование порядка*, при посредствѣ котораго можно было бы, говоря словами *Пьерантони*, „связать все чело-вѣчество въ одно юридическое цѣлое“. А такъ какъ эта задача сложна и чревата содержаніемъ, то понятно, почему международное право есть продуктъ высокой культуры чело-вѣчества, т. е. всѣхъ успѣховъ цивилизаціи самой дифференцированной. Этимъ же объясняются относительная юность и значительныя несовершенства этой отрасли правовѣдѣнія, особенно недостатки практическаго осуществленія между-народнаго права.

Человѣкъ, проникнутый въ силу инстинктовъ его природы стремленіемъ къ общежитію (*appetitus societatis*), издавна входилъ членомъ въ разные естественные союзы, въ основѣ которыхъ лежатъ фізіологическія и матеріальныя потребности человѣка, стремленіе къ защитѣ отъ враговъ; къ естественнымъ и простѣйшимъ формамъ человѣческаго общенія (семья, роды) присоединяются, подъ вліяніемъ разрастающихся потребностей человѣка и историческаго усовершенствованія его бытовыхъ условій, другія формы соединенія, напр. общинный союзъ.

Медленный историческій процессъ усовершенствованія самой природы человѣка ведетъ къ возрастанію потребностей человѣка усовершенствованнаго типа и къ улучшенію духовныхъ и нравственныхъ его способностей, а такъ какъ самыя потребности и способности дифференцируются, то онѣ не могутъ быть ни удовлетворены, ни развиты при помощи существующихъ формъ человѣческихъ союзовъ. Отсюда—рожденіе новыхъ формъ, даже искусственныхъ, измѣненіе содержанія и направленія уже существующихъ союзовъ, вымираніе старыхъ. Эти новые или измѣненные типы общежитія въ свою очередь вліяютъ на человѣка, видоизмѣняютъ его духовную фізіогномію, споспѣшествуютъ рожденію въ немъ новыхъ потребностей, опять же ищущихъ удовлетворенія въ дальнѣйшихъ, болѣе сложныхъ организаціяхъ. Т. е. различные союзы, въ которые входитъ человѣкъ, частью сами совершенствуютъ человѣка, частью же являются плодами стремленій улучшившагося человѣка.

Сказанное въ одинаковой степени относится, какъ къ тому періоду человѣческой культуры, когда отсутствовала еще организованная государственная власть, такъ равно и къ эпохѣ зарожденія послѣдней и ко времени развитія и укрѣпленія правильно организованнаго государства новѣйшаго образца.

Государства культурныя берутъ на себя заботу объ охранѣ многообразныхъ естественныхъ и искусственныхъ общеній (союзовъ) человѣческихъ; и какъ бы ни понимать задачи и цѣли государственной организаціи, во всякомъ случаѣ каждое культурное государство имѣетъ въ виду человѣка и его интересы: не человѣкъ созданъ для государства, а государство создано для человѣка. Слѣдовательно, государство должно, ради сохраненія и преусиженія человѣка, удержать тѣ низшіе союзы, въ которые входитъ индивидуумъ для достиженія разныхъ цѣлей, указанныхъ ему природою человѣка. Само же государство, охраняя всѣ эти союзы, стремится дать человѣку то, что не въ силахъ ему дать всѣ остальные виды и формы союзовъ, разрѣшить, по мѣрѣ силъ, спеціальныя задачи своего собственнаго существованія. Въ достиженіи этихъ послѣднихъ государство, конечно, терпитъ лишь союзы совмѣстные съ его разумными цѣлями и не противорѣчащіе нормальнымъ требованіямъ природы человѣка и человѣческихъ обществъ; оно получаетъ, въ качествѣ организаціи высшей и болѣе сложной, право вліять на измѣненіе формъ, на направленіе дѣятельности, а иногда и на самое содержаніе низшихъ союзовъ, которые приняты государствомъ подъ его мо-

гущественную защиту. Единица (союз) высшего порядка не поглощает единицу порядка низшаго, но, давая послѣдней надлежащую охрану, указываетъ ей должное мѣсто, устанавливаетъ правильное отношеніе этихъ союзовъ между собою и къ самому государству. *Эти отношенія, будучи основаны на дѣйствительныхъ, правильно выясненныхъ взаимныхъ интересахъ, должны опредѣляться правовыми положеніями (нормами).*

*Неизмѣнный законъ, подмѣчаемый въ этихъ отношеніяхъ, состоитъ въ томъ, что каждое такое отношеніе, если оно преслѣдуетъ разумныя цѣли и не уклонилось отъ правильного пути, покоится на признаніи организаціею высшего порядка за человѣкомъ и организаціями порядка низшаго нѣкоторой самостоятельности, выражающейся въ извѣстной долѣ свободы и независимости. Не допуская этой самостоятельности, получимъ порабощеніе личности союзомъ, а союзовъ государствомъ, т. е. такое поглощеніе цѣлымъ частей, имѣющихъ свое разумное предназначеніе, при которомъ неминуемо принизились или исчезли бы и личность человѣка и различные на его пользу организуемые союзы; т. е. исчезнетъ или совершенно извратится самый смыслъ и цѣль этихъ общежитій (и самого государства), которыя существовали бы не для человѣка, не въ роли слуги его и помощника въ достиженіи имъ цѣли безконечнаго совершенствованія, а „an und für sich“, какъ нѣчто обезличивающее и даже уничтожающее того царя живого міра, который призванъ быть владыкою въ благообразномъ мірѣ сложнаго и величаваго творенія. Сами союзы потеряли бы свое право на бытіе, такъ какъ безъ духовно и физически самостоятельнаго человѣка незачѣмъ и создавать формы общежитія. Но это реальное начало самостоятельности не должно быть абсолютно. Оно должно быть подчинено высшей идеѣ, въ которой воплощается суть безконечнаго стремленія къ совершенствованію, именно—идеѣ высшего порядка, осуществляемаго въ организаціи главенствующей, которая создается въ силу непреодолимаго роста потребностей человѣка, все увеличивающагося, и развитія его способностей, постоянно совершенствующагося. Но главенствующая организація, порождаемая реальными нуждами, была бы фикціею, она не могла бы ни осуществиться, ни достигнуть цѣли своего бытія, если бы свобода и самостоятельность частей (человѣка, его союзовъ) не были сдерживаемы, если бы каждый на свой рискъ и страхъ, случайно шелъ къ единой, высшей цѣли, если бы порядокъ главенствующій не сдерживалъ произвола и увлеченія, т. е. не создавалъ бы порядка отношеній, не ставилъ законовъ и правилъ поведенія, задачъ и идеаловъ для низшихъ, для частей. *Организація главенствующая имѣетъ въ виду, не игнорируя частей, заботясь о нихъ, общіе интересы (солидарность интересовъ), въ виду которыхъ низшіе поступаютъ своими исключительными интересами, несовмѣстимыми съ благомъ всѣхъ, съ идеею и ростомъ порядка высшего.**

Изложенное вполне примѣняется къ международному союзу и международному праву. Долго государства, даже наименѣ совершенныхъ образцовъ строенія, представляли организацію вполне достаточную для удовлетворенія человѣка. Даже классическая древность доволь-

ствовала государствомъ, какъ идеальнѣйшею формою человѣческой организаціи; умъ древнихъ мудрецовъ не имѣлъ, за рѣдкими исключеніями, представленія о человѣчествѣ, какъ объ организаціи, связующей народы въ одномъ (международномъ) союзѣ. Вотъ почему государства, весьма долго существовали, несмотря на взаимное соприкосновеніе и фактически неизбѣжныя отношенія между ними, какъ разрозненныя организаціи, ничѣмъ между собою не связанныя: не было почвы для образованія солидарности ихъ интересовъ, а слѣдовательно и для установленія между ними правильныхъ сношеній въ организованномъ порядкѣ (этому препятствовали многія силы, враждебныя сближенію народовъ). Лишь постепенно, къ концу среднихъ вѣковъ, торговыя морскія сношенія городовъ, создавъ общность торговыхъ интересовъ, привели къ образованію нѣкотораго порядка во взаимныхъ морскихъ сношеніяхъ. Съ усиленіемъ государственной власти, которое всюду явилось олицетвореніемъ возросшей культуры, начинаетъ появляться сознание прочной связи между народами. Это сознание все болѣе укрѣпляется, пускаетъ глубокіе корни, выражается внѣшнимъ образомъ въ институтѣ дипломатическихъ агентовъ, появляющихся въ видѣ постояннаго учрежденія, органа, охраняющаго этотъ порядокъ установившихся сношеній между народами (*l'ordre stable*), который рѣзко отличается отъ случайныхъ и малосознательныхъ отношеній древности и среднихъ вѣковъ и покоится уже на сознанной идеѣ существованія общихъ всѣмъ культурнымъ народамъ потребностей, сочетаемыхъ въ высшемъ порядкѣ, обладающемъ качествомъ нѣкоторой прочности и постоянства. Около середины XVII столѣтія идея о постоянномъ сосуществованіи государствъ, связанныхъ между собою въ высшей организаціи, т. е. мысль о международномъ союзѣ, уже рѣшительно сознается. А такъ какъ всякое человѣческое общежитіе необходимо предполагаетъ внѣшнюю форму проявленія идеи, вложенной въ его содержаніе, то съ этого же времени идетъ и рядъ непрерывно продолжающихся попытокъ къ тому, чтобы придать международному союзу внѣшнюю организацію (напр. различные проекты организаціи международного союза въ видахъ достиженія вѣчнаго мира). Это поступательное развитіе идеи международного союза и высшаго, руководящаго въ немъ порядка продолжается непрерывно до нашихъ дней. Понятно, что въ этомъ историческомъ движеніи отражаются, какъ въ зеркалѣ, различія въ исходныхъ моментахъ всемірной исторіи человѣчества, всѣ различія въ принципахъ и идеяхъ, преемственно руководившихъ человѣческою культурою, въ политическихъ учрежденіяхъ, въ идеалахъ и стремленіяхъ народовъ. И замѣчательно, что идея высшаго порядка пустила столь глубокіе корни уже въ первой четверти XIX вѣка, что эта эпоха ознаменовалась даже попыткою создать постоянную внѣшнюю организацію для осязательнаго выраженія идеи международного союза и главенствующей въ ней мысли о верховномъ порядкѣ международного союза, именно, въ видѣ періодически созываемыхъ конгрессовъ и конференцій, которые выступали частью законодательными, частью же и судебными органами для международного союза.

Можно сказать, что *вся исторія образованія и укрѣпленія идеи международного союза, начиная съ XVII столѣтія, есть борьба двухъ началъ*, на правильномъ сочетаніи которыхъ лишь возможно построение идеи и организациі международного союза, именно—*начала самостоятельности государствъ съ верховнымъ началомъ порядка, образующимъ такъ наз. правовое общеніе между народами*. Создаваясь медленно, идея руководящаго порядка встрѣчала съ самаго начала упорное сопротивление въ идеѣ суверенной самостоятельности государствъ; это весьма естественно, такъ какъ лишь продолжительный историческій ростъ культуры могъ приучить народы и государства, существовавшіе особнякомъ и въ полной другъ отъ друга независимости въ теченіе многихъ столѣтій, ко взаимнымъ уступкамъ на почвѣ признанной общности ихъ интересовъ и отучить ихъ отъ крайне эгоистическаго воззрѣнія на свою индивидуальность, какъ на нѣчто господствующее надъ другими. Многіе вѣка проходили поэтому въ непрерывной борьбѣ за преобладаніе разныхъ народовъ надъ другими; наиболее рѣзкое проявленіе этого идеала преобладанія выражалось въ цѣломъ рядѣ стремленій къ осуществленію всемірнаго государства. Понятно, что если бы эта цѣль была достигнута, то члены международного союза потеряли бы всякую самостоятельность, положеніе ихъ свелось бы къ состоянію провинцій съ большею или меньшею автономіею. Вотъ почему всѣ эти стремленія, встрѣчая энергичный отпоръ, потерпѣли неудачу. Но самая возможность этихъ попытокъ ко всемірному государству представляетъ выдающійся интересъ въ томъ отношеніи, что всѣ попытки порождались непомѣрнымъ развитіемъ начала суверенной самостоятельности государствъ, ложными представленіями о полной свободѣ и независимости политическихъ организаций (государствъ). Международныя сношенія, основанныя на такой полной свободѣ, превращаются скорѣе въ случайность, въ простое договорное отношеніе, устанавливающееся не столько въ силу интересовъ и требованій высшаго порядка, на которомъ основана идея международного союза, сколько въ силу добровольной и временной уступки, вызванной какимъ-нибудь случайнымъ и преходящимъ интересомъ, уступки условно-обязательной, данной чаще всего подъ давленіемъ крайней необходимости. Такая уступка проистекала изъ абсолютно-свободной воли договаривающихся государствъ, не подчиненной ни какимъ постояннымъ потребностямъ, вытекающимъ изъ организациі международного союза. Если Людовикъ XIV говорилъ: „государство—это я“, то отдѣльное государство, восхищенное своею идеальною неограниченною самостоятельностью, рассуждало такъ: „международный союзъ—это я; онъ существуетъ—насколько онъ мнѣ выгоденъ, насколько я терплю его и по сколько я не въ силахъ въ данное время предписать ему руководствоваться моею волею“. Такое воззрѣніе, порождая тождественную политику въ международныхъ отношеніяхъ, разрушаетъ самое существо понятія международного союза; въ концѣ концовъ инстинктъ самосохраненія, присущій и государствамъ, начинаетъ противодѣйствовать этимъ неограниченнымъ поползновеніямъ. Это противодѣйствіе, въ свою очередь, выродилось въ первой половинѣ нашего вѣка въ крайность про-

тивоположнаго рода: начало порядка, принципы общаго берутъ верхъ надъ началами самостоятельности государствъ, совершенно подавляютъ послѣднюю во имя общаго блага, даваемого высшимъ порядкомъ. Это балансированіе между двумя крайностями, съ болѣе замѣтнымъ до Вѣнскаго конгресса преобладаніемъ начала самостоятельности и съ временнымъ (въ первой половинѣ нашего вѣка) преобладаніемъ принципа высшаго порядка, продолжалось почти до нашихъ дней. Съ середины XIX вѣка правильное воззрѣніе на международный союзъ, на обоюдное отношеніе въ немъ 2-хъ началъ дѣлаетъ громадныя успѣхи въ литературѣ и въ практической (международной) жизни. Но до этого времени и наука, всегда отражающая въ себѣ жизненныя потребности и настроеніе эпохи, была, за немногими исключеніями, вѣрна этому колебанію. Вплоть до второй половины нашего столѣтія почти всѣ писатели строили идею международнаго союза, а слѣдовательно и систему международнаго права, на уродливой крайности—почти неограниченной самостоятельности и свободѣ государствъ. Рѣзкимъ выразителемъ этого направленія можно, напр., выставить португальскаго писателя *Pinheiro-Ferreiro*, который еще въ 20-хъ годахъ нашего вѣка доводилъ уваженіе къ суверенной независимости государствъ почти до степени обоготворенія государства и думалъ строить всю систему международ. права на суверенитетѣ государствъ; при чемъ, конечно, почти исключительными началами, связующими государства въ международный союзъ, онъ и ему подобные писатели признавали явно и точно формулированную волю государствъ, выраженную въ договорахъ. Еще и въ настоящее время это поклоненіе идеѣ суверенитета, это строеніе системы международнаго права на началѣ самостоятельности государствъ мы встрѣчаемъ почти у всѣхъ англо-американскихъ писателей (*Phillimore, Kent, Calvo*, отчасти *Wheaton*; изъ русскихъ *проф. Эйхельманъ*). Съ другой стороны эпоха реакціи, выдвинувъ начало высшаго порядка (для общаго блага), породила и цѣлый рядъ писателей, которые видѣли идеаль международнаго союза въ полномъ торжествѣ цѣлаго (высшаго) надъ частями, т. е. отдѣльными государствами, которыя не могли имѣть самостоятельности даже во внутренней области государственнаго управленія, подчинявшейся во имя верховнаго начала порядка контролю и давленію извнѣ. Такой контроль привелъ къ организаци системы международныхъ сношеній, въ которой узаконялось для международнаго союза такъ называемое вооруженное вмѣшательство во внутреннія дѣла независимыхъ государствъ въ видахъ охраненія внутри и внѣ известной, строго определенной политической организаци. Появилась цѣлая литература, созидающая систему вооруженнаго вмѣшательства, какъ орудія осуществленія цѣлей верховнаго порядка въ международномъ союзѣ.

Требованіе, осуществляемое международнымъ союзомъ и системою международнаго права со II половины XIX вѣка, состоитъ въ правильномъ сочетаніи въ международномъ союзѣ права отдѣльныхъ государствъ на самостоятельность, на законную долю необходимой для нихъ свободы, съ началомъ порядка, т. е. высшей организаци, связующей членовъ международнаго союза. *Въ международномъ правѣ эта задача сво-*

дится къ правильному сочетанію субъективнаго начала международнаго права— принципа суверенитета (суверенной самостоятельности) съ началомъ объективнымъ—международнымъ правовымъ общеніемъ.

§ II. *Международное правовое общеніе есть юридическій порядокъ связующій народы (государства), основанный на солидарности ихъ интересовъ. Т. е. содержаніе (предметъ) его—интересы народовъ; общность интересовъ приводитъ къ правовому общенію, которое есть форма для внѣшняго выраженія идеи общенія. Правилами (нормами), опредѣляющими интересы въ области соціальныхъ отношеній, т. е. въ сферѣ человѣческихъ союзовъ, могутъ быть только правовыя (юридическія) нормы. Всякій юридическій порядокъ, по самой своей природѣ предполагаетъ постоянство и правильность, почему и юридическій порядокъ, связующій народы, есть установленіе постоянное въ томъ смыслѣ, что оно всегда должно существовать, какъ необходимое и цѣлесообразное учрежденіе, слѣдующее закону правильности; эту послѣднюю надлежитъ понимать такъ, что идея порядка предполагаетъ извѣстныя вѣрныя (правильныя) построенія, опредѣленныя требованія, съ нарушеніемъ которыхъ порядокъ перестаетъ удовлетворять своему предназначенію; напр. если бы въ международномъ правовомъ общеніи одно или нѣсколько государствъ прекратили дипломатическія сношенія съ сосѣдями, т. е. отказались поддерживать съ ними общеніе, то этимъ они вышли бы изъ международнаго союза, на что ни одно цивилизованное государство не имѣетъ права, и нарушили бы правильность въ этомъ порядкѣ, основанномъ на требованіи постояннаго и общеобязательнаго веденія дипломатическихъ сношеній между членами международнаго союза. Различныя интересы, составляющіе содержаніе международнаго правового общенія, могутъ измѣняться. Измѣненія зависятъ здѣсь отъ соответствующихъ видоизмѣненій въ потребностяхъ человѣка и человѣческихъ обществъ, въ свою очередь стоящихъ въ зависимости отъ роста культуры. Измѣняются и усложняются интересы, разнообразятся и нормы, ихъ опредѣляющія. Форма (внѣшнее выраженіе) юридическаго порядка, связующаго народы, т. е. организація его можетъ измѣняться и даже должна измѣняться, слѣдуя законамъ историческаго прогресса. Но самый порядокъ неизмѣненъ въ томъ смыслѣ, что онъ долженъ всегда существовать въ какихъ-нибудь подходящихъ формахъ. Идея разсматриваемаго порядка есть высшая, неизбѣжная; безъ нея нѣтъ международнаго права. Разъ государство вошло въ международное правовое общеніе, оно неизбѣжно и неизмѣнно въ немъ существуетъ, оно не можетъ изъ него выйти, оно сковано имъ. Оно подчиняется ему, признаетъ въ немъ высшую силу, оно связано съ этою высшею организаціей. По этому международное правовое общеніе есть высшее начало международнаго права; послѣднее же является системою юридическихъ нормъ, отражающихъ существованіе и правильное развитіе международнаго союза. Начало суверенитета, право государствъ на самостоятельность и свободу—суть начала подчиненныя началу юридическаго порядка, связующаго народы.*

Высшее объективное начало (международное правовое общеніе), требуя нѣкоторой подчиненности для начала государственнаго суверенитета, т. е. для державной самостоятельности, *вовсе не предполагаетъ поглощенія послѣдней*. Идея порядка, какъ высшаго, не только не враждебна идеѣ свободы частей и индивидуума, но будучи созданиемъ чело-вѣческимъ, организованнымъ для интересовъ чело-вѣческаго самосохраненія, вполне благопріятна свободѣ и самостоятельности, если не понимать послѣднія какъ распушенность, приводящую къ анархіи. Высшая организація, верховный порядокъ международнаго права должны разумно сочетать свободныя части. *Гарантія этого разумаго и справедливаго сочетанія, т. е. охрана суверенной самостоятельности государствъ лежитъ въ правѣ всѣхъ членовъ союза высказывать свою общую волю по всѣмъ дѣламъ общаго интереса, т. е. въ коллективномъ правѣ охраны и защиты жизненныхъ интересовъ частей и всего международнаго союза*. Эта сложная идея, конечно, еще очень далека отъ полнаго и послѣдовательнаго примѣненія къ жизни народовъ. Но она твердо сознается и получаетъ въ настоящее время все чаще частичное приложеніе къ сферѣ международныхъ сношеній. Вѣрность высказаннаго лучше всего подтверждается исторіею и въ особенности современнымъ положеніемъ въ наукѣ ученія о такъ называемомъ вооруженномъ вмѣшательствѣ (интервенція), ученія, получающаго постепенно осуществленіе и въ международной жизни. До самаго недавняго времени наука склонялась скорѣе въ пользу установленія начала невмѣшательства. Но въ послѣднее время въ литературѣ весьма усиливается реакція противъ полнаго господства этого начала. Отдѣляютъ, во-первыхъ, понятіе о вмѣшательствѣ въ строгомъ смыслѣ слова, т. е. объ интервенціи во внутреннія дѣла государствъ, справедливо усматривая въ ней нападеніе на исторически сложившуюся оригинальность народа, на его державную самостоятельность въ области внутренняго управленія, отъ болѣе широкаго понятія о вмѣшательствѣ въ сферу внѣшнихъ сношеній государствъ, въ которой проявляется внѣшняя ихъ самостоятельность. Интервенцію въ этомъ послѣднемъ смыслѣ не только нельзя осудить принципиально, но должно признать, такъ какъ отвергнуть ее—отрицать связь между народами, нарушить или оставить безъ защиты тотъ юридическій порядокъ ихъ сосуществованія, на которомъ покоится вся система международнаго права, т. е. законы совмѣстнаго существованія государствъ. Такъ, *Oliva* довольно вѣрно формулируетъ эту мысль, когда говоритъ, что интервенція дѣлается правомѣрною, когда дѣло касается законовъ совмѣстнаго существованія государствъ.

Дѣйствительно, международное право пріемлетъ въ себя и призвано охранять державную самостоятельность (суверенитетъ) государствъ. Но коль скоро дѣйствія государствъ во внѣшней ихъ жизни (а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ мы полагаемъ, и во внутренней ихъ жизни), соприкасаясь съ жизнью другихъ державныхъ государствъ, нарушаютъ права послѣднихъ, то этимъ ставятся въ опасность законы совмѣстнаго существованія государствъ, образующіе высшій юридическій порядокъ ихъ сосуществованія. Еще извѣстный *Блунчли* допускалъ такъ называемое

коллективное вмѣшательство, т. е. рѣшеніе вопроса о его правомѣрности и цѣлесообразности въ данномъ случаѣ всѣми заинтересованными державами. А какъ заинтересованы въ охраненіи этого высшаго порядка въ сущности всѣ члены, входящіе въ его составъ, то отсюда—одинъ только шагъ до требованія обсужденія и рѣшенія такихъ вопросовъ уполномоченными отъ всѣхъ членовъ международнаго союза. Вотъ почему итальянецъ *Фиоре* и тотъ же *Олива* требуютъ, чтобы вмѣшательство было всегда коллективное, исходящее отъ общаго конгресса. Мысль о столь широкомъ коллективизмѣ пока еще не была осуществляема въ международной жизни. Но коллективное вмѣшательство по опредѣленію главенствующихъ въ международномъ союзѣ державъ узаконено относительно Турціи отчасти Парижскимъ конгрессомъ, а относительно ея же и Болгаріи Берлинскимъ конгрессомъ 1878 г.

Наконецъ, такъ какъ всѣ члены международнаго союза одинаково суверенны, т. е. каждый изъ нихъ обладаетъ державною самостоятельностью, съ наличностью которой всѣ они входятъ въ составъ одного высшаго порядка, для всѣхъ одинаково полезнаго и необходимаго, то изъ этого слѣдуетъ, что *международное правовое общеніе основано на началахъ равенства государствъ въ правахъ и обязанностяхъ*. De facto—государства могутъ быть болѣе или менѣе могущественны, обладать бѣльшимъ или меньшимъ авторитетомъ, имѣть вліятельный или мало вліятельный голосъ въ международномъ союзѣ; одно изъ нихъ можетъ даже задавать тонъ, другое—обезличить свои внѣшнія сношенія, состоять „въ хвостѣ“. Но de jure—у всѣхъ одинаковое представительство, одинъ голосъ; у каждаго и у всѣхъ вмѣстѣ—одинаковое стремленіе охранить свое я, свою слабость или силу при посредствѣ общаго всѣмъ имъ уклада, т. е. юридическаго верховнаго порядка. Допустить въ принципѣ неравенство—покончить съ идеею международнаго общенія, узаконить произволь, безконечныя колебанія и случайности, которыхъ и такъ много въ дѣйствительной международной жизни, благодаря несовершенствамъ организаціи международнаго союза.

Вѣрность этого общепризнаннаго воззрѣнія весьма энергично оспаривается въ послѣднее время извѣстнымъ *Лоримеромъ (Lorimer)*, проф. университета въ Единбургѣ, который пытается замѣнить принципъ равенства началомъ неравенства, т. е. принципомъ относительнаго значенія и вѣса государствъ, которые указаны самою жизнью и на которыхъ, будто бы, можно построить всю международную организацію и болѣе прочныя мирныя сношенія между народами. Но чѣмъ же опредѣляется это относительное значеніе государствъ? Оно обозначается величиною государственной территоріи и числомъ ея населенія, матеріальнымъ благостояніемъ державъ, опредѣленнымъ чистымъ доходомъ ихъ, количествомъ вывоза и ввоза, ихъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ, наконецъ—формою государствъ, т. е. способами ихъ соединенія (государства простыя и сложныя) и формами государственнаго устройства. Всѣ же попытки установленія въ международномъ правѣ начала юридическаго равенства, никогда не достигавшіяся въ исторіи, *Лоримеръ* разсматриваетъ какъ фантастическія, даже опасныя и болѣе вредныя

для международных сношеній, чѣмъ всемірная монархія, или господство въ Европѣ пентархіи въ эпоху Вѣнскаго и слѣдовавшихъ за нимъ конгрессовъ. Но очевидно, что вся доказательственная сторона этого оригинальнаго воззрѣнія покоится на смѣшеніи понятій, на что вѣрно указалъ проф. *графъ Камаровскій*: факторы, вліяющіе на опредѣленіе относительнаго значенія государствъ, могутъ служить основаніемъ для построенія политической стороны международной организациі, юридическое же строеніе международныхъ отношеній все же можетъ и должно покоиться на принципѣ равенства народовъ между собою. Факторы, выдвигаемые *Лоримеромъ*, сами по себѣ такъ сложны и разнообразны, а сочетанія ихъ такъ многочисленны, что, положивъ ихъ въ основу юридической констукціи международнаго союза и взаимныхъ отношеній его членовъ, прійдется прійти къ безчисленному множеству измѣнчивыхъ и непрочныхъ комбинацій, опредѣляющихъ это относительное значеніе государствъ; никакой умъ не въ состояніи дать вѣрно вычисленныхъ сочетаній этихъ факторовъ каждому изъ государствъ для такой постановки ихъ неравныхъ правъ въ международномъ порядкѣ, которая соотвѣтствовала бы ихъ относительному значенію.

§ III. *Начало правоваго общенія между народами выдвинуто въ литературу недавно, но, постепенно развиваясь, оно стало въ настоящее время получать первенствующее мѣсто въ системѣ науки международнаго права. Еще Пѣлицъ (Pölitz) въ первой четверти нашего вѣка указалъ на то, что правовое совмѣстное бытіе государствъ (das rechtliche Nebeneinanderbestehen der Staaten) существуетъ при посредствѣ молчаливаго договора. Еще обстоятельнѣе это начало развито фонъ Калтенборномъ (von Kaltenborn—Kritik des Völkerrechts, 1847 г.). По его мнѣнію личность отдѣльнаго индивидуума и общеніе (Gemeinschaft) одинаково существенны въ правовой жизни и образуютъ высшіе принципы существа (бытія) права: первая—принципъ субъективный, второе—объективный принципъ его. Оба принципа въ частной и государственной жизни необходимо должны проявляться органически, для чего они должны взаимно проникать другъ друга. Но объективный принципъ стоитъ надъ субъективнымъ, какъ высшій порядокъ и сила, какъ связь надъ отдѣльною единицею. Индивидуумъ свободно и своеобразно устанавливаетъ это общеніе, этотъ порядокъ, стоящій выше произвола. Государство не есть высшее, окончательное общеніе; надъ нимъ существуетъ высшій порядокъ права, высшее человѣческое совмѣстное существованіе (общеніе). Въ немъ государство—подчиненный членъ высшаго порядка (единства). Государство не можетъ быть высшимъ правовымъ учрежденіемъ, такъ какъ все человѣчество расчленено на различные народы, а потому и на различныя государства. Но какъ народъ только членъ человѣчества и какъ таковой находитъ свое единство только въ человѣчествѣ, то и государство, какъ выраженіе совмѣстнаго правоваго бытія—сосуществованія (Rechtsgemeinwesen) народа, имѣетъ высшую надъ собою власть въ правовомъ общеніи государствъ, существующемъ для политическаго единства*

человѣчества, власть, которую оно должно признать, признавая себя членомъ этого цѣлаго. Само же высшее общеніе должно признать за государствомъ своеобразную природу послѣдняго, его самостоятельное бытіе, какъ члена этого союза, настолько же, насколько и государство уважаетъ и терпитъ внутри себя своеобразное значеніе отдѣльныхъ правовыхъ институтовъ. Такимъ путемъ исключительно національная правовая жизнь государства, переходитъ въ правовое совмѣстное существованіе, т. е. въ международный порядокъ права. А такъ какъ право есть норма и порядокъ для человѣческаго совмѣстнаго существованія, то общеніе государствъ должно быть разсматриваемо, какъ высшее и послѣднее правовое общеніе. Государство—субъектъ международного права—всегда уважается, какъ таковое, другими государствами и самымъ международнымъ общеніемъ; послѣднее не должно возвышаться до такой степени, при которой государство можетъ уничтожиться. А отдѣльныя государства, какъ субъекты международного права, должны признать надъ собою высшій порядокъ, подчиняться ему, такъ какъ онъ стоитъ надъ произволомъ отдѣльныхъ державъ и необходимо пристекаетъ изъ своеобразнаго бытія и существа этихъ послѣднихъ. *Этотъ международный правовой порядокъ образуетъ объективный принципъ международной жизни, какъ государства—его субъективный принципъ.* Оба принципа должны живо проникать другъ друга (*sich lebendig durchdringen*).

Два принципа—субъективный и объективный, лежащіе въ основаніи международного права, признаются *Робертомъ фонъ Молемъ*; у него объективный принципъ имѣетъ то же самостоятельное положеніе по отношенію къ субъективному, а самая задача международного права, по мнѣнію *Роб. ф. Моля*, заключается въ достиженіи всемірно-правоваго порядка посредствомъ заботы о поддержаніи международного общенія (*Die Pflege der Internationalen Gemeinschaft*). Въ этомъ же направленіи разрабатывалъ ученіе о международномъ общеніи и *Булмеринкъ* (*Bulmeringq*, 1874 г.); но онъ присоединяетъ къ двумъ принципамъ еще третій „международный правовой принципъ“, между тѣмъ какъ понятіе о международномъ общеніи само собою предполагаетъ уже, что это общеніе есть правовое. Въ настоящее время ученіе о международномъ правовомъ общеніи принимается многими въ основаніе системы международного права, напр. изъ русскихъ проф. *Мартенсомъ* и *графомъ Камаровскимъ*. Весьма обстоятельно изслѣдуется содержаніе этого понятія проф. *Мартенсомъ*, а необходимость расчлененія его указана еще въ 60-хъ годахъ *Залескимъ* (*Zaleski*), который подробно анализируетъ содержаніе, вліяніе и преемственность различныхъ интересовъ, на которыхъ въ разные историческіе періоды покоилось международное общеніе. По мнѣнію *Залескаго* международное общеніе въ средніе вѣка зиждилось на религіозныхъ интересахъ, въ новѣйшее время на системѣ политическаго равновѣсія, а теперь (т. е. въ 60-хъ годахъ) на общеніи матеріальныхъ интересовъ. „Въ будущемъ же“, продолжаетъ онъ, „оно можетъ найти болѣе прочную опору въ общеніи интеллектуальныхъ интересовъ“.

§ IV. Нетрудно прослѣдить международную охрану различныхъ интересовъ, составляющихъ содержаніе международного правового общенія. Такъ, *матеріальныя интересы*, понимаемые въ самомъ широкомъ смыслѣ (торговые и экономическіе), *охраняются международнымъ правомъ не только во время мира, но и во время войны*. Они получаютъ свою защиту какъ во множествѣ международныхъ коммерческихъ трактатовъ, въ конвенціяхъ консульскихъ и во внутреннихъ законодательствахъ государствъ, въ попыткахъ объединенія монетной системы (латинскій монетный союзъ), системы международныхъ мѣръ и вѣсовъ, т. е. въ попыткахъ къ учрежденію постоянной организациі для установленія единства способовъ и средствъ, служащихъ къ достиженію системы общепользительной для экономического оборота народовъ, такъ и въ дѣйствительно созданныхъ уже учрежденіяхъ международного характера (въ органахъ этой охраны), напр. въ Дунайской международной комиссіи, въ комитетѣ для огражденія и надзора за свободною торговлею и судоходствомъ по рѣкѣ Конго и т. п. Послѣ продолжительной борьбы выработались правила, напр. Парижская морская декларациа 16 апрѣля 1856 года, составляющія нѣчто въ родѣ кодекса международного права на время морской войны, правила, при посредствѣ которыхъ ограждается отъ произвола воюющихъ на морѣ частная собственность мирныхъ народовъ (нейтральныхъ).

Общіе всѣмъ культурнымъ народамъ *интересы нравственнаго и юридическаго* (гражданско-правового и уголовно-правового) *порядка тоже нами* свое выраженіе, *свою защиту*. Этическія требованія челоѣческой природы, *моральныя стремленія государствъ охранены цѣлымъ кодексомъ—Женевскою конвенціею 1864 г., принятою всѣмъ цивилизованнымъ міромъ и многими государствами низшей культуры*, провозгласившею неприкосновенность и пощаду для раненыхъ и больныхъ воиновъ обѣихъ враждующихъ сторонъ на время самой войны и нейтрализацию госпиталей и ихъ врачебнаго персонала. Ту же роль играетъ до известной степени и С.-Петербургская конвенціа 1868 года о неупотребленіи на войнѣ разрывныхъ снарядовъ ниже опредѣленнаго вѣса (400 граммъ). Что же касается до гражданско-правовыхъ отношеній, то важныя частныя интересы, ими охраняемые, давно взяты подъ защиту международного правового общенія, которое создало систему такъ называемаго частнаго международного (гражданскаго) права, ограждающую, на почвѣ общенія между народами, множество важныхъ интересовъ и правъ частныхъ лицъ въ международномъ союзѣ. *Обиностъ же основныхъ началъ и воззрѣній культурныхъ государствъ на такъ называемыя преступленія противъ общаго права*, приводя къ одинаковому въ существѣ юридическому міросозерцанію въ области уголовного права, *создала потребность въ оказаніи государствами другъ другу взаимной судебной помощи при осуществленіи ихъ карательной власти*; отсюда—институтъ выдачи преступниковъ, множество постановленій о ней во внутреннихъ законодательствахъ и въ договорахъ.

Наконецъ, *область духовныхъ и религіозныхъ интересовъ тоже ограждена*. Первая—конвенціями (и внутренними государственными за-

конами) о литературной, художественной и промышленной собственности. Вторая—установленіемъ принципа религиозной терпимости и свободы совѣсти, давно принятаго подъ охрану междунаго союза, который даже вооруженнымъ внимательствомъ неоднократно оградилъ эти священные интересы челоѣчества (напр. постановленія Берлинскаго конгресса о вѣротерпимости, свободѣ совѣсти и о политической и гражданской равноправности подданныхъ всѣхъ вѣроисповѣданій въ Сербіи, Румыніи, Черногоріи и Болгаріи) отъ посягательствъ со стороны государствъ низшей культуры.

Такъ какъ междунаго союзъ есть восполненіе союза государства, существующаго для челоѣка, а государства должны защищать личныя права послѣдняго и прежде всего свободу индивидуума, то междунаго союзъ, пріемля въ себя отдѣльныя государства, обязанъ оказывать защиту и покровительство свободѣ индивидуумовъ въ сферѣ междунаго сношеній, поскольку эта задача (охраны индивидуальной свободы), превышая силы отдѣльныхъ державъ, не можетъ быть разрѣшена разрозненными ихъ усиліями. Вотъ почему высшій юридическій порядокъ, связующій государства (междунаго правовое общеніе) выработалъ и средства для защиты въ междунаго сношеніяхъ начала личной свободы, создавъ систему мѣропріятій для борьбы съ учрежденіями, враждебными этому принципу. Такъ, еще конгрессы Вѣнскій (1815 г.), Ахенскій (1818 г.) и Веронскій (1822—23 г.) осудили неготорговлю, нарушавшую начало личной челоѣческой свободы; а въ 1841 году договоръ Англии, Пруссіи и Россіи (возобновленъ въ 1879 году) принимаетъ рядъ мѣропріятій для пресѣченія этой торговли. Дальнѣйшее движеніе въ этомъ направленіи выражается въ постановленіяхъ берлинской Африканской конференціи (1884—85 г.), на которой участвовало 14 державъ, выработавшей рядъ мѣръ, принятыхъ подъ охрану междунаго союза, для прекращенія не только неготорговли, но и источника ея—рабовладѣнія въ обширныхъ территорияхъ Западной Африки (бассейны рѣкъ Конго и Нигера). А когда и эти мѣры оказались недостаточными, созвана Брюссельская конференція (1889—90 г.), которая употребила громадныя усилія для выработки болѣе практичной системы борьбы съ рабовладѣніемъ и неготорговлею.

Профессоръ Эйхельманъ, характеризую междунаго общеніе, какъ „единеніе государствъ для взаимной пользы и помощи“, и замѣчая, что съ этою цѣлью государства заключаютъ множество междунаго договоровъ, говоритъ, что ихъ сходство и даже тождественность по различнымъ предметамъ побудили государства заключать „общіе договоры“, такъ называемыя „междунаго конвенціи“ или „всемирные союзы“. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ участвуетъ и Россія, именно—въ междунаго конвенціи о всемирномъ почтовомъ союзѣ, 1874 г. (дополненъ 1878 и 1885 г.), въ междунаго телеграфной конвенціи 1875 г. (дополн. 1885 г.), по охраненію подводныхъ телеграфныхъ кабелей 1886 г., въ „Метрической конвенціи 1875 г. (о сохраненіи вѣрныхъ типовъ вѣса и мѣры, въ „заключительномъ актѣ Берлинской Африканской конферен-

ции“ 1885 г.; въ конвенціи „о перевозкѣ грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ“ 1886 г.; съ 1891 г. должна была вступить въ дѣйствіе международная конвенція „о воспрещеніи контрагентамъ назначать вывозныя преміи на сахаръ“. Имѣются еще конвенціи, безъ участія Россіи: „о взаимной защитѣ литературной и художественной собственности“, „о защитѣ фабричныхъ и торговыхъ клеймъ отъ поддѣлки“ и „о порядкѣ обмѣна официальныхъ документовъ и научныхъ изданій между государствами“. Всѣ эти конвенціи имѣютъ то громадное значеніе, что онѣ создаютъ обширныя, при томъ долговѣчные союзы многихъ государствъ, въ основаніе которыхъ положены уставы; союзы безсрочны, каждое государство можетъ приступить къ нимъ, но каждый участникъ союза можетъ покинуть его; союзъ собирается на конференціи, на которыхъ рѣшенія постановляются чаще по началу единогласія, но иногда принимается и система большинства голосовъ. Текущими дѣлами этихъ союзовъ завѣдуютъ обыкновенно такъ называемыя бюро. Къ типу такихъ договоровъ (союзовъ), выражающихъ идею международнаго общенія, хотя и безъ формы международной конвенціи, можно причислить и нѣкоторыя другія соглашенія между многими государствами. Напр. Россія участвуетъ въ „международныхъ правилахъ для предупрежденія столкновеній судовъ на морѣ“ (приняты всѣми морскими державами), въ „правилахъ о салютахъ и морскихъ визитахъ между различными флагами“ 1871 г. (приняты, по инициативѣ Англій, всѣми государствами) и, наконецъ, въ „международныхъ правилахъ о срокахъ ловли тюленей въ сѣверномъ морѣ“ 1878 г. (по почину Англій приняты всѣми заинтересованными державами). Ежегодно выдвигались для разрѣшенія посредствомъ заключенія международныхъ конвенцій и новые вопросы, напр. „о международныхъ мѣрахъ безопасности мореходства“ (конференція для рѣшенія этого важнаго вопроса собиралась въ Вашингтонѣ въ 1889 г.), по „рабочему вопросу“ (въ 1890 г. въ Берлинѣ) и т. д. (см. подробно—*Эйхельманъ*, Введеніе, выпускъ I).

Надлежитъ еще обратить вниманіе на взаимодѣйствіе, которое оказываютъ другъ на друга требованія и задачи международнаго правового общенія и начала государственнаго суверенитета. Ихъ взаимодѣйствіе доказывается тѣмъ, что требованія, выставляемыя интересами международнаго правового общенія, приводятъ и къ соотвѣтственнымъ измѣненіямъ во внутреннихъ законодательствахъ государствъ (членовъ международнаго союза), а эти послѣднія, вліяя на международныя сношенія, отражаясь и преломляясь въ нихъ, приводятъ къ заключенію международныхъ договоровъ и, вообще, къ извѣстнымъ формамъ международной организаціи, въ которыхъ выражены интересы и идеи, составлявшіе содержаніе извѣстныхъ актовъ внутренняго законодательства державъ. Такъ, проф. *Ф. Мартенсъ* справедливо указалъ на то, что въ Англій до 1870 г. не допускался выходъ изъ англійскаго подданства, а между тѣмъ англійскіе подданные, эмигрировавшіе за границу, получали тамъ права подданства и состояли такимъ образомъ въ ненормальныхъ отношеніяхъ къ ихъ бывшему отечеству. Интересы международнаго порядка требовали допущенія экспатріаціи; эти интересы

удовлетворены закономъ 1870 г.: англичанинъ можетъ свободно выйти изъ англійскаго подданства, а иностранецъ, послѣ 5 лѣтъ пребыванія на англійской территоріи, можетъ натурализоваться, т. е. пріобрѣтать гражданскія и политическія права англичанъ. Въ указанномъ направленіи имѣются попытки еще болѣе грандіозныя: напр. голландское правительство обратилось въ 1874 году къ иностраннымъ державамъ съ предложеніемъ—издать международный законъ для исполненія рѣшеній иностранныхъ гражданскихъ и коммерческихъ судовъ, а германское правительство въ 1878 году объ изданіи международного вексельнаго устава.

Съ другой стороны, извѣстныя постановленія конгрессовъ Вѣнскаго, Ахенскаго и Веронскаго противъ негроторговли, въ особенности же трактатъ 1841 года были прямымъ послѣдствіемъ вліянія на сферу международныхъ отношеній внутренней политики и духа англійскаго законодательства, которое парламентскими актами 1808 и 1824 годовъ объявило торгъ неграми въ англійскихъ владѣніяхъ незаконнымъ, а самую негроторговлю приравняло къ пиратству (морскому разбою).

ГЛАВА II.

Историческій очеркъ развитія международных сношеній и международнаго права.

Литература: Д. И. Каченовскій— „Курсъ международнаго права“, 2 выпуска— 1863—66 г.; А. Н. Стояновъ— „Очерки исторіи и догматики международнаго права“, 1875 г.; Ивановъ— „Характеристика международныхъ отношеній и международнаго права въ историческомъ развитіи“, 1874 г.; особенно же у Ф. Мартенса (профессора Петербургскаго университета)— „Современное международное право цивилизованныхъ народовъ“, томъ I, 2-е изданіе, 1887 г.; В. П. Даневскій— „Системы политическаго равновѣсія и легитимизма и начало національности“, 1882 г., отдѣлъ II, главы I—III, отдѣлъ III, глава I; нѣкоторыя указанія у Эйхельмана— Введение, § 3; *Юридическая мѣто-дисть* 1890 г., ноябрь, статья о „Берлинской международной конференціи по рабочему вопросу“; о „Берлинской Африканской конференціи“ см. статьи Ф. Мартенса— Вѣстникъ Европы“, 1885 г. и В. Даневскаго— „Русская мысль“, 1890 г.

Изъ иностранныхъ пособій рекомендуются: Calvo— „Le droit international théorique et pratique“, 4-е изданіе, 1887—88 г., томъ I; Wheaton— „Histoire des progrès du droit des gens“, 4-е изданіе, 1865 г., 2 тома; статья Holtzendorff’a— „Исторія развитія международнаго права въ древности и средніе вѣка (до Вестфальскаго конгресса)“— Handbuch des Völkerrechts, I-й томъ.

Для болѣе подробнаго ознакомленія рекомендуются: Müller-Jochmus— „Geschichte des Völkerrechts im Alterthum“, 1848 г. (устарѣло; доказываетъ существованіе международнаго права въ древности); Barrol— „Etude sur l’histoire diplomatique de l’Europe“, 1885 г., 2 тома; но въ особенности Laurent— „Etudes sur l’histoire de l’humanité или (другое заглавіе)— „Histoire du droit des gens et des relations internationales“, 1850—60 гг., 18 томовъ. Въ нихъ много лишняго, не мало отступленій отъ предмета. Томы I, II и III содержатъ исторію цивилизаціи Востока, Греціи и Рима; въ нихъ же и о международныхъ отношеніяхъ; международныя отношенія среднихъ вѣковъ разбросаны по IV и VI томамъ, новаго времени— въ томахъ X, XI и XV; Lawrence— Комментаріи къ вышеуказанному сочиненію Wheaton’a, а равно и къ другому сочиненію того же автора— „Eléments de droit international“, 5-е французское изданіе 1874 г., подъ заглавіемъ „Commentaires sur les Eléments du droit international et sur l’histoire des progrès du droit des gens de Henri Wheaton, 3 тома въ 1873 г. и IV томъ въ 1880 г. Это—комментаріи къ 2 сочиненіямъ Wheaton’a и дополненіе къ нимъ новѣйшихъ данныхъ изъ исторіи международнаго права за послѣдніе 25—30 лѣтъ (международная казуистика, дипломатическая переписка и факты изъ европейскихъ и американскихъ войнъ новѣйшаго времени, съ большими дополненіями по литературѣ предмета).

Такъ какъ древность, не исключая Греціи и Рима, дала для исторіи международныхъ отношеній одни отрицательные результаты, а правильныя международныя отношенія и само международное право начали зарождаться лишь въ средніе вѣка, то мы имѣемъ основаніе начинать эту исторію съ среднихъ вѣковъ и дѣлить ее на слѣдующіе 5 періодовъ: *a)* средніе вѣка и начало новаго времени до Вестфальскаго конгресса 1648 года; *b)* отъ 1648 года до французской революціи; *c)* отъ французской революціи до Вѣнскаго конгресса; *d)* отъ Вѣнскаго конгресса до Парижскаго мира 1856 г., и *e)* съ 1856 года до 1878 года, т. е. до Берлинскаго конгресса, съ котораго начинается переживаемая нами современность, эпоха, не давшая еще законченныхъ, точныхъ итоговъ.

§ I. Что касается до древности, то отрицательные результаты ея для исторіи международныхъ сношеній и права не подлежатъ серьезному сомнѣнію. У народовъ древняго Востока мы встрѣчаемъ тѣ же лишь случайныя, чисто фактическія отношенія, при томъ чаще враждебныя, не создающія никакого постоянства и правильности, чуждыя идеѣ порядка и организаціи, съ которыми изслѣдователи первобытной культуры (антропологъ *Waitz, Maine, Fallati* и др.) знакомятъ насъ у племенъ низшей культуры. Неизбѣжныя отношенія сосѣдства приводили, конечно, къ фактическимъ сношеніямъ, напр. къ обмѣну произведеній, изрѣдка къ заключенію случайнаго и скоро преходящаго союза противъ общаго врага. Но низкая ступень культуры древнихъ народовъ Востока, невысокая организація самихъ восточныхъ государствъ, отсутствіе идеи равенства между людьми и вообще незначительный уровень потребностей у людей этого времени, не могли создать для народовъ древняго Востока никакихъ задачъ, недостижимыхъ внѣ международнаго союза. Поэтому не могло появиться ни правильныхъ международныхъ отношеній, ни международнаго права. Основы древней восточной культуры, заложенныя и въ конструкціи тогдашняго государства, были явно враждебны идеѣ международнаго союза и международнаго права. Теократическое и частью кастовое устройство соціальныхъ и государственныхъ отношеній, которое мы встрѣчаемъ въ Индіи, Египтѣ и у древнихъ Іудеевъ (у этого народа не было, впрочемъ, кастъ), устройство, противное началу свободы и принципу равенства между людьми, приводило послѣдовательно и къ неравенству отношеній между народами, къ преобладанію одного государства надъ другими, къ замкнутости, розни и враждебности народовъ. Въ эти времена ни одинъ изъ владыкъ Востока, ни одинъ изъ памятниковъ законодательства даже не пытались возвыситься до представленія о международномъ союзѣ и международномъ правѣ. Отсюда—въ принципѣ вражда къ иностранцамъ вообще, лишь нѣсколько сдерживаемая *de facto* гостепріимствомъ по отношенію къ отдѣльнымъ иноземцамъ, враждебность къ иностраннымъ государствамъ; отсюда же—воспрещеніе внѣшнихъ сношеній, а при случайномъ возникновеніи ихъ, вслѣдствіе какъ бы печальной необходимости, цѣлый рядъ правилъ (напр. въ Индійскихъ законахъ Ману), разсматриваю-

щихъ дипломатическія сношенія съ иностранными государствами не какъ постоянныя и полезныя для народа, а какъ случайныя, опасныя и вредныя; вотъ почему законы Ману требуютъ отъ посланника подкупа, убійства и измѣны. Войны отличались беспощадною жестокостью и истребленіемъ мирныхъ жителей, женщинъ и дѣтей, имуществъ государственныхъ и частныхъ; институтъ военно-плѣнныхъ отсутствовалъ: плѣнныхъ *de jure* убивали, а сохраненіе имъ жизни съ обращеніемъ въ тяжелое рабство было милостью побѣдителя, дѣломъ его мудрой политики. Правда, наиболѣе возвышенныя религіи Востока требовали нѣкоторой гуманности на войнѣ. Такъ, священное законодательство Ману, допуская всякія хитрости для предупрежденія войны, предписывало гуманныя правила ея веденія. Запрещается, напр., убивать просящихъ помилованія, сдавшихся въ плѣнъ добровольно, также спящихъ и безоружныхъ; по соображеніямъ мудрой политики побѣдителю предписывается умѣренность въ требованіяхъ относительно побѣжденнаго. Обычай, корни котораго можно найти въ законодательствѣ Моисея, обязывалъ и евреевъ къ гуманному веденію войны. Но это правило не распространялось на такъ называемыя священныя войны. Послѣднія были завѣщаны „избранному народу“ самимъ Іеговою, имѣли въ виду охраненіе политической и религіозной независимости евреевъ, почему священныя войны знаменовались беспощаднымъ истребленіемъ (даже вражескихъ животныхъ) и чрезвычайною жестокостью (*Laurent, Ивановъ*). Во всякомъ случаѣ всѣ такія смягченія были предписаніями религіознаго, а не юридическаго свойства; они были исключеніями изъ противнаго правила, мало согласовались со всею культурою и практикою времени.

§ II. Что же касается до Греціи, то ея государства стояли, по видимому, въ условіяхъ благопріятныхъ для развитія международныхъ сношеній и для зарожденія международного права; напр. выгодное для внѣшнихъ сношеній географическое положеніе, общность племеннаго происхожденія, языка, сходныя религіи и почти одинаковое умственное превосходство надъ другими (варварскими) народами. И дѣйствительно названные факторы привели къ созданію торговыхъ сношеній съ сосѣдями и благопріятствовали образованію и распространенію колоній, долго создававшихъ и поддерживавшихъ нѣкоторую духовную связь съ метрополіями; эти факторы поддерживали сознаніе общности племеннаго происхожденія, т. е. національную связь между греческими республиками и монархіями, выразившуюся въ понятіи „Эллины“, которое отдѣляло и отличало ихъ отъ варваровъ („не грековъ“). Общность религіи создала учрежденія — Дельфійскаго оракула и Олимпійскихъ игръ, которыя должны были объединять Эллиновъ, вносить миръ и дружбу въ сношенія ихъ между собою. Наука (философія) и искусства Греціи, являясь общею сокровищницею отдѣльныхъ ея народовъ, тоже должны были оказывать свое связующее и умиротворяющее вліяніе. Наконецъ, морская торговля и колонизація должны были способствовать установленію правильныхъ, мирныхъ сношеній и зарожденію институтовъ мор-

скаго и посольскаго права, и мы видимъ, напр., что греки признають неприкосновенность пословъ, принимаютъ и сами посылають ихъ.

Однако на ряду съ этими условіями благоприятными, мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ условій вполнѣ неблагоприятныхъ для развитія международныхъ сношеній, съ избыткомъ превосходившихъ первыя. Прежде всего—основной взглядъ классической Греціи на индивидуума, какъ на гражданина, члена государственной организаціи, а не какъ на чело-вѣка. Цѣнился и былъ свободенъ не чело-вѣкъ, а гражданинъ, т. е. не было сознанія того, что каждому индивидууму, помимо и внѣ его граж-данства, присущи извѣстныя личныя права. Самихъ гражданъ равныхъ и свободныхъ было немного: правоспособное, уважаемое въ государствѣ мень-шинство гражданъ существовало на ряду съ массою рабовъ, т. е. съ ин-ститутомъ, по природѣ своей противнымъ идеѣ свободы и правильному построенію государственной организаціи. На ряду съ безправными ра-бами существовалъ обширный классъ населенія политически порабощен-ный и политически безправный—метейки и періойки. Если присоеди-нить къ этому различія постоянно враждовавшихъ между собою формъ государственнаго устройства у народовъ Греціи (республики демокра-тическія, аристократическія и монархіи), то мы объяснимъ себѣ ту рознь, переходившую нерѣдко въ полную враждебность, которая царила среди грековъ и такъ ихъ разъединяла, что имъ трудно было соеди-ниться даже для отпора такому страшному и при томъ общему врагу, какъ Филиппъ Македонскій. Эти неблагоприятные факторы породили вмѣсто сознанія равенства, столь необходимаго во взаимныхъ сноше-ніяхъ народовъ, отношенія неравенства, особенно замѣтнаго въ отно-шеніяхъ грековъ къ варварамъ. Сравнительно же высокое умственное развитіе грековъ, подкрѣпляя это сознаніе неравенства, привело ихъ къ такому самобоготворенію, что иноземцы (не греки), получивъ презри-тельную кличку „варваровъ“, не только не пользовались гражданскими правами въ предѣлахъ Греціи, но разсматривались даже какъ враги. И только граждане другихъ греческихъ же государствъ получаютъ нѣкото-рое признаніе и защиту своимъ правамъ въ предѣлахъ Греціи. Религія гре-ковъ, какъ и всякая религія многобожія, по самому принципу скорѣе была враждебна сближенію ихъ, разъединяла ихъ отъ другихъ (особенно варварскихъ) народовъ. Нѣкоторое сближеніе въ этой области замѣ-чается относительно народовъ только самой Греціи. Дельфійскій оракулъ давалъ имъ совѣтъ для общихъ предпріятій, умягчалъ жестокость ихъ войнъ, тоже не щадившихъ мирнаго населенія и не знавшихъ пощады военно-плѣннымъ; онъ же требовалъ гостепрѣимства по отношенію къ гражданамъ греческихъ государствъ, а по мнѣнію нѣкоторыхъ писате-лей и гостепрѣимства даже и къ отдѣльнымъ чужеземцамъ варварамъ. Но исторія Греціи доказываетъ, что это вліяніе Дельфійскаго ора-кула было въ общемъ и цѣломъ слабо и носило скорѣе случайный характеръ. Совѣты оракула часто не исполнялись; ему не всегда уда-валось соединять грековъ противъ общаго врага даже въ минуту гро-мадной опасности. Мнѣніе же историка Юма о томъ, что греки (и римляне) сознавали и осуществляли такъ называемую идею политиче-

скаго равновѣсія, т. е. систему уравниванія силъ при помощи соединенія слабыхъ для отпора могущественному врагу, есть лишь остроумная гипотеза, вполне опровергаемая всею исторіею древней Греціи и въ особенности фактомъ полной неумѣлости грековъ, сознавъ общность ихъ интересовъ, соединиться для противодѣйствія общей имъ опасности нашествія Филиппа Македонскаго.

Торговля могла бы, конечно, сблизить грековъ и оказать существенную услугу въ установленіи правильныхъ сношеній ихъ даже съ варварами, т. е. сыграть ту благотворную роль, которую она сыграла, какъ увидимъ ниже, въ средніе вѣка. Но торговля Греціи не была учрежденіемъ, состоящимъ подъ покровительствомъ государства, въ которомъ небольшому числу гражданъ полагалось заниматься только политикою, законодательствомъ и судомъ, т. е. благородными занятіями. Торговля, въ которой долгое время и не ощущалось достаточной потребности, состояла въ рукахъ метейковъ и періойковъ, призванныхъ какъ бы по самой природѣ къ занятію низкими предметами, недостойными вниманія свободнаго гражданина. Къ этому унижительному взгляду на торговлю, которую вовсе не понимали какъ естественное орудіе обмѣна и сношеній между народами, присоединилось воззрѣніе, вошедшее въ міросозерцаніе народовъ древности, которое разсматривало море какъ естественную преграду, поставленную самимъ Божествомъ для предупрежденія всякихъ соприкосновеній между народами. А столь противное мирнымъ торговымъ сношеніямъ пиратство явилось въ Греціи организованнымъ морскимъ разбоемъ, состоявшимъ иногда подъ покровительствомъ самихъ государствъ (Аѳины прибѣгали къ нему) и посягавшимъ не только на собственность дружескихъ народовъ, но даже на имущество своихъ гражданъ. Такимъ образомъ торговля сношенія лишь терпѣлись греческими государствами, и если въ концѣ концовъ торговля грековъ пришла даже къ цвѣтущему состоянію, то это доказываетъ только, что естественныя потребности человѣческихъ обществъ, вызывающія торговля сношенія, настолько могущественны, что онѣ прокладываютъ себѣ путь черезъ учрежденія наименѣе благоприятствующія ихъ осуществленію.

Нѣкоторые писатели, на примѣръ *Müller-Jochmus*, доказываютъ существованіе международнаго права въ древней Греціи ссылками на нѣкоторыя ея учрежденія. Такъ, нерѣдко ссылаются на международные договоры Греціи, изъ которыхъ нѣкоторые, извѣстные подъ именемъ символовъ, устанавливали въ пользу гражданъ союзныхъ греческихъ государствъ право пребыванія на территоріяхъ контрагентовъ и начертывали опредѣленный въ этихъ договорахъ способъ для разрѣшенія споровъ и неудовольствій, которые могли возникнуть средмѣстныхъ гражданъ и этихъ привилегированныхъ въ силу договора иностранцевъ. Нѣкоторые изъ трактатовъ этого рода восходили даже на степень договоровъ, устанавливавшихъ въ пользу гражданъ договаривавшихся государствъ полную взаимность въ пользованіи на чужой территоріи всѣми гражданскими правами (такъ называемая *изополитія*). Оба учрежденія (символа и изополитія) можно разсматривать какъ

дальнѣйшее развитіе института гостепрїимства, получающаго въ концѣ греческой исторїи, благодаря фактически значительнымъ сношенїямъ, характеръ государственнаго института, получившаго и юридическую охрану въ учрежденїи такъ называемыхъ проксеновъ. *Проксенами были лица изъ мѣстныхъ гражданъ, избравшіяся позднѣе самимъ мѣстнымъ правительствомъ, на которыхъ была возложена обязанность покровительства и защиты иностранныхъ гражданъ, пребывающихъ въ этой мѣстности.* Въ этомъ учрежденїи *Müller-Jochmus, Laurent* и нѣкоторые изслѣдователи консульскаго института (напр. *Miltitz*) видѣли даже консуловъ нашихъ дней. Но дѣло въ томъ, что самое число символь и изополитїй было крайне ограничено, точное содержаніе способовъ для разрѣшенїя споровъ, заключавшихся въ символахъ, остается по сей день недостаточно выясненнымъ; символа и изополитїя являлись рѣдкими и исключительными явленїями, которыя только терпѣлись государственною властью, такъ какъ послѣдняя, при всемъ желанїи, не могла совершенно избѣгнуть сношенїй съ иностранцами. Далѣе, и символа и изополитїя примѣнялись исключительно въ отношенїяхъ къ государствамъ Греціи, а не къ варварамъ. Сознанїе ихъ полезности не было достаточно и всеобще распространено. То же можно сказать и относительно проксеновъ; и остается еще весьма сомнительнымъ, распространялась ли власть ихъ и на иностранцевъ-варваровъ. Во всякомъ случаѣ *между проксенами и нынѣшними консулами то существенное различїе, что первые назначались мѣстнымъ правительствомъ, т. е. были вполне отъ него зависими, вторые же назначаются чужеземнымъ правительствомъ, хотя бы и изъ мѣстныхъ подданныхъ.* Нѣкоторые писатели (*Mably, Laurent*, отчасти *Calvo*) признаютъ еще такъ называемые Амфиктіоновы союзы за политическіе союзы съ серьезнымъ международнымъ значенїемъ. Съ этимъ трудно согласиться. Эти учрежденїя были союзами между сосѣдними государствами и городами Греціи, которые сообща, на общїя средства воздвигали храмы въ честь общаго для нихъ Божества и избирали совѣты изъ уполномоченныхъ отъ этихъ городовъ и государствъ для надзора за строенїемъ храма, богослуженїемъ въ немъ, его имуществомъ и для защиты отъ общихъ враговъ. Извѣстнѣйшїй и древнѣйшїй изъ такихъ союзовъ былъ союзъ Дельфїйской Амфиктіонїи, къ которому принадлежали почти всѣ греческія государства. Онъ имѣлъ цѣль религіозную (защиту храма Апполона и его имущества), не имѣлъ политическаго значенїя, хотя и ограничивалъ нѣсколько произволъ грековъ въ ихъ взаимныхъ войнахъ. Союзъ потерялъ значенїе со времени персидскихъ войнъ, былъ вытѣсненъ гегемонїями, которыя были политическими союзами, основанными на началѣ полнаго подчиненїя слабыхъ государствъ сильнымъ (*Ивановъ*). Такимъ образомъ Амфиктіоновы союзы имѣли исключительно религіозный характеръ, охраняли возникавшїя между сосѣдями общїя религіозныя вѣрованїя, но не имѣли никакого политическаго характера и авторитета (члены одного Амфиктіонова союза могли даже воевать между собою).

---

§ III. Наконецъ Римъ. Продолжительное поклоненіе римскому праву привело къ печальному заблужденію, отъ котораго и по настоящее время еще не совсѣмъ отрѣшилась литература международнаго права (напр. *Phillimore*) о томъ, что именно въ римскомъ правѣ должно искать первоначальные источники и основанія права международнаго. Но съ этимъ заблужденіемъ надо покончить. *Исторія Рима не выработала ни правильныхъ и постоянныхъ международныхъ отношеній, ни основаній международнаго права.*

Не только древнѣйшая, но и республиканская исторія Рима проникнута идеею поклоненія грубой силѣ, что выразилось и въ древнѣйшемъ законодательствѣ (въ законѣ XII таблицъ) въ формулѣ „*adversus hostem aeterna auctoritas*“; идея физической силы отразилась въ видѣ права силы въ римскомъ *jus civile*, обладателемъ котораго былъ лишь римскій гражданинъ; она перенесена и въ сферу международныхъ отношеній. Идея превосходящей силы воплотилась въ идею политическаго единства могучаго государственнаго организма, стремившагося къ распространенію во внѣ, путемъ завоеванія, къ переходу во всемірное владычество въ формѣ единаго (всемірнаго) государства, въ которомъ отдѣльные народы и политическіе организмы должны были исчезнуть, какъ самостоятельныя личности, и низвестись на степень провинцій. Таковы стремленія, таковъ идеаль, какъ республиканскаго, такъ и всего императорскаго періодовъ римской исторіи. Но достигнуть этого идеала можно было лишь продолжительною, тяжкою борьбою внутри и внѣ. До середины республиканскаго періода его осуществленію были враждебны нѣкоторые факторы: отсутствіе достаточнаго единства и могучей государственной власти внутри, что зависѣло отъ продолжительной и упорной борьбы патриціевъ и плебеевъ, время окончанія которой, т. е. моментъ признанія полной равноправности патриціевъ и плебеевъ, и есть тотъ моментъ, съ котораго начинается неудержимое, не знающее выбора въ средствахъ, стремленіе къ объединенію тогдашняго міра въ политическомъ единствѣ; это стремленіе безусловно враждебно началамъ самостоятельности и равенства народовъ и построенію юридическаго порядка ихъ взаимныхъ отношеній. Этотъ недостатокъ внутренняго единства и объясняетъ намъ, почему до середины или даже до конца республиканскаго періода, несмотря на то, что понятіе *hostis* одинаково у римлянъ обозначало врага и иностранца, мы встрѣчаемъ въ отношеніяхъ римлянъ къ итальянскимъ городамъ, которые постепенно завоевывались ими, такъ называемыя права муниципій (*jus municipii*) въ пользу побѣжденныхъ. Жители этихъ городовъ по муниципальному праву могли свободно пребывать въ Римѣ, вести торговлю; они обладали нѣкоторыми изъ правъ, принадлежавшихъ римскимъ гражданамъ по *jus civile*, но не политическими правами. Позднѣе эти права распространились и на жителей другихъ римскихъ провинцій. Въ сказанномъ усматривается и объясненіе такъ называемыхъ *foedera aequa*, т. е. договоровъ, заключававшихся римлянами на началахъ равенства и взаимности съ тѣми народами, съ которыми надо было жить въ дружбѣ и мирѣ въ виду недостаточнаго еще развитія полити-

ческаго могущества Рима, препятствовавшего ему окончательно поработить ихъ. Въ концѣ республиканскаго періода эти договоры уже большая рѣдкость; они заключаются только въ виду случайныхъ неудачъ римскаго оружія и требованія политической мудрости на данное время; ихъ мѣсто заступаютъ foedera non aequa, въ которыхъ нѣтъ и помину о союзѣ, мирѣ, дружбѣ и гостепріимствѣ, а налагаются требованія подчиненія и послушанія волѣ римскаго народа. Когда же, въ концѣ республиканскаго періода, и особенно въ императорскій періодъ, Римъ завоевалъ тогдашній міръ, онъ сталъ единымъ государствомъ, отдѣльныя провинціи котораго, получая постепенно всѣ права римскаго гражданства, являлись не союзомъ равныхъ и свободныхъ единицъ, а подчиненными частями единой имперіи. Послѣдняя относилась съ полнымъ презрѣніемъ къ немногимъ народамъ, еще извѣстнымъ ей въ качествѣ фактически не поработанныхъ, но за которыми не признавалось ни равенства, ни правъ ихъ по отношенію ко всемірному поработителю. Понятно, что еще задолго до достиженія этой конечной цѣли фактическія сношенія Рима съ иностранными народами, частыя и разнообразныя въ виду завоевательной политики Рима, создали институтъ гостепріимства, вылившійся по отношенію къ такъ называемымъ „*amici populi Romani*“ въ формулѣ *jus hospitii* (государственное учрежденіе гостепріимства), согласно которому граждане дружественнаго народа, прибывшіе въ Римъ, разсматривались какъ государственные гости, пользовались почетомъ и жили на счетъ государственной казны (варвары никогда не пользовались *jus hospitii*). Необезпеченіе въ Римѣ гражданскихъ и торговыхъ правъ иностранцевъ, не имѣвшихъ въ силу *jus civile Romanorum* никакихъ правъ на судебную защиту, привело постепенно къ учрежденію *патрона*, т. е. къ защитѣ на судѣ почетными и вліятельными римскими гражданами, бравшими на себя охрану иностранныхъ гостей, интересовъ и правъ послѣднихъ. Позднѣе появилось даже учрежденіе *praetor peregrinus* для разбирательства споровъ и исковъ, въ которыхъ иностранцы выступали истцами или ответчиками. Этотъ иностранный преторъ и былъ тѣмъ органомъ, который выработалъ такъ называемое *jus gentium*. Морскія и вообще торговыя сношенія игнорировались римлянами, которые, какъ и греки, видѣли въ торговлѣ и ремеслахъ занятіе унизительное для гражданина, а въ моряхъ—естественныя преграды для сношеній между людьми. Пиратство процвѣтало.

Войны отличались жестокостью и коварствомъ, разсматривались какъ лучший способъ полученія права собственности на вещи; по *jus postliminii* римскій гражданинъ во все время своего пребыванія въ плѣну считался потерявшимъ всѣ свои права гражданскія и политическія (напр. духовное завѣщаніе его было недействительно на все время плѣна), но эти права восстанавливались съ момента освобожденія изъ плѣна. Институтъ военнаго плѣна не существовалъ; плѣнные убивались, обращались въ рабство. Пощада плѣнныхъ и мирныхъ жителей, ихъ собственности на войнѣ, которая была естественнымъ, нормальнымъ состояніемъ (а миръ лишь временнымъ и случайнымъ), вооруженною борьбою римскаго госу-

дарства и всѣхъ римскихъ гражданъ съ иноземными государствами и всѣми его гражданами, была дѣломъ мудрой политики или хитрости, которыя вынуждали иногда къ нѣкоторой гуманности въ отношеніяхъ къ побѣжденнымъ. Но всѣ отношенія побѣдителя къ побѣжденнымъ принципиально покоились на силѣ, никакія юридическія обязанности не лежали на побѣдителя. Завоеваніе было средствомъ и цѣлью войны. О нейтралитетѣ и понятія не было: были только враги или временные друзья (по договорамъ); состояніе дружескихъ отношеній къ обоимъ воюющимъ, къ Риму и его противникамъ (нейтралитетъ) не понималось.

Нѣкоторые писатели (напримѣръ *Ward, Müller Jochmus* и др.) видятъ доказательство существованія международнаго права въ Римѣ въ *jus feciale*, въ учрежденіи такъ называемыхъ *recuperatores*; наконецъ, *jus gentium* издавна служило орудіемъ къ подтвержденію этого невѣрнаго мнѣнія. Но *jus feciale* было ничѣмъ другимъ, какъ совокупностью обрядовъ и формулъ, примѣнявшихся особыми жрецами какъ при объявленіи войны, такъ и при заключеніи мира и трактатовъ. Феціалы появились въ Римѣ еще при Нумѣ Помпили и составляли священную коллегію (*pontifices feciales*) изъ 20 лицъ, съ *pater patratus* во главѣ. Они вели переговоры съ иноземными государствами, предъявляли имъ требованія объ удовлетвореніи за обиду, заключали трактаты и объявляли войну (*Müller Jochmus, Laurent, Ивановъ*). Но феціалы нисколько не рѣшали вопроса о справедливости или несправедливости войны, не выступали гарантами соблюденія трактатовъ; они были лишь послушными исполнителями предписаній римскаго народа и органами по соблюденію обрядностей религіознаго свойства (ими у римлянъ сопровождалось и оканчивалось всякое важное государственное назначеніе), которыя встрѣчаются и у дикарей, признающихъ неприкосновенность пословъ также, какъ признавали ее римляне. Подъ *recuperatores* понимались лица, избравшіяся по договору римлянъ съ дружественнымъ народомъ для рѣшенія споровъ между римскими гражданами и подданными страны, заключавшей такой договоръ съ Римомъ, а равно и для рѣшенія недоразумѣній, возникавшихъ между государствами контрагентами по исполненію договоровъ. Свѣдѣнія, изъ которыхъ можно заключать объ ихъ правахъ и обязанностяхъ, довольно неопредѣленны; *recuperatores* встрѣчались въ качествѣ явленія весьма исключительнаго и вскорѣ были вытѣснены при рѣшеніи гражданскихъ споровъ учрежденіемъ преторовъ для иностранцевъ. Наконецъ, подъ *jus gentium* надлежитъ понимать (см. главу I) не право между народами (*jus inter gentes*), а общее право народовъ, стоявшее у римлянъ на ряду съ *jus civile*, дополнявшее последнее, которымъ пользовались одни римскіе граждане. Источникъ *jus gentium*, вызваннаго развитіемъ международнаго гражданскаго оборота, лежалъ, по мнѣнію римскихъ юристовъ (напр. опредѣленіе *Гая*), не въ законодательной власти, а въ естественномъ разумѣ (*naturalis ratio*), т. е. въ интересахъ и потребностяхъ человѣческой природы. Слѣдовательно *jus gentium* отнюдь не имѣетъ своимъ предметомъ международныхъ отношеній.

Нѣкоторые умы древности возвышались до понятія о международномъ союзѣ, о человѣчествѣ, призванномъ къ мирному сожитію. Довольно отчетливое пониманіе обязанностей между народами во время мира и войны можно встрѣтить у *Аристотеля*, *Демосоена*, *Полбія* и друг. Особенно ясно представленіе о международномъ союзѣ и человѣчествѣ у *Марка Аврелія Цицеронъ* (см. его сочиненіе „*De officiis*“), касаясь войны, вноситъ въ нее разныя ограниченія; цѣль ея онъ усматриваетъ въ достиженіи мира; для законности войны необходимы справедливость ея мотивовъ и формальное ея объявленіе. Но всѣ подобныя воззрѣнія, рѣзко выдѣляясь изъ общаго уровня греческой и римской культуры, являясь отрывочными и исключительными, не проникали въ общество и не оказывали никакого вліянія на обычный ходъ международныхъ отношеній.

Первый періодъ. Средніе вѣка и новое время до Вестфальскаго конгресса.

Характеръ внутренне-государственныхъ и международныхъ отношеній въ средніе вѣка сложился подъ вліяніемъ трехъ факторовъ, взаимное вліяніе которыхъ отразилось на всей средневѣковой исторіи: 1) поклоненіе грубой физической силѣ, присущее природѣ германскихъ завоевателей и питаемое низкимъ умственнымъ развитіемъ среднихъ вѣковъ; оно можетъ быть выражено въ господствовавшихъ представленіяхъ о томъ, что право всякаго индивидуума прямо пропорціонально степени присущей ему силы, при посредствѣ которой онъ способенъ осуществить и охранить свое право; 2) начало индивидуальной свободы, породившее личное право человека, помимо его принадлежности къ известной государственной организаціи, т. е. на первомъ планѣ стояли индивидуальная свобода и личное право, а затѣмъ уже гражданинъ и государство. Это воззрѣніе на личную свободу, принесенное германскими варварами, въ идеѣ благопріятно правильной конструкціи государственнаго организма и, въ конечномъ своемъ развитіи, идеѣ свободы государствъ и народовъ; но при неблагопріятныхъ условіяхъ среднихъ вѣковъ, не сдерживаемое достаточно высокими культурными идеалами, это начало должно было долгое время приводить къ произволу, къ отношеніямъ анархическаго свойства, препятствовавшимъ созданію сильныхъ государственныхъ властей, слѣдов. и къ господству началъ, противныхъ правильнымъ междун. отношеніямъ и организаціи юридическаго для нихъ порядка; 3) оба предшествовающія начала умѣрялись христіанствомъ, создавшимъ сильную и единую церковную власть, которая сдерживала центробѣжныя силы. Поставивъ на мѣсто дикости и грубой силы, на мѣсто жестокости и произвола начала братства и любви, христіанство и церковь внесли въ государство идею власти, поставленной отъ Бога, повиновеніе ей, а въ международныя отношенія—мысль о равенствѣ людей и государствъ, т. е. принципы живительные

для междун. отношеній. А такъ какъ церковь была долгое время органомъ наиболѣе вліятельнымъ, что выразилось и въ воздѣйствіи ея на свѣтскія законодательства при посредствѣ каноническаго права (въ послѣднее проникло своеобразно переработанное имъ право римское), то этимъ объясняется почему церковь, временно взявъ верхъ надъ государствомъ, въ то же время сама стала стремиться ко всемірному владычеству. Этому весьма способствовала и идея всемірнаго ея распространенія чрезъ посредство пропаганды, составляющей душу христіанской религіи, для ней же „нѣсть Элнѣ, ни Іудей, обрѣзаній и не обрѣзаній“, повелѣвающей, „научити вся языки“. *Первыя два начала взаимно вліяли на созданіе столь процвѣтавшаго въ средніе вѣка кулачнаго права (Faustrecht), согласно которому, при слабости центральной власти, каждый по мѣрѣ личной силы самъ охранялъ себя и въ этой силѣ, ничѣмъ не сдерживаемой, въ самоуправствѣ видѣлъ высшій порядокъ своихъ отношеній къ другимъ. Отдѣльные города и области то же кулачное право выдвинули, какъ законъ ихъ взаимныхъ отношеній. Отсюда—появленіе т. наз. репрессалій и корсарства во время мира и во время войны, т. е. самоудовлетвореніе обиженнаго, шедшаго на свой рискъ и страхъ на обидчика и на неповинныхъ его соотечественниковъ. Тѣ же два начала образовали и феодальный порядокъ. Онъ строился на связи личной зависимости слабыхъ, не обладавшихъ силами, достаточными для огражденія своихъ правъ отъ сильныхъ (потомковъ побѣдителей, получившихъ отъ вождей въ ленное владѣніе часть захваченныхъ у побѣжденныхъ земель), требовавшихъ себя подчиненія. Это право отразилось во взаимныхъ отношеніяхъ феодаловъ чертами анархіи и жестокости. Вліяніемъ его объясняются постоянные раздоры, непрерывныя войны, жестокости на войнѣ, которая была нормальнымъ состояніемъ, миръ же скорѣе лишь перемиріемъ. Иностранецъ, какъ беззащитный и слабый въ чужихъ владѣніяхъ, былъ объектомъ произвола, оправдываемаго силою. Вотъ почему указанная два начала, выразившіяся въ феодальномъ порядкѣ, привели въ средніе вѣка не только къ рабству слабыхъ (подданныхъ, потомковъ поработеннаго завоевателями населенія), но и къ полному безправію иностранцевъ. Послѣдніе не имѣли (безъ специальныхъ договоровъ) права на защиту сеньора, въ странѣ котораго они пребывали, почему они не только не могли наследовать въ недвижимости и даже въ движимости, находящейся въ чужомъ государствѣ, но въ случаѣ смерти теряли свою собственность въ пользу чужеземнаго государя (droit d'aubaine). И это уродливое право сеньоровъ исчезало очень медленно (вполнѣ лишь около конца XVIII вѣка). Изъ этихъ началъ, а равно изъ состоянія постоянной войны произошло извѣстное droit de naufrage (береговое право), согласно которому прибрежный владѣлецъ получалъ право на собственность кораблей и экипажа, потерпѣвшихъ крушеніе у его береговъ, а экипажу и пассажирамъ грозили плѣнь или обязательство выкупа.*

Но различныя благопріятныя условія начинаютъ противодѣйствовать этому порядку анархіи и вызваннымъ имъ учрежденіямъ. Низкая

культура варваровъ-завоевателей должна была подчиниться болѣе высокой культурѣ побѣжденныхъ; варвары требовали подчиненія и налоговъ, но *оставляли за побѣжденными ихъ муниципальныя права, право на законодательство и обычаи*; постепенно они начали сливаться съ побѣжденными, восприняли ихъ права и обычаи. Произошла ассимиляція. Безконечныя же войны феодаловъ, *препятствуя торговль и мирнымъ сношеніямъ, вынуждали города или откупаться отъ феодаловъ и ихъ опустошеній, выговаривая себѣ извѣстныя права (хартіи), или же вступать между собою въ союзы, которые вооруженною рукою отстаивали свою самостоятельность и интересы мирныхъ торговыхъ сношеній*. Особенность этихъ союзовъ проявлялась въ томъ, что нѣкоторые изъ нихъ составлялись не изъ городовъ одного государства, а изъ разныхъ городовъ и земель, принадлежавшихъ разнымъ суверенамъ и государствамъ, т. е. подчиненныя политическія организаціи составляли одинъ высшій, политическій союзъ въ видахъ общихъ коммерческихъ интересовъ и совмѣстной ихъ защиты отъ всякихъ враждебныхъ имъ силъ.

Къ такимъ союзамъ принадлежалъ извѣстный „Ганзейскій союзъ“. Въ XV вѣкѣ онъ былъ едва ли не самымъ могущественнымъ государствомъ Европы, международною организаціею, экономически и политически тѣсно сплоченною и пользовавшеюся значительнымъ вѣсомъ въ международныхъ отношеніяхъ (*Эйхельманъ*). Еще съ XI столѣтія торговые города начинаютъ протестовать противъ берегового права. Въ упорную борьбу вступаетъ съ нимъ Ганзейская лига, которой и удалось обратить это право сеньоровъ въ болѣе умѣренное право на взиманіе опредѣленнаго налога съ предметовъ, спасенныхъ при кораблекрушеніяхъ. Равнымъ образомъ Ганза настаивала и на освобожденіи экипажа за выкупъ. Эта же потребность огражденія отъ самоуправства и постоянныхъ разорительныхъ войнъ привела къ договорамъ и соглашеніямъ частныхъ лицъ и корпорацій, въ которыхъ эти послѣднія, на случай возникновенія между ними споровъ и недоразумѣній, взаимно обязывались обращаться къ третейскимъ судьямъ.

Но особенное вліяніе на смяченіе нравовъ оказалъ *третій факторъ* (церковь христіанская), который съ большимъ успѣхомъ во имя братства и взаимной любви *противодѣйствовалъ анархіи и разрозненности народовъ*. Разсматривая всѣхъ вѣрующихъ во Христа какъ братьевъ, признавъ равенство между ними въ пользованіи благами высшаго блаженства, *церковь неизбѣжно нивелировала, вносила идею равенства и свободы и въ отношенія между гражданами и народами*. Христіанскіе писатели (напр. *Августинъ*) уже вполне сознаютъ идею мирнаго сожитія народовъ; *церковь порицаетъ войну, принижаетъ военныя доблести, видитъ въ ней зло, терпимое въ силу слабости человѣческой природы, требуетъ смяченія ея ужасовъ и бѣдствій*. Папы (тогдашніе рѣшители судебъ и споровъ между государствами и народами) *и соборы впервые устанавливаютъ различіе между „bonne guerre“ и „mauvaise guerre“, требуя отъ первой соблюденія слова, даннаго врагу, серьезныхъ поводовъ, пощады женщинамъ, дѣтямъ, убогимъ и больнымъ*. Непрерывнымъ войнамъ она хочетъ поставить предѣлъ установленіемъ на соборахъ XI

вѣка такъ называемыхъ *paх et treuga Dei*—Божій миръ и перемиріе—обязательныхъ перемирій между воюющими и необращенія христіанъ къ оружію въ опредѣленныя дни года (праздники) съ объявленіемъ неприкосновенности церковныхъ имуществъ и жителей церковныхъ земель, а также всѣхъ женщинъ, дѣтей, странниковъ и земледѣльцевъ вообще, подѣ страхомъ отлученія отъ церкви. Зданія и учрежденія, состояшія подѣ покровительствомъ церкви, объявляются соборами и папами неприкосновенными (особенно храмы), неподлежащими дѣйствию законовъ войны. Береговое право тоже рѣзко осуждается соборами. Феодализмъ повелѣлъ къ образованію рыцарства, но церковь, повліявъ на духъ этого учрежденія, взявъ его подѣ свое покровительство, дала ему новое содержаніе; рыцарство явилось въ идеѣ защитой слабыхъ и унетенныхъ, выразителемъ идеи чести и личнаго достоинства, борцомъ противъ произвола и грубаго насилія. Такимъ образомъ въ рыцарствѣ національная воинственность германцевъ сочеталась съ началами христіанскаго челоуѣколюбія, почему оно и оказало благотворное вліяніе на способы веденія войны (*Laurent, Ивановъ*). Конечно, рыцарство злоупотребляло, и нерѣдко, своимъ положеніемъ; оно тоже воевало для войны. Но военные обычаи рыцарей и обязанность защиты слабыхъ безспорно повліяли на введеніе нѣкоторой дисциплины и на созданіе правилъ для веденія „*bonne guerre*“. Церковь же содѣйствовала, въ лицѣ папскихъ уполномоченныхъ (*arcisarii, responsales*), посылавшихся ко двору франкскихъ королей для огражденія интересовъ и правъ вѣрующихъ и папскаго престола, а позднѣе и ко двору византійскихъ императоровъ, образованію института постоянныхъ посольствъ. Вообще, въ средніе вѣка посольства посылались часто, а личная неприкосновенность посланниковъ была подтверждена и каноническимъ правомъ (*Laurent, Ивановъ*).

Къ сожалѣнію, церковь, уклонившись отъ своего идеала, стала бороться со свѣтскою властью за преобладаніе, стремилась ко всемірному духовному и свѣтскому владычеству, основанному на порабощеніи властей свѣтскихъ. Мирная и доброжелательная, проникнутая идеею свободы и равенства, любви и солидарности относительно вѣрныхъ сыновъ своихъ, церковь, съ появленіемъ сектъ и расколовъ, вступила съ ними въ ожесточенную борьбу не однимъ духовнымъ оружіемъ, а орудіями свѣтскихъ властей, средствами вполне земными; эта борьба выразилась въ жестокостяхъ, въ беспощадныхъ войнахъ съ язычниками и еретиками. Церковь не признавала для нихъ ни братства и равенства, ни любви и мира, она сдѣлалась воинствующею, провозгласила вѣчную и непримиримую вражду (*aeterna auctoritas*) къ врагамъ имени Христовыхъ, т. е. къ язычникамъ и еретикамъ. По отношенію къ нимъ церковь разсматривала миръ какъ одно лишь перемиріе, папы не признавали необходимости соблюденія слова, даннаго имъ, отпускали грѣхи государямъ, нарушавшимъ клятву и договоры съ еретиками, язычниками и магометанами; истребленіе ихъ, завоеваніе ихъ земель проповѣдывалось церковью и дѣлалось задачей истиннаго христіанина. Такимъ образомъ призванными къ миру и правильнымъ международнымъ отношеніямъ признавались церковью одни вѣрные католицизму государи и

народы. Изъ международного оборота принципиально исключались мусульмане, язычники и еретики (напр. протестантскія государства), т. е. католическая идея международных сношеній была прогрессомъ сравнительно съ древностью, но въ то же время идеею одностороннею, такъ какъ изъ международныхъ отношеній исключались цѣлые народы въ силу ихъ религіозной несолидарности съ народами католическими. *Идея воинствующаго христіанства привела къ крестовымъ походамъ. Въ нихъ должно видѣть факторъ, давшій громадныя результаты для установленія правильныхъ международныхъ отношеній, для организаціи международного порядка.* Крестовые походы ознакомили Востокъ съ Западомъ и укрѣпили эту связь на почвѣ экономическихъ (торговыхъ) отношеній, зародившихся между восточными народами (мусульманами) и купцами морскихъ торговыхъ городовъ (Барселона, Марсель, Пиза, Генуя, Венеція и друг.), образовавшихся на югѣ Европы и успѣвшихъ укрѣпиться, создать независимыя государственныя организаціи и сохранить свою самостоятельность противъ феодаловъ. Торговые инстинкты привели купцовъ, ставшихъ подъ покровительство крестоносцевъ, къ организаціи на востокѣ факторій. *Здѣсь зародились консульскія учрежденія, перенесенныя потомъ въ Европу,* и получившія организацію, широкія права и привилегіи сперва отъ крестоносцевъ, а позднѣе и отъ мусульманскихъ владѣтелей (по такъ называемымъ капитуляціямъ).

Мусульманскіе народы, встрѣтившись лицомъ къ лицу съ воинствующимъ католицизмомъ, оплачивали христіанскому міру тою же монетою. Распространившись съ VIII столѣтія по всей передней Азіи и сѣверной Африкѣ, угрожая Византійской имперіи и всей Европѣ, гдѣ оно успѣло покорить Пиренейскій полуостровъ, мусульманское владычество являлось большою опасностью для христіанскаго міра, съ которымъ оно вступило въ открытую войну, закончившуюся окончательнымъ покореніемъ турками-османами (въ XVI вѣкѣ) Византійской имперіи. Еще во времена крестовыхъ походовъ религіозный фанатизмъ воинствующаго католицизма встрѣтилъ внушительный отпоръ въ магометанскомъ фанатизмѣ. Исламъ былъ не только религіею, но и основою юридическаго быта магометанскихъ народовъ. Онъ значительно возвышался надъ религіозною и политическою исключительностью языческой древности (*Müller Jochmus, Laurent, Ивановъ*), такъ какъ по ученію *шеріата*, т. е. божественнаго закона мусульманъ, всѣ мусульманскіе народы составляютъ единое общество правовѣрныхъ, основанное на всеобщемъ братствѣ по вѣрѣ, на милосердіи и взаимномъ согласіи. Такимъ образомъ всѣ послѣдователи ислама правоспособны и до нѣкоторой степени равноправны. Но внѣ ислама нѣтъ и не можетъ быть спасенія, почему для мусульманина не могутъ имѣть никакого значенія ни человѣческая личность сама по себѣ, ни политическая независимость народовъ. Отсюда всѣ иновѣрцы являются, по общему правилу, естественными врагами мусульманъ. Основной законъ Магомета предписываетъ правовѣрному „священную войну“ (джигадъ) съ невѣрными. Цѣль ея—распространеніе ислама и всемірное торжество его (для достиженія котораго мусульмане должны употреблять всѣ старанія, не жалѣя жизни и

имущества). Но такая война разрѣшается только въ томъ случаѣ, когда невѣрные отвѣтятъ отказомъ на предложеніе принять исламъ и платить дань мусульманамъ. Во время священной войны мусульманамъ дозволяется полное опустошеніе вражеской страны, убійство военно-плѣнныхъ или освобожденіе ихъ за выкупъ (*de facto* ихъ чаще всего обращали въ рабство), но запрещается не только истязаніе враговъ, но и простое убіеніе старцевъ, женщинъ, дѣтей и больныхъ; слово, данное врагу, должно быть честно соблюдаемо. Завоеванныя земли обращались чаще всего въ „вакфъ“ (божественное, общественное достояніе), но оставались въ наслѣдственный узуфруктъ туземцамъ, обязаннымъ платить особый поземельный налогъ въ пользу побѣдителя (мусульманъ). Самое же положеніе покоренныхъ иновѣрцевъ („райя“ въ Турціи) было очень тяжело (они обязаны, напр., платить унижительную въ глазахъ мусульманъ подушную подать — „муфтѣ“). Теперь понятно, почему „шеріатъ“ и магометанскіе юристы-богословы высказываются принципиально противъ всякихъ дружественныхъ сношеній съ иновѣрцами, которымъ можетъ быть дано только временное перемиріе и убѣжище, при чемъ разрѣшается, по соображеніямъ общей пользы, нарушать это перемиріе до окончанія срока, съ извѣщеніемъ о томъ противника. Вотъ почему самое вступленіе чужестранцевъ немусульманъ на мусульманскую территорию и пребываніе въ ней разрѣшается имъ лишь на основаніи такъ называемаго „амона“ (обѣщаніе безопасности); положеніе такихъ иновѣрцевъ — „мустаминовъ“ („просящихъ пощады“) въ мусульманскихъ странахъ весьма стѣснительное (*Müller Jochmus, Laurent, Ивановъ*). Тѣмъ не менѣе внѣшняя торговля мусульманъ, благодаря частымъ фактическимъ сношеніямъ съ иновѣрцами, приведшимъ постепенно къ взаимному ознакомленію этихъ народовъ, а равно и торговой энергіи гражданъ итальянскихъ республикъ, стала значительно развиваться уже съ VIII и IX вѣковъ; особенно распространилась она съ крестовыхъ походовъ, а съ XII и XIII столѣтій появились многочисленныя капитуляціи европейцевъ съ мусульманскими народами, создались такъ называемыя факторіи и консульскія учрежденія (см. подробно у *Иванова*). Такимъ образомъ, изъ враждебнаго соприкосновенія двухъ фанатическихъ міровъ (воинствующаго католицизма и не менѣе воинствующаго мусульманства) произошли мирныя сношенія Востока и Запада на почвѣ экономическихъ интересовъ, учрежденія капитуляцій и консульствъ. Появились и зачатки морскаго международнаго права. Морскіе торговые города и республики Европы, связанные общностью торговыхъ интересовъ, вновь создали, частью же переработали уже существовавшіе зачатки морскаго международнаго права и оставили намъ въ наслѣдіе нѣсколько памятниковъ морскаго международнаго права, оказавшихся способными къ дальнѣйшему развитію.

Къ числу этихъ памятниковъ относятся, прежде всего, *морскіе законы родосскіе* (законы острова Родосса). Изданіе ихъ появилось въ концѣ XVI вѣка въ Базелѣ подъ заглавіемъ „Родосскіе законы“; въ немъ одни признавали, другіе же отрицали присутствіе древнихъ, затерявшихся морскихъ законовъ Родосса. Вѣрнѣе мнѣніе (*Calvo*), видящее

въ этихъ вновь появившихся родосскихъ законахъ новый кодексъ, составленный изъ отрывковъ морскаго права, заимствованныхъ изъ подлиннаго текста законовъ, существовавшихъ еще при греческихъ императорахъ или же изъ комментаріевъ римскихъ юристовъ на родосскіе законы. Они могутъ быть раздѣлены на морскіе уголовные и полицейскіе законы, изъ которыхъ первые предусматриваютъ преступленія матросовъ по отношенію другъ къ другу, дѣянія, совершенныя экипажемъ, пассажирами и иностранцами противъ товаровъ и корабля, а вторые опредѣляютъ различныя условія, соблюденіе которыхъ требовалось предъ отправленіемъ корабля въ плаваніе, обязательства, ограждающія сохранность груза, вознагражденіе издержекъ, убытковъ на случай морской аварии или кораблекрушенія. Не менѣе извѣстенъ и другой сборникъ, получившій названіе *Олеронскіе Роли* (*Rôles ou Jugements d'Oleron*), имѣющій (по словамъ *Pardessus* и *Cauchy*) французское происхожденіе. Содержаніе его—правила для судоходства въ западныхъ моряхъ; на нихъ въ средніе вѣка основывалось главнымъ образомъ все морское международное право, признававшееся въ портахъ и гаваняхъ океана. Ею вліяніе на позднѣйшее морское законодательство Европы весьма значительно; извѣстный французскій „*Ordonance de la marine*“ (при Людовикѣ XIV, въ 1681 году) заключаетъ въ себѣ нѣсколько правилъ, буквально заимствованныхъ изъ Олеронскихъ Ролей. Еще значительнѣе вліяніе на морской ордонансъ Людовика XIV *средневѣковаго сборника морскихъ законовъ, извѣстнаго подъ именемъ „Guidon de la mer“* (редакція его принадлежитъ XVI столѣтію). Содержаніе его главнымъ образомъ относится къ договору морскаго страхованія, отчасти же въ немъ рѣшаются нѣкоторые вопросы изъ области морскаго международного права во время войны, именно: о призахъ на морѣ, репрессаліяхъ и патентахъ на корсарство. Почти все постановленія этого сборника, нерѣдко цѣликомъ, вошли въ ордонансъ 1681 г. и перешли даже въ коммерческій кодексъ, изданный во Франціи при Наполеонѣ I. Но если все переименованные сборники имѣли больше мѣстное вліяніе, или же значеніе главнымъ образомъ для отдѣльныхъ европейскихъ законодательствъ по морскому международному праву, то четвертый изъ сборниковъ, знаменитый „морской консулатъ“ (*consulat de la mer, Il consolato del mare*), время происхожденія котораго относится *Пардессю*, большимъ знатокомъ морскаго международного права, къ XIV столѣтію, имѣлъ громадное, всемірное вліяніе, при томъ весьма продолжительное на множество позднѣйшихъ международныхъ трактатовъ и на внутреннее законодательство многихъ морскихъ державъ (Англія держалась начала морскаго консулата до 1856 года) *во всемъ, что касалось упрядоченія торговыхъ правъ нейтральныхъ и воюющихъ народовъ во время морской войны.* Консулатъ есть ничто иное, какъ собраніе неизвѣстными авторами воедино правилъ обычнаго морскаго права, соблюдавшихся въ средиземномъ морѣ, постепенно образовавшагося подъ давленіемъ потребностей коммерческаго оборота. Въ консулатѣ, начинающемся формулою „*Ici commencent les bonnes coutumes de la mer*“—здѣсь начинаются добрые обычаи моря,—особенно замѣчательны слѣдующія правила: *грузъ непріятельскій, напругенный на нейтральномъ кораблѣ, подлежитъ конфискаціи,*

собственность же нейтральная на неприятельскомъ корабль—конфискаціи не подлежитъ, и нейтральные могутъ выкупить у воюющаго захваченное имъ судно.

Когда къ концу среднихъ вѣковъ сильные сеньоры (короли), вступивъ въ союзъ съ городскими общинами, поражаютъ феодализмъ и усиливаютъ свою власть, когда на развалинахъ феодализма создается сильная монархическая власть, она собираетъ всю силу въ свои руки. Выростаетъ начало единства, столь необходимаго для правильности международныхъ сношеній, противныхъ анархіи и произволу. Эта власть содѣйствуетъ организаціи постоянныхъ армій, при посредствѣ которыхъ можно было вести правильныя и болѣе дисциплинированныя войны; право частныхъ лицъ на репрессалии само собою уничтожается, что приводитъ къ замиренію подданныхъ. Въ то же время (въ XVI вѣкѣ) великій религіозный расколъ разбилъ единство католическаго міра, отнялъ у римскихъ первосвященниковъ ихъ первенствующую роль рѣшителей судебъ народовъ, третейскихъ судей между ними, ихъ право на вмѣшательство во внутреннюю свободу государствъ. Протестантизмъ, освободивъ отъ давленія внѣшняго авторитета (римскаго престола) совѣсть и личную свободу, повліялъ и на возникновеніе идеи политической свободы и самостоятельности человѣческихъ организацій (государствъ); провозгласивъ религіозную терпимость, а слѣдовательно и религіозную равноправность народовъ, онъ могущественно содѣйствовалъ проникновенію начала равенства въ сферу отношеній между народами свободными отъ единого высшаго авторитета. Открытіе же въ концѣ XV вѣка (и послѣдовавшій за нимъ рядъ открытій) американскаго континента породило завоеваніе и колонизацію вновь открываемыхъ земель европейцами, столкновенія и войны между ними изъ-за колоній; оно создало такъ называемую систему колониальной и своеобразной торговой политики въ области морскихъ международныхъ сношеній, отразившуюся позднѣе (въ XVII и XVIII вѣкахъ) на организаціи порядка международныхъ сношеній.

Второй періодъ. Отъ Вестфальскаго конгресса до французской революціи.

Вестфальскій мирный конгрессъ (1648 г.) закончилъ 30-лѣтнюю войну; въ основѣ ея лежали, какъ религіозная рознь между католическими государствами, защищавшими идею единства христіанскаго міра, и державами протестантскими, воевавшими за свободу совѣсти и равноправность независимыхъ государствъ, такъ и чисто политическая борьба за преобладаніе между австрійскимъ домомъ и все возрастающимъ политическимъ могуществомъ Франціи. Результатомъ занятій этого перваго конгресса европейскихъ государствъ былъ *мирный трактатъ*, заключившій собою 10 лѣтніе переговоры о мирѣ, въ которомъ отъ имени *международнаго союза официально провозглашается начало религіозной и политической равноправности между государствами католическими и протестантскими*, принятыми отнынѣ въ составъ международнаго общенія.

Впрочемъ эта равноправность религій обставлена ограничительными условіями; принято начало *cujus regio—ejus religio*, сводившее религиозную терпимость и равноправность къ вѣроисповѣданію государя: официальное вѣроисповѣданіе подданныхъ приурочивалось къ вѣроисповѣданію государя, который могъ выселять изъ своей страны подданныхъ иновѣрцевъ. Но эта условная терпимость была уже шагомъ впередъ сравнительно съ нетерпимостью католической церкви, отрицавшей за протестантскими государствами право входить въ составъ международнаго союза. Эта же терпимость Вестфальскаго конгресса, въ связи съ желаніемъ ослабить политическое могущество германскаго императора, привела къ образованію германской конфедерации изъ нѣмецкихъ государствъ, съ признаніемъ полной ихъ независимости внутри и внѣ; но общіе интересы этого союза получили лишь незначительную охрану въ слабой центральной власти. Вестфальскій конгрессъ осыятилъ впервые начало, положенное съ тѣхъ поръ въ основаніе международныхъ признаній новыхъ государствъ, именно, что фактъ ихъ независимости, каково бы ни было происхожденіе этого факта (законное и незаконное) рождаетъ право на независимость для вновь создавшихся существованій въ международномъ союзѣ и на признаніе ихъ послѣднимъ. Это начало высказано въ признаніи (формальномъ) независимости и самостоятельности за Нидерландами и Швейцаріею, создавшимися революціоннымъ путемъ. А такъ какъ Франція и Швеція (союзникъ первой) оказались побѣдительницами, то они получили значительныя территоріальныя приращенія (Франція часть Эльзаса и такъ называемыя сюзеренныя права надъ нѣкоторыми вольными имперскими городами Эльзаса, въ числѣ которыхъ былъ и Страсбургъ; Швеція же—Померанію и нѣкоторые города сѣвернаго побережья Пруссіи и Германіи). Эти приращенія создали преобладаніе политическаго могущества Франціи и Швеціи, ослабили Австрійскій домъ; они должны были служить вмѣстѣ съ образованіемъ германской конфедерации и остальными территоріальными приращеніями основаніемъ выдвинувшейся системы политическаго равновѣсія, на которой всѣ державы Европы (кромѣ Англій, Польши и Россіи), принявшія участіе въ засѣданіи конгресса, думали упрочить международныя отношенія. Построеніе послѣднихъ должно было опираться на самостоятельности и свободѣ государствъ, охраняемыхъ международнымъ союзомъ при посредствѣ справедливаго и пропорціональнаго распредѣленія территорій и населеній между государствами (въ нихъ выражалась политическая мощь). Эта то система сдѣлалась краеугольнымъ камнемъ всей исторіи международныхъ отношеній до Французской революціи; на ея охраненіи думали построить международный порядокъ. Послѣдній нарушался направленіемъ внѣшнихъ отношеній государствъ XVII и XVIII вѣковъ. Могущественная королевская власть, объединивъ государства внутри, развивала въ международныхъ отношеніяхъ политику энергичную, но крайне своекорыстную. Не уважая правъ своихъ подданныхъ и ихъ индивидуальной свободы, государственная власть не могла уважать независимости и равенства сосѣднихъ государствъ. Патримоніальная же теорія государственнаго

права, согласно которой государственная власть приравнивалась къ праву частной собственности государя на территорию и ея населеніе, примѣняясь съ послѣдовательностью въ области международныхъ отношеній, сказалась въ ней въ формахъ такъ называемой династической политики, дарившей и обмѣнивавшей территоріи, отдававшей земли въ наслѣдство и въ приданое, покупавшей и закладывавшей земельныя владѣнія, вмѣстѣ съ ихъ населеніями, которыя разсматривались какъ безправная вещь (*res accessoria*, которая *sem principalem sequitur*). А громадныя силы государствъ, при полномъ повиновеніи подданныхъ, ничѣмъ не сдержанныя внутри, должны были проявиться въ завоеваніяхъ, въ стремленіяхъ къ приобрѣтенію новыхъ земель, т. е. къ расширенію политическаго могущества въ ущербъ самостоятельности сосѣдей. Но какъ идея самостоятельности пустила глубокіе корни, а защита ея лежитъ въ природѣ государственнаго союза, то *угрожаемая государства ищутъ спасенія въ системѣ политическаго равновѣсія*, постоянно нарушаемаго сперва Австріей, потомъ Франціей, хотя ни одной изъ державъ не удается окончательно упрочить своего преобладанія, ни уничтожить самостоятельности сосѣдей. Въ концѣ же концовъ случайными и искусственными комбинаціями, указываемыми обстоятельствами мѣста и времени, государствамъ удается (за рѣдкими исключеніями) сохранить свою самостоятельность, хотя идея *международнаго порядка* никогда не получала полного осуществленія.

Тѣ же причины, съ присоединеніемъ къ нимъ стремленій обогатиться на счетъ сосѣдей (при господствѣ меркантильной экономической системы) посредствомъ монополизированія морской торговли съ колоніями, создали въ морскихъ сношеніяхъ систему колониальной политики, которая тоже привела ко множеству войнъ съ цѣлью захвата господства на моряхъ для вытѣсненія сосѣдей изъ ихъ колоній, а равно и къ противодѣйствію этимъ стремленіямъ (Голландіи, Франціи и особенно Англіи) посредствомъ попытокъ установленія нѣкотораго равновѣсія на морѣ и въ колоніяхъ.

Приведенныя соображенія уясняютъ намъ причины, характеръ и итоги множества войнъ XVII и XVIII столѣтій, приводившихъ къ мирнымъ конгрессамъ и трактатамъ, которые, создавая, повидимому, прочный миръ на взаимномъ уравнишеніи силъ, оказывались комбинаціями случайными и преходящими.

Таковы: *Ахескій миръ 1668 г.*, окончившій войну за Бельгійское наслѣдство, веденную Франціей противъ Голландіи, Англіи и Швеціи; *Нимвегенскій мирный трактатъ 1678 г.*, прекратившій войну, которую Людовикъ XIV велъ въ союзѣ съ Англіей и Швеціей противъ Голландіи, Германской Имперіи, Даніи, Испаніи и Бранденбурга; *мирный трактатъ Рисвикскаго конгресса (1697)*, заключившій большую войну, веденную Голландією (съ Вильгельмомъ Оранскимъ во главѣ; онъ же былъ и королемъ Англіи), въ союзѣ съ Англіей, Германской Имперіей, Бранденбургомъ, Швеціей, Даніей, Савойей и Испаніей противъ Франціи. *Рядъ войнъ*, удачныхъ для Франціи, получившей территоріальныя приращенія отъ Германіи, Голландіи и Испаніи, при-

останавливаясь скорѣе перемиріями, окончился въ 1713 г. знаменитымъ конгрессомъ въ Утрехтѣ, положившимъ предѣлъ войнѣ за Испанское наслѣдство (1701—1713 г.), оставленное Карломъ II Испанскимъ внуку Людовика XIV (Филиппу Анжуйскому) и оспаривавшееся коалиціею изъ Англіи, Голландіи, Германской Имперіи, Пруссіи, Португаліи, Савойи; коалиція дѣйствовала противъ Франціи и Испаніи весьма успѣшно. Франція была поражена, ослаблена, преобладающее значеніе ея въ международныхъ отношеніяхъ ступало, и хотя внукъ Людовика XIV признанъ утрехтскимъ мирнымъ договоромъ королемъ Испаніи, но союзники, опасаясь нарушенія равновѣсія на будущее время отъ возможности соединенія въ одномъ лицѣ Франціи и Испаніи, постановили, что впредь престолы Франціи и Испаніи никогда не должны быть соединяемы. Испанія, потерявъ Бельгійскія провинціи, уступленныя ею вмѣстѣ съ Ломбардіею и Неаполемъ Австріи, и Гибралтаръ, уступленный Англіи, низведена въ разрядъ второстепенныхъ государствъ, но и Франція потеряла въ пользу Англіи часть сѣверо-американскихъ колоній, владѣніе которыми закрѣпило морское и колониальное превосходство Великобританіи.

Съ этого же времени въ сферу международныхъ сношеній привходитъ въ качествѣ фактора значительной тяжести—Россія; а около середины XVIII столѣтія усиливается Пруссія, становящаяся соперницею Австріи. Заменуемость Россіи до Петра I—фактъ общеизвѣстный; всѣ сношенія ея съ сосѣдями (съ Австріей съ конца XV вѣка, съ Англіей съ конца XVI вѣка) были односторонними (начинались не по желанію русскихъ государей, а по исканіямъ сосѣдей), болѣе враждебными (съ Швеціей и Польшей почти постоянно) или чисто торговыми (съ Англіей, когда купецъ Ченслеръ случайно присталъ къ Холмогорамъ, отправился въ Москву и получилъ отъ Царя грамоту на свободную торговлю), при томъ выгодными лишь для иностранцевъ. И только сношенія съ Браденбургомъ съ XVI вѣка и отчасти съ Франціей (съ XVI и особенно съ XVII столѣтій) носятъ характеръ нѣкотораго сознанія общности интересовъ (защиты противъ общихъ враговъ Браденбурга и Россіи—Швеціи и Польши) или заискиваній со стороны самаго московскаго государя (у Франціи противъ Польши). А Браденбургъ, соединившись съ Пруссіею (въ XVI вѣкѣ), постепенно возрастая, успѣлъ уже въ началѣ XVIII вѣка усилиться настолько, что получилъ королевскій титулъ. Обѣ державы энергично выступаютъ особенно съ половины XVIII вѣка въ сферу международныхъ отношеній. Пруссія преслѣдовала тѣ же политическія цѣли—завоеванія и расширенія владѣній при посредствѣ нарушенія договоровъ, вступленія въ случайные союзы и временныя перемирія, именовавшіеся, однако, „вѣчными союзами дружбы“ и „вѣчными мирными договорами“. Такъ произошли 1 и 2 силезскія войны, начатыя Пруссіей (Фридрихомъ II) противъ Австріи въ цѣляхъ завоеванія Силезіи (подъ предлогомъ права на Нижнюю Силезію), закончившіяся мирными договорами въ Бреславлѣ (1742 г.) и въ Дрезденѣ (1745 г.), признавшими за Пруссіей владѣніе Нижнею Силезіею. Съ 1741 г. по 1748 г. продолжалась война за Австрійское наслѣдство, которое германскій импе-

раторъ Карлъ VI въ силу такъ называемой прагматической санкціи оставилъ дочери своей Маріи-Терезіи, но оспаривавшееся Баваріей, Саксоніей, Пруссіей и Испаніей (къ коалиціи примкнула и Франція), которыя и вели войну противъ Австріи, Англіи, Голландіи и Сардиніи. Эта война окончилась Ахенскимъ мирнымъ конгрессомъ 1748 года, укрѣпившимъ за Пруссіей владѣніе Силезією и графствомъ Глауцъ, передавшимъ Парму, Пьяченцу и Гвасталу (владѣнія Австріи въ Италіи) въ руки испанскихъ Бурбоновъ, а часть Ломбардіи сардинскому королю (съ этого момента начинается усиленіе Сардинскаго королевства). Въ семилѣтней же войнѣ (1756—1763 гг.) впервые приняла участіе и Россія, поддерживавшая Марію-Терезію, которая думала при помощи Россіи и Франціи (впервые измѣнила своей вѣковой политикѣ вражды къ Австрійскому дому) отвоевать у Пруссіи Силезію и вообще сократить опасную для Австріи и равновѣсія Европы все возрастающую политическую мощь Пруссіи. Послѣднюю спасла отъ полнаго разгрома внезапная смерть Елизаветы Петровны и политическая недалковидность Императора Петра III, заключившаго даже наступательный договоръ съ Пруссіей противъ Австріи. Этотъ договоръ не былъ выполненъ въ виду воцаренія Императрицы Екатерины II, успѣвшей примирить противниковъ (Австрія, Германія, Саксонія и Франція противъ Пруссіи и Англіи). Война окончилась Губертсбургскимъ мирнымъ трактатомъ 1763 года. При Пруссіи остались Силезія и Глауцъ, а миръ того же года (въ Парижѣ) примирилъ остальныхъ воюющихъ; почти всѣ французскія колоніи въ Америкѣ перешли къ Англіи, которая сдѣлалась сильнѣйшею морскою и колониальною державою и ни о какомъ равновѣсіи на морѣ уже не было и рѣчи. Война же, предпринятая въ 1774 году американскими колоніями Англіи за независимость отъ метрополіи, въ которой приняла участіе и Франція въ качествѣ союзника американскихъ колоній, фактически успѣшно поддерживавшихъ свою независимость, прекратилась Версальскимъ мирнымъ трактатомъ 1783 г., по которому Англія оффиціально признала независимость этихъ колоній, образовавшихъ Соединенные Штаты Сѣверной Америки. Этотъ моментъ знаменуетъ собою рѣзкій поворотъ въ системѣ колониальной и торговой морской политики.

Роль Россіи, начиная съ Петра Великаго, все болѣе выдвигается. Вѣковая вражда ея съ Швецією разрѣшается Сѣвѣрною войною (1700—1721 гг.), низводящею Швецію въ рангъ второклассныхъ державъ, открывающею Россіи доступъ къ морю и прочное положеніе въ немъ, благодаря присоединенію къ ней Эстляндіи, Лифляндіи, Ингрии, острова Эзеля, частей Кареліи и Финляндіи съ Выборгомъ (Ништадскій мирный договоръ 1721 года). Значеніе Россіи еще болѣе увеличивается раздѣломъ Польши (первый—1772 г., второй въ 1773 г. и конечный въ 1794 и 1795 гг.); мысль объ этомъ раздѣлѣ зародилась еще въ XVI вѣкѣ, но инициатива его, приведшая къ первому раздѣлу, принадлежитъ Фридриху II. Если въ актѣ раздѣла Польши политика завоеваній и расширенія предѣловъ на счетъ сосѣдей достигла кульминаціоннаго пункта своего развитія, то въ то же время уничтоженіе вѣковаго врага Россіи развязало ей руки и ввело Россію въ сферу международныхъ отношеній въ качествѣ фак-

тора громадного вѣса и вліянія. *Возрастаніе политической силы Россіи* сказалося и въ *Кучукъ-Кайнарджійскомъ* договорѣ 1774 года, закончившемъ войну ея съ Турціею. Этотъ договоръ знаменательный моментъ, открывающій своеобразную эру отношеній Россіи къ Турціи по такъ называемому восточному вопросу. Онъ узаконилъ одностороннее право Россіи на вмѣшательство во внутреннія дѣла Турціи съ цѣлью защиты правъ христіанскаго населенія послѣдней, т. е. поставилъ славянскія и друг. народы Турціи подъ покровительство Россіи, замѣненное только въ 1856 г. коллективнымъ протекторатомъ Европы. Изложенное объясняетъ, почему Россія сдѣлалась посредникомъ въ спорахъ и столкновенияхъ Австріи и Пруссіи, соперничествовавшихъ между собою за преобладаніе въ Германіи. *Посредническая роль Россіи* высказалась въ прекращеніи спора между ними изъ-за Баварскаго наслѣдства, уступленнаго Австріи курфюрстомъ пфальцскимъ Карломъ-Теодоромъ, чему, конечно, противодѣйствовала Пруссія. Столкновение устранено посредничествомъ Россіи, по предложенію которой былъ созванъ конгрессъ въ Тешенъ (1779 г.). Россія сдѣлалась поручительницею постановленій этого договора, возобновляющаго силу главнѣйшихъ опредѣленій конгресса Вестфальскаго, договоровъ Бреславскаго, Дрезденскаго, Ахенскаго и Губертсбургскаго, т. е. одною изъ державъ охранительницъ европейской политической системы, которую хотѣли построить перечисленные трактаты. Разсматриваемый періодъ, столь богатый дипломатическими сношеніями и конгрессами, выработалъ вполне институтъ посольскаго права, какъ учрежденіе постоянное, основанное на началахъ личной неприкосновенности дипломатическихъ агентовъ и неподсудности ихъ уголовнымъ и гражданскимъ судамъ государства, при которомъ они акредитованы. Обширныя же морскія сношенія и великія колоніальныя войны этой эпохи привели къ борьбѣ нейтральныхъ народовъ съ воюющими на морѣ за право первыхъ на продолженіе морскихъ торговыхъ сношеній съ послѣдними. Эта борьба очень упорна. Англія поддерживаетъ начала *consolato del mare*; Франція (ордонансъ 1681 г.) идетъ еще дальше и объявляетъ подлежащими конфискаціи, какъ непріятельскую собственность на нейтральномъ кораблѣ, такъ равно и собственность нейтральную на непріятельскомъ суднѣ. Нидерланды, а затѣмъ и Англія выдвигаютъ такъ называемую фиктивную, бумажную блокаду, убивающую торговлю нейтральныхъ; а договоры Англіи пытаются распространить понятіе о военной контрабандѣ, въ которую, для стѣсненія нейтральной торговли, вносятся предметы, не служащіе военнымъ цѣлямъ, или лишь отдаленно имъ служащіе. Для осуществленія этихъ своихъ стремленій къ преобладанію на морѣ и къ уничтоженію торговли нейтральныхъ сильныя морскія державы (и Англія въ особенности) практикуютъ правила неограниченнаго права осмотра и обыска воюющими нейтральныхъ кораблей даже въ открытыхъ моряхъ и океанахъ. Нейтральныя протестуютъ, имъ удается иногда заключать болѣе выгодныя для свободы торговли трактаты; напримѣръ, Пиренейскій мирный трактатъ 1659 года опредѣляетъ очень подробно правила осмотра и обыска; трактатъ утрехтскій 1713 г. ограничительно перечисляетъ предметы военной контра-

банды; начало свободы морей защищается въ трактатахъ и въ литературѣ, какъ противовѣсъ возрѣнію Англій на исключительное господство на моряхъ. Но *превосходная охрана законныхъ правъ нейтральныхъ народовъ создана извѣстною деклараціею I вооруженнаго нейтралитета* (1780 г.), изданною Императрицею Екатериною II. *Постановленія этого акта, принятыя въ формѣ присоединенія къ деклараціи Данією, Швеціею, Голландіею, Пруссіею, Австріею, Португаліею, королевствомъ Общихъ Сицилій и Соединенными Штатами Сѣверной Америки, составили кодексъ морскаго международнаго права во время войны весьма выгодный для торговыхъ сношеній нейтральныхъ народовъ, обуздавшій эгоистическую политику Великобританіи. О происхожденіи этого важнаго памятника морскаго международнаго права спорятъ и по сіе время. За рѣдкими исключеніями иностранные писатели отвергаютъ сознательность происхожденія этого акта, приписывая его появленіе случайности, борьбу партій при русскомъ дворѣ, отрицая у Екатерины II пониманіе дѣйствительнаго значенія и вліянія изданной ею деклараціи. Но всѣ эти соображенія частью опровергаются, частью же блыднѣютъ предъ самымъ фактомъ—появленія инициативою Россіи въ сферѣ международныхъ отношеній акта, объединившаго морскіе торговые интересы народовъ и успѣвшаго осуществить смѣлую для того времени мысль о совместной защитѣ общихъ интересовъ торговли и законныхъ правъ нейтральныхъ противъ порядка, съ ними несогласимаго, который представлялся нѣкоторыми сильными державами (Англіею въ особенности) закономъ международныхъ отношеній на морѣ.*

Вотъ эти замѣчательныя постановленія, которыя должны были охраняться морскими силами державъ, примкнувшихъ къ деклараціи Россіи: 1) *нейтральные корабли могутъ свободно плавать между портами воюющихъ; 2) товары и предметы, принадлежащіе подданнымъ воюющихъ, наруженныя на нейтральныхъ корабляхъ, не подлежатъ конфискаціи, за исключеніемъ предметовъ военной контрабанды; 3) подъ военною контрабандою слѣдуетъ понимать предметы, исчисленные въ 10 и 11 пунктахъ договора Россіи и Англій отъ 1766 года (оружіе, аммуниція и прочіе предметы непосредственно служащіе военнымъ дѣламъ); 4) блокированнымъ можетъ признаваться лишь портъ, оцѣпленный военными кораблями такъ, что постоянное и близкое расположеніе ихъ у порта дѣлаетъ входъ въ него очевидно опаснымъ.*

Сухопутное военное международное право сдѣлало тоже значительныя успѣхи. Многіе договоры гарантируютъ нѣкоторую пощаду больныхъ и раненыхъ воиновъ обѣихъ сторонъ; развивается институтъ военнаго плѣна: плѣнные — не безправны, не могутъ быть ни убиваемы, ни обращаемы въ рабство, обязательно получаютъ свободу по окончаніи войны, т. е. воюющіе связаны по отношенію къ нимъ извѣстными обязанностями, среди которыхъ выдвигается уваженіе къ правамъ человѣческой личности военноплѣннаго.

Третій періодъ. Отъ Французской революціи до Вѣнскаго конгресса.

Разсматриваемый періодъ — самый несчастный для международнаго права, возвратившій Европу къ временамъ варварства и приведшій къ уничтоженію почти всѣхъ связей, соединяющихъ членовъ международнаго союза въ единомъ общеніи. Французская революція разрушила апсцен régime въ государственномъ и социальномъ порядкахъ Франціи, замѣнивъ поклоненіе идеѣ абсолютной монархической власти, покоившейся на законномъ преемственномъ наслѣдованіи государственною властью и на принципѣ божественнаго происхожденія этой власти, отвѣтственной передъ однимъ Богомъ, поклоненіемъ идеѣ народнаго суверенитета (верховенства), въ которомъ покоилась вся государственная власть, всѣ права на законодательство, судъ и управленіе, на реформы. Она перенесла идею народнаго верховенства въ сферу международныхъ сношеній. Идеи французской революціи по самому существу своему стремились ко всемірному распространенію, т. е. стать закономъ въ сферѣ международныхъ отношеній. Конечнымъ послѣдствіемъ ихъ было провозглашеніе равенства между свободными народами, получающими, въ силу народнаго суверенитета, право на измѣненіе, даже путемъ насилія, ихъ государственныхъ формъ и социальныхъ отношеній. А такъ какъ трактаты заключались „тиранами“ безъ всякаго участія народа, связывали и стѣсняли народы, то отсюда — необязательность этихъ договоровъ. Націи, ихъ права на внутреннюю и внѣшнюю свободу, стоятъ выше государей и заключенныхъ ими договоровъ. Порядокъ вещей, создавшійся въ революціонной Франціи, былъ угрозою старому режиму монархической Европы, который и долженъ былъ, соединившись съ сочувственными ему элементами въ самой Франціи (эмигрантами), вступить въ ожесточенную борьбу съ идеями французской революціи, которая распространялись сперва лишь пропагандою, а потомъ и силою оружія. Старый режимъ въ Европѣ пытался охранить союзами (коалиціями) основныя начала международнаго порядка, созданныя въ предшествовавшую эпоху. Коалиціи, выдвинувъ для охраны этого порядка начало вооруженнаго вмѣшательства во внутреннія дѣла независимыхъ государствъ (Франціи), въ видахъ нивелированія общихъ началъ внутреннегосударственнаго и международнаго порядка отношеній, потерпѣли поражение. Идеи французской революціи тоже выродились въ завоеванія, ставшія съ образованіемъ I Французской Имперіи лозунгомъ и цѣлью международной политики Франціи, которая изъ освободительницы равноправныхъ народовъ превратилась въ ихъ поработительницу. Но идея самостоятельности и независимости государствъ, присущая всякой жизнеспособной организаціи, потерпѣвъ временный ущербъ, оказалась настолько могущественною, что вышла побѣдительницею, хотя и послѣ ряда неудачныхъ покушеній сломить путемъ коалицій непомерное могущество Франціи, покушеній, среди которыхъ международное право одно время почти исчезло, замѣненное полнымъ произволомъ сильнаго. Французская Имперія пала; въ достиженіи этого результата принимали участіе государи въ союзѣ съ народами. Къ Вѣнскому конгрессу въ Европѣ остались — наслѣдіе прочныхъ идей французской рево-

люціи, пустившихъ корни въ Европѣ, и вызванныя ими требованія реформъ, а также сильная государственная власть побѣдителей (союзниковъ), которые должны были подѣлить добычу и рѣшить вопросъ, на какихъ началахъ и какъ организовать на будущее время порядокъ международныхъ отношеній.

Вышеизложенное подтверждается исторіею войнъ и мирныхъ трактатовъ разсматриваемаго періода. Три коалиціи, составлявшіяся противъ Франціи, въ 1793 году изъ Германіи, Австріи и Пруссіи, въ 1798—99 и. изъ Англій, Россіи, Австріи и Турціи и въ 1805 году изъ Англій, Россіи, Австріи и Швеціи (къ нимъ въ 1806 году примкнула Пруссія), закончились неудачами союзниковъ; первая изъ нихъ привела къ Базельскому мирному трактату между Франціей и Пруссіей (1795 г.), къ миру въ Кампоформіо (1797 г.) между Франціею и Австріею, лишившеюся въ пользу Франціи Бельгіи и Ломбардіи (а Австрія получила взамѣнъ Венецію съ Истріей и Далмаціей, завоеванными Наполеономъ) и къ конгрессу въ Раштатъ, на которомъ заключенъ миръ между Германскою конфедераціею и Франціею, получившей отъ Германіи весь лѣвый берегъ Рейна. Вторая коалиція привела къ миру Люневильскому (1801 г.) между Австріей и Франціей, вновь подтвердившему условія договоровъ 1797 г. въ Кампоформіо, Раштатъ, къ мирному конгрессу въ Амьенъ (1802 г.), на которомъ Англія согласилась уступить Франціи все колоніи, завоеванныя ею у послѣдней. Послѣ же неудачной третьей коалиціи Австрія вынуждена была заключить съ Франціею Пресбургскій мирный договоръ (1805 г.), по которому она потеряла въ пользу Франціи Тиролю, Венецію и Далмацію, а Наполеонъ I получилъ возможность въ 1806 году уничтожить Германскую Имперію образованіемъ изъ 16 ея государствъ на восточныхъ границахъ Франціи Рейнскаго союза подъ покровительствомъ Франціи; Пруссія, войска которой были уничтожены подъ Іеною, заключила съ Франціей позорный миръ въ Тильзитѣ (1807 г.), при чемъ Пруссія признала Рейнскій союзъ, лишилась почти половины своей территоріи въ пользу Франціи, Рейнскаго союза и вновь образованныхъ Франціею королевства Вестфальскаго (съ Іеронимомъ, братомъ Наполеона, во главѣ) и герцогства Варшавскаго. По этому же мирному договору одна Россія выдала (Бѣлостокскую область), но она вынуждена покинуть союзъ съ Англіей и присоединиться къ Франціи (и ея континентальной системѣ, направленной противъ Великобританіи), при чемъ въ слѣдующемъ году (въ 1808) на конгрессѣ въ Эрфуртѣ императоры Наполеонъ I и Александръ I согласились даже между собою о раздѣлѣ всей Европы. Благодаря этому соглашенію между Франціей и Россіей, Австрія была предоставлена самой себѣ, и въ новой войнѣ ея съ Франціей Россія стала на сторону послѣдней, захватила Галицію; разбитая Австрія въ 1809 г., по Шенбрунскому миру, теряетъ Галицію въ пользу Россіи и многія владѣнія въ пользу Франціи. Одна Англія, почти безъ перерыва со времени войны 1793 г. упорно противодѣйствуетъ Франціи; еще въ 1793 г. Великобританія пытается уничтожить Францію такъ называемою системою голода, воспрещая всякимъ кораблямъ подходить (подъ угрозою конфискаціи) къ берегамъ Франціи. Не доволь-

ствуюсь этимъ, Англія возстановила и правило войны 1756 г., которое возбраняло нейтральнымъ колониальную торговлю съ воюющими, воспрещенную для иностранныхъ кораблей во время мира, но разрѣшаемую послѣднимъ специально въ виду войны. Понятно, что Французская республика отвѣтила на эти распоряженія репрессаліями тождественнаго свойства. Такимъ образомъ, заложены зачатки такъ называемой континентальной системы, которою императоръ Наполеонъ I, ставъ распорядителемъ Европы, думалъ смирить Англію, заморивъ ее голодомъ и разоривъ прекращеніемъ всякихъ съ нею торговыхъ и мирныхъ сношеній. Справедливость требуетъ замѣтить, что эта система, примкнутъ къ которой обязывались всѣ государства, побѣжденные Франціею и всѣ ея невольныя союзницы (и Россія), выставлена Наполеономъ I какъ репрессалія, въ противовѣсъ распоряженіямъ Англіи отъ 1806 и 1807 г., которыя объявили въ состояніи блокады всѣ берега отъ Бреста до Эльбы, безъ достаточныхъ силъ для дѣйствительнаго ея поддержанія. Тогда Наполеонъ I издалъ свой Берлинскій декретъ (1806 г.), въ которомъ, принимая во вниманіе, что Англія не признаетъ международнаго права, которому слѣдуютъ всѣ цивилизованные народы, объявляются въ блокаду Британскіе острова, воспрещается торговля и всякая корреспонденція съ ними, признается военнопленнымъ каждый англичанинъ, найденный въ земляхъ, занятыхъ французами или ихъ союзниками; всякая собственность англичанина подлежитъ конфискаціи; воспрещается всякая торговля англійскими товарами и произведеніями ея фабрикъ, и ни одинъ корабль, идущій изъ Англіи и ея колоній, не долженъ имѣть доступа ни въ одинъ портъ. Англія не осталась въ долгу. Приказомъ кабинета отъ 1807 года, она объявила фиктивную блокаду всѣхъ береговъ и колоній Франціи и ея союзниковъ. Тогда Франція (декретъ Миланскій 1807 г.) отвѣтила дальнѣйшими стѣсненіями: корабль, допустившій осмотръ англійскаго крейсера, или вынужденный къ путешествію въ Англію, объявляется законнымъ призомъ, равно какъ и всякое судно, вышедшее изъ англійскихъ владѣній или изъ странъ, занятыхъ войсками Англіи, со всякимъ грузомъ; Британскіе острова объявлены состоящими въ блокаду.

Эта ужасная система повлекла за собой страшный застой всемирной торговли, грозившій полнымъ экономическимъ разореніемъ для Англіи, Франціи и всей Европы. Она была настолько противоестественна, экономическая же зависимость народовъ такъ осязательна, что эта система не могла удержаться даже среди наибольшаго поработченія народовъ, т. е. въ періодъ наивысшаго могущества Наполеона I. Сперва Англія, а затѣмъ и Франція начинаютъ разрѣшать своимъ кораблямъ (такъ назыв. „licenses“, дозволенія) торговлю съ блокированными мѣстами (въ одномъ 1811 году число такихъ „дозволеній“, выданныхъ англійскимъ правительствомъ, восходило до 8 тысячъ), а Соед. Штаты Сѣв. Америки въ 1811 и 1812 годахъ получили отъ Англіи и Франціи привилегію безпрепятственной торговли на извѣстныхъ условіяхъ. Такимъ образомъ неотразимые интересы торговаго общенія вынудили самую силу поступиться въ пользу права.

Неудачная война съ Россією въ 1812 году ополчила постепенно всю Европу противъ ея поработителя. *Идея независимости оказалась мощественнѣе грубой силы, стремившейся укрѣпить международный порядокъ на поработеніи народовъ и государствъ въ формѣ единого европейскаго государства, слившагося съ Франціей, въ которомъ части (отдѣльные государства) должны были разыгрывать роль провинцій съ монархомъ во главѣ. Россія и Англія становятся во главѣ коалиціи. Къ ней примыкаетъ сперва Швеція, а на основаніи Кампскаго трактата (1813 г.) и Пруссія. Успѣхъ коалиціи, къ которой примкнула и Австрія (послѣ неудачной попытки на Пражскомъ конгрессѣ примирить коалицію съ Франціей), привелъ къ союзному договору (1814 года) въ Шомонѣ (Англіи, Австріи, Пруссіи и Россіи) и къ первому парижскому миру 1814 г. Этотъ мирный трактатъ (между четырьмя союзниками и Франціей) возвращаетъ Францію къ территориальнымъ владѣніямъ ея до 1 января 1792 года, передаетъ Пруссіи ея прежнія владѣнія, даетъ Австріи обратно Венецію и Миланъ, взамѣнъ Бельгіи, которая должна была соединиться съ Нидерландами и образовать одно государство, Германію же преобразуетъ въ конфедерацию съ болѣе сильною центральною властью. Этотъ же трактатъ опредѣляетъ необходимость созванія конгресса въ Вѣннѣ, на которомъ державы руководительницы должны были, распредѣливъ завоеванныя земли, упрочить политическую систему Европы, чему едва не помѣшало бѣгство Наполеона съ острова Эльбы. Съ нимъ союзникамъ пришлось опять вести войну, закончившуюся окончательнымъ низложеніемъ Наполеона I (ссылкою его на островъ Св. Елены), новою реставраціею Бурбоновъ во Франціи и вторымъ парижскимъ миромъ 1815 г., возвратившимъ Францію къ границамъ, которыми она владѣла до 1790 года, обложившимъ ее контрибуціею въ 700 милліоновъ франковъ (съ занятіемъ ея департаментовъ на 5 лѣтъ союзными войсками).*

За все это время можно указать на одно лишь свѣтлое явленіе, доказывающее живучесть сознанныхъ началъ международного права. Мы говоримъ объ актѣ вооруженнаго нейтралитета, издавнаго Императоромъ Павломъ I (1800 г.) въ видѣ мѣры противодѣйствія стѣснительнымъ постановленіямъ Англіи противъ нейтральной торговли. Къ деклараціи второго вооруженнаго нейтралитета, присоединились Данія, Швеція и Пруссія. Она повторяетъ начала I вооруженнаго нейтралитета съ присоединеніемъ къ нимъ двухъ новыхъ: 1) для нарушенія блокады необходимо, чтобы нейтральный, предупрежденный о ней военнымъ или каперскимъ кораблемъ воюющаго, старался прорвать линію блокады силою или хитростью; 2) свободны отъ осмотра воюющими купеческіе корабли нейтральныхъ, путешествующіе подъ конвоемъ нейтральнаго военнаго корабля; должно довольствоваться объявленіемъ со стороны офицера, командующаго конвоемъ, что на конвоируемыхъ имъ купеческихъ корабляхъ нѣтъ военной контрабанды. Для дѣйствительной защиты этихъ постановленій устанавливались общія мѣры вооруженія и условный союзъ между договаривающимися на случай, если бы, вслѣдствіе заключенія этой конвенціи, одна изъ сторонъ подверглась нападенію.

Четвертый періодъ. Отъ Вѣнскаго конгресса до Парижскаго конгресса
1856 года.

§ I. Вѣнскій конгрессъ былъ самымъ торжественнымъ и многочисленнымъ съѣздомъ дипломатовъ и государей, собравшихся съ цѣлью— упрочить миръ и положить прочныя основы будущему международному порядку. Онъ, какъ увидимъ, создалъ порядокъ на основаніи уступокъ и соглашеній между различными началами и системами. Ни одинъ принципъ не получилъ полного на конгрессѣ признанія и осуществленія. Эклектизмъ былъ фундаментомъ зданія, выстроеннаго Вѣнскимъ конгрессомъ, который больше всего игнорировалъ возрадившіяся, благодаря идеямъ французской революціи и освободительнымъ войнамъ, національныя стремленія народовъ и въ то же время больше всего угождалъ 4 державамъ—руководительницамъ конгресса, жертвуя для нихъ самостоятельностью и независимостью народовъ. Отсюда—случайныя и произвольныя комбинаціи конгресса. Но на ряду съ ними конгрессъ далъ нѣсколько постановленій прочныхъ, въ чемъ заключается его великая заслуга. Лишь въ актѣ священнаго союза лежитъ главнѣйшее обоснованіе для послѣдующей системы легитимизма, которая вовсе не восторжествовала на Вѣнскомъ конгрессѣ. На почвѣ системы священнаго союза послѣдующіе Европейскіе конгрессы (1818—23 годовъ), основавъ такъ называемую Пентархію, осуществили въ международной жизни пресловутую легитимистическую систему, которая всецѣло господствовала въ Европѣ очень не долго. Съ Греческой революціи, увѣнчавшейся успѣхомъ въ 1828 году и съ отдѣленіемъ Бельгіи отъ Голландіи этой системѣ, за которую стояли Россія и Австрія особенно, нанесенъ ударъ; въ этихъ революціяхъ пробивается съ неудержимою силою національный принципъ, задавленный Вѣнскимъ конгрессомъ. Національное начало медленно, но упорно пробиваетъ себѣ дорогу въ сферу международныхъ отношеній, разрушая старыя системы международного уклада (политическаго равновѣсія и легитимизма), которыя тоже сопротивляются ему съ большою энергіею, но вынуждены шагъ за шагомъ уступить первенство новому началу. Французская революція 1848 года, событія въ Германіи и Италіи, хотя и смѣнившіяся временно реакціею, дали доказательство невозможности дальнѣйшаго существованія системы конгрессовъ Вѣнскаго и послѣдовавшихъ за нимъ. Такимъ образомъ эпоха 1815—56 годовъ есть періодъ борьбы начала легитимизма и остатковъ системы политическаго равновѣсія съ новымъ политическимъ факторомъ—національнымъ принципомъ. При этомъ въ международныхъ отношеніяхъ все болѣе выдвигается правовой принципъ, какъ руководящій, укрѣпляются и развиваются различныя институты международного права, именно—учрежденія консульскія, уголовное международное право (и институтъ выдачи преступниковъ), гражданское международное право; а военное право (въ особенности сухопутное) вырабатываетъ почти все современные институты его, развитіе же морскаго международного права даетъ возможность подготовить кодификацію его основныхъ началъ въ 1856 году.

§ II. Основанія, послужившія Вѣнскому конгрессу для выработки системы международныхъ отношеній, заключались: въ трактатъ—30 мая 1814 года (первый Парижскій миръ), по которому вакантныя территоріи должны были быть распределены между европейскими государствами „по соглашенію между союзниками“. Цѣль этого договора, носившаго на себѣ, по мнѣнію австрійскаго канцлера Меттерниха „печать умѣренности государей“, состояла въ установленіи „возможно совершеннаго политическаго равновѣсія“ посредствомъ осужденія системы завоеваній и допущенія принципа возмѣщенія и „эквивалентовъ“ для возстановленія „древнихъ королевствъ и государствъ“; въ договоръ Пруссіи и Россіи (1813 года—Калишскій трактатъ), въ которомъ Россія гарантировала Пруссіи владѣніе Саксоніею; въ трактатъ Австріи съ королемъ Неаполитанскимъ (Мюратомъ)—1814 года; и т. д. Но на ряду съ этими положительными договорными основаніями выдвинуты государственнымъ людьми и вліятельными писателями; во мнѣніяхъ которыхъ отражались частью и общественныя настроенія эпохи, разныя системы. Такъ, одни, полагая задачу конгресса въ возсозданіи „Европейской республики“, предлагали ему въ руководство „нѣкоторый опредѣленный несложный принципъ“, способный разрѣшить много политическихъ задачъ „среди скорѣе кажущагося, чѣмъ дѣйствительнаго столкновенія столькихъ интересовъ, казавшихся несомвѣстимыми“. Другіе (напримѣръ историкъ Флассанъ), развивая мысль трактата 30 мая 1814 г., настойчиво требовали отъ конгресса возвращенія къ разрушенному революціями и войнами имперіи началу политическаго равновѣсія посредствомъ „новаго распределенія территорій, принявъ за приблизительное основаніе старый порядокъ“. Флассанъ указывалъ на то, что задача возстановленія общаго равновѣсія требовала мудрыхъ пропорцій въ могуществѣ великихъ государствъ достаточно сильныхъ для отраженія всякаго нападенія, но не настолько могущественныхъ, чтобы „притѣснять сосѣдей и угрожать общему порядку“. Но на ряду съ возстановленіемъ лишь измѣненнаго въ частяхъ стараго порядка всплыло и новое требованіе (выдвинутое Бональдомъ)—*устроить международный порядокъ на системъ естественныхъ границъ между государствами* (въ частности примѣненный къ Франціи). „Европа требуетъ болѣе всего порядка, т. е. закона разумныхъ существъ, предупреждающаго революціи, перевороты и завоеванія, безъ котораго миръ — только обманчивое затихіе“. Охраненіе порядка немислимо при посредствѣ равновѣсія, оно достижимо только при распределеніи вакантныхъ территорій, руководствующемся законами распространенія и развитія государствъ, т. е. стремленіемъ ихъ къ естественнымъ границамъ. *Государства, достигшія своихъ естественныхъ границъ* (Франція, напримѣръ, Рейна и соединенія съ Бельгіей), *остаются безъ интереса, а потому и безъ страстей, т. е. начало естественныхъ границъ кладетъ предѣлъ завоеванію. Обѣ чисто политическія теоріи дополняются третьею строго юридическою, выдвинутою на конгрессъ французскимъ уполномоченнымъ Талейраномъ. Это—теорія легитимизма, долженствовавшая служить основаніемъ для возстановленія законнаго порядка. Допускаемая новыя территоріальныя распределенія только въ силу крайнихъ*

обстоятельствъ, какъ печальное исключеніе изъ начала возстановленія легитимнаго порядка, Талейранъ чувствовалъ необходимость заложить въ основу будущаго спокойствія Европы принципы, которые одни только могли обезпечить внутреннее спокойствіе державъ и воспрепятствовать господству въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ исключительно одной силы. Въ этихъ видахъ *всякое легитимное* (законное) *право должно быть сдѣлано священнымъ; всякое честолюбіе* (ambition) *или несправедливое предпріятіе должны быть осуждаемы; они должны встрѣчать вѣчное препятствіе въ выраженномъ признаніи и въ формальной гарантіи тѣхъ самыхъ принциповъ, долгимъ и печальнымъ забвеніемъ которыхъ была революція.* Для достиженія этой цѣли надлежало возстановить и сохранить всякую легитимную династію, вакантныя же территоріи распределить по принципу политическаго равновѣсія.

Вотъ почему Талейранъ осуждалъ раздѣлъ Польши и предположенную инкорпорацію Саксоніи Пруссіею, которой сочувствовала Россія. Послѣ колебаній Австрія и Англія соединились, благодаря Талейрану, съ Франціей противъ домогательствъ Россіи на инкорпорацію всего герцогства Варшавскаго и Пруссіи на поглощеніе всей Саксоніи. Союзники разсорились и первыя три державы едва не объявили войну Россіи и Пруссіи; и лишь бѣгство Наполеона вновь примирило ихъ и побудило сдѣлать взаимныя уступки.

Конечнымъ результатомъ занятій конгресса былъ рядъ политическихъ комбинацій и распределеній территорій, вполне нарушавшихъ начало легитимизма, которое получило признаніе лишь въ видѣ исключенія. Заключительный актъ Вѣнскаго конгресса (28-го мая—9-го іюня 1815 года) не возстановляетъ Польши, а герцогство Варшавское отходитъ къ Россіи за исключеніемъ Познани, переходящей къ Пруссіи и Галиціи, уступаемой Австріи; конгрессъ выдѣляетъ городъ Краковъ съ небольшою территоріею и создаетъ изъ нихъ „независимую Краковскую республику“ подѣ совмѣстнымъ протекторатомъ Австріи, Россіи и Пруссіи. Это неестественное созданіе конгресса, окруженное 3-мя могущественными врагами, прекратило свое существованіе въ 1846 году (не смотря на протестъ Франціи и Англіи) присоединеніемъ къ Австріи.

Саксонія была раздѣлена на двѣ почти равныя части. Одна изъ нихъ отошла къ Пруссіи, хотя Талейранъ, а равно князья Германіи и общественное мнѣніе Европы, развивая положенія легитимистической теоріи, доказывали, что короли не могутъ быть ни судимы тѣми, которые хотятъ и могутъ завладѣть ихъ землями, ни осуждаемы, не будучи выслушаны и безъ возможности защищаться; что такимъ образомъ осужденіе королей необходимо заключаетъ въ себѣ и осужденіе ихъ неповинныхъ семействъ и народовъ посредствомъ конфискаціи ихъ владѣній, изгнанной цивилизованными народами изъ уголовныхъ кодексовъ, а суверенитетъ какъ бы пріобрѣтается однимъ фактомъ завоеванія, т. е. все являлось бы законнымъ для того, кто болѣе силенъ. И тѣмъ не менѣе въ вопросѣ саксонскомъ, какъ и въ польскомъ, взяло верхъ на конгрессѣ право завоеванія и право приращенія территорій

въ видѣ вознагражденія за оказанныя Россією и Пруссією услуги въ борьбѣ съ общимъ врагомъ,—приращенія соотвѣтствующаго пропорціо-нальному увеличенію другихъ державъ. Въ силу этихъ началъ Австріи передана Вѣнскимъ конгрессомъ и остальная часть Венеціи, составлявшей до войны Имперію независимую республику, которую въ силу легитимистическаго принципа надлежало бы возстановить въ ея суверенной самостоятельности, уничтоженной фактомъ завоеванія. Владѣнія Пруссіи тоже увеличены многими землями по берегамъ Рейна и другими владѣніями, входившими въ составъ вольныхъ городовъ Германіи, самостоятельныхъ до французскихъ завоеваній, и владѣніями разныхъ нѣмецкихъ государствъ, безъ согласія и даже вопреки протесту германскихъ князей. Австрія и Пруссія возстановлены во всѣхъ владѣніяхъ, принадлежавшихъ имъ до трактатовъ Кампоформійскаго, Люневильскаго, Тильзитскаго и друг.; но всѣ эти „restitutiones in integrum“ произошли не столько потому, что Вѣнскій конгрессъ желалъ ими освятить легитимистическій принципъ, сколько вслѣдствіе сознательнаго стремленія къ расширенію владѣній и къ пропорціональнымъ приращеніямъ державъ—руководительницъ конгресса. Объектомъ вознагражденія для Пруссіи послужили, напримѣръ, бывшія независимыя духовныя владѣнія Германіи, секуляризованныя незаконно (подъ давленіемъ Франціи) еще въ 1803 году, между тѣмъ какъ ясно, что церковь не могла служить объектомъ вознагражденія князей, потерявшихъ тогда въ пользу Франціи свои владѣнія на лѣвомъ берегу Рейна (Brockhaus).

Вѣнскимъ конгрессомъ образована Германская конфедерація, въ составъ которой вошли все сохранившіе еще свою самостоятельность германскіе владѣтельные князья и вольные города, Императоръ Австрійскій (нѣмецкими своими землями), короли Пруссій, Датскій (нѣкоторыми провинціями монархіи) и Нидерландскій (въ качествѣ герцога Люксембургскаго). Центральная власть „Германскаго союза“ выражалась въ сеймъ (подъ предсѣдательствомъ уполномоченнаго Австріи) съ весьма слабою объединяющею властью и съ устройствомъ очень сложнымъ. Но при преобразованіи Германскаго союза Вѣнскій конгрессъ болѣе всего заботился о томъ, чтобы установить въ немъ нѣкоторое равновѣсіе вліяній и силъ двухъ исконныхъ соперницъ за преобладаніе въ Германіи, т. е. Австріи и Пруссіи, почему вмѣсто Германскаго союза, какъ сильнаго оплота для равновѣсія въ центрѣ Европы, получился союзъ слабый, создана арена борьбы и домогательствъ для Австріи, Пруссіи и Франціи. О легитимизмъ конгрессъ меньше всего озаботился при созданіи Германскаго союза. Многія владѣнія поглощены Пруссіей и другими Германскими государствами; такъ называемые Standesherrn (древніе независимые имперскіе дворяне Германіи) потеряли прежнюю суверенную независимость и конгрессъ медиатизировалъ ихъ наравнѣ съ нѣкогда бывшими Имперскими городами.

Еще поразительнѣе нарушенъ легитимистическій принципъ въ соединеніи Бельгійскихъ провинцій, отнятыхъ у Австріи, съ Голландією въ одно государство (подъ именемъ королевства Нидерландовъ), созданіе конгресса, имѣвшее въ виду поддержаніе равновѣсія и оплота противъ

завоевательныхъ замысловъ Франціи. О возстановленіи республики Голландіи, потерявшей независимость при войнахъ Имперіи, не было и рѣчи. *Невозстановленіе Голландіи, инкорпорація Венеціи Австрією, а Генуи Сардинією* (въ видѣ вознагражденія за уступленную Франціи часть Савойи по Парижскому миру), послѣдней вопреки § 1 Шалонскаго договора и слову англійскаго генерала лорда Бентинка, гарантировавшаго Генуѣ ея независимость отъ имени Великобританіи,—доказываютъ еще, какъ нельзя лучше, что если Вѣнскій конгрессъ слѣдовалъ иногда началамъ легитимизма, то только по отношенію къ монархіямъ, а не къ республикамъ.

Одна Швейцарія получила обратно всѣ завоеванныя у нея Франціей области; Вѣнскій конгрессъ провозгласилъ ее вѣчно нейтральною и принялъ этотъ нейтралитетъ подъ покровительство Европы.

Весьма грубо нарушены требованія легитимной теоріи по отношенію къ папѣ, какъ свѣтскому государю; у него отнята (въ пользу Австріи) часть Феррары, безъ всякаго за то вознагражденія; династическія права Густава IV Шведскаго, протестовавшаго предъ конгрессомъ противъ законности своего отрѣченія отъ престола, вынужденнаго у него, плѣнника, насиліями революціи, не получили никакой защиты: маршалъ Бернадоттъ, снискавшій симпатію Александра I, въ вознагражденіе за своевременное отступничество отъ дѣла Императора Французовъ и присоединеніе къ союзникамъ, былъ признанъ королемъ Швеціи съ престолонаслѣдіемъ въ его династіи. Т. е. конгрессъ санкціонировалъ въ этомъ случаѣ революцію, а Норвегія, отторгнутая отъ Даніи, безъ ея согласія соединена съ Швеціей въ одно политическое тѣло. Тщетно хлопотали также на конгрессѣ представители ордена Св. Іоанна (Мальтійскіе рыцари) если не о возстановленіи ихъ суверенной независимости надъ островомъ Мальтою, подареннымъ имъ Императоромъ Карломъ V, то о „справедливомъ вознагражденіи ихъ въ другомъ мѣстѣ, одинаково свободномъ и суверенномъ“, при чемъ рыцари подтверждали свое законное требованіе ссылками на общеевропейскій интересъ, который они могли охранять „давая покровительство въ Средиземномъ морѣ торговлѣ и мореплаванію христіанскихъ народовъ и противодѣйствуя захвату въ плѣнъ и рабство христіанъ мусульманами Африки“. Мальта была уступлена Англій, которой она была необходима какъ хорошая гавань на Средиземномъ морѣ, а орденъ ничего не получилъ.

Начала легитимизма получили примѣненіе лишь относительно незначительныхъ территоріальныхъ измѣненій и второстепенныхъ владѣтелей (больше въ Италіи). Такъ, Сардинія приводится къ предѣламъ, въ которыхъ она заключалась до 1-го января 1792 г.; Эрцгерцогъ Фердинандъ Австрійскій возстановляется во всѣхъ правахъ и владѣніяхъ надъ Тосканію, которыми онъ обладалъ до Люневильскаго трактата; а Фердинандъ IV вновь возстановленъ на Неаполитанскомъ престолѣ; требованія, предъявленныя Португалією, на нѣкоторыя территоріи, уступленныя Испаніи по трактату 1801 г., объявляются конгрессомъ „законными, а земли подлежащими возвращенію“; наконецъ, право завоеванія осуждено постановленіемъ конгресса о возвращеніи Франціи регентомъ

Португаліи и Бразиліи Французской Гвіаны. Но дѣло въ томъ, что во всѣхъ опредѣленіяхъ конгресса касательно Италіи, отразилось желаніе усилить вліяніе въ ней Австріи и удовлетворить послѣднюю насажденіемъ или возстановленіемъ въ Итальянскихъ земляхъ владѣтелей Австрійскаго дома.

Почти всѣ перечисленныя политическія комбинаціи и территориальныя измѣненія Вѣнскаго конгресса постепенно исчезли, являлись такимъ образомъ твореніями преходящими, нежизнеспособными. *Иная судьба друиыхъ постановленій конгресса, оставившихъ прочныя слѣды въ исторіи международныхъ отношеній и въ системѣ международного права. Таковы постановленія его: а) о рангахъ дипломатическихъ агентовъ, б) о негроторговлѣ и с) о свободѣ судоходства по рѣкамъ.*

а) Въ XVII и XVIII столѣтіяхъ шли безпрерывныя, нерѣдко ожесточенныя, почти всегда комическіе споры о первенствѣ и высшемъ достоинствѣ (рангѣ) разныхъ государствъ и ихъ представителей, претендовавшихъ на первое или лучшее мѣсто, споры и столкновенія, вытекавшіе изъ преувеличенныхъ понятій о суверенной самостоятельности государствъ и служившіе зачастую помѣхою мирнымъ международнымъ отношеніямъ. *Вѣнскій конгрессъ* положилъ имъ предѣлъ; онъ *опредѣлилъ классы и ранги дипломатическихъ агентовъ и взаимныя отношенія ихъ при подписаніи и заключеніи договоровъ.*

б) *Вѣнскій конгрессъ* первый осудилъ отъ имени международного союза негроторговлю, какъ противную индивидуальной свободѣ чело-вѣка и позорящую чело-вѣчество. Другими словами, *конгрессъ впервые взялъ на себя международную защиту основныхъ правъ чело-вѣка* (принципа личной свободы), т. е. явился предшественникомъ цѣлаго ряда послѣдующихъ договоровъ, направленныхъ противъ негроторговли. Счастливое противорѣчіе въ направленіи конгресса, подавлявшаго политическую свободу и независимость государствъ въ Европѣ и пытавшагося защитить въ то же время индивидуальную свободу чернокожихъ! Это противорѣчіе навязано конгрессу Великобританіею. Наконецъ, с) до Вѣнскаго конгресса не дѣлалось никакого различія между рѣками, все теченіе которыхъ принадлежало одному государству, и тѣми, которыя протекали по землямъ или разграничивали территоріи, принадлежавшія разнымъ государствамъ. На полное обладаніе рѣками всегда претендовали (въ предѣлахъ своихъ территорій) всѣ державы, земли которыхъ омывались рѣкою. Онѣ не стѣснялись взимать всякія пошлины съ кораблей другихъ государствъ, владѣвшихъ рѣкою, налагали всякія стѣсненія для судоходства (въ фискальныхъ своихъ интересахъ), почему не только иноземныя державы, но и сосѣди, граничившіе съ рѣкою, не могли пользоваться свободно такими рѣками, какъ артеріями всемірнаго оборота. Т. е. взглядъ на такія рѣки отражалъ на себѣ, какъ преувеличенное мнѣніе о значеніи государственнаго суверенитета, на которомъ покоились международныя отношенія, такъ и устарѣлое воззрѣніе на возможность исключительнаго или преобладающаго господства надъ морями, перенесенное съ послѣднихъ на рѣки. Эта точка зрѣнія защищалась трактатами и еще во второй половинѣ XVIII

вѣка споръ между Австріей и Голландіей изъ за свободнаго судоходства по Шельдѣ (устья которой принадлежали Голландіи, закрывшей доступъ къ морю торговлѣ Бельгійскихъ провинцій, принадлежавшихъ Австріи) выдвинулъ рядъ защитниковъ претензій Голландіи на исключительное территориальное верховенство надъ устьями Шельды. *Вѣнскій конгрессъ впервые высказалъ воззрѣнія на такія рѣки, какъ на имѣющія международное значеніе, какъ на артеріи для свободнаго международного обмена.* Особая коммиссія при конгрессѣ, состоявшая подъ предсѣдательствомъ Гумбольдта, выработала рядъ общихъ началъ, принятыхъ конгрессомъ и выраженныхъ въ статьяхъ, на основаніи которыхъ судоходство по всему теченію такихъ рѣкъ объявлено совершенно свободнымъ для торговли всѣхъ націй; вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлены фискальныя права и полицейскія обязанности прибрежныхъ государствъ. *Начала Вѣнскаго конгресса получили въ послѣдствіи примѣненіе къ важнѣйшимъ европейскимъ и американскимъ рѣкамъ международного характера.*

§ III. Съ Вѣнскаго конгресса начинается въ Европѣ эра укрѣпленія и преобладанія легитимизма, основанія котораго даны еще Талейраномъ. Они получили дальнѣйшее развитіе и религіозную окраску въ актѣ священнаго союза, подписаннаго монархами Австріи, Пруссіи и Россіи 14 (26) сентября 1815 г. Для насъ имѣетъ значеніе только содержаніе этого акта, получившаго въ послѣдствіи громадное вліяніе на международныя отношенія (хотя это вліяніе отрицается Меттернихомъ и друг.) Три монарха высказали въ немъ убѣжденіе о необходимости принять за неизмѣнное правило ихъ поведенія и въ сношеніяхъ съ другими правительствами только предписанія святой религіи, правилъ справедливости, милосердія и мира, которыя должны вліять и на рѣшенія государствъ въ качествѣ единственнаго средства для упроченія человѣческихъ учрежденій. Слѣдую священному писанію, монархи обязуются давать другъ другу поддержку, защиту и помощь во всякомъ случаѣ и во всякомъ мѣстѣ; къ подданнымъ же своимъ они будутъ относиться какъ „отцы семействъ“ и управлять ими „въ духѣ братства“, себя же и подданныхъ разсматривать, какъ членовъ одной и той же христіанской націи; сами же государи суть уполномоченные Провидѣніемъ для управленія тремя вѣтвями одного семейства. Совершенно вѣрно видитъ въ этомъ актѣ Гентцъ (извѣстный дипломатъ, секретарь Вѣнскаго конгресса) „взаимное, личное обязательство государей свято соблюдать основныя положенія системы, созданной трактатами“, почему актъ священнаго союза есть въ его глазахъ „построеніе общихъ основныхъ положеній“, въ которыхъ можно усмотрѣть смѣсь принциповъ религіозныхъ, нравственныхъ и политическихъ, среди которыхъ ясно очерчиваются основы будущей системы международного охраненія Европейскихъ государствъ и престоловъ противъ всякаго переворота отъ внѣшней, внутренней революціи или отъ завоеванія (мнѣніе Brockhaus'a). А что актъ священнаго союза имѣлъ характеръ договорнаго соглашенія (въ торжественной формѣ деклараціи) явствуетъ изъ того, что къ священному

союзу присоединились почти все христіанскія державы Европы, за исключеніемъ Англіи, конституція которой требовала подписанія трактатовъ отвѣтственными министрами.

Начала Священнаго союза въ дальнѣйшемъ ихъ развитіи получили примѣненіе въ дѣлахъ Германіи (такъ называемые Карлсбадскіе переговоры и постановленія), на конгрессахъ въ *Ахенъ* (1818 г.), въ особенности же на конгрессахъ въ *Троппау* (1820), *Лайбахъ* (1821 г.) и *Веронъ* (1822—23 г.); послѣдніе три конгресса были собираемы въ видахъ революціонныхъ движеній, вспыхнувшихъ въ Неаполѣ, Пьемонтѣ (Сардиніи) и въ Испаніи, для уничтоженія созданнаго въ этихъ государствахъ конституціоннаго образа правленія и для возстановленія абсолютныхъ монархій.

Гентцъ и Меттернихъ видѣли главную цѣль Ахенскаго конгресса въ укрѣпленіи и охраненіи уже созданнаго порядка, въ огражденіи его отъ напора революціонныхъ идей, осужденныхъ Вѣнскимъ конгрессомъ, но таившихся въ Европѣ. Необходимо было привлечь къ союзу Францію, гарантируя созданный въ ней легитимный порядокъ. *Цѣль конгресса заключалась въ томъ, чтобы „охранить миръ и дать никому не обидное, но скорое средство противъ величайшей изъ всехъ опасностей (революцій), если бы она могла приключиться“.* А что Ахенскій конгрессъ былъ проникнутъ идеями священнаго союза видно изъ протокола его засѣданія (15 ноября 1818 г.), въ которомъ уполномоченные Англіи, Австріи, Пруссіи, Россіи и Франціи утверждаютъ, что союзъ, ихъ соединяющій, сдѣлался еще болѣе сильнымъ и нерасторжимымъ, благодаря связямъ христіанскаго братства, которыя составили между собою государи, „при чемъ цѣль союза—поддержаніе общаго мира, основаннаго на религіозномъ уваженіи къ обязательствамъ, заключеннымъ въ трактатахъ“, обязанность же государей и ихъ министровъ, по отношенію къ Богу и управляемымъ ими народамъ, предписываетъ имъ явить миру примѣръ справедливости, согласія и умѣренности и посвятить все свои усилія на возбужденіе чувствъ религіи и морали.

Опредѣливъ основанія, по которымъ сокращался срокъ оккупации Французской территоріи союзными войсками, уменьшивъ контрибуцію, наложенную на Францію вторымъ парижскимъ мирнымъ трактатомъ, *Ахенскій конгрессъ дополнилъ правила Вѣнскаго конгресса о дипломатическихъ агентахъ* (введены такъ называемые министры-резиденты); *впервые онъ провозгласилъ непремѣнною обязанностью монарховъ руководствоваться въ международныхъ отношеніяхъ началами международного права и необходимость созыва на будущее время конгрессовъ и конференцій, т. е. международныхъ собраній для обсужденія общихъ вопросовъ, требующихъ внимательства.* Въ этихъ трехъ постановленіяхъ нельзя не усматривать дальнѣйшаго прогресса въ развитіи международныхъ отношеній и международного права.

Карлсбадскіе переговоры и постановленія, состоявшіяся на особомъ совѣщаніи уполномоченныхъ германскихъ государствъ, имѣли въ виду 1) исполненіе и пополненіе постановленій конгресса Вѣнскаго касательно внутренней организаціи Германіи, 2) выработать совместно мѣры борьбы

*противъ ненормальнаго, по мнѣнію Австріи и Россіи, нравственнаго состоянія Германіи, неразрывно связаннаго съ состояніемъ Европы, развившагося въ усилившейся агитаціи въ пользу конституціонныхъ учрежденій и реформъ, которымъ противодѣйствовали Австрія и Россія. Для достиженія второй изъ этихъ цѣлей Австрія добилаь отъ союзныхъ Германскихъ государствъ цѣлаго ряда мѣропріятій (и организаціи особой „центральной слѣдственной комиссіи“ для охраненія общественнаго порядка и умовъ всѣхъ благомыслящихъ людей), направленныхъ противъ свободы прессы и германскихъ университетовъ, узаконившихъ вмѣшательство центральной власти во внутреннія дѣла независимыхъ государствъ Германскаго союза. Увеличеніе же авторитета союзнаго сейма и соотвѣтственныя тому измѣненія въ актахъ союзнаго устройства, узаконившія вмѣшательство центральной власти въ интересахъ порядка и спокойствія всей Германіи, привели къ достиженію первой изъ намѣченныхъ цѣлей. Разсматриваемыя съ этой послѣдней точки зрѣнія, карлсбадскія рѣшенія могли быть актами необходимой защиты, въ которыхъ нѣмецкія правительства нуждались тогда для своего поддержанія. Но во всякомъ случаѣ *карлсбадскія постановленія были шагомъ къ дальнѣйшему усиленію центральной власти, т. е. движеніемъ по пути къ національному объединенію Германіи*, въ которомъ суверенитетъ союзныхъ правительствъ долженъ былъ принести жертву цѣлому и подчиниться въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ интересамъ послѣдняго.*

На конгрессахъ въ Троппау и Лайбахѣ уполномоченные Австріи, Пруссіи и Россіи, а на конгрессѣ въ Веронѣ еще и уполномоченные Франціи совѣщались о мѣрахъ противъ революціонныхъ движеній въ Неаполѣ, Сардиніи и Испаніи. *На нихъ руководители международнаго союза сознательно выдвинули начало вооруженнаго вмѣшательства (въ интересахъ охраненія легитимнаго порядка въ международныхъ отношеніяхъ) во внутреннія дѣла независимыхъ державъ (Неаполя, Пьемонта и Испаніи), уклонившихся отъ основнаго начала этого порядка.* Эти вооруженныя вмѣшательства приводились въ исполненіе, въ силу уполномочія державъ, Австріею относительно Неаполя и Пьемонта и Франціею относительно Испаніи; въ этихъ трехъ государствахъ конституціи уничтожены, возстановлена абсолютная власть ихъ монарховъ и въ нихъ воцарилась полная реакція. Всѣ эти *вмѣшательства оправдывались въ депешахъ союзниковъ* (отъ 8 декабря 1820 г. изъ Троппау, 12 мая 1821 изъ Лайбаха, 14 декабря 1822 г. изъ Вероны). *Въ нихъ устанавливается цѣлая легитимистическая система для охраны международнаго порядка, оправдывающая вооруженныя вмѣшательства.* Державы „обязаны блюсти спокойствіе государствъ“, нарушаемое „господствомъ возстанія и преступленія“. Онѣ „не могутъ признавать правительствъ, образовавшихся открытымъ бунтомъ“. Независимость правительствъ должна быть уважаема, внутреннія реформы и мудрыя усовершенствованія въ законодательствѣ и администраціи вполнѣ ими допускаются, но подѣ условіемъ, чтобы эти реформы и улучшенія проистекали „изъ свободной воли, просвѣщеннаго и обдуманнаго влеченія тѣхъ, которыхъ Богъ сдѣлалъ отвѣтственными за власть“. Все, выходящее за эти предѣлы, „вле-

четь необходимо къ безпорядку и переворотамъ, печально, ничтожно и отвергнуто принципами, составляющими публичное право Европы“; оно несогласимо съ безопасностью сосѣднихъ странъ и съ общимъ спокойствіемъ Европы, такъ какъ революціонные перевороты угрожаютъ миру Европы и ведутъ ко всемірной анархіи. Все же основаніе Европейскаго союза должно покоиться на „консервативныхъ принципахъ и началахъ“. Если же сами монархи (напримѣръ въ Испаніи и Неаполѣ) дали свое согласіе на провозглашеніе конституцій, то это согласіе, какъ вынужденное революціонными насиліями и происками, не можетъ быть почитаемо за добровольное, а есть лишь согласіе, вынужденное „состояніемъ моральнаго плѣна“. Очевидно, что всѣ эти начала—только дальнѣйшее подтвержденіе и развитіе мыслей, съ которыми приходилось уже встрѣчаться въ актѣ священнаго союза, перенесеніе ихъ съ почвы теоретической на почву практической международной жизни.

§ IV. Такъ созданы „основы международнаго порядка, казавшіяся вѣчными и незыблемыми“. Но уже въ концѣ 20 годовъ это зданіе начинаетъ разваливаться. Еще въ 1821 году вспыхиваетъ возстаніе въ Греціи; конгрессъ въ Эпидаврѣ провозглашаетъ въ 1822 году независимость Греческой націи. Національный принципъ, руководившій этимъ возстаніемъ, не встрѣтилъ никакого сочувствія ни въ Россіи, ни въ Австріи. Но общественное мнѣніе (особенно въ Англии) вынудило Европу выйти изъ пассивнаго положенія. *Россія*, которая получила договорами 1774 и 1812 г. (Бухарестскій трактатъ) право вмѣшательства и покровительства христіанамъ Турціи, *вмѣстѣ съ Англійей оказываетъ поддержку Греціи* (Петербургская конвенція 1826 г.), и въ 1827 году *Лондонскій протоколъ* (Россія, Франція и Англія) *обязываетъ союзниковъ фактически вмѣшаться въ пользу Грековъ*. Блокада союзными флотами береговъ Греціи привела къ Наваринской битвѣ и русско-турецкой войнѣ 1828—29 г. Въ началѣ державы желали остановиться на поль-пути, думали оставить грековъ въ зависимости отъ султана, какъ отъ суверена, съ управленіемъ изъ властей, избираемыхъ и назначаемыхъ греками. Но по *Адріанопольскому мирному трактату* (Россіи и Турціи) *султанъ вынужденъ признать независимость Греціи, которая беретъ подъ покровительство трехъ державъ* (Лондонскій протоколъ 1830 года); *образуется королевство подъ главенствомъ принца Оттона Баварскаго*. Не успѣла Европа взять подъ свое покровительство національный принципъ, столкнувшійся съ легитимнымъ началомъ въ дѣлѣ Греціи, какъ *революція во Франціи низвергла легитимную монархію и выдвинула монархію Людовика Филиппа*. Англія отнеслась къ перевороту совершенно равнодушно, Австрія и Россія высказались противъ него (Австрія хлопотала о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ противъ революціи); но такъ какъ Людовикъ Филиппъ объявилъ, что признаетъ обязательность Вѣнскихъ трактатовъ 1815 г., то это признаніе оказалось достаточнымъ для Россіи предлогомъ отнестись пассивно къ совершившемуся факту, Австрія же, предоставленная самой себѣ, не могла предпринять никакихъ рѣ-

шительныхъ дѣйствій. Французская революція отразилась на Бельгии, возставшей противъ ненавистнаго ей соединенія съ Нидерландами. Нѣкоторые писатели (напримѣръ бельгійскіе публицисты Emile de Laveleye и Robin-Jacquemyns) полагаютъ, что соединеніе Бельгии съ Голландіею было „лучшимъ дѣломъ Вѣнскаго конгресса“, а уничтоженіе этого соединенія—„величайшею ошибкою, которая поправима лишь федеральною связью между этими государствами, безъ нарушенія обоюдной автономіи ихъ во внутреннихъ дѣлахъ“. Тѣмъ не менѣе, Лондонскій трактатъ 1831 г., признавъ невозможность дальнѣйшаго совместнаго существованія Бельгии и Голландіи, „столь необходимаго для Европейскаго равновѣсія“, провозглашаетъ Бельгію самостоятельнымъ и вѣчно нейтральнымъ королевствомъ (Голландія признала эту самостоятельность лишь въ 1839 году). Существуетъ мнѣніе, приписывающее рѣшеніе лондонской конференціи интригамъ Англии, для которой было выгодно ослабленіе Нидерландовъ раздѣленіемъ ихъ на два самостоятельныя, но слабыя государства, и Франціи, мечтавшей подготовить отдѣленіемъ Бельгійскихъ провинцій ихъ будущее присоединеніе къ Франціи. Не отрицая нисколько этого факта, нельзя въ то же время не признать, что въ выдѣленіи Бельгии изъ Нидерландовъ осуществленіе національной идеи высказывается въ гораздо большей степени, чѣмъ въ естественномъ сліяніи ея съ Нидерландами: у бельгійскихъ провинцій находились въ наличности особенности въ историческихъ традиціяхъ, религіи, частію въ языкѣ и во всей культурѣ, дѣлавшія соединеніе ненавистнымъ для Бельгійцевъ.

Европейскій порядокъ, созданный конгрессами въ Вѣнѣ, Троппау, Лайбахѣ и Веронѣ, сильно поколебленъ также въ Пруссіи, Германіи и Австріи. Въ Германіи въ 30 годахъ опять дополняютъ актъ союзаго устройства въ томъ же направленіи (усиленія центральной власти), которое было указано Карлсбадскими постановленіями. Но эти стремленія къ національному объединенію исходили только изъ инициативы дворовъ, руководившихся своими собственными интересами, безъ всякаго участія и поддержки народа; при этомъ, правительства-руководители соперничали между собою во вліяніи на сеймъ, представляя на немъ только одно единство абсолютистическихъ стремленій (Schaumann). Французская революція 1848 г., низвергнувшая Людовика Филиппа и замѣнившая монархію республиканскими учрежденіями, хотя и встрѣчена враждебно Пруссіею, въ особенности же Австріею и ея союзникомъ—Россіею, не привела, однако, ко вмѣшательству этихъ державъ въ дѣла Франціи; она отразилась на Германіи, Пруссіи, въ самой Австріи и даже въ Италіи. Въ 1848 году вся Германія открыто требуетъ конституціонныхъ учрежденій, Франкфуртскій парламентъ, выражая общественное настроеніе Германіи, впервые выставилъ, въ формѣ представительства всей нѣмецкой земли, идею нѣмецкаго единства, подвергъ ее всестороннему обсужденію (хотя въ немъ, говоря словами профессора Арнтца, много болтали, а мало дѣлали), и, сознавая необходимость для рѣшенія великой задачи объединенія участія сильнаго и болѣе прогрессивнаго правительства, предложилъ даже Прусскому королю Фридриху Вильгельму скипетръ Германской Имперіи. Но въ рѣшительную

минуту король, страшась столкновения съ Австріей и ея союзницею (Россіею), отказался отъ предложенной ему роли, ограничившись нравственною поддержкою Гассенъ-Касселю, введшему у себя либеральныя учрежденія. *Движеніе въ Германіи было остановлено подъ давленіемъ Австріи и Россіи.* Въ самой Австріи, гдѣ тоже вспыхнула революція, послѣдняя была подавлена въ потокахъ крови; *инсуррекціонное же движеніе Веніи, провозгласившей свою независимость, могло быть уничтожено лишь при содѣйствіи Россіи, оказавшей вооруженное вмѣшательство въ пользу Австріи* (по личному усмотрѣнію Императора Николая I, приверженца легитимной теоріи, опасавшагося распространенія возстанія на Польшу). Въ 1848 году заволновалась и *Италія, въ которой національная идея, побуждавшая къ объединенію Италіи вокругъ Савойскаго дома* (королевства Сардиніи-Пьемонтъ), *тоже пустила глубокіе корни. Австрія противодѣйствуетъ этому движенію, охраняя въ свою пользу и въ интересахъ мелкихъ итальянскихъ владѣтелей, родственниковъ австрійскаго царственнаго дома, слабость и разрозненность итальянскихъ земель. Возстаніе, вспыхнувшее въ Миланѣ и Венеціи, подавлено Австріею. Національная идея, взволновавъ Германію, подняла знамя возстанія и въ нѣмецкихъ провинціяхъ Даніи—Шлезвигъ и Гольштейнъ, присоединенныхъ Вѣнскимъ конгрессомъ къ Датской монархіи.* Германскій союзъ оказалъ имъ поддержку, началась война ея съ Даніею, но *вмѣшательство Россіи вынудило враждующія стороны къ заключенію мира* (берлинскій трактатъ 1850 г.); *оба герцогства остались подъ властью Даніи.*

§ V. *Начала легитимизма, породившія вооруженныя вмѣшательства, должны были, по мысли Россіи и Австріи, послужить основаніемъ Веронскому конгрессу для противодѣйствія возстанію, вспыхнувшему въ 1820 г. въ испанскихъ и португальскихъ колоніяхъ южной и центральной Америки.* Не смотря на то, что колоніи фактически отвоевали себѣ независимость, *Веронскій конгрессъ серьезно задумалъ прійти вооруженною рукою на помощь Испаніи и Португаліи для подавленія возстанія въ ихъ колоніяхъ.* Англія отказалась одобрить постановленія конгресса, осудила начало вооруженнаго вмѣшательства вообще и вмѣшательство Франціи въ дѣла Испаніи въ частности; она опасалась и того, чтобы Франція, воспользовавшись обстоятельствами, не пріобрѣла въ свою пользу какой-либо изъ испанскихъ колоній. Это враждебное настроеніе Англіи, въ особенности же знаменитая доктрина президента Соединенныхъ Штатовъ Сѣв. Америки—Монроэ, провозглашенная имъ 2 декабря 1823 года при открытіи сессіи конгресса въ Вашингтонѣ, повліявшая и на рѣшимость англійскаго правительства, остановили приведеніе въ исполненіе проекта Веронскаго конгресса.

Замѣчательный документъ, заключающій въ себѣ доктрину Монроэ, можетъ быть раздѣленъ на 2 части. Въ первой изъ нихъ заключается воззрѣніе президента Монроэ на вмѣшательство Европы во внутреннія дѣла Американскихъ государствъ. Монроэ провозглашаетъ, что Соед. Штаты не имѣютъ намѣренія ни пріобрѣтать, ни присоединять

никакихъ древнихъ владѣній Испаніи въ Америкѣ, и что они не будутъ чинить никакихъ препятствій заключенію дружественныхъ соглашеній между метрополіею и освободившимися колоніями, но что *Соед. Штаты будутъ всѣми силами отражать вмѣшательство другихъ государствъ, подъ какими бы то ни было формами*. Сами Соед. Штаты никогда не принимали никакого участія въ войнахъ европейскаго континента, такъ какъ такое участіе ихъ, не вызванное интересами охраненія правъ и достоинства Штатовъ, было бы противно интересамъ ихъ политики: политическая система союзныхъ державъ Европы существенно отлична отъ системы, воспринятой Соед. Штатами, что объясняется кореннымъ различіемъ въ самомъ строеніи правительствъ Европы и Штатовъ. Но всякая попытка Европы распространить ея политическую систему на какую-либо часть Американскаго континента должна быть разсматриваема, какъ опасная для спокойствія и безопасности Соед. Штатовъ. Отказываясь, поэтому, отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла колоній, которыми Европейскія державы обладаютъ еще въ Америкѣ, Соед. Штаты будутъ разсматривать „какъ проявленіе враждебныхъ намѣреній относительно ихъ, вмѣшательство любой европейской державы въ видахъ подавленія свободы правительствъ, провозгласившихъ свою независимость, поддерживающихъ ее и признанныхъ Соед. Штатами“. *Всякая попытка союзныхъ державъ установить ихъ политическую систему въ той или другой части Америки привела бы къ большой опасности для благополучія и спокойствія Штатовъ*, которые, однако, провозгласили и будутъ соблюдать нейтралитетъ въ войнѣ, возникшей между Испаніей и новыми независимыми правительствами (бывшими колоніями).

Вторая часть посланія президента Монроэ является въ сущности воспроизведеніемъ взгляда, высказаннаго еще въ 1821 году Адамсомъ, статсъ-секретаремъ Соединенныхъ Штатовъ по иностраннымъ дѣламъ, въ спорѣ, возникшемъ между Англіей и Штатами съ одной и Россіей съ другой стороны: Россія предъявила право на исключительное господство надъ обширными пространствами между рѣкою Орегономъ и Беринговымъ проливомъ. И вотъ, *президентъ Монроэ выставилъ положеніе: право и интересы Соед. Штатовъ требуютъ, чтобы весь Американскій континентъ, состоящій изъ государствъ, пріобрѣвшихъ свободу и независимость, не могъ быть на будущее время разсматриваемъ, какъ объектъ для колонизаціи со стороны европейскихъ державъ*.

Справедливо замѣчаетъ Salvo, что ученіе Монроэ имѣло еще скрытную цѣль—поставить Соед. Штаты въ роль верховнаго покровителя американскихъ государствъ и охранителя ихъ территорій. Эта цѣль проявилась, между прочимъ, и въ отношеніи Соед. Штатовъ къ Панамскому конгрессу. Мысль созвать на конгрессъ 10 государствъ, отдѣлившихся отъ Испаніи и Португаліи, для образованія изъ нихъ федеративной республики, принадлежитъ Перу; энергичный президентъ Перу (Боливаръ) приглашалъ въ 1824 году всѣ государства на конгрессъ; но на немъ участвовали лишь Колумбія, Центральная Америка, Перу и Мексика (Боливія, Чили, Буэносъ-Айресъ и Бразилія не приняли въ немъ участія) и въ роли совѣтчиковъ, но безъ прямого участія въ офи-

ціальнихъ совѣщаніяхъ, уполномоченные Великобританіи и Нидерландовъ. Желая привлечь на свою сторону и получить дѣятельную поддержку Соед. Штатовъ, *Панамскій конгрессъ открыто провозгласилъ доктрину Монроэ, какъ обязательную въ международныхъ отношеніяхъ Южно-Американскихъ республикъ, думая такимъ образомъ вынудить Соед. Штаты отречься отъ провозглашеннаго ими нейтралитета по отношенію къ Испаніи и Португаліи и соединиться съ ними противъ европейской системы, допускавшей открытіе и колонизацію новыхъ земель.* Но Соед. Штаты, хотя и согласились принять участіе въ Панамскомъ конгрессѣ, не рѣшились, однако, ни покинуть своего нейтралитета по отношенію къ Испаніи и ея колоніямъ, ни оказать какую-либо нравственную гарантію въ пользу Южно-Американскихъ государствъ. Это поведеніе Соед. Штатовъ было одною изъ причинъ, повлекшихъ за собою неудачу конгресса (засѣдалъ въ 1826 г.); заключенные на немъ трактаты о соединеніи и вѣчной федераціи не были ратификованы; практическое значеніе конгресса было совершенно ничтожно. Такая же участь постигла и всѣ дальнѣйшія попытки созванія общаго Американскаго конгресса, не исключая конгресса въ Лимѣ (1847—48 гг.) изъ представителей Боливіи, Чили, Эквадора, Новой Гренады и Перу (республики Аргентинская, Уругвай, Парагвай, Мексика и Центральная Америка не имѣли на немъ представительства). *Выработанное на немъ соглашеніе объ образованіи конфедераціи (съ общимъ правительствомъ), о введеніи общихъ правилъ для торговли и судоходства, общей почтовой и консульской конвенцій не получили осуществленія и остались только проектами.*

Пятый періодъ. Отъ Парижскаго конгресса 1856 года до Берлинскаго конгресса 1878 года.

§ I. *Этотъ періодъ богатъ событіями и пріобрѣтеніями для международнаго права. Начинаясь первою восточною войною, уничтожившею исключительное господство Россіи на Востокѣ и ослабившею временно ея преобладающую роль въ Европѣ, онъ не прекратилъ и даже не приостановилъ дальнѣйшаго успѣха національной идеи, за которой замѣтно стушевывается идея политическаго ривновѣсія, а система легитимизма и совершенно исчезаетъ изъ сферы международныхъ отношеній.*

Оба конгресса—начинающій (Парижскій) и заканчивающій (Берлинскій) этотъ періодъ, хотя и стремятся еще, въ огражденіе исключительныхъ интересовъ нѣкоторыхъ державъ, *задержать торжество національнаго принципа, въ виду чего они создаютъ случайныя, далеко не всегда жизнеспособныя комбинаціи, все же вынуждаются неотвратимою силою историческихъ событій къ принципиальному признанію національнаго начала и къ частому его осуществленію. Сепаративныя соглашенія между отдѣльными державами все болѣе вытѣсняются сознаніемъ необходимости соглашеній (договоровъ), обнимающихъ все большее число госу-*

дарствъ, т. е. приближающихся къ идеѣ международнаго законодательства. Это сознаніе находитъ свое выраженіе въ коллективномъ обсужденіи всеми заинтересованными на часто собираемыхъ конференціяхъ и на двухъ конгрессахъ вопросовъ общаго интереса. При этомъ побѣдители (напр. Россія) несутъ иногда на обсужденіе и перерѣшеніе европейскаго ареопага договоры, заключенные ими съ побѣжденными. Коллективное внимательство все болѣе стремится вытѣснить единоличное внимательство по исключительному усмотрѣнію заинтересованной державы. Сознаніе о юридическо-высшемъ порядкѣ, обнимающемъ совмѣстную жизнь народовъ, неудержимо пробивается, требуетъ себѣ общаго признанія. Оно проявляется въ получающей все большее признаніе и нерѣдко практически осуществляющейся идеѣ международнаго третейскаго суда; въ еще большей степени въ важныхъ международно-законодательныхъ актахъ изъ сферы военнаго международнаго права (напр. конвенціи 1864 и 1868 годовъ), въ области морскаго международнаго права (приводя въ ней къ международно-законодательной кодификаціи правъ нейтральныхъ народовъ; актъ 16 апрѣля 1856 года); институтъ консульскій получаетъ громадное и вполне законченное развитіе во множествѣ консульскихъ конвенцій и специальныхъ внутреннихъ законодательствахъ; частное (гражданское) международное право имѣетъ общее признаніе, богатое содержаніе; оно охраняется внутренними законодательствами (и нѣкоторыми трактатами), подпавшими вліянію требованій и интересовъ международнаго правоваго общенія. Международное уголовное право твердо становится на точку зрѣнія полной солидарности государствъ въ борьбѣ съ преступленіями, что выражается и въ договорахъ о выдачѣ преступниковъ, которыхъ выдаютъ уже и безъ спеціальнаго соглашенія, въ силу признанной взаимной обязанности государствъ оказывать другъ другу судебную помощь при преслѣдованіи враговъ юридическаго порядка, основы котораго одинаковы у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. Наконецъ, идея мира и добраго порядка сношеній между народами поддерживается законами о натурализаціи и отказѣ отъ подданства. Можно сказать, что идея международнаго юридическаго порядка общепризнана въ международныхъ отношеніяхъ, пустила глубокіе корни. Она ждетъ своего внѣшняго осуществленія въ какой-либо общей формѣ прочной и постоянной связи между народами.

§ II. Первая Восточная война (Крымская 1854—56 г.) вызвана многими причинами. Европа (въ особенности Франція и Англія) давно пыталась вытѣснить исключительное вліяніе Россіи на Турцію (пріобрѣтенное ею мирнымъ договоромъ 1774 года), вліяніе, которое помогало распаденію Турецкой монархіи, выдѣленію изъ нея независимыхъ государствъ, которыя, тяготѣя, по мнѣнію Европы, къ Россіи, могли въ союзѣ съ нею предоставить послѣдней громаднѣйшій перевѣсъ надъ сосѣдями (Россія издавна приписывалось Европою еще на основаніи апокрифическаго документа, извѣстнаго подъ именемъ „завѣщанія Петра Великаго“, стремленіе къ завоеванію Константинополя). Экономическіе (торговые) интересы Франціи и особенно Великобританіи тоже вы-

нуждали ихъ къ тому, чтобы захватить рынки для сбыта ихъ произведеній на Востокѣ. У Франціи (гдѣ воцарилась съ 1851 года имперія) имѣлась еще затаенная личная вражда Императора Наполеона III къ Императору Николаю I. Пруссія, политика которой по отношенію къ Россіи была съ начала 50 годовъ двулична и даже недобросовѣстна, тоже тяготѣла къ Англійи и Франціи, искала случая ослабить Россію. Австрія, сталкиваясь съ Россіею въ Турціи, ревниво слѣдила за преобладающею ролью нашего отечества въ Европѣ и Турціи. Наконецъ, Сардинія-Пьемонтъ, получивъ обѣщаніе Франціи оказать ей содѣйствіе относительно видовъ Сардиніи на Ломбардо-Венеціанское королевство, имѣла интересъ примкнуть къ врагамъ Россіи. *Въ начавшейся Восточной войнѣ, къ Турціи примкнули Англія, Франція и Сардинія, мотивируя союзъ необходимостью положить предѣлъ наступательной политики Россіи и охранить политическое равновѣсіе, звеномъ котораго является Турція; споръ о святыхъ мѣстахъ и о ключахъ Гроба Господня былъ лишь видимымъ предлогомъ для противниковъ Россіи.* Война окончилась неудачно для Россіи, отчасти благодаря враждебному нейтралитету Австріи и колебаніямъ Пруссіи, которая по всей вѣроятности, тоже примкнула бы къ союзникамъ.

Война закончилась Парижскимъ мирнымъ конгрессомъ (трактатъ 30 марта 1856 года), въ которомъ приняли участіе Австрія, Англія, Франція, Сардинія, Пруссія, Россія и Турція.

Парижскій конгрессъ былъ первымъ международнымъ собраніемъ, въ которомъ официально мусульманское государство принято въ составъ международнаго союза, хотя фактически еще до Вестфальскаго мира и послѣ него международныя отношенія къ Турціи не только существовали, но и формально выражались въ международныхъ съ нею договорахъ. *Но конгрессъ Парижскій впервые провозгласилъ, что Турція принята въ европейскій концертъ и что на нее распространяется европейское международное право.* Эта мысль встрѣчаетъ дальнѣйшее подтвержденіе и развитіе въ признаніи протоколами засѣданія конгресса необходимости гарантировать независимость Турціи и неприкосновенность ея территоріальныхъ владѣній для охраненія европейскаго равновѣсія и въ охранѣ этой независимости всѣми державами участницами конгресса, т. е. въ замѣнѣ односторонняго протектората надъ нею Россіи коллективною гарантіею Европы (въ лицѣ всѣхъ великихъ державъ). А такъ какъ прежніе договоры Россіи съ Турціею (начиная съ Кучукъ-Кайнарджійскаго) устанавливали въ пользу первой одностороннее право вмѣшательства во внутреннія дѣла Оттоманской имперіи, то это право Россіи замѣнено правомъ всѣхъ державъ-участницъ конгресса. Это начало, какъ логическое послѣдствіе изъ идеи коллективной гарантіи, призвано косвенно санкціею, данною въ трактатѣ султанскому фирману, провозглашающему начало гражданской равноправности подданныхъ Турціи безъ различія въ исповѣданіяхъ. Имѣется, правда, и обязательство контрагентовъ не вмѣшиваться ни прямо, ни косвенно во внутреннюю администрацію Турціи. Но не подлежитъ сомнѣнію, что это послѣднее обязательство, сталкиваясь съ первымъ, всегда

уступало ему настолько же въ силу основной мысли трактата, насколько и фактически во всѣхъ послѣдующихъ отношеніяхъ Европы къ Турецкой имперіи.

Національное движеніе, побуждавшее къ постепенному выдѣленію изъ Турціи и образованію независимыхъ политическихъ тѣлъ (Молдавіи съ Валахіей и Сербіи) получило, хотя и вопреки замысламъ вліятельнѣйшихъ державъ конгресса, признаніе въ созданіи двухъ независимыхъ княжествъ (Молдавіи и Валахіи), соединившихся вскорѣ въ одно государство (Румынію), подъ властію князей, избираемыхъ населеніемъ и утверждаемыхъ султаномъ, а также въ санкціи, данной конгрессомъ внутренней независимости княжества Сербіи, изъ которой образовали полу-независимое государство съ подчиненіемъ Турціи во внѣшнихъ сношеніяхъ и съ обязанностью платить Портѣ дань (Турція утверждала князей Сербіи). Въ огражденіе же этой полунезависимости княжества, конгрессъ объявилъ, что впредь Порта не можетъ, безъ предварительнаго согласенія съ державами, вмѣшиваться вооруженною рукою во внутреннія дѣла Сербіи.

Распространяя въ интересахъ международнаго торговаго оборота постановленія Вѣнскаго конгресса о свободѣ судоходства по рѣкамъ международнаго характера на Дунай, Парижскій конгрессъ создалъ и гарантію свободнаго судоходства на Дунай въ формѣ двухъ международно-административныхъ учреждений—Дунайской международной (по мысли конгресса временной) и Дунайской прибрежной коммисіи (должна была сдѣлаться постоянною, по закрытіи первой, и состоять изъ представителей прибрежныхъ къ Дунаю державъ). Для охраненія же Турціи (отъ предполагавшейся опасности со стороны Россіи) равно и самаго судоходства по Дунаю, Черное море нейтрализовано: доступъ въ него чрезъ Дарданельскій проливъ прекращенъ (безъ спеціальнаго разрѣшенія султана) вѣсьмъ военнымъ кораблямъ, за исключеніемъ лишь судовъ, употребляемыхъ, по соглашенію между Россіей и Турціей, для береговой службы и охраны. Въ этихъ же видахъ Россія, какъ побѣжденная, вынуждена отказать отъ содержанія на Черномъ морѣ военнаго флота, разрушить уже существующія крѣпости и не строить новыхъ на Черноморскомъ побережьи. Устья же Дуная уступлены ею Молдаво-Валахіи. Державы, навязавшія Россіи эти унижительныя и тяжелыя повинности, нарушавшія священное право независимаго государства на самооборону, т. е. на самосохраненіе, понимали еще въ то время всю неестественность и несправедливость этихъ послѣднихъ условій. И дѣйствительно, воспользовавшись столкновеніями, произошедшими между Франціей и Пруссіей въ 1870 году, русское правительство потребовало пересмотра этихъ постановленій Парижскаго трактата, которыя и были отменены Лондонскою конвенціею въ 1871 году, подписанною державами-участниками Парижскаго конгресса.

Когда трактатъ 30 марта 1856 года былъ подписанъ, французскій уполномоченный, графъ Валуевскій предложилъ уполномоченнымъ издать декларацію, которая, по его мнѣнію, будетъ принята цѣлымъ міромъ съ чувствомъ живѣйшей, признательности и окажется знаменательнымъ

прогрессомъ въ международномъ правѣ. Предложеніе было принято и уполномоченные приняли во вниманіе, что „морское право во время войны было долгое время предметомъ споровъ, что неопредѣленность правъ и обязанностей въ подобныхъ предметахъ ведетъ къ разнорѣчію во мнѣніяхъ между нейтральными и воюющими“, порождающее серьезныя затрудненія и столкновенія; и что поэтому необходимо установить однообразную доктрину на счетъ столь важнаго пункта, т. е. ввести въ международныя отношенія точныя по этому предмету принципы. По этимъ соображеніямъ уполномоченные согласились въ 4 слѣдующихъ пунктахъ, составляющихъ содержаніе Парижской морской деклараціи 16 апрѣля 1856 года: 1) „Каперство отменяется навсегда; 2) Нейтральный флагъ покрываетъ непріятельскіе товары, за исключеніемъ военной контрабанды; 3) Нейтральная собственность, за исключеніемъ военной контрабанды, не можетъ быть захвачена подъ непріятельскимъ флагомъ; 4) Блокада, для того, чтобы быть обязательной, должна быть дѣйствительною, т. е. поддерживаема силою достаточною, чтобы фактически воспретить приближеніе къ непріятельскому берегу“. Эти четыре начала объявлены нераздѣльными и всѣ морскія державы приглашены присоединиться къ акту Парижской морской деклараціи. Постепенно къ нимъ примкнули всѣ государства, за исключеніемъ Соед. Штатовъ Сѣв. Америки, Мексики и Испаніи (всего 46 державъ). Послѣднія двѣ державы, выразивъ свое сочувствіе и согласіе со 2, 3 и 4 пунктами, не рѣшились отказаться отъ каперства. Въ этомъ отношеніи ихъ увлекъ примѣръ Соед. Штатовъ Сѣв. Америки, которые объявили (Нота Марсу, статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ), что отмена каперства можетъ быть допущена лишь при условіи признанія воюющими на морѣ начала неприкосновенности частной непріятельской собственности вообще (за исключеніемъ военной контрабанды и собственности, подвозимой къ блокированнымъ мѣстамъ); безъ принятія этого принципа отказъ отъ пользованія каперами представляется Соед. Штатамъ опасностью для обороны тѣхъ государствъ, которыя (напримѣръ Соед. Штаты), не обладая значительными военными флотами, имѣютъ большія коммерческіе флоты. Послѣдніе были бы добычею сильныхъ военными флотами морскихъ государствъ и уравновѣситъ эту невыгоду государство, бѣдное военными силами на морѣ, можетъ лишь при посредствѣ каперовъ.

Безспорно, что актъ 16 апрѣля 1856 года имѣетъ громадное международное законодательное значеніе. Отмѣною каперства онъ дополняетъ актъ I вооруженнаго нейтралитета; недостатки его въ томъ, что онъ соединяетъ 4 положенія, не допускаетъ присоединенія къ нимъ порознь, не опредѣляетъ военной контрабанды и не точно редактируетъ постановленія о блокадѣ. Тѣмъ не менѣе, кодифицированное въ 4 положеніяхъ морское международное право въ время войны продолжаетъ развиваться въ томъ же направленіи и во всѣхъ морскихъ войнахъ съ 1856 года, если исключить поведеніе Турціи въ войны 1877 и 78 г., не только соблюдалось всѣ постановленія 16 апрѣля 1856 года, они видимо развивались въ направленіи все большаго приближенія къ началу неприкосновенности на морѣ частной собственности непріятелей.

§ III. Съ Парижскаго конгресса всѣ выдающіяся международныя событія группируются около процессовъ національнаго объединенія въ Германіи и Италіи и выдѣленія независимыхъ національностей изъ состава Турціи.

Объединеніе Германіи не могло быть достигнуто, пока въ ней шла ожесточенная борьба двухъ соперницъ (Австріи и Пруссіи), которая должна была окончиться пораженіемъ Австріи, стоявшей во главѣ Германскаго союза, враждебной идеѣ прогресса и объединенія. Австрія была изгнана изъ союза, который долженъ былъ объединиться около Пруссіи. Съ 1848 по 1866 годъ идея объединенія Германіи дѣлаетъ громадныя успѣхи и почва для вытѣсненія враждебнаго ей элемента, Австріи, вполне подготовлена. Прелюдіей къ войнѣ 1866 года послужила война 1864 года, предпринятая Пруссіею и Австріею при поддержкѣ Германскаго союза противъ Даніи, изъ за провинцій Шлезвигъ и Гольштейнъ, входившихъ въ составъ Германскаго союза. Эти провинціи съ большинствомъ нѣмецкаго населенія стремились къ отторженію отъ Даніи и къ присоединенію къ Германіи; предлогомъ для войны послужило изданіе Датскимъ королемъ Христіаномъ IX въ 1863 г. конституціи, распространявшейся на Шлезвигъ, въ которой населеніе этихъ провинцій и Германскій сеймъ усматривали нарушеніе Даніею правъ этихъ провинцій, входившихъ въ составъ союза; поэтому сеймъ постановилъ подвергнуть Датскаго короля союзной экзекуціи, исполненіе которой поручено Пруссіи и Австріи. Слабая Данія, потерпѣвъ пораженіе, вынуждена по Вьнскому трактату 1864 г. отказаться отъ герцогствъ Шлезвигъ, Голштиніи и Лауэнбурга, т. е. лишиться болѣе 1/3 своей территоріи; герцогства перешли въ совмѣстное владѣніе Австріи и Пруссіи.

Это совладѣніе, которое Пруссія желала превратить въ свою исключительную собственность, послужило яблокомъ раздора между Австріею и Пруссіею. Последняя, давно готовясь къ войнѣ, заручилась союзомъ съ Италіею, которой обѣщаны территоріальныя приращенія отъ Австріи и нейтралитетомъ Франціи, опасавшейся усиленія Пруссіи и объединенія Германіи. Францію усыпили и купили обѣщаніемъ (дано конфиденціально княземъ Бисмаркомъ) рейнской границы. Въ начавшейся такимъ образомъ Австро-Прусской войнѣ, въ которой участвовали Пруссія и Италія противъ Австріи въ союзѣ съ Баваріею, Вюртембергомъ, Баденомъ, Ганноверомъ, Курессеномъ, Нассау и Саксоніею, побѣда осталась на сторонѣ Пруссіи. Посредничествомъ Наполеона III воюющіе заключили въ Никольсбургѣ (1866 г.) прелиминарный, а въ томъ же году въ Прагѣ и окончательный мирный договоръ. Австрія изгнана изъ Германскаго союза; передала Венецію Наполеону III (онъ уступилъ ее Сардиніи); Ганноверъ, Курессенъ и Нассау потеряли свою независимость и поглощены Пруссіею, которая получила отъ Австріи уступку ея совладѣнія въ Шлезвигъ и Гольштейнъ, съ обязательствомъ однако присоединенія къ Пруссіи сѣверной части Шлезвига (населенной датчанами) не иначе, какъ послѣ полученія согласія на присоединенія къ Пруссіи со стороны населенія въ формѣ плебисцита (народнаго голосованія; въ 1868 году

Австрія отказалась отъ требованія исполненія этой статьи Пражскаго мирнаго трактата). Такъ какъ полному объединенію Германіи подъ гегемонією Пруссіи неминуемо воспротивилась бы Франція, то *Пражскій миръ установилъ систему переходную; Германія подѣлена на два союза: Сѣверо-Германскій (подъ предсѣдательствомъ Пруссіи) и Южно-Германскій, въ которомъ рѣшающее значеніе получила Баварія; право войны отнято у державъ Сѣвернаго союза, оба союза соединены общимъ Zollverein'омъ (таможеннымъ союзомъ).* Ясно, что эта переходная къ болѣе полному объединенію система была лишь временною. Но полное объединеніе могло быть достигнуто только послѣ войны съ Франціей, естественнымъ врагомъ объединенія Германіи и усиленія Пруссіи. Не получивъ желаемаго приращенія границъ на Рейнѣ, Императоръ Наполеонъ III хотѣлъ устранить опасность, грозившую Франціи послѣ 1866 года вслѣдствіе громаднаго усиленія Пруссіи, приращеніемъ своихъ владѣній на счетъ Луксенбурга, который онъ желалъ въ 1867 году пріобрѣсть у Голландіи покупкою. Это намѣреніе встрѣтило сопротивленіе Пруссіи; *война между державами была предотвращена Лондонскою конференціей 1867 года. Она опредѣлила, что Луксенбургъ остается во владѣніи Голландіи, прусскій гарнизонъ удаляется навсегда изъ Луксенбурга, крѣпость его срывается.* А для предотвращенія столкновеній между Пруссіей и Франціей *великія державы, слѣдующимъ примѣрамъ, указаннымъ Вѣнскимъ конгрессомъ относительно Швейцаріи и Лондонскою конференціей 1831 года относительно Бельгіи, провозгласили вѣчный нейтралитетъ Луксенбургской территоріи, принявъ этотъ нейтралитетъ подъ свою коллективную гарантію.* Но соглашенія 1867 года только отдалили, но не предотвратили грознаго столкновенія между Франціей, препятствовавшей объединенію, и Германіей, стремившейся къ нему. Пруссія усиленно готовилась къ войнѣ. Она заручилась нейтралитетомъ Россіи. Послѣдняя усматривала во Франціи опаснаго врага и видѣла цѣли своей внѣшней политики связанными съ дружбою къ Пруссіи и съ ея возвышеніемъ (хотя указанія на двучленную и скорѣе враждебную намъ политику Пруссіи во время Крымской кампаніи, хорошо выясненныя недавно изслѣдованіями г. Татищева, и должны были бы склонить насъ къ осторожности). Поэтому Россія воспрепятствовала вмѣшательству Австріи, желавшей оказать Франціи вспомошествованіе, когда послѣдняя, опротестовавъ кандидатуру принца Гогенцоллернскаго дома (Леопольда) на престолъ испанскій, оказалась ловкостью князя Бисмарка поставленною въ необходимость объявить войну Пруссіи. Баварія, Вюртембергъ и Бадень были склонны сохранить нейтралитетъ. Но этому помѣшала неловкость Французской дипломатіи и несогласіе Наполеона III *обязаться не требовать територіальнаго приращенія на счетъ Рейнскихъ земель Германіи.* Война окончилась безпримѣрно несчастно для Франціи, *которая и была вынуждена подписать въ 1871 году прелиминарный Версальскій, а затѣмъ и окончательный (Франкфуртскій) мирный договоръ. Франція лишилась въ пользу Германіи Эльзаса и части Лотарингіи, должна была уплатить 5 миллиардовъ контрибуціи и подвергалась до ея уплаты оккупациі германскихъ армій.* Гро-

маднымъ для международныхъ отношеній результатомъ Франко-Прусской войны было сляніе двухъ союзовъ (Сѣверо и Южно-Германскихъ) въ союзную Германскую Имперію, съ Императоромъ изъ Прусскаго дома во главѣ, съ преобладающимъ въ ней значеніемъ Пруссіи. Объединеніе Германіи въ силу національной идеи получило свое выраженіе въ томъ, что отдѣльныя государства Германіи совершенно потеряли право войны между собою и съ иностранными державами; право ихъ заключать отдѣльные трактаты ограничено до *non plus ultra*, посольское же право, хотя и сохранено за нѣкоторыми важнѣйшими изъ нихъ, но больше какъ внѣшній признакъ свободы государствъ Имперіи, потерявъ прежнее самостоятельное значеніе. Съ этой же минуты начинается и непрерывно продолжается внутреннее законодательное объединеніе Германіи: общій уголовный кодексъ, общая таможенная и монетная системы служатъ могучими орудіями внутренняго объединенія, восполняющими внѣшнее (политическое) объединеніе единой Германской націи.

Но если полному національному объединенію Германіи долго препятствовали и по настоящее время еще нѣсколько препятствуютъ сепаратистическія стремленія отдѣльныхъ ея государствъ, почерпающія свое содержаніе и оправданіе въ долгой исторической разрозненности, въ религіозной враждѣ германскихъ державъ, во внѣшнемъ положеніи ея составныхъ частей и въ соперничествѣ Австріи и Пруссіи, наконецъ—въ многочисленности и разрозненности государей царствовавшихъ домовъ Германіи, то въ Италіи мы встрѣчаемъ все факторы, вполне объясняющіе намъ, почему она окончательно объединилась и скорѣе и прочнѣе Германіи. Въ Италіи давно и у всѣхъ на виду былъ центръ объединенія (Сардинія-Пьемонтъ), у котораго не было достаточно сильныхъ соперниковъ среди другихъ государствъ Италіи; Италія вѣками обладаетъ единствомъ религіи; въ ней отдѣльныя государства имѣли династіи чужестранныя, навязанныя народу насильно, и введшія нестерпимый абсолютизмъ.

Въ 50-хъ годахъ Сардинія, получивъ за участіе въ войнѣ противъ Россіи право засѣдать въ совѣтѣ великихъ державъ, становится (въ лицѣ министра, графа Кавура) открытою защитницею идеи національности противъ Австріи, абсолютистическаго режима Папы и Неаполитанскаго королевства. Въ 1859 году Сардинія въ союзъ съ Франціею, оказавшею содѣйствіе національному объединенію Италіи, объявляетъ войну Австріи, которая оканчивается прелиминарныхъ миромъ между Франціею и Австріею въ томъ же году (въ Виллафранкѣ). Ломбардія (съ гор. Миланомъ) уступалась Франціи, которая обязалась передать ее Сардинскому королю; все Итальянскія государства должны были составить федерацію подъ предсѣдательствомъ Папы. Сардинія, оставшись одна противъ Австріи, должна была согласиться на эту послѣднюю комбинацію, столь противоестественную и предоставлявшую главенство въ федерации Папѣ, т. е. суверену менѣе всего способному, по исконной антинациональной политикѣ папскаго престола и по ничтожеству владѣній римскаго первосвященника, къ роли объединителя Италіи. Это вынужденное согласіе Сардиніи-Пьемонта выразилось въ Цюрихскомъ трактатѣ

того же (1859) года, подтвердившемъ постановленія Виллафранкскаго мирнаго договора. Но „дипломатія предполагала, а національная идея располагала“ и рѣшала. *Всюду населеніе, возбужденное въ пользу полнаго объединенія около Сардиніи-Пьемонта, недовольное искусственною комбинаціею договоровъ Виллафранкскаго и Дюринскаго, возстаетъ противъ своихъ властителей.* Нѣкоторыя земли Святаго престола возстаютъ противъ папскаго режима; населеніе Тосканы и Эмиліи объявляетъ своихъ государей низвергнутыми и провозглашаетъ, во имя принципа народнаго суверенитета, неразрывно связаннаго съ національною идеею, о своемъ сліяніи съ Сардиніей-Пьемонтомъ, которое и состоялось при помощи всеобщаго голосованія (плебесцита). Гарибальди предпринимаетъ походъ противъ Неаполя, Францискъ II (Неаполитанскій король) вынужденъ бѣжать и населеніе страны провозглашаетъ соединеніе съ Сардинскимъ королевствомъ. *Дипломатія должна была уступить этому несокрушиму давленію въ пользу національнаго объединенія; Франція даетъ свою санкцію новому порядку вещей, но требуетъ себѣ для „возстановленія справедливаго равновѣсія“ территоріальныхъ уступокъ отъ Сардиніи-Пьемонта, которыя и даны Франціи Туринскою конвенціею 1860 года въ видѣ присоединенія къ ней графствъ Савойи и Ниццы.* Но уступка, которую король Викторъ Эмануиль оправдывалъ „средствомъ расъ, языка и нравовъ“, дѣлавшимъ отношенія этихъ провинцій къ Франціи все болѣе интимными и естественными, поставлена Туринскимъ договоромъ въ зависимость отъ воли народа; голосованіе высказалось за присоединеніе. Итакъ, Италія почти совершенно объединилась уже въ 1860 году. Оставались еще Венеція и Римская область. *Война 1866 г., въ которой Италія была союзникомъ Пруссіи, отдала первой (Вѣнскаго трактата 1866 года) Венеціанскую область (послѣднее владѣніе Австріи въ Италіи), но не прямо, а чрезъ посредство Императора Французовъ, который уже переуступилъ ее Италіи.* Этою странною промежуточною передачею чрезъ посредство третьей державы (Франціи), даже не участвовавшей въ войнѣ, дипломатія желала „conserver les apparences“, т. е. спасти честь Австріи; но этимъ существо дѣла нисколько не измѣнилось. *И въ этомъ случаѣ передача Венеціанской области Италіи поставлена въ зависимость отъ плебесцита, который оказался всецѣло въ пользу присоединенія къ Италіи.* Наконецъ, воспользовавшись отвлеченіемъ силъ и вниманія Франціи войною ея съ Пруссіею, король Викторъ Эмануиль занимаетъ Римъ (свѣтская власть Папы долго поддерживалась здѣсь Французскими войсками и вліяніемъ) и объявляетъ декретомъ (2 октября 1870 г.) Римъ и всѣ папскія владѣнія соединенными на вѣки съ Италіей „результатомъ плебесцита“, которымъ граждане, вслѣдъ за италіянскимъ парламентомъ, выразили „желаніе закончить національное объединеніе“.

Процессъ національнаго выдѣленія продолжаетъ быстро разлагать Турецкую монархію, созданную насиліемъ и завоеваніемъ; задержать развитіе этого процесса выдѣленія не могъ и Парижскій конгрессъ, и вся исторія восточнаго вопроса съ 1856 года есть непрерывный рядъ доказательствъ тому, что вопреки ухищреніямъ дипломатовъ, пытающихся,

въ интересахъ отдѣльныхъ державъ, задержать развитіе и торжество національнаго принципа, послѣдній всюду беретъ верхъ надъ традиціями прошлаго, надъ интересами и правами, выставляемыми системами политическаго равновѣсія и легитимизма. Такъ, *Вѣнскій трактатъ* (5 ноября 1815 г.) поставилъ *Ионическіе острова* подъ исключительный протекторатъ Англій, гарантированный Австріею, Пруссіей и Россіей, „для обезпеченія независимости, свободы и счастья Ионическихъ острововъ“. Но такъ какъ недовольство англійскимъ управленіемъ и жажда воссоединенія съ Греціей постоянно возрастали, то *Лондонская конференція* (1863), съ согласія Англій, соединяетъ *Ионическіе острова* съ королевствомъ Эллиновъ, усматривая въ этомъ соединеніи рѣшеніе „самое согласное съ обоюдными интересами обѣихъ странъ“, связанныхъ между собою „общностью происхожденія и религіозныхъ вѣрованій“. А *Ионическому парламенту* предоставлено высказаться въ пользу этого плана (парламентъ единодушно голосовалъ присоединеніе къ Греціи). При этомъ сдѣлана уступка и интересамъ Англій: договоромъ 1864 года державы признали острова *Корфу* и *Таксо* въ состояніи вѣчнаго нейтралитета. Нѣсколько разъ подымался и островъ *Критъ*, чтобы, во имя національной идеи, соединиться съ Греціей, и, говоря словами декрета національнаго собранія Критянъ, изданнаго во время возстанія 1866 года (въ 1889—90 гг. на островѣ *Критѣ* опять замѣчено сильное возбужденіе, переходившее даже въ возстаніе), „сбросить съ себя иго трактатовъ, которымъ онъ былъ подчиненъ обманчивой дипломатіей“. Но Критянамъ не повезло. Державы, подписавшія *Парижскій трактатъ 1856 года*, опасаясь усложненій, стараясь по возможности не поднимать страшнаго для нихъ восточнаго вопроса (одна Россія сочувствовала Криту и Греціи), собрались на конференцію въ *Парижъ* (въ 1869 году) съ цѣлью предотвратить вооруженное столкновеніе между Греціею и Турціею. Державы дѣйствовали настолько односторонне въ пользу Порты, что не хотѣли даже допустить на конференцію въ качествѣ полноправнаго члена уполномоченнаго Греціи, пригласивъ его только съ совѣщательнымъ голосомъ, хотя другая изъ заинтересованныхъ сторонъ (Турція) приняла въ ней участіе на равныхъ правахъ съ другими державами.

Въ іюль и августъ 1875 года вспыхнула революція въ *Турецкихъ провинціяхъ: Герцеговинѣ* и *Босніи*. Пять великихъ державъ предложили свое посредничество, сопровождаемое требованіемъ отъ Турціи уступокъ населенію этихъ провинцій въ видахъ обезпеченія прочнаго мира. Порта приняла предложеніе, къ которому примкнула и Великобританія; но въ принципѣ она осуждала это вмѣшательство, въ которомъ видѣла путь къ послѣдующимъ вторженіямъ во внутреннія дѣла Оттоманской Имперіи. Въ то же время особая коммиссія, состоявшая изъ консуловъ шести державъ, завязала переговоры съ инсургентами, которые окончились неудачею въ виду непреодолимаго недовѣрія къ обѣщаніямъ Турецкаго правительства. Тогда Германія, Австрія и Россія высказали въ нотѣ, составленіе которой было поручено Австро-Венгерскому канцлеру (графу Андраши), свое возрѣніе на положеніе вещей: три державы (нота 30 декабря 1875 г.) признаютъ полную солидарность между интересами

Европы, Турціи и инсургентовъ, которые требуютъ сохраненія мира и продолженія торговыхъ сношеній, пострадавшихъ отъ анархіи въ Босніи и Герцеговинѣ, грозящей общему миру. Поэтому, нота графа Андраши требовала, чтобы Порта взяла на себя формальное обязательство предъ Европою ввести въ эти провинціи реформы, которыя державами будутъ признаны необходимыми. Такимъ образомъ три державы торжественно признали право коллективнаго вмѣшательства въ дѣла Турціи и коллективной гарантіи реформъ ея внутренняго законодательства. Сказанное подтверждается послѣдующими событіями. Когда султанскій „ираде“ объявилъ въ началѣ 1876 года, что Турція приступитъ къ немедленному осуществленію реформъ, основанныхъ на принципѣ полной религіозной свободы и на мѣстномъ самоуправленіи, съ участіемъ въ немъ, на правахъ полного равенства, мусульманъ и христіанъ, державы предложили инсургентамъ сложить оружіе, но когда послѣдніе, опять же не довѣряя обѣщаніямъ Турціи, отказались исполнить это предложеніе, а возбужденная мусульманская чернь произвела избіеніе европейскихъ консуловъ въ Салоникахъ, уполномоченные Франціи, Англии, Италіи и канцлеры Россіи, Германіи и Австро-Венеріи, собравшись въ Берлинъ, приступили къ совѣщаніямъ, имѣвшимъ въ виду оказать давленіе на правительство султана, чтобы побудить его серьезно приняться за осуществленіе обязательствъ, заключенныхъ имъ по отношенію къ Европѣ (берлинскій меморандумъ 1876 года); съ этою цѣлью признано необходимымъ „прійти къ соглашенію въ интересахъ общаго мира относительно дѣйствительныхъ мѣръ къ пресѣченію дальнѣйшаго развитія зла“. Въ рѣшительную минуту Англія, въ тайнѣ поддерживавшая сопротивленіе Турціи, отказалась присоединиться къ меморандуму и только убійства и звѣрства турокъ въ Болгаріи, возбудивъ общественное мнѣніе Англии противъ турокъ и въ пользу христіанъ (дѣло которыхъ нашло защиту въ лицѣ Гладстона), вынудили Великобританское правительство присоединиться къ коллективному посредничеству Европы, о которомъ просили также Сербія и Черногорія, объявившія войну Турціи. Поэтому Англія потребовала, при поддержкѣ пяти державъ, созванія конференціи въ Константинополь, которая должна была выработать соглашенія между Турціею, Сербіею и Черногоріею (на началахъ *statu quo ante bellum*), создать автономію для Босніи и Герцеговины и гарантіи противъ дурнаго управленія въ Болгаріи. Турція, послѣ колебаній, неохотно согласилась принять участіе въ конференціи, выразивъ однако увѣренность, что державы воздержатся отъ всякаго шага, „могущаго нанести ущербъ сувереннымъ правамъ и авторитету верховной власти султана и не уклонятся отъ постановленій Парижскаго трактата“. Понятно, что Турецкое правительство чинило всякія препятствія успѣшному ходу занятій конференціи и, увѣренное въ поддержкѣ Англии и отчасти Австріи, мѣшало всякому соглашенію, въ особенности составленію международной комиссіи для гарантіи выполненія реформъ и обязательствъ, принятыхъ на себя Портою. Конференція разошлась, не прійдя ни къ какому соглашенію, державы отступились и только Россія считала себя вынужденною объявить войну Турціи (12 апрѣля 1877 г.)

въ союзъ съ Румыніей и Черногоріей (въ концѣ войны къ Россіи присоединилась и Сербія). Въ общемъ и цѣломъ представляется довольно вѣрною слѣдующая картина международныхъ отношеній, объясняющая изолированное положеніе Россіи и упорство Турціи: Германія играла въ двойную игру; она была недовольна Россіею за то, что воля покойнаго Государя Императора Александра II воспротивилась новому разгрому Франціи, который былъ затѣянъ въ 1875 году военною (съ Бисмаркомъ во главѣ) партіею въ Берлинѣ, разгрому, который казался въ Берлинѣ необходимымъ для предотвращенія опасности для Германіи отъ быстрого возрастанія экономическаго и военнаго могущества Франціи, мечтавшей о реваншѣ. Въ то же время, желая предотвратить возможное сближеніе Франціи и Австріи, которая не могла забыть постигшихъ ее несчастій въ 1866 г., Германія толкала Австро-Венгрію на Востокъ (*Drang nach Osten*), открывая ей перспективу завладѣнія Турецкими территориями, что должно было неминуемо поставить Австрію во враждебныя отношенія къ Россіи и могло повлечь за собою даже военное съ нею столкновеніе, т. е. цѣль Германіи заключалась въ томъ, чтобы ослабить Россію и Австрію; послѣдняя была бы вынуждена искать поддержки въ Германіи противъ Россіи (въ 1879 году это привело къ образованію знаменитаго „тройственнаго союза“ или „лиги мира“, составленной изъ Германіи, Австро-Венгріи и Италіи, направленной противъ Россіи и Франціи). Такимъ образомъ Германіи было выгодно изолировать Россію и, втянувъ ее въ войну, ослабить ее. Англія же, давно враждебная Россіи на Востокѣ, оставалась вѣрна себѣ. Франція, не понявъ намѣренія Германіи, съ дурными и фальшивыми традиціями первой Восточной войны, при личной враждебности къ Россіи ея министра иностранныхъ дѣлъ (Ваддингтона), колебалась и скорѣе была противъ Россіи; Италія шла за Пруссіей и Франціей. Сказаннымъ объясняется почему Турція, рассчитывая на фактическую поддержку Англіи, тоже пододрѣваемой Германіей и Австріей, рѣшилась на войну, и почему Россія должна была согласиться на пересмотръ С.-Стефанскаго мирнаго договора (3 марта 1878 г.) на Берлинскомъ конгрессѣ (съ 13 іюня 1878 г. по 13 іюля 1878 г.), который значительно измѣнилъ постановленія перваго во вредъ Россіи и національностямъ Турціи. Берлинскій конгрессъ былъ крупнымъ пораженіемъ русской дипломатіи, побѣдою Австріи, Англіи и Германіи, канцлеръ которой (князь Бисмаркъ) выступилъ на конгрессѣ съ маскою „честнаго маклера“ по отношенію къ Россіи.

Дѣйствительно, Санъ-Стефанскій трактатъ признаетъ полную независимость Черногоріи, Сербіи и Румыніи, которыя получаютъ при томъ значительныя территоріальныя приращенія; Болгарія образуетъ полунезависимое княжество, пространствомъ равное почти половинѣ Европейской Турціи, съ четырьмя милліонами населенія, съ портами на Черномъ морѣ и въ Архипелагѣ, съ владѣніями, почти подходящими къ самому Константинополю и раздѣляющими его отъ жалкихъ остатковъ Европейской Турціи; Боснія и Герцеговина получаютъ автономію и реформы, указанныя Константинопольскою конференціею; Россія получаетъ 110 милліоновъ рублей контрибуціи деньгами, а взамѣнъ остальной ея части

(1 миллиардъ 100 милліоновъ рублей) устья Дуная (отъ Румыніи, получающей взаменъ Дубруджу), а въ Азіи—Ардаганъ, Карсъ, Батумъ, Баязетъ и всю обширную территорию до Саганлуга.

Конгрессъ въ Берлинѣ созванъ по инициативѣ Англии и Австро-Венгрии (и при посредничествѣ Германіи), при чемъ первыя двѣ державы заявили, что всякій трактатъ Россіи и Турціи, измѣняющій международные договоры 1856 и 1871 годовъ относительно Оттоманской Имперіи, равнымъ образомъ долженъ быть трактатомъ Европейскимъ, имѣющимъ силу лишь насколько онъ получилъ согласіе великихъ державъ. Справедливое съ точки зрѣнія международного права, это заявленіе не было оспариваемо Россіей и конгрессъ, открытый въ Берлинѣ подъ предсѣдательствомъ Имперскаго канцлера Германіи, состоялъ изъ министровъ и посланниковъ Германіи, Англии, Австро-Венгрии, Франціи, Италиі, Россіи и Турціи. Постановленія его слѣдующія: Болгарія уменьшена на $\frac{2}{3}$ предѣловъ, предположенныхъ Россіею въ С.-Стефанскомъ договорѣ, съ ограниченнымъ доступомъ къ Черному морю (одинъ портъ Варна, при томъ объявленный исключительно коммерческимъ), она объявлена полунезависимою державою, съ особымъ княземъ, избираемымъ народнымъ собраніемъ, утверждаемымъ Портою съ согласія Европы, который платитъ дань султану. Остальная территория Болгаріи образуетъ особую автономную провинцію (подъ названіемъ Восточной Румеліи) подъ военною и политическою властью султана, съ генераль-губернаторомъ изъ христіанъ во главѣ, назначаемымъ на пять лѣтъ султаномъ, съ согласія державъ. Это противоестественное раздѣленіе единой Болгаріи, сдѣланное въ угоду Англии и Австріи, осуждалось еще въ то время общественнымъ мнѣніемъ Европы. Самъ лордъ Биконсфильдъ разсматривалъ его какъ „временное“; неизбѣжное соединеніе этихъ частей единой націи предсказывалось еще въ 1881 г. Блунчли. Въ 1885 году Филиппольскій переворотъ, совершенный при содѣйствіи принца Александра Баттенбергскаго—князя Болгаріи, привелъ къ соединенію Восточной Румеліи съ Болгаріею, признанному и великими державами на Константинопольской конференціи 1886 г., но пока еще не въ формѣ полного объединенія (этому помѣшало враждебное отношеніе Россіи къ князю Болгарскому); князь Болгарскій былъ назначенъ генераль-губернаторомъ Восточной Румеліи на пять лѣтъ (принцъ Фердинандъ Кобургскій, смѣнившій Александра Баттенбергскаго на Болгарскомъ престолѣ, хотя и не признанъ державами, все же фактически состоитъ генераль-губернаторомъ Восточной Румеліи).

Румынія, Сербія и Черногорія признаны совершенно независимыми, т. е. перешли (первыя двѣ; Черногорія давно была вполнѣ независима, хотя это оспаривалось Турціею еще на конгрессѣ 1856 г.) изъ полунезависимыхъ державъ въ рангъ полносуверенныхъ, самостоятельныхъ членовъ международного общенія. Но территориальныя приращенія ихъ, предположенные въ С.-Стефанскомъ трактатѣ (особенно для Черногоріи), значительно уменьшены. При этомъ Берлинскій трактатъ, постановивъ передачу Черногоріи Гусиньи и Плавы, не могъ даже осуществить этого присоединенія: населеніе вмѣстѣ съ албанцами возстало противъ присоединенія къ Черногоріи и державамъ (1880 г.) пришлось замѣнить

уступку Гусиньи и Плавы обмѣномъ ихъ на другія земли (съ портомъ Дульциньо). Положеніе Черногоріи оказалось послѣ конгресса хуже прежняго: портъ Антивари и всѣ воды Черногоріи закрыты для военныхъ судовъ всѣхъ націй, укрѣпленія ея должны быть скрыты, а надзоръ полицейскій, морской и санитарный по всему Черноморскому побережью и въ Антивари предоставленъ Австро-Венгріи, консулы которой должны оказывать покровительство Черноморской торговлѣ; а морскіе законы Австро-Венгріи, дѣйствующіе въ Далмаціи, становятся законами Черногоріи. Т. е. вполнѣ независимая держава поставлена de jure подъ надзоръ иноземнаго государства и подъ дѣйствіе его законодательства (это сдѣлано въ интересахъ Австро-Венгріи).

Важная особенность Берлинскаго трактата проявляется въ томъ, что онъ поставилъ международное признаніе независимости Черногоріи, Сербіи и Румыніи въ зависимость отъ признаній ихъ правительствами полного гражданскаго и политическаго равенства гражданъ всѣхъ вѣроисповѣданій, свободы совѣсти и богослуженія. Это требованіе, обусловленное общими интересами высокой культуры, на которыхъ зиждется международное общеніе, повлекло за собою соотвѣтствующія измѣненія въ законодательствѣ (напримѣръ въ Румынскомъ). Румынія въ 1881 г., а Сербія въ 1882 г. признаны королевствами.

Берлинскій трактатъ отменяетъ постановленія С.-Стефанскаго трактата относительно Босніи и Герцеговины. Обѣ провинціи отданы въ управленіе Австро-Венгріи, во временное занятіе (а не присоединеніе) для умиротворенія ихъ и обезпеченія существованія въ нихъ новаго политическаго строя. Положеніе этихъ провинцій съ юридической точки зрѣнія самое невозможное: султанъ считается верховнымъ ихъ владѣтелемъ, но это право его есть nudum jus, пустая фикція, такъ какъ всѣ права и функціи, вытекающія изъ идеи государственнаго верховенства надъ территоріею (управленіе, законодательство, оборона страны) состоятъ и de jure и de facto въ рукахъ Австро-Венгріи. Заслуживаетъ вниманія, что Россія не препятствовала на конгрессѣ передачѣ этихъ провинцій въ управленіе Австро-Венгріи, которая, не участвуя въ войнѣ, и выступивъ на защиту Турціи, захватила у послѣдней двѣ провинціи, съ которыми не имѣетъ никакого намѣренія разстаться, хотя населеніе ихъ не выноситъ этого занятія, въ допущеніи котораго надлежитъ видѣть громадную и трудно поправимую ошибку русской дипломатіи. Въ такомъ же ненормальномъ положеніи состоитъ и островъ Кипръ, который „условно“ и „временно“ (до введенія султаномъ обѣщанныхъ реформъ для христіанскихъ населеній его владѣній) переданъ Турціею Англіи для „занятія и управленія“, съ цѣлью дать Англіи возможность оказать Турціи фактическое содѣйствіе къ защитѣ владѣній Порты на случай войны съ Россіей, которая должна быть ей объявлена Англіею въ союзѣ съ Турціею на случай присоединенія къ Россіи Батума, Карса и Ардагана (союзническій трактатъ Англіи и Турціи отъ 1878 г.).

Наконецъ, Берлинскій конгрессъ подтверждаетъ уступку Россіи устьевъ Дуная, Ардагана, Карса и Батума (объявляется „порто-франко“, по преимуществу коммерческимъ); но всѣ другія земли возвращаются Турціи.

Подтверждая и определяя мѣры, которыя должны быть выработаны Портою для улучшенія быта христіанскихъ ея населеній, конгрессъ беретъ ихъ примѣненіе подѣ коллективную охрану и общее наблюденіе державъ; подтверждая вновь начало свободы судоходства по Дунаю, онъ сохраняетъ Дунайскую международную комиссію, постановляетъ срыть все крѣпости и запрещаетъ плаваніе военнымъ судамъ отъ Жельзныхъ воротъ до устьевъ.

Греція, объявившая войну Турціи уже по заключеніи перемирія между Россіей и Портою, не получила ничего отъ конгресса, если не считать постановленія его относительно острова Крита, въ которомъ Турція обязалась добросовѣстно примѣнять (съ справедливыми измѣненіями) органической статутъ 1868 г. Тѣмъ не менѣе Греки настойчиво домогаются Эпира, Фессалии и части Македоніи и Берлинская конференція 1881 г., намѣреваясь устранить вооруженное столкновеніе между Греціей и Турціей, признаетъ въ принципѣ право Греціи на исправленіе границъ въ Фессалии и Эпирѣ.

---

§ IV. *Идея коллективной охраны и совместнаго вмѣшательства Европы для пересмотра международныхъ договоровъ, на которыхъ покоится система международныхъ отношеній, выразилась и въ отношеніяхъ Франціи и Англій къ польскому возстанію 60-хъ годовъ. Усматривая въ отмѣнѣ польской конституціи нарушеніе Россією актовъ Вѣнскаго конгресса, который, однако, вовсе не принималъ государственнаго устройства Польши подѣ покровительство и гарантію державъ (Императоръ Александръ I собственною волею даровалъ конституцію своимъ польскимъ владѣніямъ, которая и могла быть уничтожена по праву въ видѣ наказанія за возстаніе), Англія и Франція протестовали противъ этого дѣйствія русскаго правительства и выставили начало вмѣшательства гарантовъ Вѣнскихъ трактатовъ въ отношенія между Россіей и ея польскими областями. Но попытка ко вмѣшательству встрѣтила энергичный отпоръ со стороны князя Горчакова, выставившаго принципъ невмѣшательства во внутреннія дѣла независимыхъ государствъ. Такую же неудачу потерпѣла попытка Франціи (1863 г.) созвать общеевропейскій конгрессъ, на которомъ надлежало сочетать „права государей“ и „легитимныя стремленія народовъ“, посредствомъ пересмотра „въ духѣ умѣренности и справедливости“ постановленій Вѣнскихъ трактатовъ 1815 г., на которыхъ покоится „рушащееся со всѣхъ сторонъ политическое зданіе Европы“. Но предложеніе Франціи, клонившееся къ поднятію на конгрессѣ вопросовъ Польскаго и Итальянскаго, было встрѣчено сочувственно лишь королемъ Викторомъ Эмануиломъ, отклонено Пруссією и Россією.*

---

§ V. Изъ остальныхъ международныхъ событій разсматриваемаго періода заслуживаютъ упоминанія: 1) *Образованіе Латино-Американской лиги* (1856—64 гг.); 2) *Вооруженное вмѣшательство Франціи въ дѣла Мексики и образованіе здѣсь Мексиканской Имперіи* (1862—1867 гг.) и 3) *Международная война въ Соед. Штатахъ Сѣверной Америки* (1860—65 гг.).

Непрекращающееся стремленіе Южно-Американскихъ государствъ къ нѣкоторому объединенію въ формѣ федераціи для совмѣстной защиты получило признаніе еще въ 1856 году, когда (по инициативѣ Чили, Перу и Эквадора) *всѣ государства объявили, что желаютъ войти въ составъ постоянной лиги, которая и образовалась въ 1864 году въ Лимѣ. Здѣсь собрался конгрессъ изъ представителей всѣхъ Южно-Американскихъ державъ, за исключеніемъ Мексики, Урагуая и Парагвая (война помѣшала имъ послать въ Лиму своихъ уполномоченныхъ). На немъ состоялось заключеніе союзнаго договора, на который, впрочемъ, должно смотреть скорѣе, какъ на провозглашеніе принципа, нежели какъ на образованіе дѣйствительной лиги.* Во всякомъ случаѣ идея объединенія Латино-Американскихъ государствъ сдѣлала большіе успѣхи; конгрессъ въ Лимѣ и принятія имъ постановленія должны быть разсматриваемы какъ попытка, проникнутая тою же идеею, которая руководила въ Европѣ объединеніемъ Германіи и Италіи.

2. Интервенція Франціи въ дѣла Мексики служитъ практическимъ подтвержденіемъ доктрины Монроэ во всемъ, что касается насильственныхъ измѣненій въ государственномъ устройствѣ земель Американскаго континента, не согласимыхъ ни съ правами этихъ государствъ на внутреннюю самостоятельность, ни съ интересами Соед. Штатовъ Сѣверной Америки.

Вмѣшательство проявилось въ началѣ въ формѣ коллективнаго и было въ сущности справедливою войною, начатою Англіею, Испаніею и Франціею (Лондонская конвенція 1861 г.) противъ Мексики съ цѣлью побудить ея правительство къ выполненію его финансовыхъ обязательствъ по отношенію къ иностраннымъ кредиторамъ Мексики и къ удовлетворенію проторей и убытковъ, понесенныхъ подданными трехъ европейскихъ державъ отъ нарушенія ихъ правъ въ Мексикѣ, отказавшей имъ въ справедливомъ вознагражденіи. Въ этомъ соглашеніи оговорено, что три державы отказываются отъ всякихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній, исключительныхъ выгодъ и всякаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Мексики, способнаго нанести ударъ праву мексиканцевъ опредѣлять ту форму своего правительства, которую они считаютъ наиболѣе для себя подходящею. Соединенные Штаты отклонили всякое участіе въ этомъ соглашеніи, предложивъ свое посредничество для достиженія мирнаго соглашенія державъ съ Мексикою. Но посредничество въ свою очередь отклонено союзниками, которые заявили, что желаютъ еще получить на будущее время серьезныя, дѣйствительныя и постоянныя гарантіи покровительства личности и собственности ихъ подданныхъ въ Мексикѣ. Дѣйствительные же мотивы вмѣшательства Франціи были высказаны Наполеономъ III въ письмѣ къ главнокомандующему французскою экспедиціею въ Мексикѣ: *воспрепятствовать Соед. Штатамъ Сѣверной Америки по-*

глотивъ эту часть Американскаго континента, сдѣлаться единственнымъ посредникомъ и складочнымъ мѣстомъ для земледѣльческихъ продуктовъ и торговли Сѣверо-Америк. континента, возстановить престижъ латинской расы въ Америкѣ и увеличить вліяніе Франціи установленіемъ въ Мексикѣ правительства болѣе согласнаго съ интересами Франціи.

Уже въ 1862 г. Испанія и Англія, убѣдившись въ томъ, что Франція оказываетъ содѣйствіе монархистамъ Мексики, покидаютъ союзъ, войска ихъ возвращаются въ Европу, а Франція, игнорируя недоброжелательное отношеніе къ экспедиціи Соед. Штатовъ, открываетъ свои карты. При содѣйствіи французскихъ войскъ, эрцгерцогъ Максимилианъ Австрійскій провозглашается юнтою изъ нотаблей, въ избраніи которыхъ народъ не принималъ никакого участія, Императоромъ Мексики, президентъ Хуарецъ изгоняется изъ г. Мексики, а Франція оказываетъ поддержку Максимилиану постояннымъ вспомогательнымъ корпусомъ. Соед. Штаты отказываются признать имперію, „чувствуя симпатіи къ поддержанію республиканскихъ учрежденій на Американскомъ континентѣ, которыя должны быть одинаковы во всѣхъ государствахъ этого континента, Франція же вмѣшалась вооруженною рукою для ниспроверженія этихъ учрежденій, для введенія монархіи подъ главенствомъ европейскаго принца, совершенно чуждаго странѣ; существованіе этой монархіи въ Мексикѣ разсматривается американскимъ народомъ, какъ оскорбленіе и угроза для собственныхъ дорогихъ ему интересовъ“. Въ 1866 г. Соед. Штаты энергично заявляютъ Франціи, что война ея съ Мексиканскою республикою стала опасною для Соед. Штатовъ и для республиканскихъ учрежденій и что Соед. Штаты требуютъ ея прекращенія. Благодаря угрозѣ порвать добрыя отношенія между Соед. Штатами и Франціею, которая могла разрѣшиться войною, Императоръ французовъ вынужденъ отозвать свои войска. Максимилианъ предоставленъ собственной участи; *республиканская партія, съ президентомъ Хуарецомъ во главѣ, очень скоро побѣдила Максимилиана, который былъ взятъ въ плѣнъ и разстрѣлянъ въ 1867 году.* 3) Что же касается, наконецъ, до великой междоусобной войны южныхъ конфедеративныхъ Штатовъ, пожелавшихъ выдѣлиться изъ союза съ сѣверными, причины которой лежали въ глубокихъ экономическихъ различіяхъ между южными рабовладѣльческими Штатами (земледѣльческими, нуждавшимися въ рабочихъ рукахъ) и сѣверными (по преимуществу промышленными), настаивавшими на отмѣнѣ рабства чернокожихъ на всемъ пространствѣ Соед. Штатовъ, то эта кровопролитная и продолжительная война привела къ покоренію Юга, успѣвшаго было отложиться отъ Сѣвера и поддерживать около пяти лѣтъ свою самостоятельность.

Соед. Штатамъ удалось сохранить свое единство, хотя Франція и Англія (послѣдняя въ особенности) нравственно поддерживали Южные Штаты, признавъ ихъ воюющею стороною, противъ чего протестовали Сѣверяне. Англія же нарушила по отношенію къ нимъ свои обязанности нейтральной державы, такъ какъ допускала, игнорируя протесты Сѣверо-Американскаго правительства, въ своихъ водахъ и гаваняхъ снаряженіе крейсеровъ Южныхъ Штатовъ, уничтожавшихъ торговлю Сѣ-

верянъ. Эти незаконныя дѣйствія Великобританіи едва не повели къ разрыву между нею и Соед. Штатами, который предупрежденъ Вашингтонскимъ договоромъ, заключеннымъ спорившими въ 1871 г.; согласно трактату весь споръ отданъ на рѣшеніе международнаго третейскаго суда, постановившаго (въ Женевѣ, 1872 г.) рѣшеніе противъ Англии, приговоренной къ уплатѣ Соед. Штатамъ убытковъ въ размѣрѣ 15 милліоновъ долларовъ, нанесенныхъ торювль Сѣверянъ крейсерами Южанъ (Алабамой, Флоридой и друг.; споръ носитъ названіе Алабамскаго). Такимъ образомъ, война 1860—65 годахъ выдвинула на первый планъ въ международныхъ отношеніяхъ идею третейскаго суда, какъ органа судебно-международнаго характера, призваннаго разрѣшать споры и предотвращать войны между народами, при томъ въ вопросахъ наиболѣе щекотливаго свойства, съ характеромъ не только правовыхъ, но и политическихъ пререканій. Кромѣ того, эта война указала на возможность, при наличности вполне благоприятныхъ условій, кодификаціи законовъ войны на сушѣ (эта кодификація выполнена извѣстною „полевою инструкціею для войскъ Сѣв. Штатовъ въ походѣ“, составленною Американскимъ юристомъ Либеромъ) и, развивая положенія Парижской морской деклараціи, способствовала примѣненію въ международной практикѣ большихъ морскихъ войнъ правильныхъ началъ дѣйствительной блокады, поддерживаемой силами достаточными для прегражденія доступа къ непріятельскому берегу.

§ VI. Мысль о кодификаціи законовъ и правилъ войны, формулированная въ полевой инструкціи Либера, получаетъ въ разсматриваемомъ періодѣ все большее распространеніе и признаніе. Если Либеровская инструкція была осуществленіемъ этой идеи лишь по отношенію къ двумъ борющимся сторонамъ, то конвенціи 1864 года (Женевская) и 1868 г. (С.-Петербургская) представляются уже кодификаціею, правда только нѣкоторыхъ институтовъ военнаго права, но зато въ формѣ актовъ международно-законодательнаго значенія, связывающихъ множество государствъ, а попытка 1874 года на Брюссельской международной конференціи, созванной по инициативѣ Императора Александра II, къ кодификаціи всего военнаго права (за исключеніемъ морскаго; Англія устранила еще до конференціи всякіе переговоры и соглашенія въ этой области) настолько расширила объемъ и распространила идею кодификаціи, имѣющей обнять всѣ цивилизованныя народы, что оставила далеко за собою инструкцію Либера. Она доказала живучесть и сознательное совершенствованіе мысли о кодификаціи международнаго права вообще и военнаго въ частности. Неудача, постигшая конференцію, выработавшую проектъ соглашения, не получившій утвержденія державъ, участницъ ея (всѣ европейскія державы), объясняется, впрочемъ, настолько же случайно (въ особенности „замѣшательствами на Востокѣ“, какъ полагаетъ профессоръ Мартенсъ), насколько, по нашему мнѣнію, и сложностью задачи, неподготовленностью нѣкоторыхъ институтовъ военнаго права къ кодификаціи международно-законодательнаго свойства.

§ VII. Изъ многочисленныхъ событій международнаго свойства самаго послѣдняго времени заслуживаютъ особеннаго вниманія: 1) Берлинская конференція, созванная по инициативѣ Императора Вильгельма II, для обсужденія правилъ и мѣръ къ разрѣшенію рабочаго вопроса и 2) Берлинская Африканская конференція (1884—85 годовъ). Мысль о перенесеніи важнаго, волнующаго всю Европу рабочаго вопроса съ почвы внутренне-государственной на почву международную была высказываема и ранѣе современными экономистами (еще нѣмецкимъ экономистомъ Коономъ въ 70-хъ годахъ). Попытка же къ практическому ея осуществленію сдѣлана еще раньше Швейцаріей (въ 1881 и 1889 г.), пригласившей Францію, Германію и другія государства къ участію въ Бернской конференціи. Германскій Императоръ, воспользовавшись идеею Швейцарскаго правительства, весьма послѣдовательно перенесъ принципъ государственнаго социализма, защитникомъ котораго одно время выступалъ и бывший Германскій канцлеръ, князь Бисмаркъ, въ сферу международныхъ отношеній, которыя, будучи основаны на солидарности экономическихъ интересовъ между народами, не могутъ не быть затронуты вопросами о числѣ рабочихъ часовъ, отдыха, о работѣ малолѣтнихъ, женщинъ, о ночной работѣ и проч., т. е. вопросами общими для всѣхъ государствъ промышленнаго характера, хотя и разрѣшаемыми различно въ подробностяхъ, согласно съ особенностями въ отрасляхъ промышленности и въ исторически сложившихся условіяхъ для упорядоченія отношеній между трудомъ (рабочими массами) и представителями капитала. Въ конференціи приняли участіе представители (но не въ качествѣ дипломатическихъ агентовъ) 13 державъ: Германія, Англія, Франція, Австро-Венгрія, Италія, Бельгія, Голландія, Данія, Испанія, Луксенбургъ, Португалія, Швеція-Норвегія и Швейцарія; отъ Россіи представителя не было въ виду ея земледѣльческаго характера и отсутствія въ ней, по мнѣнію Германіи, рабочаго вопроса. Но конференція ограничилась лишь обмѣномъ мнѣній; пришлось сразу же сузить и программу занятій. Конференція не выработала никакого общеобязательнаго соглашенія, ограничившись выраженіемъ желанія, чтобы обмѣнъ мыслей, воспослѣдовавшій между делегатами, помогъ измененію въ законодательствахъ отдѣльныхъ государствъ. Такимъ образомъ, конференція пока еще не дала никакихъ практическихъ результатовъ. Тѣмъ не менѣе, самая идея, положенная въ основу ея созванія, настолько грандіозна и нова въ сферѣ международныхъ отношеній, что уже сама по себѣ знаменуетъ громадный прогрессъ въ сферѣ сознанія между народами объ оградѣніи международными соглашениями такихъ интересовъ, о перенесеніи которыхъ на международную арену еще недавно не смѣлъ бы мечтать ни одинъ государственннй чловѣкъ и развѣ лишь рѣдкій изъ ученыхъ. Идея, побудившая къ созванію конференціи по рабочему вопросу, не умретъ и не можетъ исчезнуть безслѣдно, хотя бы даже, какъ утверждаютъ нѣкоторые, при созваніи конференціи имѣлись въ виду и постороннія цѣли (напримѣръ заигрываніе съ Франціей): свѣтлыя мысли, полезныя для мирового порядка, никогда не погибаютъ: мы думаемъ, что закрывшаяся конференція—только прелюдія къ дальнѣйшимъ международнымъ явленіямъ того же рода.

Чрезвычайно важное явленіе представляет изъ себя и Берлинская Африканская конференція. Она есть въ общемъ удачная попытка международнаго соглашенія (въ ней приняли участіе всѣ морскія державы Европы и Соед. Штаты Сѣверной Америки) по вопросамъ колонизаціи, свободы торговли и судоходства, борьбы съ рабовладѣніемъ и неуротоваею въ обширныхъ странахъ бассейна рѣкъ Конго и Нигера, открытыхъ въ 1877 году знаменитымъ Стенли (Stanley). Стремленіе къ захвату новыхъ колоній европейцами, казалось, отошло въ область преданія; но какъ только Стенли открылъ предприимчивости европейцевъ громадныя территоріи въ Западной Африкѣ, колониальное движеніе, не находившее прежде выхода главнымъ образомъ за отсутствіемъ новыхъ земель, достаточно обширныхъ и выгодныхъ для эксплуатаціи, опять сказалося съ большою силою: Бельгійское общество, основанное королемъ Леопольдомъ II (международная ассоціація Конго), Голландія, Франція, Англія, въ особенности же Португалія, позднѣе и Германія, относившаяся вначалѣ скептически къ колониальной политикѣ,—всѣ бросились на эти земли. Предприимчивые подданные захватывали эти земли, „Конгская ассоціація“ покупала ихъ у туземныхъ владѣтелей и державы, ища исхода для эмиграціи и изъ экономическаго кризиса, вызваннаго перепроизводствомъ фабрикъ и заводовъ, въ отысканіи новыхъ рынковъ для сбыта, накинулись на эти обширныя и богатыя земли. Отсюда—неизбѣжныя недоразумѣнія между ними, споры и возможныя вооруженныя столкновенія, на что указалъ еще въ 1878 году Гентскому институту международнаго права извѣстный Муонье (Moynier), предложившій тогда же проектъ международныхъ правилъ для предупрежденія столкновеній, для эксплуатаціи этихъ земель и рѣки Конго на пользу всѣхъ народовъ и съ обязательствомъ обращенія спорящихъ державъ къ третейскому суду. Черенесеніе же высказанной Муонье (и въ общемъ одобренной Гентскимъ институтомъ) мысли на почву практическую принадлежитъ князю Бисмарку, инициатору и предсѣдателю конференціи.

Конференція провозгласила начало свободы торговли въ бассейнѣ и устьяхъ р. Конго, распространивъ этотъ бассейнъ далеко за географическіе его предѣлы (на весь такъ назыв. экономическій бассейнъ Конго), для всѣхъ европейцевъ и туземцевъ на началахъ полного равенства, съ платежомъ лишь тѣхъ пошлинъ, которыя будутъ установлены въ видѣ вознагражденія за издержки, полезныя для судоходства. Далѣе, провозглашается полная свобода судоходства по Конго и его притокамъ (опять же на началахъ полного равенства для туземцевъ и кораблей всѣхъ европейскихъ націй), съ исключеніемъ всякихъ пошлинъ, кромѣ взимаемыхъ на пользу самаго судоходства. Для огражденія этихъ началъ и для постояннаго надзора за ихъ исполненіемъ, а равно для поддержанія судоходства организована особая „международная коммиссія судоходства по Конго“ (по примѣру Дунайской коммиссіи) съ большими полномочіями. Свобода судоходства распространяется (для торговыхъ цѣлей) и на время войны (за исключеніемъ военной контрабанды). Для устраненія же на будущее время споровъ и столкновеній изъ за завладѣнія новыми территоріями на Африканскомъ берегу по-

становлено, что все державы обязаны будут впредь при завладѣніи территориями или при установленіи протектората надъ какою-нибудь землею заявить о фактѣ завладѣнія или протектората дипломатическимъ путемъ другимъ державамъ, чтобы эти послѣднія могли предъявить свои возраженія, а равно гарантировать въ занимаемыхъ ими земляхъ существованіе достаточной власти для охраненія въ нихъ порядка, свободы торговли и транзита. Это постановленіе есть совершенная новостъ въ международномъ правѣ въ томъ смыслѣ, что оно дано впервые отъ имени 14 державъ въ актѣ международно-законодательнаго характера, тогда какъ прежде правила этого рода, принятыя отчасти наукою, высказывались только въ отдѣльныхъ договорахъ и никогда не были общепризнанными правилами международныхъ отношеній. Всѣ постановленія конференціи ограждены еще положеніемъ, обязывающимъ договаривающіяся державы разрѣшать свои споры, прежде обращенія къ оружію, при посредствѣ медиации (посредничества) одной или нѣсколькихъ дружественныхъ державъ; обращеніе же къ третейскому суду принято факультативно. Поэтому, нисколько не оправдывая Великобританію, допустившую насилія и угрозы противъ Португаліи (1889 года), вынужденной очистить безспорно занятые ею территоріи въ Африкѣ, нельзя не признать, что приписываемая Англій нѣкоторыми публицистами обязанность отдать свой споръ на рѣшеніе третейскаго суда, предложеннаго Португаліею (стороною слабою и справедливою въ спорѣ), вовсе не вытекаетъ изъ постановленій Берлинской конференціи; но Англія нарушила послѣднія, уклонившись отъ посредничества дружественныхъ державъ.

Сознавая свои цивилизаторскія задачи въ Африкѣ, державы, подписавшія акты Берлинской конференціи, обязались блюсти о сохраненіи туземцевъ и объ улучшеніи нравственныхъ и матеріальныхъ условій ихъ существованія посредствомъ содѣйствія подавленію рабовладѣнія и особенно неготорговли и благопріятствованія всякимъ предпріятіямъ и учрежденіямъ религіознымъ, ученымъ, филантропическимъ, создаваемымъ въ цѣляхъ просвѣщенія туземцевъ и приобщенія ихъ къ благамъ европейской цивилизаціи. Этой цѣли противорѣчитъ, правда, непринятіе Голландіею и Германіею предположенныхъ конференціею ограничительныхъ правилъ для торговли спиртными напитками въ бассейнѣ р. Конго, доставляющей здѣсь громадныя выгоды и рынки для сбыта Германіи. Но эта слабая сторона рѣшеній конференціи искупается вышеуказанными конечными ея опредѣленіями. Занятія конференціи косвенно содѣйствовали признанію почти всеми державами „международной Конгоской ассоціаціи“ за вновь образующееся государство, связанное личною униєю съ Бельгійскимъ королемъ. Это признаніе не касается, впрочемъ, личной унии „Международной Ассоціаціи“ съ Бельгіею. Этому еще образующемуся государству приданъ обще-европейскій интересъ, какъ нейтральной полосѣ для международной торговли и распространенія цивилизаціи. По справедливому замѣчанію профессора Эйхельмана, за „Международной Ассоціаціей“ напередъ признано— „для общей пользы цивилизованнаго міра и цѣлей гуманности“—право консти-

туироваться какъ государство. Новому государству Конго „вѣчный нейтралитетъ“ не гарантированъ. Но оно обязалось признать въ широкихъ размѣрахъ права иностранцевъ всѣхъ націй и допустить на своей территоріи полную свободу для торговли всѣмъ народамъ и при томъ „безъ привозныхъ пошлинъ“ (Эйхельманъ). *Наконецъ, принято важное положеніе, по которому договаривающіяся стороны сохраняютъ за собою право съ общаго согласія ввести впослѣдствіи въ постановленія конференціи измѣненія и улучшенія, полезность которыхъ будетъ указана опытомъ.*

ГЛАВА III.

Очеркъ развитія науки международнаго права.

Литература. Русская: *В. Даневскій*—„Очеркъ новѣйшей литературы по международному праву“, 1876 г. (съ 40-хъ годовъ настоящаго столѣтїа по 1875 г. По преимуществу итальянская, нѣмецкая и русская); графъ *Л. Камаровскій*—„Обзоръ современной литературы по международному праву“, 1887 г. (последнихъ двухъ десятилѣтїй по преимуществу; снабжено полнымъ библиографическимъ указателемъ общихъ и монографическихъ современныхъ работъ по международному праву; этотъ очеркъ былъ намъ весьма полезенъ при составленїи настоящей работы); *Ф. Мартенсъ*—„Современное международное право“, томъ I.—Развитіе науки международнаго права; сжатое историческое изложеніе научныхъ системъ (по плану *Кальтенборна*); *Эйхельманъ*—„Введеніе“, § II-й (сжатое, но обстоятельное изложеніе).

Иностранная. *Rivier* (проф. въ Брюсселѣ) въ I томѣ—*Holtzendorff*'а—*Handbuch*—Историческій очеркъ съ древнѣйшихъ временъ до 1884 г.; самый полный библиографическій очеркъ, часто одна лишь номенклатура; *Calvo*—„*Le droit International*“, т. I (Introduction)—указанїа разбиты по періодамъ; нерѣдко одна лишь номенклатура; *R. von Mohl*—въ I-мъ томѣ его извѣстной „*Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften*“, 1855 г., 3 тома (глава VI „*Die neuere Literatur des Völkerrechts*“). Это—критическія замѣчанїа на сочиненїа (общїа и монографїа) по международному праву съ 1835 по 1854 гг.; въ особенности же—*von Kaltenborn*—„*Kritik der Völkerrechts*“, 1847 г.—Систематическая, обстоятельная критика основныхъ началъ и системъ международнаго права у писателей съ древнѣйшихъ временъ до 40-хъ годовъ настоящаго столѣтїа. Образцовое сочиненіе.

§ I. Науку международнаго права обыкновенно начинаютъ съ Гуго Гроція. Но послѣдній имѣлъ предшественниковъ, изъ которыхъ болѣе другихъ выдаются писатели XVII столѣтїа—иезуитъ *Францискъ Суаресъ* (Francisco Suarez), *Францискъ Викторїа* (Francisco Victoria), *Валтазаръ Айала* (Balthasar Ayala), въ особенности же итальянецъ *Альберикъ Джентили* (Alberico Gentile), написавшій въ 1583 г. сочиненіе „*de jure belli*“ (о правѣ войны), а въ 1589 г. другое—„*de legationibus*“ (о посольствахъ). *Суаресъ* первый указалъ на различїе между правомъ естественнымъ и договорными началами, соблюдаемыми народами; *Викторїа* вооружается противъ практики европейцевъ, разсматривающихъ вновь открываемыя земли, какъ свою полную и неотъемлемую собственность.

Онъ признаетъ за туземцами исключительное право собственности на обитаемыя ими земли, отрицаетъ законность войнъ съ цѣлью насильственной пропаганды христіанства. *Война между христіанскими народами допускается имъ въ видахъ самозащиты*; весьма смѣло для своего времени онъ отрицаетъ законность войны изъ за религиозныхъ различій и требуетъ пощадъ женщинъ и дѣтей даже въ войнѣ съ мусульманами. Айала (Ayala), сходясь съ Викторіей въ воззрѣніяхъ на права нехристіанскихъ народовъ на суверенитетъ, собственность надъ территорією и на незаконность войнъ изъ за религиозныхъ различій, требуетъ еще разныхъ смягченій въ практикѣ войнъ, признавая, на примѣръ, что недвижимая собственность непріятеля переходитъ исключительно въ собственность государства, захватъ же вражеской движимости тоже подлежитъ извѣстнымъ ограниченіямъ со стороны государства. Но почти у всѣхъ перечисленныхъ писателей основанія международнаго права являются еще смѣсью политики, богословія, морали, метафизики и юриспруденціи. Лишь Альберикъ Джентили первый отдѣлилъ право вообще и международное въ частности отъ богословія и морали, съ которыми оно было тѣсно связано. Высказываясь противъ религиозныхъ войнъ, Джентили защищаетъ автономію отдѣльныхъ народовъ, желаетъ умѣренности въ способахъ и въ выборѣ средствъ для веденія войны, ратуетъ за интересы земледѣлія и торговли, требуетъ защиты женщинъ и дѣтей и даже иностранцевъ отъ всѣхъ опасностей и вредныхъ слѣдствій войны. Въ теоріи онъ не отрицаетъ и правъ нейтральныхъ, но подчиняетъ ихъ правамъ воюющихъ, основаннымъ на роковой силѣ необходимости. Нѣкоторые писатели (на примѣръ Kaltenborn, Wheaton) усматриваютъ въ мысляхъ Джентили начала, положенныя въ основаніе позднѣйшаго труда Гуго Гроція, между которымъ и Джентили подмѣчается (Кальтенборнъ) не только сходство въ ученіи о естественномъ правѣ, но и въ планѣ (Эйхельманъ), даже въ тождествѣ названій нѣкоторыхъ главъ и самаго сочиненія. Сочиненіе же Джентили „de legationibus“ разбираетъ исторически происхожденіе различнаго рода посольствъ, подробно разсматриваетъ важнѣйшіе вопросы, касающіеся правъ и обязанностей пословъ (на примѣръ о подсудности ихъ мѣстнымъ судамъ), нравственныхъ и умственныхъ качествъ, необходимыхъ послу.

Въ 1625 году появилось сочиненіе Гуго Гроція, посвященное Людовику XIII, „de jure belli ac pacis“; оно вызвано размышленіями автора надъ ужасами 30-лѣтней войны; появленіе его есть эпоха, съ которой начинается самостоятельная научная разработка международнаго права. Главная заслуга Гроція, по справедливому замѣчанію Calvo, состоитъ въ томъ, что онъ „поднялъ вопросы международнаго права“; главный недостатокъ его сочиненія—въ томъ, что онъ „недостаточно выяснилъ основанія для международнаго права: всякая война представляется ему явленіемъ анти-юридическимъ и анти-соціальнымъ, почему вся задача при ея возникновеніи состоитъ въ томъ, чтобы заставить насколько возможно уважать во время войны обязанности челоуѣколюбія“. Все право раздѣляется имъ на *jus naturale* (право естественное) и *положительное (jus voluntarium)*; послѣднее подраздѣляется на *jus hu-*

танит (человѣческое право) и *jus divinum* (божественное), изъ которыхъ человѣческое въ свою очередь подраздѣляется на гражданское (*jus civile*) и международное (*jus gentium*). На чемъ же покоится послѣднее? На благи государствъ вообще, опредѣляемомъ правомъ; послѣднее же опредѣляетъ взаимныя отношенія государствъ, изъ которыхъ каждое сознаетъ свои юридическія обязанности относительно другихъ. Это сознание выражается въ согласіи воли всѣхъ или нѣсколькихъ народовъ, которое (согласіе) и есть источникъ международного права, очерпаемый въ обычаяхъ и договорахъ. Слѣдовательно, Гуго Гроцій долженъ былъ опираться на послѣднихъ; но какъ важныхъ, общеобязательныхъ договоровъ и обычаевъ между государствами въ его время почти не существовало, то ему пришлось для созданія началъ положительнаго международного права обращаться къ древности, у которой, какъ мы знаемъ, можно было найти мало матеріала для международного права. Вотъ почему сочиненіе Гуго Гроція могло оказать громадное вліяніе на современную ему жизнь и на будущее развитіе науки международного права не столько своимъ положительнымъ матеріаломъ или систематизаціею его (крайне несовершенною), сколько духомъ гуманности, которымъ проникнуты его воззрѣнія на войну, а также ученіемъ объ источникѣ права естественнаго и международного.

Еще до 1758 г. насчитывалось 45 изданій сочиненія Гуго Гроція „*de jure belli ac pacis*“. Лучшее изъ новѣйшихъ изданій—французское, принадлежащее Pradier Fodéré (1867), предшествуемое біографическимъ и историческимъ очеркомъ вліянія книги Гроція.

§ II. Вся послѣдующая научная разработка международного права находилась, по вѣрному взгляду Кальтенборна, подъ вліяніемъ 2-хъ положеній Гроція—о естественномъ и положительномъ правѣ. Одни писатели развивали систему международного права, принявъ въ основаніе ученіе Гроція о естественномъ правѣ (создалось такъ называемое абстрактное направленіе). Нѣкоторые изъ писателей этого лагеря дошли до невозможныхъ крайностей, создавъ отвлеченныя системы, игнорировавшія реальныя основы международного права. Другіе, опираясь главнымъ образомъ на ученіи Гроція о *jus voluntarium* (положительное право), строили всю систему науки на обычаяхъ и особенно на договорахъ. Изъ писателей этого (положительнаго направленія) нѣкоторые тоже пришли къ уродливымъ крайностямъ: они поклонялись трактатамъ и актамъ законодательствъ, содержаніе которыхъ являлось въ ихъ глазахъ единственнымъ основаніемъ для построенія научной системы международного права. Оба направленія нашли примиреніе въ различныхъ попыткахъ соединенія обоихъ пріемовъ изслѣдованія и сочетанія двухъ началъ—философскаго и положительнаго, при чемъ разные писатели, заимствовавъ изъ той или другой философской системы, господствовавшей въ данное время, высшія основанія для своей научной системы международного права, допускали въ послѣднемъ или преобладаніе философскаго эле-

мента надъ положительнымъ матеріаломъ, или же обратно. И только очень рѣдко и въ относительно недавнее время достигалось правильное сочетаніе обоихъ приѣмовъ изслѣдованія.

I. *Первое направленіе.* Оно исходило изъ ученія Гроція о естественномъ правѣ, какъ о законѣ, присущемъ природѣ человека (ex natura hominis), источникъ котораго—разумное существо вещей (ex natura rerum), почему естественное право обязательно само по себѣ. Это ученіе о естественномъ правѣ, развиваясь въ дальнѣйшемъ ходѣ исторіи философіи права, на примѣрѣ у Гоббеса и Спинозы, привело этихъ писателей къ отождествленію права и силы (Спиноза) и къ ученію о естественномъ состояніи людей и государствъ, въ которомъ не только „homo homini“, но и „civitas civitati lupus est“. Специально это ученіе перенесено въ область международного права Пуффендорфомъ, съ котораго начинается продолжительное господство абстрактнаго направленія въ научной разработкѣ международного права, которому помогала бѣдность положительнаго матеріала и косвенно—господство въ международныхъ отношеніяхъ началъ династической политики, которой противопоставлялись для охраненія международного права лишь случайныя комбинаціи системы политическаго равновѣсія. Пуффендорфъ совершенно отождествлялъ международное право съ естественнымъ и отрицалъ даже возможность существованія положительнаго права, не знающаго высшей власти надъ народами. Лишь съ середины XVIII вѣка начинается нѣкоторая реакція противъ крайностей этого направленія. Реакція хочетъ восполнить изученіе естественнаго права изученіемъ права положительнаго. Такъ, Христианъ Вольфъ (1749 г.), раздѣляя международное право на естественное и положительное (jus gentium voluntarium), принимаетъ на ряду съ послѣднимъ существованіе еще особаго договорнаго права и обычнаго; обязательную же силу положительнаго права онъ видитъ въ предполагаемомъ согласіи народовъ, которое вытекаетъ изъ *civitas gentium maxima*, какой то отвлеченной фикціи Вольфа, въ которой можно усматривать не то всемірное государство, не то намѣки на идею междугосударственнаго общенія. Допускаемое же имъ *сверхъ международного положительнаго права—договорное международное право, основанное на „явномъ согласіи народовъ“, и обычное международное право, источникъ котораго лежитъ въ consensus tacitus* (безмолвное согласіе),—ведетъ къ спутанности понятій и къ логическому абсурду: положительное международное право есть понятіе родовое, въ которое право договорное и обычное входятъ лишь какъ понятія видовыя. Популяризаторомъ Вольфа, переработавшимъ труды послѣдняго, написанныя на латинскомъ языкѣ и на основаніи сухаго, математическаго приѣма изслѣдованія, явился (1758 г.) извѣстный Ваттель (*Vattel*), сочиненіе котораго (*Le droit des gens*), легко написанное, удобочитаемое, но довольно поверхностное (въ немъ встрѣчаются и нерѣдкія противорѣчія), имѣло большой успѣхъ, особенно среди дипломатовъ (и теперь въ Англии). Этотъ успѣхъ можетъ быть объясненъ, какъ тѣмъ, что Ваттель снабдилъ свое изложеніе многочисленными ссылками на примѣры изъ современныхъ ему международныхъ сношеній, такъ и

потому, что дипломаты могли найти въ немъ подтвержденіе и отрицаніе любого тезиса, который нужно было защитить или опровергнуть въ возникавшей по какому либо поводу дипломатической перепискѣ. Наконецъ, преклоненіе дипломатовъ передъ Ваттелемъ объясняется еще и тѣмъ, что *Ваттель созидаетъ международныя отношенія и право на идею самостоятельности государствъ*, которую, какъ мы знаемъ, столь тщательно оберегали въ международныхъ отношеніяхъ (Ваттель отбросилъ идею Вольфа о *civitas maxima*); и самое международное право возникаетъ у Ваттеля изъ согласія державъ (источникъ международнаго права), обладающихъ полною свободою и независимостью. Впрочемъ, подобно Вольфу, *Ваттель признаетъ существованіе „естественнаго международнаго права“*, само по себѣ обязательнаго, необходимаго и неизмѣннаго, т. е. не отличаетъ ни естественнаго права вообще отъ международнаго, ни естественнаго международнаго права отъ положительнаго международнаго права, такъ какъ послѣднее у него также необходимо и неизмѣнно, ибо тоже вытекаетъ изъ природы вещей.

II. *Направленіе положительное зародилось еще въ срединѣ XVII вѣка*, когда англійскій юристъ Зѣчъ (Zouchäus) въ 1650 г., различая общее международное право (исходитъ изъ общаго согласія народовъ) отъ особеннаго (вытекаетъ изъ отдѣльныхъ договоровъ), пытался подтвердить существованіе того и другого ссылками на историческіе факты и соглашенія изъ сферы международныхъ отношеній его времени. Въ 3-й четверти XVII в. нѣкто *Рахель* уже защищаетъ самостоятельность международнаго права, видитъ цель послѣдняго въ общей пользѣ всѣхъ государствъ и пытается доказать существованіе положительнаго международнаго права. Но только въ XVIII в., когда увеличился положительный матеріалъ, появляются больше самостоятельныя и полныя труды въ этомъ направленіи (напримѣръ *Mably* въ 1747 г.), которое въ лицѣ *Иогана Мозера* (*Johan Moser*—нѣсколько сочиненій его во 2-й половинѣ XVIII вѣка) достигаетъ кульминаціоннаго пункта своего развитія. *Мозеръ* только что не презираетъ всякое философствованіе, страшится всякой критики, слѣпо преклоняется предъ трактатами и законодательными актами, почему труды его—собраніе (больше въ хронологическомъ порядкѣ) всякаго матеріала съ международнымъ характеромъ, безъ всякихъ попытокъ ни къ обобщенію, ни даже къ сколько нибудь отдаленнымъ выводамъ. *Иоганъ Мозеръ*—послѣднее слово этого направленія, какъ *Пуффендорфъ*—послѣднее сказаніе въ направленіи противоположнаго свойства.

III. Еще въ первой половинѣ XVIII в. извѣстный голландскій правовѣдъ *Бинкершукъ* (*Bynkershoek*) пытался первый органически соединить положительное направленіе съ философскимъ. Онъ провозгласилъ, что „*ratio est juris gentium fundamentum*“ (разумъ—основаніе международнаго права), что разумъ—орудіе для изслѣдованія международнаго права, которое покоится на обычаяхъ (*usus*), нравахъ (*mores majorum*) и согласіи народовъ (*consensus populorum*), выражающихся въ правахъ, обычаяхъ и трактатахъ. Такимъ образомъ этотъ юристъ первый выяснилъ дѣйствительные источники международнаго права и если поня-

тіе о „согласіи народовъ“ замѣнить болѣе точнымъ понятіемъ о „созна-ніи (юридическомъ) народовъ“, то мы получимъ тотъ первоначальный (высшій) и тѣ производные источники международного права, на изученіи которыхъ, при помощи приѣмовъ разума, т. е. критики и обобщенія, должно строить всю систему международного права. Мысль объ обобщеніи и критикѣ обычнаго, договорнаго и историческаго матеріала международного права и положилъ въ основу своего изслѣдованія знаменитый *Георгъ Фридрихъ Мартенсъ* (оно изложено въ *формѣ определенной системы*), въ своихъ—*Précis du droit des gens moderne de l'Europe*, 1789 г. (имѣло много изданій, лучшее—*Vergé*—1864 г.). Онъ пришелъ къ общему заключенію, что международныя отношенія не подлежатъ закону произвола, а основаны на взаимномъ признаніи государствами определенныхъ правъ и обязанностей. Самый философскій приѣмъ изслѣдованія играетъ у него, впрочемъ, нѣсколько подчиненную роль, къ отношеніямъ же между государствами онъ прилагаетъ тоже естественное право, которое опредѣляетъ и отношенія между людьми. Сочиненіе Георга Мартенса, его методъ и даже систематика давали тонъ большинству послѣдующихъ научныхъ работъ въ международномъ правѣ почти до 60-хъ годовъ настоящаго столѣтія.

§ III. Сдѣлаемъ теперь сжатую характеристику извѣстнѣйшихъ болѣе современныхъ общихъ сочиненій по международному праву.

I. Для успѣшности всякаго изслѣдованія въ области соціальныхъ наукъ, необходимы обстоятельныя историко-критическія изысканія для полученія обработаннаго матеріала, лежащаго въ основѣ научной системы. *Англо-американскіе юристы въ своихъ системахъ идутъ по преимуществу именно этимъ историческимъ приѣмомъ изслѣдованія.* Къ сожалѣнію, приѣмъ ихъ—одностороненъ и не всегда наученъ. Не рѣдко критическій приѣмъ отступаетъ у нихъ на задній планъ, подавляясь фактическимъ изложеніемъ трактатовъ, законодательствъ, дипломатической переписки, т. е. положительнымъ матеріаломъ, освѣщаемымъ авторитетами часто устарѣвшими (напримѣръ *Ваттель*, *Бинкерсгукъ*, *Гуго Гроцій* и т. п.). Литературныя указанія ихъ довольно бѣдны и чаще всего односторонни; система—больше случайная, чисто внѣшняя, основана на началѣ суверенитета государства. Теорія правоваго общенія почти всегда игнорируется, порядокъ международный чаще всего основывается на узко утилитарныхъ соображеніяхъ. Въ ученіи о войнѣ и особенно о нейтралитетѣ нерѣдко преобладаетъ надъ объективизмомъ научнаго изслѣдованія узко-патріотическая точка зрѣнія, имѣющая въ виду по преимуществу выгоды и права Великобританіи и Америки. Можно сказать, что особая и нѣсколько эпохическая роль *Великобританіи и Соед. Штатовъ* въ международныхъ отношеніяхъ значительно отразилась на взглядахъ ихъ писателей. Общихъ сочиненій по международному праву въ англо-американской литературѣ довольно много. Таковы изъ американскихъ: сочиненія *Галлека* (*Hallek—International law*,

1861 г. Новое издание Baker, 2 тома 1878 г.); *Кента* (James Kent—Commentaries on American law, 4 тома; II-е издание 1867 г.). Изъ 10 изданія англійскій юристъ Абди (Abdy) сдѣлалъ всѣ выдержки въ 1876 году, относящіяся къ международному праву (съ прибавленіями Абди), а въ 1878 году вышло второе изданіе. Въ особенности же извѣстны сочиненія Уитона (*Wheaton*'а) по исторіи международнаго права (см. въ указаніи на литературу при II главѣ настоящаго учебника) и по системѣ международнаго права—*Elements of International law*, 2 т. 1836 г., французское изданіе пятое въ 1874 г. Комментаріи къ исторіи и системѣ *Wheaton—Dana*—въ 1866 г., *Lawrence*—1868—80 г. 4 тома; послѣднее англійское изданіе *Boyd* 1878 г.; и *Calvo—Le droit International théorique et pratique* (появилось впервые на испанскомъ языкѣ въ 1868 г.); на французскомъ языкѣ 2-е изданіе 1870—72 гг. (2 тома), 4-е изданіе, въ 5 томахъ, въ 1887—88 г. Изъ многочисленныхъ англійскихъ сочиненій можно указать на *Треверсъ-Твисса* (*Travers-Twiss*)—*The law of nations*, 2 тома, 1861 г.; послѣднее изданіе 1884 г.; французскій переводъ, 2 т., 1887—89 г. (*Le droit des gens*); *Филлимора* (*Fillimore*)—*Commentaries upon the International law*—1854—61 г., 4 тома; 2-е изд. 1871—74 г. (первые три тома), а 3-е изд. (первые три тома) въ 1879—85 г.; *Окъ-Мэннинъ* (*Oke-Manning*)—*Commentaries of the law of nations*, 1839 г., послѣднее изданіе *Scheldon Amos*, въ 1875 г.); *Гооль* (*Hall*)—*International law*—1-е изд. 1880 г., 2-е—1884 г. (добавлено противъ перваго); *Lorimer*—*The Institutes of the law of Nations*, 2 тома, 1883—84 г., французскій переводъ (съ сокращеніями) въ 1875 г. *Ernest'a Nys*; *Woolsey* (*Уольси*)—*Introduction to the study of International law*, 5-е изданіе 1879 г. (съ библиографическимъ перечнемъ, съ многими трактатами и комментаріями къ нимъ); *Уильдманъ* (*Wildman*)—*Institutes of International law*—1854 г., 2 тома (очень устарѣло и крайне односторонне).

Изъ перечисленныхъ сочиненій наилучшія—труды Филлимора, Гооля, Кальво, Треверсъ-Твисса и Лоримера. *Филлиморъ*—обширное изслѣдованіе всѣхъ институтовъ международнаго права (особенно хорошъ 4-й томъ—частное международное право), основательное знакомство съ литературою. Признавая и естественное право, какъ рядъ обязательныхъ правилъ, вытекающихъ изъ самой природы международныхъ отношеній, Филлиморъ поклоняется и римскому праву, какъ наилучшему пособію для изученія права международнаго. Въ 1-мъ томѣ хороши изслѣдованія о суверенитетѣ, полусамостоятельныхъ государствахъ, объ уніи личной и реальной. Наболѣе слабыя части—ученіе о войнѣ и нейтралитетѣ (устарѣлая англійская точка зрѣнія). *Гооль* принимаетъ въ своемъ изслѣдованіи за основаніе международнаго права одно положительное право, отвергая естественное и иныя философскія основанія его. Матеріалъ историческій очень богатъ; обычаи, трактаты, судебныя рѣшенія—солидное основаніе его системы, при которой онъ (вслѣдъ за Филлиморомъ) расчленяетъ все изложеніе на 4 части—общія начала, отношенія государствъ во время мира, во время войны и во время нейтралитета (система не особенно удачная). Наболѣе полно (хотя нѣсколько односторонне, съ англійской точки зрѣнія) изложено

право войны и нейтралитета. *Такой же характеръ носитъ и сочиненіе Треверсъ-Твисса*; но можно замѣтить, что у него придается большее, чѣмъ у предшествующихъ писателей, значеніе теоретическому изслѣдованію, и что этотъ авторъ менѣе своихъ компатріотовъ увлекается узкоанглійскими тенденціями. Что касается до Кальво, то это громадное сочиненіе, весьма богатое трактатами, депешами, рѣшеніями судовъ, ссылками на законодательства державъ, не бѣдно и литературными указаніями (особенно въ 3 и 4 изданіяхъ) на писателей всѣхъ школъ, притомъ самыхъ новѣйшихъ (приводятся ихъ мнѣнія по важнѣйшимъ вопросамъ). Оно страдаетъ отсутствіемъ хорошей системы и строго принципальной разработки институтовъ. Какъ и всѣ почти сочиненія англо-американскія, и оно игнорируетъ начало международного праваго общенія, строитъ международное право на идеѣ суверенитета государствъ. *Труды Филлмора и Кальво—лучшія справочныя книги*, изъ которыхъ можно почерпнуть богатый положительный матеріалъ при изученіи почти всѣхъ институтовъ международного права; но изучающему трудно ознакомиться изъ нихъ съ теоріею и основными принципами международного права. *И только одно сочиненіе, Лоримера, есть исключеніе изъ общаго направленія и характера англо-американской литературы*. Оно совсѣмъ игнорируетъ исторію и литературу предмета, является строго теоретическимъ изслѣдованіемъ юридическихъ основъ международныхъ отношеній. Все сочиненіе проникнуто большою оригинальностью, иногда софизмами и крайними увлеченіями. *Лоримеръ пытается установить международное право на началахъ взаимной зависимости и признанія государствъ, которыя вытекаютъ изъ естественнаго закона, требующаго свободы отдѣльныхъ государствъ*, осуществляемой чрезъ посредство признанія и защиты ихъ реального могущества. Поэтому-то вся система международного права покоится у него на трехъ институтахъ—признанія государствъ, вмѣшательства и нейтралитета. *Въ естественномъ правѣ онъ усматриваетъ даже главнѣйшій источникъ права международного*, склонность же Лоримера къ идеализаціи и теоретическимъ обобщеніямъ, столь не свойственнымъ англо-американскимъ писателямъ по международному праву, приводитъ его даже во II томѣ къ изложенію проекта международной организаціи.

II. *По характеру и пріемамъ изслѣдованія сочиненіе Лоримера скорѣе подходитъ къ направленію и пріемамъ Германской литературы, которая, отводя сравнительно второстепенное мѣсто исторіи, даетъ мѣсто первостепенное критическому изслѣдованію, но еще болѣе системъ, т. е. органическому изложенію и строенію институтовъ международного права на основаніи критически провѣреннаго матеріала*. Понятно, что существенный вопросъ объ основаніяхъ международного права подвергается тоже обсужденію Германскими писателями примыкающими нерѣдко къ той или другой изъ системъ господствующихъ въ философіи даннаго времени.

Изъ нѣмецкихъ сочиненій заслуживаютъ наибольшаго вниманія: *Гейфферъ (Heffter)—Das Europäische Völkerrecht der Gegenwart, 1844 г.* Оно очень распространено, выдержало много изданій: изъ нихъ послѣд-

нее на нѣмецкомъ языкѣ—изданіе Geffcken'a (1888 г.) съ примѣчаніями послѣдняго и дополненіями по литературѣ, но и съ произвольными выпусками, на примѣръ главы о дипломатическомъ искусствѣ; французскій переводъ 4-е изданіе Geffcken'a же, въ 1883 г. Отличный переводъ его на русскій языкъ (въ 1880 г.) барономъ Таубе (съ прибавленіемъ и ссылками на русскую литературу); 2. *Блунчли* (*Bluntschli*) извѣстнѣйшее сочиненіе—*Das Moderne Völkerrecht der Civilisirten Staaten als Rechtsbuch dargestellt*. 1868 г., 3-е нѣмецкое изданіе—въ 1878 г., французскій переводъ (4-е изданіе) съ приложеніями—*Rivier*. *Это сочиненіе переведено почти на всѣ европейскіе языки*, даже на китайскій (въ 1881 г.) и японскій; на русскомъ языкѣ очень хорошій переводъ гг. Лодыженскаго и Ульяницкаго, подъ редакціей (съ приложеніями) профессора графа Камаровскаго, въ 1876 году; 3. *Оппенгеймъ* (*Oppenheim*)—*System des Völkerrechts*, 2-е изд. 1867 г. Устарѣло; авторъ—послѣдователь Георга Мартенса; *система плоха и устарѣла*, много уклоненій отъ предмета изслѣдованія; но *авторъ—приверженецъ теоріи международнаго праваго общенія* и книга написана бойко и живо; 4. *Бульмеринкъ* (*Bulmerincq*)—*Völkerrecht*, 1884 г. (не есть отдѣльное изданіе, а помѣщено въ I томѣ Marquardsen'a—*Handbuch des Oeffentlichen Rechts*; 5. Особенно *Гольцендорфъ* (*Holtzendorff*)—*Handbuch des Völkerrechts*, 4 большіе тома, 1885—89 годы; 6. Небольшіе учебники (для элементарнаго ознакомленія съ системою науки): а) *Нейманъ* (*Neumann*)—*Grundriss des heutigen europäischen Völkerrechts*, 3 изданіе 1885 г.; французскій переводъ 1886 г.; б) *Гартманъ* (*Hartmann*)—*Institutionen des practischen Völkerrechts in Friedenszeiten*, 2 изданіе 1878 г. (нѣтъ военнаго международнаго права); в) *Кваритчъ* (*Quaritsch*)—*Compendium des europäischen Völkerrechts*, 4-е изданіе 1885 г.; д) лучшее изъ маленькихъ руководствъ *Гарсисъ* (*Garcis*)—*Institutionen des Völkerrechts*, очень краткое, но полное изложеніе, строго юридическое, началъ современнаго международнаго права, 1887 г.

Изъ вычисленныхъ сочиненій заслуживаютъ особеннаго вниманія труды Геффттера, Блунчли, Бульмеринка и Гольцендорфа.

Геффттеръ принадлежитъ къ новѣйшей позитивной школѣ, но признаетъ, что *международнаго права государствъ*, стоящихъ на одной ступени культуры, *проистекаетъ изъ внутренней необходимости*, не нуждается, поэтому, въ формальной санкціи. *Философскія начала международнаго права онъ ищетъ въ системѣ Гегеля*, но допускаетъ на ряду съ ними и *право международнаго, основанное на свободныхъ актахъ*—безмолвнаго или письменнаго общаго признанія какого вибудь начала, на содержаніи или духѣ трактатовъ и на обычаяхъ. *Система его покоится на раздѣленіи международнаго права на международнаго право во время мира и на право во время войны*, двѣ части, къ которымъ неизвѣстно какимъ образомъ примыкаетъ третья часть—*внѣшняя практика государствъ*, т. е. законы и формы международныхъ сношеній (посольское право и мѣры охраненія соціальныхъ интересовъ державъ). *Система ошибочная и устарѣлая*: 3-я часть всецѣло относится къ первой, а *право войны не есть ничто самостоятельное*, не матеріальное право, вытекающее изъ войны, какъ самостоятельнаго порядка юриди-

ческихъ отношеній между народами, а лишь способъ (средство) для охраны международного права, несовершенный процессъ, т. е. система международного процессуальнаго права. Сочиненіе изложено въ формѣ учебника, очень систематично и сжато; особенность его—оно обработано строго юридически, въ немъ—ничего лишняго. Но, устанавливая различіе между случайными и основными законами международного права (положительнымъ и философскимъ международнымъ правомъ), онъ не остается вѣренъ себѣ: въ сочиненіи трудно отдѣлить то, что авторъ признаетъ за положительное, отъ того, что имъ признается за философское основаніе международного права. Это особенно замѣтно во II и III частяхъ (международное право во время войны и дипломатическое право), въ которыхъ почти сплошь—одно положительное международное право.

Что касается до Блунчли, то сочиненіе его, изложенное въ формѣ кодекса, совместило въ себѣ большой матеріалъ, написано очень живо; оно доказываетъ жизнеспособность мысли о кодификаціи международного права, нашедшей въ лицѣ Блунчли столь выдающагося выразителя, что объясняетъ въ значительной степени популярность и распространенность его труда. Но оно же отражаетъ въ себѣ, какъ въ зеркалѣ, и недостатки, свойственные подобнаго рода попыткамъ кодификаціи, всей сложной системы международного права: не всегда возможно отдѣлить въ этомъ сочиненіи дѣйствительно общепризнанныя положенія, сжато сформулированныя имъ, отъ желаемыхъ и подвергающихся измѣненію. Нѣкоторый субъективизмъ—тоже неизбѣжный недостатокъ такихъ трудовъ, особенно опасный, когда тенденція оформливается въ опредѣленное положеніе кодекса. Намъ представляется еще большою ошибкою Блунчли и то, что отдѣлы международного права, наиболее приспособленные къ кодификаціи, болѣе всего къ ней подготовленные общимъ сознаніемъ народовъ и богатствомъ положительнаго матеріала, напримѣръ частное международное право, почти совершенно обойдены Блунчли.

Лучшую изъ современныхъ систематикъ науки международного права, далеко опередившую систематики старинныхъ писателей (Клюбера, Георга Мартенса) и нѣкоторыхъ изъ новыхъ (напримѣръ Геффтера и Оппенгейма) мы встрѣчаемъ у Бульмеринка. Являясь весьма сжатымъ, но и полнымъ по матеріалу и литературѣ изложеніемъ современнаго положительнаго матеріала, сочиненіе Бульмеринка всю систему изложенія строитъ на строго юридической, вполне установившейся и общепризнанной систематикѣ гражданскаго права; именно—часть общая (прелиминарныя разсужденія, ученіе о субъектахъ, объектахъ и юридическихъ актахъ) и часть догматическая, раздѣляемая на матеріальное и процессуальное (формальное) международное право. Онъ признаетъ философское международное право, отождествляемое имъ съ естественнымъ; существуетъ лишь одно международное право, общее для многихъ государствъ, стремящееся къ тому, чтобы стать международнымъ правомъ для всѣхъ государствъ. Источники же международного права лежатъ въ договорахъ и обычаяхъ.

Наконецъ, „Handbuch“ Holtzendorff'a есть развитіе и практическое осуществленіе мысли, высказанной еще Д. И. Каченовскимъ относи-

тельно научной кодификаціи международного права, а Бульмеринкомъ по отношенію къ сборникамъ международныхъ трактатовъ, именно—о необходимости приступить къ научной кодификаціи международного права и къ исправленію сборниковъ трактатовъ (какъ источниковъ для изученія положительнаго международного права) при посредствѣ коопераціи труда, т. е. совмѣстными усиліями ученыхъ. Громадный трудъ Гольцендорфа „есть попытка этой „ассоціаціи труда“.

Отдѣльные ученые (числомъ 17) дали въ 4 томахъ руководства отдѣльныя статьи—монографіи, распредѣленные въ извѣстномъ порядкѣ, относящіяся ко всѣмъ вопросамъ и институтамъ международного права, начиная его исторію, развитіемъ науки, источниками и оканчивая нейтралитетомъ и узурпаціей. (Многія изъ этихъ статей представляютъ цѣнный вкладъ въ науку). Этотъ приемъ облегчаетъ составленіе руководствъ, ускоряетъ ихъ появленіе, вноситъ въ трудъ оригинальность каждаго писателя; но вмѣстѣ съ тѣмъ существенный для научной системы недостатокъ его разнохарактерность, отсутствіе единства и принципиальной выдержанности, отчего получаютъ и нѣкоторыя неизбѣжныя противорѣчія. „Руководство“, очевидно, сборникъ монографій, отличающихся, строго юридическимъ характеромъ. Особенно бросаются въ глаза статьи Гольцендорфа и Штёрка (въ I т.), Гефкена (о посольскомъ правѣ), Каратеодори (о международныхъ рѣшкахъ), Бульмеринка (о миролюбивыхъ и менѣе насильственныхъ способахъ рѣшенія споровъ между государствами), Людера (о правѣ войны), и т. д.

III. Казалось бы, что среди писателей Франціи, игравшей такую выдающуюся роль въ международныхъ отношеніяхъ съ XVII в., стоящей на столь высокой культурной ступени, можно найти выдающіяся произведенія, обнимающія всю систему международного права. Однако, эти ожиданія далеко не оправдываются. Французская литература весьма богата выдающимися монографіями (по частному международному праву, по отдѣламъ войны и нейтралитета), но въ ней почти нѣтъ оригинальныхъ руководствъ и системъ нашей науки. Имѣются два сочиненія—*Funck-Brentano et Sorel* (книга написана 2 лицами)—*Précis du droit des gens*, 1877 г. и *Pradier-Fodéré—Traité de droit International public, européen et américain*, 5 томовъ 1885—91 г. Но первое изъ нихъ—скорѣе публицистическая, нежели научная работа, лишена системы, написана довольно односторонне; въ ней замѣчается смѣшеніе права съ политикой; литература и положительный матеріалъ—жидковаты и неполны. Что-же касается до *Прадье-Фодере*, то при громадномъ объемѣ и слѣдованіи приемамъ Кальво (трудъ послѣдняго все же неизмѣримо богаче матеріаломъ), сочиненіе его бѣдно указаніями на новѣйшую литературу, а система его весьма неудовлетворительна: все международное право раздѣляется на 1) права и обязанности государствъ, 2) отношенія между ними: а) во время мира и б) во время войны (въ VI т. должно появиться международное право во время войны). Но въ названномъ сочиненіи можно найти богатые указанія на внутреннее законодательство и международные трактаты государствъ Америки, хотя и въ этомъ отношеніи трудъ Кальво опять же превосходитъ рассматриваемое сочиненіе.

Прадье-Фодере раздѣляетъ международное право на философское, т. е. то, что должно быть, и практическое, т. е. то, что есть на самомъ дѣлѣ; но онъ признаетъ что они должны въ концѣ концовъ сблизиться, такъ какъ философское и практическое (положительное) международное право преслѣдуютъ одну общую цѣль.

IV. Совершенно иное надлежитъ высказать объ итальянской литературѣ—одной изъ богатѣйшихъ и оригинальнѣйшихъ въ наукѣ международного права. Итальянскіе писатели—по преимуществу посвящаютъ свое вниманіе изслѣдованію основныхъ принциповъ международного права и международныхъ отношеній, критикѣ господствующихъ въ немъ началъ, при чемъ, вслѣдствіе особенной роли Италіи въ дѣлѣ національнаго объединенія, очень многіе писатели—итальянцы подробно изучаютъ національный принципъ и выдвигаютъ его въ качествѣ основанія для международныхъ отношеній и для системы науки международного права.

Нѣкоторые изъ нихъ доходятъ въ этомъ увлеченіи началомъ національности, изъ котораго они логически выводятъ и принципъ невмѣшательства, до невозможныхъ крайностей, приводящихъ ихъ—частію къ полному отрицанію существующаго международного порядка, частію же къ искусственному и одностороннему построению системы науки международного права. Но въ лицѣ позднѣйшихъ писателей Италіи эти крайности уже уступили мѣсто болѣе объективному изслѣдованію. Во всякомъ случаѣ итальянская школа сумѣла создать работы высокаго научнаго интереса, въ которыхъ сочетаются съ бѣльшимъ или меньшимъ успѣхомъ—изслѣдованіе принциповъ науки и положительнаго матеріала съ систематическимъ ихъ изложеніемъ. Изъ итальянскихъ сочиненій можно указать на: I) *Del Bon*—Institutioni di diritto publico Internazionale, 1868 г.; II) *Sandona*—Trattato di diritto Internazionale moderno, 1870 г. III) *Celli* (Челли)—Sistema di diritto Internazionale, 1872 г., IV) *Ferrero-Gola*—Corso di diritto Internazionale, V) *Casanova*—Lezioni di Diritto publico Internazionale, 3-е изданіе (2 тома) Emilio Brusa въ 1876 г. (съ введеніемъ и примѣчаніями Brusa); VI) *Carnazza Amari*—Trattato sul diritto internazionale publico di pace, 1875 г.—во французскомъ переводѣ—Montanari Revest, 2 тома, 1880—82 г. (съ приложеніемъ во введеніи, сдѣланномъ переводчикомъ, указаній на литературу международного права въ Италіи), подъ заглавіемъ—*Traité de droit International public en temps de paix*; VII) *Pasquale-Fioré*—Il nuovo diritto Internazionale Publico, 1865 г., французскій переводъ со втораго изданія въ 1869 г. (2 тома) Pradier-Fodéré; 3-е итальянское изданіе—въ 3-хъ томахъ, въ 1889 году (первые два тома международное право во время мира); наконецъ—VIII) *Pierantoni*—Trattato di Diritto Internazionale (задумано въ 4-хъ томахъ); пока I-й томъ. Изъ названныхъ сочиненій трудъ *Дель-Бона*—очень устарѣлъ, въ немъ много отступленій, не идущихъ къ предмету международного права; *Сандона* и *Челли*—недурные краткіе учебники, хотя не отличаются ни системою, ни самостоятельностью, лишены рѣзкихъ отличительныхъ свойствъ итальянской школы. Этими послѣдними изобилуютъ труды *Ферреро-Гола* и *Казанова*, построенные вполне на принципъ національности и абсолютнаго невмѣшательства.

Сочиненіе Пьерантони задумано въ обширныхъ размѣрахъ, написано весьма живо и талантливо, но въ первомъ томѣ встрѣчаемъ только общія понятія и исторію международныхъ отношеній съ древнѣйшихъ временъ (начиная съ Египта, Іудеи, Греціи, Рима) до конца среднихъ вѣковъ. Пьерантони приверженецъ національнаго принципа, даетъ довольно вѣрное опредѣленіе международнаго права (и его задачи), обоснованнаго у него на сочетаніи двухъ принциповъ—національности и человечества (союзъ народовъ); онъ высказывается за соединеніе философскаго направленія съ историческимъ и съ изученіемъ положительнаго матеріала. Философскія начала международнаго права онъ выводитъ не изъ естественнаго права, а изъ естественно-научнаго воззрѣнія на совокупность органическихъ законовъ природы.

Но гораздо выше этого и другихъ итальянскихъ сочиненій стоитъ трудъ Паскаля-Фіоре. Это самая полная изъ итальянскихъ систематическихъ работъ, хорошо обработанное изложеніе, наиболее объективное, чуждое крайностей итальянскихъ воззрѣній, которыя замѣчались еще въ первомъ изданіи этого сочиненія. Система его не отличается особенною оригинальностью, историческій очеркъ довольно блѣденъ и прерванъ почему-то на 1815 году (Вѣнскій конгрессъ); никоимъ образомъ нельзя также согласиться съ противопоставленіемъ правъ государствъ ихъ обязанностямъ. Но очень оригинально обоснованіе имъ международнаго права, которое онъ опредѣляетъ, какъ „нормы существованія и взаимнаго поведенія государствъ“, а предметъ его, какъ „изученіе законовъ совмѣстнаго существованія государствъ“; авторъ требуетъ изученія его по философско-историческому методу (безъ преобладанія одного изъ нихъ надъ другимъ). Охрану же международнаго права онъ усматриваетъ въ коллективномъ вмѣшательствѣ, которое покоится на юридической защитѣ началъ международнаго порядка, признанныхъ за таковыя общемою волею (согласіемъ) членовъ международнаго общества. Въ сочиненіи Фіоре много оригинальныхъ мыслей (напримѣръ относительно частнаго и соціальнаго международнаго права), воззрѣнія его гуманны и прогрессивны; выводы всегда осторожны (напримѣръ относительно постепенности кодификаціи международнаго права); въ этой крайней своей осторожности онъ отвергаетъ, довольно непослѣдовательно, постоянный международный судъ.

V. Если, наконецъ, перейти къ русской литературѣ по международному праву, то и здѣсь поражаетъ явленіе, съ которымъ мы встрѣтились уже во французской литературѣ—полное почти отсутствіе оригинальныхъ сочиненій, обнимающихъ всю систему международнаго права (исключеніе—сочиненія проф. Стоянова и Ф. Мартенса), при относительномъ численномъ богатствѣ монографій (по военному и морскому праву; нейтралитету, по уголовному международному праву—особенно о выдачѣ преступниковъ, о консулахъ и т. д.). Явленіе тѣмъ болѣе удивительное, что у насъ имѣются учебники и курсы по гражданскому и особенно по уголовному праву и что развитію науки международнаго права должны были благопріятствовать, какъ преподаваніе этого предмета въ русскихъ университетахъ съ устава 1835 г. (подъ именемъ „общенароднаго права“), такъ и важная роль Россіи въ международныхъ отношеніяхъ еще съ первой половины настоящаго столѣтія!

Какъ бы то ни было, но у насъ имѣются всего 2 полныя сочиненія: 1) А. Стоянова и 2) Ф. Мартенса. Первое (въ 1875 г.). „Очерки исторіи и догматики междунагоднаго права“, раздѣленное на 3 части (кромѣ введенія, въ которомъ устанавливаются общія начала), принимаетъ съ небольшими отступленіями систематику Геффтера. Оно страдаетъ нѣкоторою непропорціональностью въ частяхъ, но есть первое по времени полное руководство по этому предмету въ Россіи; оно обладаетъ очень хорошими отдѣлами, на примѣръ частнаго междунагоднаго права (впервые на русскомъ языкѣ изложено въ „Очеркахъ“ проф. Стоянова), о выдачѣ преступниковъ (теперь, нѣсколько устарѣль), о консулахъ (богатъ матеріаломъ), о военномъ правѣ (хотя слишкомъ сжато). Взгляды автора стояли вполне на уровнѣ науки 70-хъ годовъ. Литературныя указанія довольно богаты. Второе (проф. Ф. Мартенса), появившееся первымъ изданіемъ въ 1882—83 г. (2 тома), а вторымъ— въ 1887—88 г. (2 т.; переведено на нѣмецкій языкъ Bergbohm'омъ въ 1883—86 г., а на французскій въ 1883—87 г. Léo, въ 3 томахъ), получило видное мѣсто въ западной литературѣ, благодаря, какъ полнотѣ матеріала и указаніямъ на малоизвѣстныя за границею явленія изъ исторіи внѣшнихъ сношеній Россіи, такъ и нѣкоторымъ своеобразностямъ въ системѣ (обстоятельную критику этого сочиненія см. у графа Камаровскаго— „Обзоръ современной литературы“, глава I). *На русскомъ языкѣ оно является теперь единственнымъ полнымъ систематическимъ изложеніемъ всего предмета междунагоднаго права, освѣщеннымъ богатыми ссылками на литературу. Авторъ строитъ все междунагодное право на 2-хъ началахъ—суверенитета и общенія между народами. Къ сожалѣнію, ученіе о междунагодномъ общеніи разработано имъ недостаточно рельефно; мѣстами оно нѣсколько сбивчиво и въ концѣ концовъ идея суверенитета у него оказывается преобладающею, хотя къ идеѣ общенія и приурочены изслѣдованія отдѣльныхъ институтовъ (на примѣръ гражданскаго и уголовнаго междунагоднаго права). Система сочиненія раздѣляется на введеніе (общія понятія, подробная исторія междунагодныхъ отношеній съ древности до 1878 г., науки, источники и проч.), общую часть (субъекты, объекты и акты) и особенную (сюда же онъ относитъ „междунагодное управленіе въ области принужденія“ или, по просту говоря, междунагодное процессуальное право). Система строго юридическая, хотя не совсѣмъ новая (указана въ общихъ чертахъ еще Бульмеринкомъ). Проф. Мартенсъ, примѣняя мысль, высказанную еще Лоренцомъ Штейномъ, къ „особенной части“ междунагоднаго права, сводитъ все содержаніе послѣдней къ ученію о междунагодномъ управленіи (администраціи), которое отдѣлено имъ отъ „права управленія“, хотя послѣднее и совпадаетъ съ „управленіемъ“! Но самое понятіе о „междунагодномъ управленіи“ не принадлежитъ, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, къ числу удачныхъ; и самое содержаніе „особенной части“ у проф. Мартенса является въ сущности изложеніемъ отдѣльныхъ правовыхъ институтовъ, но лишь подъ формулою „управленія“. Но многіе отдѣлы очень полны и хорошо изложены. На примѣръ, частное междунагодное и особенно уголовное междунагодное право; впервые появ-*

ляется, въ русской литературѣ и социальное международное право. Сжатѣе и бѣднѣе отдѣлы войны и особенно нейтралитета. *О нѣкоторыхъ предметахъ*, на примѣръ *о системѣ политическаго равновѣсія* ничего почти не упоминается (всего нѣсколько строкъ), тогда какъ самъ же проф. Мартенсъ видитъ въ принципѣ политическаго равновѣсія начало, лежавшее въ основаніи международныхъ отношеній отъ Вестфальскаго мира до Вѣнскаго конгресса. Въ общемъ и цѣломъ сочиненіе заслуживаетъ полного вниманія: *тромадная начитанность и обширный положительный матеріалъ.*

Что же касается до „Конспекта лекцій по международному Праву“ (1873) бывшаго профессора *М. Капустина*, то онъ *отличается оригинальностью системы, но слишкомъ кратокъ.* М. Капустинъ принимаетъ такую систематику: введеніе, за которымъ слѣдуютъ—отдѣлъ I, заключающій въ себѣ *ученіе о международномъ союзѣ и дѣятельности его*, во II отдѣлѣ—*положеніе государствъ въ международномъ союзѣ и ихъ дѣятельность въ немъ*, со включеніемъ права войны и нейтралитета; наконецъ, отдѣлъ III-й *измѣдуетъ международное положеніе частныхъ лицъ* (сюда входитъ и международное частное право). Въ Кіевѣ предпринято изданіе „конспекта лекцій по международному праву“ проф. *Эйхельмана*. Пока вышли выпуски—II-й (1887 годъ), излагающій ученіе о государственномъ территориальномъ и „охранительномъ“ верховенствѣ (суверенитетѣ), IV-й (1887 г.)—право международнаго представительства государствъ (право дипломатическое и начало консульскаго); „замѣтки изъ лекцій по международному праву“ (1889 года), въ которыхъ очень сжато излагаются важнѣйшіе институты послѣдняго (по преимуществу „социальное международное право“, т. е. „международныя отношенія государствъ по предметамъ общественно-культурныхъ интересовъ“, и способы для разрѣшенія международныхъ споровъ мирные и насильственные). Наиболѣе интересенъ и содержателенъ выпускъ IV-й. Наконецъ, въ томъ же (1889 года) начало выходить (пока лишь первый выпускъ)—„Введеніе въ систему международнаго права“, въ которомъ помѣщены „общая часть“ (понятіе, источники международнаго права, историческія его основанія и гарантіи, организація международнаго союза, географическое распространеніе его дѣйствія, о кодексѣ международнаго права, наконецъ—объ исторіи, методѣ и систематикѣ науки) и часть книги II-й (обзора систематики международнаго права), именно—ученіе о суверенитетѣ. Проф. Эйхельманъ усматриваетъ въ международномъ правѣ двѣ группы нормъ: а) *jus gentium absolutum* („necessarium“ или „naturalemente“), т. е. *нормы общеобязательныя для всѣхъ субъектовъ международнаго права*, б) *jus gentium particulare*, т. е. *нормы частныя или особенныя*, сила которыхъ распространяется только на государство, обязавшееся ими. Въ первомъ (а) заключаются всѣ основныя права, какъ необходимыя условія для мирнаго сосуществованія государствъ, во второмъ же (б), составляющемъ „главную массу матеріаловъ международнаго права“, заключаются договоры и отдѣльныя законодательства. Отношенія, основанныя на *jus gentium particulare*, зависятъ отъ *свободнаго*

опредѣленія самихъ государствъ. „Юридическая сторона въ международныхъ сношеніяхъ, или международное право, составляетъ“, по мнѣнію проф. Эйхельмана, „законченный юридическій строй (систему)—правовой порядокъ, имѣющій постоянное и неизмѣнное основаніе въ *jus gentium naturale* и свободную сферу для самаго обширнаго развитія международно-правовыхъ отношеній въ *jus gentium particulare*“.

Хотя проф. Эйхельманъ и признаетъ „международное общеніе“, какъ *единеніе* государствъ для „взаимной пользы и помощи“, но онъ придаетъ ему ограниченное и условное значеніе. Онъ строитъ всю систему международного права на началѣ суверенной независимости государствъ: „ни подчиненіе основнымъ правамъ, ни даже участіе въ *jus gentium particulare* не ограничиваютъ“, по его мнѣнію, „суверенитетъ государства; международное право лишь *организуетъ* международныя отношенія государствъ къ ихъ взаимной выгодѣ“. Такимъ образомъ и поэтому серьезному пункту проф. Эйхельманъ стоитъ на точкѣ зрѣнія Фрид. Мартенса и Клюбера (сочиненіе послѣдняго—*Droit des gens moderne de l'Europe*, 1819 г., *русскій переводъ*—въ 1827 г.). Онъ слѣдуетъ въ главныхъ основаніяхъ за Клуберомъ (и Геффеномъ, издателемъ Геффтера) и въ построеніи систематики международного права, которое онъ раздѣляетъ на 4 части: 1) ученіе о суверенитетѣ государствъ въ международномъ правѣ, 2) международныя отношенія во время мира. Эта часть раздѣляется на 2 отдѣла: а) *общая часть* (междунар. соглашенія, посольское и консульское право, права иностранцевъ и б) *объ отдѣльныхъ предметахъ международныхъ сношеній*; 3) *международные споры* (мирныя и насильственные мѣры ихъ разрѣшенія), и 4) *состояніе нейтралитета*. Хороши нѣкоторые отдѣлы „введенія“, на примѣръ о кодексѣ международного права и особенно—наука международного права. Наконецъ, сочиненіе Д. Каченовскаго—„Курсъ международного права“, 1863 г. (2 выпуска) *устарѣло и главное—неокончено*. Въ немъ находимъ только введеніе къ наукѣ международного права, (изъ котораго очень трудно выяснитъ—какія именно основныя начала положены авторомъ въ основаніе международного права), хорошую главу, въ которой живо изложены и опровергнуты соображенія скептиковъ, отрицающихъ международное право; а во 2-мъ выпускѣ—подробнѣйшее изложеніе международныхъ отношеній на Востокѣ, въ Греціи, Римѣ и въ средніе вѣка, составленное (съ излишними подробностями) по Лорану и Мюллеру Юхмусу.

ГЛАВА IV.

Источники международного права.

Литература. Смотри все вышеуказанныя общія сочиненія и учебники; подробно и обстоятельно у *Fillimore—Commentaries*, въ томѣ I; самое полное и всестороннее у *Holtendorff'a—Handbuch*, томъ I, отдѣлъ II-й. Изъ болѣе специальныхъ сочиненій: *Bergbohm—Staatsverträge und Gesetze als Quellen des Völkerrechts* (1877) и у *Vulmerincq'a—Praxis, théorie* и т. д. Обзоръ сборниковъ трактатовъ у *Vulmerincq'a*; также у *Martitz—Les Recueils des traités internationaux* (помѣщено въ *Revue de droit International*, 1886 г.); специально среди русскихъ писателей—у *Бялэцкаго*—„О значеніи международного права и его матеріаловъ и у *Эйхельмана—Введение*.

Источники международного права *раздѣляются* на А) *внутренній* (или высшій) и В) *внѣшніе источники*, въ которыхъ проявляется первый его источникъ и изъ которыхъ почерпаются нормы международного права.

Внутренній источникъ международного права—юридическое сознание народовъ высшей культуры о необходимости правового порядка между ними, въ который они вступаютъ подъ давленіемъ требованій человеческой природы. Это сознание о связующемъ ихъ правовомъ порядкѣ вызываетъ требованіе правъ и обязанностей народовъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и обязательности международного права, какъ совокупности юридическихъ нормъ, охраняющихъ этотъ правовой порядокъ. Основанія послѣдняго—въ природѣ человѣка, въ совершенствующихся его способностяхъ, въ увеличивающихся и разнообразящихся его потребностяхъ. Поэтому высшій источникъ международного права—постояненъ и неизмѣненъ въ томъ смыслѣ, что онъ всегда зиждется на потребностяхъ природы человѣка, но подлежитъ измѣненію во всемъ, что касается самыхъ нормъ, опредѣляющихъ формы и способы охраны интересовъ, вытекающихъ изъ измѣнчивыхъ потребностей природы человѣка.

В. *Источники внѣшніе.* Въ нихъ должно выразиться внѣшнимъ образомъ все то, что создано юридическимъ сознаніемъ народовъ. Формы этого выраженія весьма разнообразны; нерѣдко въ нихъ это юридическое сознание выражено недостаточно ясно; часто въ формахъ его выраженія, если юридическое сознание еще недостаточно опредѣлилось, встрѣчаются колебанія и неясности. Вотъ почему внѣшними источниками, изъ которыхъ почерпается содержаніе международного права, нужно

пользоваться осторожно и умно, такъ какъ въ противномъ случаѣ случайное и навосное можно принять за общесознанное, за истечение дѣйствительнаго юридическаго сознанія.

Отношенія писателей къ внѣшнимъ источникамъ международнаго права весьма различествуютъ, нередко произвольны или односторонни. Такъ, одни (напримѣръ Гефферъ) приписываютъ значеніе источниковъ только актамъ правительствъ, имѣющимъ отношеніе къ внѣшней политикѣ, и трактатамъ; другіе (напримѣръ Vello) исключаютъ трактаты изъ числа источниковъ, признавая послѣдніе главнымъ образомъ въ ученіяхъ мыслителей и въ твореніяхъ писателей; третьи, наконецъ, смѣшиваютъ внутренніе источники съ внѣшними (напр. Ortolan). Безспорно вѣрное мнѣніе, принимаемое громаднымъ большинствомъ современныхъ писателей, признаетъ нѣсколько внѣшнихъ источниковъ. Эти источники суть: I) Международные трактаты, II) международный обычай, III) внутреннее законодательство державъ, IV) рѣшенія судовъ общихъ и спеціальныхъ (международнаго характера) и V) наука международнаго права.

I. Трактаты: Они—договоры между народами (подъ самыми различными формами и названіями). Въ нихъ выражаются права и обязанности, принимаемыя на себя государствами въ области ихъ взаимныхъ отношеній. Понятно, что чѣмъ больше такихъ договоровъ, чѣмъ большее число державъ участвуютъ въ нихъ, тѣмъ съ большимъ основаніемъ можно сказать, что въ нихъ выражено общее убѣжденіе народовъ о необходимости для международнаго порядка даннаго времени именно тѣхъ нормъ, которыя формулированы въ трактатѣ. То же заключеніе слѣдуетъ и въ томъ случаѣ, когда отдѣльные договоры, хотя и заключены небольшимъ числомъ державъ, часто повторяются въ своемъ содержаніи, т. е. послѣднее воспроизводится другими контрагентами сполна или съ незначительными отступленіями. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ новые трактаты заключаются подъ нравственнымъ давленіемъ предшествующихъ и вліяніемъ сознанія солидарности интересовъ. Слѣдовательно, идеаль международныхъ трактатовъ, какъ источниковъ международнаго права—заключеніе ихъ возможно однообразное по содержанію и возможно большимъ количествомъ государствъ, т. е. трактаты международно-законодательнаго характера, въ которыхъ вполне выражается идея общенія между народами. Число послѣднихъ, сперва очень незначительное, постоянно возрастаетъ, вытѣсняя собою массу договоровъ случайнаго и преходящаго характера, изъ которыхъ трудно извлечь что-либо прочное, указующее на юридическое сознаніе международнаго союза.

Вотъ почему нѣкоторые кодификаторы международнаго права (напримѣръ Domin-Petruschewicz, въ 1861 г.) кладутъ въ основаніе международнаго кодекса лишь нѣкоторые (незначительные по числу) договоры, заключающіе въ себѣ правовыя нормы, исключаютъ изъ нихъ множество трактатовъ, опредѣляющихъ, напримѣръ, территоріальныя отношенія между государствами, разрѣшающихъ возникающіе между ними несогласія; эти договоры важны больше для всемірной исторіи, а не для международнаго права.

Къ числу же трактатовъ перваго рода относятся: постановленія Вѣнскаго конгресса о рѣчномъ судоходствѣ и послѣдовавшіе за ними регламенты этого рода, о рангахъ дипломатическихъ агентовъ, договоры о выдачѣ преступниковъ; изъ области военнаго права—трактаты вооруженнаго нейтралитета, Парижская морская декларация, Женевская конвенція 1864 г. Для изученія трактатовъ въ качествѣ источника международного права необходимо, прежде всего, собрать ихъ. А такъ какъ трактатовъ (съ древнѣйшихъ временъ) множество, а содержаніе ихъ весьма разнообразно, то этимъ объясняется появленіе сборниковъ трактатовъ. Ихъ очень много. Нѣкоторые сборники имѣютъ общій характеръ, другіе же специально посвящены трактатамъ, заключающимся отдѣльными государствами. До сихъ поръ нѣтъ такого общаго сборника, который заключалъ бы въ себѣ весь трактаты съ древнѣйшихъ временъ. Существующіе сборники начинаются обыкновенно съ случайнаго момента исторіи (напримѣръ, сборникъ Георга Мартенса—съ 1761 г.), частью относятся къ болѣе древнѣйшимъ временамъ (напримѣръ Dumont-Corps diplomatique). Всѣ они довольно случайнаго происхожденія, а содержаніе и характеръ ихъ крайне не выдержаны. Причины эти затрудняютъ изученіе международного права и пользованіе трактатами какъ его источниками. (Бульмеринкъ вѣрно указалъ на это). Существуетъ нѣсколько общихъ сборниковъ международныхъ трактатовъ, въ которыхъ заключены всѣ международные договоры. Древнѣйшій изъ нихъ—*Барбейрака* (Barbeugac)—трактаты отъ 1496 г. до Р. Хр. до 800 г., т. е. до Карла Великаго (подъ названіемъ—*Histoire des anciens traités*); продолженіе его составляетъ—*Дюмонъ* (Dumont)—съ 800 по 1731 г. (съ прибавленіемъ къ нему трактатовъ до 1738 г.), подъ заглавіемъ—*Corps universel diplomatique*, а продолженіе Дюмона—*Венкъ* (Wenck)—для періода съ 1735 по 1772 г. (*Corpus juris gentium recentissimi*). Но самый извѣстный—сборникъ *Георг. Фрид. Мартенса* (и его продолжателей; нынѣ издается профессоромъ *Штеркомъ*)—*Recueil des traités* (новѣйшее его названіе—*N. R. général des traités*). Онъ начинается съ 1761 г. по наши дни; всего 62 тома. Въ этомъ (и въ предшествующихъ сборникахъ) приведены и почти всѣ договоры Россіи (съ XVII вѣка). Изъ большаго сборника *Ф. Г. Мартенса* сдѣлано краткое изданіе (для нуждъ учащихся)—*К. Мартенсомъ* и *Кюсси* (8 томовъ)—съ 1760 по 1856 г. и продолженіе его (до 1887 г.) *Гедффеномъ* (3 тома); названіе его—*Recueil manuel et pratique de traités et conventions*. Полный общій указатель договоровъ (съ 1493 по 1866 г.) составленъ *Тето* (Tétot)—*Répertoire des traités*.

Кромѣ того, нѣкоторые международные трактаты (вмѣстѣ съ внутренне-законодательными актами, касающимися международныхъ отношеній) можно найти въ изданіяхъ—*Эиди и Клаугольда* (Aegidi und Klauhold)—*Das Staatsarchiv* (съ 1861 г.) и въ изданіи Парижскомъ (съ того же года)—*Archives Diplomatiques*.

Почти каждое государство обладаетъ еще своими особыми сборниками, въ которыхъ заключены договоры даннаго государства. Таковы: для *Австро-Венгріи*—изданіе *Неймана и Плассона* (Neumann et Plasson),

трактаты съ 1763 г. по наши дни; *для Франціи—Де-Клерка (De-Clercq)*— съ 1713 г. по наше время, въ хронологическомъ порядкѣ. *Для Россіи*— извѣстное „Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами“, изданіе профессора Ф. Мартенса, оффиціознаго характера. Вышли 9 томовъ (порядокъ алфавитный). Начинается сборникъ съ случайнаго года (1648); изданы уже трактаты съ Австріею и Германіею (по 1885), всегда съ русскимъ переводомъ. Изложенію трактатовъ предшествуютъ комментаріи проф. Мартенса (историко-дипломатическаго свойства). Почти всѣ договоры, вошедшіе въ этотъ сборникъ, а равно и новѣйшіе трактаты, въ него не вошедшіе, напечатаны въ Полномъ Собраніи Законовъ, въ которомъ встрѣчаются трактаты даже съ 1617 г. Примѣчанія и комментаріи проф. Мартенса составлены и по неизданнымъ архивнымъ матеріаламъ. Въ комментаріяхъ, не всегда вѣрно истолковываются событія и акты, когда дѣло касается отношеній Россіи и Пруссіи.

Наконецъ, существуютъ еще *спеціальные сборники по отдѣльнымъ вопросамъ* (оффиціальныя и частныя). Въ Россіи имѣются: а) Документы для исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ западными державами (только для 1814—22 годовъ), 2 тома; б) *Юзефовичъ*—Договоры Россіи съ Востокомъ (1868 г.); в) *Граціанскій*—Собраніе нынѣ дѣйствующихъ торговыхъ трактатовъ Россіи (1877 г.); д) Сборникъ дѣйствующихъ трактатовъ и конвенцій, имѣющихъ отношеніе къ военному мореплаванію (оффиціальное изданіе 1885 г.); е) Собраніе конвенцій о выдачѣ преступниковъ, непосредственныхъ судебныхъ сношенійхъ и наслѣдствахъ (изданіе Министерства Юстиціи), 1888 г.; *Ивановскій* предпринялъ „Собраніе дѣйствующихъ договоровъ, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами, вышелъ II-й томъ (безъ перваго) въ 1889 г., съ конвенціями о выдачѣ преступниковъ. *Указатели для трактатовъ Россіи: Доброклонскій*—Указатель трактатовъ и сношеній Россіи (періодъ съ 1462 по 1826 года) и позднѣйшій—*Menagos—Répertoire des traités et conventions de la Russie* съ 1474 по 1873 г. (см. подробно у Эйхельмана).

Перечисленные общіе сборники издаются разрозненными усиліями отдѣльныхъ лицъ и характеръ ихъ очень различенъ; справедливо замѣчаетъ Бульмеринкъ, что сборникъ Георг. Мартенса наиболѣе сохранилъ правовой характеръ; международно-политическій присущъ сборнику Эгида и Клаугольда; Парижскому изданію—характеръ международно-политико-государственный, даже законодательный; наконецъ, издающемуся тоже въ Парижѣ—„*Archives de droit International privé*“—характеръ процессуально-законодательный. Во многихъ изъ нихъ нерѣдко повторяется то, что есть уже въ другихъ сборникахъ, въ большинствѣ не хватаетъ нѣкоторыхъ важныхъ актовъ; нѣтъ однообразія въ языкѣ (напримѣръ, большой сборникъ Мартенса и его продолжателей печатаетъ документы на разныхъ языкахъ, иногда на испанскомъ, т. е. на малодоступномъ большинству); трактаты и иные акты появляются въ нихъ несвоевременно, системы въ изданіяхъ тоже нѣтъ. Въ виду сказаннаго, необходимо упорядочить эти изданія и систематизировать ихъ

для облегченія пользованія ими, какъ источниками международного права. Такую работу можно облегчить и недостатки сборниковъ исправить, по мнѣнію Бульмеринка, коопераціею труда ихъ издателей, уменьшивъ число изданій (соединивъ нѣкоторые изъ нихъ), уничтоживъ такимъ образомъ національный, односторонній ихъ характеръ. *Сохраненныя изданія должны быть доступны, полны, обладать единствомъ языка* (французскаго, какъ признаннаго дипломатическаго языка), *появляться своевременно и издаваться систематично*. Было бы еще желательно, по нашему мнѣнію, *систематическое (отдѣльное) изданіе, по мѣрѣ накопленія матеріала, трактатовъ международно-законодательнаго характера* (съ протоколами конгрессовъ и конференцій).

II. *Международный обычай*. *Нидъ* (за исключеніемъ развѣ англійскаго гражданскаго и частью уголовнаго права) *обычное право не играетъ такой роли, какъ въ международномъ правѣ*; этимъ объясняется, почему нѣкоторые писатели видятъ въ обычаѣ главный внѣшній источникъ этого права. Но другіе (напримѣръ Бульмеринкъ) относятся къ нему съ нѣкоторымъ скептицизмомъ, говоря, что въ международномъ правѣ „чаще ссылались на существованіе обычаевъ, нежели констатировали ихъ дѣйствительное существованіе!“ *Оба мнѣнія—односторонни: первое потому, что обычное международное право замѣтно поддается за послѣднее время вліянію договорнаго международного права* (въ особенности международно-законодательныхъ трактатовъ), *которое постепенно будетъ вытѣснять первое*; нѣкоторые обычаи находятся въ процесѣ измѣненія и вымиранія, а ясно выраженная воля сторонъ въ договорахъ всегда точнѣе выдвигаетъ существованіе и содержаніе нормы права, нежели явленіе, опирающееся на обычаѣ, встрѣчаемое въ сферѣ отношеній крайне сложныхъ и часто видоизмѣняющихся. Наконецъ, *нормы договорнаго права всегда можно вывести* (хотя бы не рѣдко и съ трудомъ) *изъ сборниковъ трактатовъ*, а нормы права обычнаго найти иногда труднѣе, такъ какъ до настоящаго времени нѣтъ сборника обычнаго международного права. *Второе же мнѣніе грѣшитъ тѣмъ, что игнорируетъ особую конструкцію и особый характеръ нѣкоторыхъ институтовъ международного права, основаннаго на обычаѣ*, который можно выяснитъ при изученіи этихъ институтовъ; нѣкоторые изъ нихъ исключительно охранены нормами международного обычнаго права. Послѣднее есть ни что иное, какъ *совокупность правилъ, признанныхъ за общеобязательныя, благодаря продолжительному и постоянному, при томъ однообразному примѣненію ихъ въ тождественныхъ случаяхъ въ сферѣ отношеній между народами*. Таковы, напримѣръ институты договорнаго, особенно посольскаго права, права экстерриториальности, морское международное право въ средніе вѣка, очень многія нормы военнаго международного права и масса постановленій частнаго международного права.

Международное обычное право есть, по своей важности, второй источникъ международного права; по сложности послѣдняго, а главное—вслѣдствіе его юности, какъ права положительнаго и въ качествѣ научной системы, международное обычное право находится и до настоящаго времени на той ступени развитія, которую почти окончательно пережили права уголовное и гражданское, государственное же по преимуществу.

Въ послѣднихъ обычное право мало допускается и быстро исчезаетъ; нормы писаннаго права, истекающія изъ воли законодательной и охраняемыя судами, господствуютъ. Въ международномъ правѣ нѣтъ пока общей законодательной воли, нѣтъ и общаго суда, охранителя международного законодательства (о первой напоминаютъ лишь нѣкоторые трактаты). Поэтому, обычное международное право играетъ роль видную и самостоятельную, скрещивающуюся и сталкивающуюся съ ролью трактатовъ, почему отчасти оно развивается и въ настоящее время на ряду съ договорнымъ; право договорное очень медленно и пока не во всѣхъ еще сферахъ поглощаетъ обычное право. Сравнительно съ другими отраслями послѣдняго, международное право обычное сравнительно болѣе подвижно, а потому и вызываетъ споры; оно же имѣетъ ту особенность, что нѣкоторыя его правила создались указаніями отдѣльныхъ выдающихся умовъ.

По настоящее время нѣтъ еще ни одного общаго сборника этого права, почему изученіе его въ качествѣ источника международного права довольно затруднительно. Имѣются отдѣльные сборники для прошедшихъ временъ и только въ области морскаго международного права (*Consolato del mare*, *Guidon de la mer* и др.). Въ ближайшемъ будущемъ надлежало бы, по нашему мнѣнію, заняться собраніемъ международного обычнаго права и составленіемъ изъ него единаго сборника, что вовсе не представляетъ непреодолимыхъ трудностей, такъ какъ нѣкоторые институты несомнѣнно обычнаго права, а изъ другихъ, при помощи критическихъ приемовъ, всегда возможно извлечь это обычное право.

III. *Внутрення законодательства.* Въ своемъ мѣстѣ мы обратили вниманіе на вліяніе, оказываемое требованіями международного общенія на измѣненіе и даже на появленіе внутренняго законодательства, а послѣднимъ на международныя отношенія (это вліяніе обстоятельно выяснено Бялэцкимъ и Бергбомомъ). Слѣдовательно, значеніе внутреннихъ законодательствъ, какъ источника международного права, насколько отдѣльныя государства пытались выяснитъ въ нихъ и защититъ ими интересы международного общенія, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Но пользованіе этимъ источникомъ, вспомогательнымъ къ первымъ двумъ, затруднительно: рѣдкіе изъ актовъ внутренняго законодательства, если только они не являются актами чрезвычайной важности, дѣлаются своевременно и сполна достояніемъ общедоступнымъ (одно различіе въ языкахъ и въ способахъ обнародованія законовъ весьма затрудняетъ ознакомленіе съ ними). Вотъ почему внутренними законодательствами приходится пользоваться только урывками и случайно; поэтому они не всегда и не полно приводятся большинствомъ писателей. Содѣйствовать правильному и полезному пользованію этимъ источникомъ могло бы своевременное и полное изданіе ихъ въ вышеуказанныхъ сборникахъ трактатовъ (а еще лучше въ особомъ сборникѣ), а правительства должны были бы прійти на помощь издателямъ сообщеніемъ имъ копій съ подлинныхъ законовъ. Для настоящаго времени общій сборникъ законовъ отдѣльныхъ государствъ по предметамъ международного права имѣется только одинъ—*Георг. Фрид. Мартенса* (1801 г.) въ I и II томахъ его „*Cours Diplomatique*“, въ которыхъ собраны (для трехъ сто-

лѣтій) въ алфавитномъ порядкѣ государствъ списки всѣхъ матеріаловъ положительнаго международнаго права, съ краткою ихъ характеристикою въ III томѣ (Эйхельманъ). Весьма желательная и полезная работа въ этомъ же направленіи предпринята для Россіи—проф. Эйхельманомъ подѣ названіемъ „Хрестоматія русскаго международнаго права“ (вышли въ 1887 и 89 гг. I и II томы). Въ ней заключены договоры и законы, опредѣляющіе международныя правовыя отношенія Россіи.

IV. Не менѣе важны въ качествѣ источниковъ международнаго права и рѣшенія судовъ, высказавшихся въ разныхъ случаяхъ по вопросамъ международнаго права. Такія рѣшенія, отражающія въ себѣ взгляды даннаго законодательства и руководящаго общественнаго мнѣнія на вопросы международнаго права, могутъ быть даны: а) судами общими, б) судами спеціальными (международнаго характера). а) Суды общіе издавна даютъ такія рѣшенія по запросамъ тяжущихся въ обширной области частнаго (гражданскаго) международнаго права. Судебная практика, отражая здѣсь національныя воззрѣнія и особенности мѣстнаго законодательства, все же даетъ возможность извлечь изъ нея руководящія начала, которыя прилагались къ частнымъ отношеніямъ въ сферѣ международнаго оборота. Если же собрать такія рѣшенія по всѣмъ государствамъ и извлечь изъ спеціальныхъ сборниковъ, при помощи критическаго сравнительнаго приѣма, общія начала, принятые многими или всѣми государствами въ ихъ судебныхъ рѣшеніяхъ, то можно получить драгоценные выводы, подтверждающіе существованіе извѣстныхъ нормъ, выражающихъ юридическое сознаніе цивилизованныхъ народовъ. Изъ нихъ придется, конечно, выбросить все случайное и проистекающее изъ національныхъ предразсудковъ или теченій односторонней политики. Эта задача отчасти достигается сборникомъ частнаго международнаго права въ Парижѣ, въ которомъ систематически приводятся важнѣйшія рѣшенія судовъ большинства государствъ по вопросамъ гражданскаго международнаго права. Въ рѣшеніяхъ общихъ судовъ нерѣдко находимъ и выраженіе началъ международнаго права, разрѣшающихъ нѣкоторые споры о подсудности дипломатическихъ агентовъ и государей гражданскимъ законамъ страны мѣста ихъ пребыванія и т. п.

б) Что же касается до судовъ международнаго характера или спеціальныхъ, то таковыхъ въ качествѣ общихъ и постоянныхъ еще не имѣется. Организованы пока лишь 1) постоянные суды частные и мѣстные съ характеромъ международнымъ. Таковы извѣстные смѣшанные египетскіе суды (съ 1874 г.) для разбора торговыхъ, гражданскихъ и отчасти уголовныхъ дѣлъ, возникающихъ въ Египтѣ между иностранцами, или иностранцами и туземцами. Они вызваны потребностью охраны иностранцевъ отъ притѣсненій и непониманія ихъ интересовъ и правъ со стороны мѣстныхъ законовъ и судовъ, зиждующихся на началахъ существенно различныхъ отъ юридическаго міровоззрѣнія народовъ высшей культуры. Международный характеръ ихъ выражается въ ихъ организации (судьи съ согласія иностранныхъ державъ и по назначенію мѣстнаго правительства), а равно въ спеціальныхъ матеріальныхъ и процессуальныхъ кодексахъ, данныхъ въ руководство этимъ судамъ.

2) Имѣются также особые суды временные, учреждаемые воюющими (на территоріи послѣднихъ) для рѣшенія споровъ о законности или незаконности захватовъ (призовъ) собственности у подданныхъ непріятеля или нейтральныхъ. Эти суды (призовые), вызываясь нуждами и требованіями военного времени, должны бы разрѣшать споры на основаніи началъ, международнаго права. Идея отличная! Но практика этихъ судовъ доказала: а) что организація ихъ лишена международнаго характера. Ихъ образуютъ сами воюющіе, нейтральные въ нихъ не принимаютъ участіе; б) процессъ производится, а рѣшенія постановляются въ нихъ болѣе на основаніи мѣстныхъ законовъ, чѣмъ по началамъ международнаго права. Поэтому въ ихъ рѣшеніяхъ (особенно въ Англіи) много случайнаго, въ нихъ преобладаютъ узко національныя тенденціи даннаго государства въ области его морской политики. Имѣются сборники рѣшеній призовыхъ судовъ въ нѣкоторыхъ государствахъ (напр. для Англіи). Но пока призовые суды не подвергнуты радикальной реформѣ (имѣются уже проекты реформъ) въ организаціи, способахъ производства и въ руководящихъ началахъ, пользованіе ихъ рѣшеніями (къ тому же нѣтъ ни общаго сборника рѣшеній этихъ судовъ, ни сборника ихъ по всѣмъ отдѣльнымъ государствамъ) очень затруднительно. Неизмѣримо выше стоятъ рѣшенія египетскихъ судовъ (теперь тоже собираются); изъ нихъ можно извлечь общія положенія, хотя и здѣсь встрѣчаются уклоненія и случайности.

3) Наконецъ, рѣшенія третейскихъ международныхъ судовъ; пока они организуются еще случайно для миролюбиваго окончанія споровъ и столкновеній между народами, почему самыя рѣшенія ихъ отрывочны. Можно привести не мало фактовъ третейскаго международного разбирательства, но пока изъ нихъ возможно извлечь матеріалъ только для самыхъ общихъ выводовъ.

V. Что же касается, наконецъ, до науки международнаго права, то роль ея въ качествѣ источника послѣдняго очень характерна. Въ гражданскомъ, уголовномъ и государственномъ правѣ мнѣнія писателей играютъ нѣкоторую роль лишь при построеніи системы и въ области научныхъ изслѣдованій. Въ практикѣ же роль эта довольно ограничена (за исключеніемъ Англіи), распространяясь на область интерпретаціи закона и лишь косвенно вліяя на законодательство. Совсѣмъ иное дѣло въ международномъ правѣ. Здѣсь мнѣнія писателей созидали самое право (отчасти ту же роль играли и призовые суды), они же непосредственно вліяли на международныя отношенія, на созданіе нормъ, руководящихъ ими. Мнѣнія Гуго Гроція, Ваттеля, Георгія Мартенса создавали иногда правила для международныхъ отношеній (образовывали обычай), вліяли на рѣшенія споровъ, разрѣшали неточности и колебанія въ трактатахъ. Сама же наука международнаго права, освѣщая матеріалъ его, давая возможность къ правильному изученію трактатовъ и обычаевъ и къ пониманію ихъ, къ отысканію въ нихъ общихъ началъ и дѣйствительныхъ нормъ, воздвигается такимъ образомъ въ роль источника международнаго права.

ГЛАВА V.

Предѣлы распространенія международного права.

Литература: въ общихъ сочиненіяхъ—Блунчли, Филлимора, Кальво, Гольцендорфа, особенно у Ф. Мартенса (I томъ); болѣе спеціальная см. у Ф. Мартенса—„О консулахъ и консульской юрисдикціи на Востокъ“ (1873), его же „Россія и Англія въ средней Азіи“ (1880 г.) и возраженіе на эту брошюру—В. Даневскаго—„La Russie et l'Angleterre dans l'Asie Centrale“ (1881 г.)

Ближайшая задача международного права—осуществить правовой порядокъ, связывающій народы, чрезъ посредство наиболее подходящей организациі. Цѣлью же этого организованнаго международного порядка является осуществленіе всѣхъ потребностей и развитіе всѣхъ способностей человѣка и всего человѣчества. Очевидно, что эта задача международного права eo ipso предполагаетъ распространеніе его на всѣ народы и государства; поэтому, въ принципѣ не можетъ быть и рѣчи объ исключеніи какого либо народа (государства) изъ международного сообщества, имѣющаго всемірное распространеніе, и о нераспространеніи на него международного права. Но вмѣстѣ съ тѣмъ международное право, какъ положительное, возникло среди народовъ довольно высокой культуры, развивалось медленно и постепенно, а положительныя основанія его покоятся на сознанный солидарности интересовъ между народами высшихъ культурныхъ группъ. Но если такъ, то какъ же примирить ближайшія и болѣе отдаленныя задачи международного права, отождествляемыя съ идеею всемірнаго распространенія, съ исторически сложившимися положительными его основаніями, не допускающими, по видимому, привлеченія къ международному праву народовъ низшей и дикой культуры?

Писатели придерживаются по этому вопросу двухъ различныхъ точекъ зрѣнія. Смотря по тому, основываются ли они болѣе на теоретической постановкѣ ученія о задачахъ и распространеніи международного права или же на положительной сторонѣ послѣдняго,—одни допускаютъ его распространеніе на весь міръ, другіе же ограничиваютъ сферу его примѣненія лишь народами высокой культуры. Въ числѣ первыхъ фигурируютъ Блунчли (область международного права—„весь міръ“; оно „совпадаетъ съ правами всего человѣчества“) и Гольцендорфъ (по его мнѣнію „общечеловѣческое право“, „Weltrecht“,—въ сущности между-

народное, призвано своими нормами соединить все государства въ одинъ общечеловѣческій союзъ“). *Къ числу другихъ можно отнести Джона Стюарта Милля*, который, полагая начало взаимности въ основу права, не находить ея въ отношеніяхъ нецивилизованныхъ народовъ къ культурнымъ, почему рѣшительно отвергаетъ всякую возможность примѣненія международнаго права въ сношеніяхъ европейцевъ и дикихъ или полудикихъ народовъ. Кроме того (вѣрно замѣтилъ Кальво) и все писатели, смѣшивающіе право съ закономъ и производящіе право изъ закона, а не законъ изъ права, приходятъ къ отрицанію международнаго права въ сношеніяхъ между дикими и культурными народами.

Но факты доказываютъ, что эти послѣднія сношенія не только существовали издавна, но продолжаютъ и будутъ еще существовать, что они постоянно расширяются; договоры, опредѣляющіе взаимныя права этихъ народовъ различныхъ культуръ, увеличиваются числомъ, содержаніе ихъ становится все разнообразнѣе. Международный союзъ (трактатъ 30 мая 1856 года) принялъ даже Турцію „въ составъ европейскаго концерта“. Но если такъ, то *на чемъ же основать эти отношенія, если международное право къ нимъ непримѣнимо? Проф. Мартенсъ пытался найти прочныя основанія для этихъ сношеній въ правѣ естественномъ*, которое, вытекая изъ природы вещей и разума (т. е. изъ природы человѣка), есть право общераспространенное, общеобязательное; начала его не зависятъ ни отъ времени и мѣста, ни отъ ступеней развитія; они вѣчны, неизмѣнны, присущи дикарямъ и европейцамъ. Они требуютъ соблюденія слова, даннаго врагу, вѣрности договорамъ и т. п. *На этихъ то основахъ неизмѣннаго естественнаго права можно построить систему отношеній между народами различной культуры.*

Едва ли можно согласиться съ этими положеніями. Почтенный профессоръ стоитъ въ нихъ на точкѣ зрѣнія весьма близкой къ идеямъ римскихъ юристовъ о „jus gentium“, съ тѣмъ лишь различіемъ, что jus gentium имѣетъ своимъ предметомъ общія начала гражданскаго права, а естественное право въ примѣненіи къ международнымъ отношеніямъ — тѣ же общія начала, но изъ сферы публичнаго права. *Все историческое развитіе идеи естественнаго права можетъ быть резюмировано, какъ рядъ вполне желательныхъ и законныхъ, но весьма субъективныхъ построений и опредѣленій того болѣе идеальнаго и лучшаго для даннаго времени, что должно было бы господствовать надъ случайностью и произволомъ настоящаго и надъ положительнымъ матеріаломъ, входившимъ въ законы, обычаи, въ судебныя рѣшенія.* Каждая эпоха указывала (и философія отражала это теченіе) свои идеалы; въ этомъ смыслѣ заслуга школы естественнаго права громадна. И мы допускаемъ вполне, что естественное право было въ каждую эпоху совокупностью идеализированныхъ правилъ, отыскивавшихъ ту высшую справедливость, стремленіе къ которой выводили изъ природы человѣка, которая представлялась желательною, какъ конечный пунктъ, къ которому должны были стремиться право положительное и порядокъ дѣйствующій со всемъ его несовершенствомъ.

Но самое содержаніе естественнаго права неразрывно связано съ ученіемъ того или другаго писателя, т. е. оно крайне субъективно. Самое же понятіе о правѣ, какъ о нормахъ постоянныхъ (вѣчныхъ) и неизмѣнныхъ, всюду и всегдѣ присущихъ,—совершенно невѣрное понятіе, вполне опровергнутое изслѣдованіями по исторіи права и сравнительнаго законодательства. Конечно, понятіе о правѣ—постоянное понятіе, но нормы его—измѣнчивы и преходящи. Неизмѣнчивость, вѣчность нормъ права—противны существованію этихъ факторовъ, опредѣляющихъ отношенія, которыя видоизмѣняются соотвѣтственно измѣненіямъ природы человѣка и человѣческихъ обществъ. Начало неизмѣнности противорѣчитъ идеѣ прогресса, такъ какъ оно враждебно принципу усовершенствованія всего сущаго и призваннаго къ дальнѣйшему бытію. Факты безспорно подтверждаютъ это. Понятія о справедливомъ стояли въ связи съ интересами даннаго времени и мѣста: у однихъ дикарей, на примѣръ, стариковъ убивали, считая справедливымъ уничтожить лишніе рты (интересъ прокормленія вызывалъ это явленіе), неспособные къ труду и защитѣ отъ врага; у другихъ (сосѣднихъ) въ тоже время (при одинаковой культурѣ)—стариковъ уважали (родителей даже боготворили), воздавали имъ почести. Для однихъ было „справедливо“ убивать ихъ, для другихъ—почитать; которое же изъ обычныхъ правъ: то-ли, которое разрѣшало убійство или то, которое предписывало почитаніе,—было „естественнымъ“? И не склонны ли люди понимать подъ „естественнымъ“ и справедливымъ лишь лучшее и идеальнѣйшее изъ того, что они имѣютъ или могутъ имѣть въ средѣ, „созданной ихъ культурою въ данное время?“

Понятіе о естественномъ правѣ оказывалось растяжимымъ и малоопредѣленнымъ. Изъ него можно было выводить все по вкусу и наклонностямъ писателя данной среды или извѣстныхъ теченій (на примѣръ политическихъ). Слѣдовательно, это понятіе, перенесенное въ область международныхъ отношеній, неизбежно влечетъ къ произволу и насиліямъ не столько же, какъ и къ миру, честному соблюденію договоровъ и проч.; исторія международныхъ отношеній богата доказательствами выказаннаго: европейцы-колонизаторы, захватывая земли туземцевъ въ Америкѣ и Африкѣ, рассматривая себя какъ высшую расу, призванную покорить Христу дикарей, насадить культуру среди варваровъ, избивали послѣднихъ, захватывали ихъ земли, грабили сокровища ихъ. *Покореніе и завоеваніе этихъ мирныхъ народовъ оправдывались естественнымъ правомъ высшей породы надъ породою нисшею.* Такая точка зрѣнія, враждебная примѣненію международнаго права къ дикарямъ и полуварварамъ, привела англичанъ и французовъ къ насиліямъ надъ китайцами, ко ввозу въ ихъ предѣлы опиума. Она же оправдывала Висмана (германскаго уполномоченнаго въ Африкѣ), казнившаго, какъ мятежника, Бушири, независимаго вождя свободнаго народа, пользовавшагося правами войны, присущими каждому самостоятельному народу.

Нельзя въ отношеніяхъ между культурными и малокультурными народами замѣнить прочныя основы международнаго права измѣнчивыми и ведущими къ произволу началами естественнаго права. Какъ же быть? Мы становимся на историческую точку зрѣнія, которая объяс-

снить, что историческія условія различія культуръ вызываютъ историческія различія и въ нормахъ междунаго права. Народы низшей культуры (напримѣръ Китая) стоятъ въ настоящее время приблизительно на той культурной степени, которую пережили уже народы европейскіе. Следовательно, надлежитъ принаровнять единственно возможныя, прочныя основы этихъ отношеній (нормы междунаго права) къ тѣмъ особеннымъ условіямъ, въ которыхъ находятся еще эти низшіе народы. *Международное право распространяется на нихъ, но измѣненное соответственно этимъ особымъ условіямъ; нормы его, непримѣныя болѣе къ сношеніямъ между европейцами, должны быть, насколько это необходимо, примѣняемы въ отношеніяхъ европейцевъ къ дикарямъ и полудикимъ народамъ.* Напримѣръ: въ средніе вѣка и въ началѣ новаго времени договоры обезпечивались клятвою и заложниками. Въ настоящее время нельзя требовать этихъ гарантій, такъ какъ международная жизнь создала другія гарантіи договоровъ, болѣе соответствующія современному складу отношеній между культурными государствами. Но у дикарей соблюденіе религіозныхъ обрядностей при заключеніи договоровъ и заложники играютъ и по сей день важную роль для обезпеченія соблюденія трактатовъ. Понятно, что въ отношеніяхъ къ нимъ европейцы могутъ прибѣгать къ заложникамъ и клятвамъ, т. е. примѣнять правила междунаго права среднихъ вѣковъ и начала новаго времени. Тоже относительно института репрессалій на войнѣ, правилъ объ изыятіи иностранныхъ подданныхъ изъ юрисдикціи туземныхъ судовъ. *Существованіе смѣшанныхъ судовъ въ Египтѣ не основано на естественномъ правѣ, а есть отличное доказательство возможности примѣнить международное право (измѣненное) во взаимныхъ отношеніяхъ европейцевъ и народовъ низшей культуры.* Сами задачи европейцевъ (цивилизаторская ихъ миссія) требуютъ обоснованія ихъ отношеній къ дикарямъ на стойкихъ началахъ междунаго права. Берлинская Африканская конференція провозгласила этотъ принципъ отъ имени четырнадцати державъ, потребовавъ „охраны туземцевъ Африки“, уваженія къ ихъ сувереннымъ правамъ, борьбы съ неготорговлею во имя „пріобщенія ихъ къ благамъ цивилизаціи“.

ГЛАВА VI.

Кодификація международного права.

Литература. Изъ русскихъ сочиненій: у проф. Ф. Мартенса—„Современное международное право“ (въ том. I, „введение“ и во II томѣ, въ отдѣлѣ права войны) у него же—„Восточная война и Брюссельская конференція“ 1879 г. (и критическая статья проф. Даневскаго—въ журналѣ „Критическое обозрѣніе“, январь, 1880 года); В. Даневскій—„Мысли о кодификаціи международного права“—„Юридическій вѣстникъ“ 1878 г.; у Эйхельмана—„введение“. Изъ иностранныхъ: нѣкоторыя указанія въ общихъ сочиненіяхъ, напримѣръ, у Lorimer'a (The institutes, въ томѣ I), Fiore (Trattato, томъ I), особенно же у Vulmerincq'a (Völkerrecht) и у Holtzendorf'a (Handbuch, томъ I). Изъ болѣе специальныхъ сочиненій у Bergbohm'a (Staatsverträge und Gesetze) и Vulmerincq'a (Theorie).

Къ числу наиболѣе спорныхъ принадлежитъ вопросъ о томъ, можетъ ли въ настоящее время существовать международный кодексъ, т. е. систематическое изложеніе общепризнанныхъ и общеобязательныхъ правилъ положительнаго международного права? Для правильнаго его рѣшенія необходимо отдѣлить кодификацію научную отъ кодификаціи международно-законодательной. Въ первой кодификаторами являются ученые, во второй—государства; въ первой систематизируются извѣстныя начала для будущаго обязательнаго кодекса, во второй же эти правила даны въ качествѣ обязательныхъ самими государствами.

I. *Научная кодификація.* Попытки ея появились ранѣе попытокъ втораго рода и открывали путь для кодификаціи международно-законодательной. Т. е. наука опередила международно-законодательную кодификацію, а потомъ сопровождала и поощряла послѣднюю. *Научныя попытки могутъ быть раздѣлены на частныя и общія. Первыя исходятъ изъ того положенія, что можно кодифицировать отдѣльныя отрасли международного права, наиболѣе созрѣвшія для кодификаціи; выяснивъ общія ихъ начала, систематизировавъ ихъ, можно дать кодексъ извѣстнаго института, который можетъ стать основаніемъ или подспорьемъ для будущей международно-законодательной его кодификаціи.* Значеніе такихъ попытокъ громадно: онѣ идутъ вѣрнымъ путемъ (отъ частнаго къ общему), ограничиваютъ задачу изслѣдованіемъ и систематизаціею меньшаго числа институтовъ, выясняютъ степень ихъ подготовленности

къ кодификаціи международно-законодательной. Путемъ послѣдовательныхъ усилій въ этомъ направленіи можно постепенно создать совокупность институтовъ разработанныхъ и подготовленныхъ къ кодификаціи всего международнаго права.

Въ этотъ разрядъ можно отнести извѣстную попытку итальянца *Августа Пародо* (Augusto Parodo)—*Saggi di codificazione del diritto Internazionale* (1851), которая открываетъ эру научныхъ и законодательныхъ попытокъ кодификаціи. Авторъ избралъ тѣ институты, которые относятся или до гражданскаго международнаго права, т. е. до сферы, наименѣе соприкасающейся съ политическими интересами государства, или же къ институтамъ права дипломатическаго, консульскаго и морскаго права во время мира, т. е. до отдѣловъ прочно основанныхъ (и вполне выясненныхъ) на обычномъ правѣ или же на внутреннихъ законодательствахъ. Этимъ объясняется, почему *Пародо* удалось извлечь (въ 555 параграфахъ) и свести къ общесознаннымъ положеніямъ институты частнаго, уголовнаго международнаго права, дипломатическихъ агентовъ, консуловъ и морскаго права, которые и могли бы войти въ законодательный международный кодексъ. Въ томъ же направленіи частичной кодификаціи имѣется и трудъ Вейсса (Weiss) „Code du devoir et du droit d'une puissance neutre“ (1854 г.), но это скорѣе кодексъ по названію, чѣмъ по сущности и содержанію. Лучшая и наиболее широкая изъ попытокъ этой категоріи есть *Доминъ-Петрушевичъ* (Domin-Petruchewicz) *Précis d'un code du droit international* (1861). Различая международное право отъ международной политики, принявъ за основаніе кодификаціи международные договоры, съ исключеніемъ изъ числа послѣднихъ всѣхъ тѣхъ, которые имѣютъ значеніе для исторіи человѣчества и политики, но не для международнаго права, *Доминъ Петрушевичъ*, значительно очистивъ и уменьшивъ такимъ образомъ матеріаль, только дополняетъ и развиваетъ матеріаль *Пародо*, привнося въ международный кодексъ еще договоры о пресѣченіи торго неграми, изъ области международнаго морскаго права—трактаты 1785 г., обоихъ вооруженныхъ нейтралитетовъ и декларацію 16 Апрѣля 1856 г. Изучивъ этотъ очищенный матеріаль, выводя изъ него общія начала, онъ изложилъ свой проектъ (236 параграфовъ) въ формѣ яснаго различенія разныхъ частей международнаго права и точнаго изложенія отдѣльныхъ параграфовъ.

Въ этомъ же направленіи работаетъ надъ кодификаціею международнаго права и извѣстный *Гентскій Институтъ* международнаго права, основанный въ 1873 году. Онъ состоитъ изъ ученыхъ разныхъ государствъ и имѣетъ целью, содѣйствуя вообще прогрессу международнаго права и официальному признанію тѣхъ началъ его, которыя находятся въ гармоніи съ нуждами современныхъ обществъ, между прочимъ, и постепенную кодификацію международнаго права, притомъ путемъ ассоціаціи труда, т. е. коллективными силами своихъ членовъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи *Гентскій Институтъ* далъ практическое осуществленіе мысли, высказанной (еще въ 1862 г.) *Каченовскимъ* въ его докладѣ *Лондонскому юридическому обществу*. Оставаясь вѣрнымъ своей задачѣ

и приему постепенной кодификации (отъ частнаго къ общему), *Институтъ* далъ *цѣлый рядъ рѣшеній и проектовъ кодификации* (подготовленныхъ совмѣстнымъ трудомъ нѣкоторыхъ его членовъ) *отдѣльныхъ вопросовъ* (и институтовъ) *международнаго права*. Таковы: проектъ конвенцій— о правилахъ для исполненія рѣшеній иностранныхъ судовъ, проектъ однообразнаго для международнаго союза вексельнаго устава и даже *цѣлый проектъ конвенции объ основныхъ началахъ всего частнаго международнаго права*; область уголовного международнаго права разработана въ проектъ правилъ о выдачѣ преступниковъ принятомъ въ 1880 г.; важный и современный вопросъ о международномъ судѣ нашель свою разработку въ проектъ устава для третейскаго разбирательства международныхъ споровъ. Область морскаго международнаго права во время войны—въ проектъ международнаго призываго устава, а болѣе широкая область военнаго права вообще—въ руководство къ законамъ сухопутной войны (еще въ 1880 г.). Последняя—самая общая и наиболѣе обширная попытка изъ всѣхъ кодификаціонныхъ проектовъ Института. Но *всѣ его проекты, рекомендуемые Институтомъ правительствамъ къ свѣдѣнію и возможному руководству при заключеніи трактатовъ и актовъ международно-законодательнаго свойства, имѣютъ смѣшанный научно-практическій характеръ, т. е. являются звеномъ, связующимъ попытки чисто научныя съ попытками международно-законодательнаго свойства.*

Нѣсколько другой характеръ носятъ и другимъ путемъ слѣдуютъ научныя работы по кодификаціи всей системы международнаго права. Признавая ее вполне возможною и всѣ институты его достаточно подготовленными къ ней, ученые выполнили эту трудную и не совсѣмъ благодарную работу *единичными усилиями*. Весь матеріалъ современнаго международнаго права, какъ правоваго, такъ и смѣшаннаго характера (иногда и чисто политическаго) положенъ ими въ основу кодификаціонныхъ трудовъ. *Плоды этихъ усилій имѣютъ неоспоримое значеніе и заслугу; въ нихъ выдающіеся ученые: а) проливаютъ свѣтъ на матеріалъ и задачи кодификаціи, б) помогаютъ выясненію руководящихъ началъ международнаго права; с) даютъ возможность сравнить и сопоставить указанія науки съ дѣйствительностью и д) представляютъ иногда хорошее рѣшеніе отдѣльныхъ вопросовъ международнаго права.* Первая грандіозная попытка такого рода принадлежитъ *Блунчли* (о немъ говорено въ главѣ III-ей). Еще удачнѣе представляется намъ попытка въ томъ же родѣ, *Додлея Фильда* (Dudley Field)—Draft outlines of an International Code (начертаніе международнаго кодекса), появившаяся впервые въ Нью-Йоркѣ (1872 г.; Французскій переводъ Albéric Rolin, въ 1881 года, со 2 англійскаго изданія). Додлей-Фильдъ принялъ устарѣлую систему дѣленія на международное право во время мира и международное право во время войны, при чемъ первое (I книга) подраздѣлено еще на публичное и частное. *Достоинство этой работы* (болѣе тысячи статей) *лежитъ въ обширности матеріала, провѣреннаго критически, и во введеніи въ кодексъ новыхъ отдѣловъ международнаго права* (напримѣръ частное международное право, упущенное почти совершенно *Блунчли*), въ особенности же въ умѣннѣи выдѣлить дѣйствующее право отъ жела-

тельныхъ и подготовляющихся уже измѣненій къ нему. Въ этихъ отношеніяхъ кодексъ Фильда превосходитъ предшественника его (Блунчли), хотя содержаніе многихъ статей заимствовано у Блунчли. И у Фильда встрѣчается не мало противорѣчій, зависящихъ, какъ отъ численности статей и сложности матеріала, такъ и отъ непреодолимой трудности такихъ еще не своевременныхъ попытокъ.

II. Что же касается, наконецъ, до международно-законодательныхъ кодификаціонныхъ попытокъ, то до настоящаго времени общій международный кодексъ отсутствуетъ. Международная жизнь шла здѣсь въ направленіи отъ частнаго къ общему, т. е. отъ отдѣльныхъ вопросовъ изъ узкой области того или другого института къ робкимъ попыткамъ расширенія кодификаціонной сферы. *И какъ только международная практика входила въ эту болѣе широкую сферу, кодификаціонныя попытки терпѣли неудачу.*

Дѣйствительно *первая попытка этого рода* (еще на Вѣнскомъ конгрессѣ) *относится къ области рѣчнаго судоходства.* Принципъ свободы открытыхъ морей и рѣкъ международного характера имѣлъ свою продолжительную исторію, лишь постепенно проникъ въ юридическое сознаніе европейскихъ народовъ. Вѣнскій конгрессъ могъ, однако, дать лишь самыя общія начала, и по настоящее время въ приложеніи этихъ началъ къ Дунаю встрѣчаются различія во взглядахъ между правительствами и писателями по вопросу о томъ, какъ сочетать требованія международного общенія съ правами суверенной независимости прибрежныхъ государствъ.

Тотъ же *Вѣнскій конгрессъ* (а загѣмъ и Ахенскій 1818 года) *регламентировалъ правила о рангахъ дипломатическихъ агентовъ*, теперь всѣми соблюдаемыя. Эта задача была легче; давно признана необходимость упорядочить споры о рангахъ, препятствовавшіе мирному сожителству государствъ, совѣщаніямъ дипломатовъ и работамъ конгрессовъ. *Болѣе спорная и щекотливая область военнаго права затронута кодификаціею лишь въ 1856 году.* Столѣтіями шла упорная борьба нейтральныхъ и воюющихъ; первый шагъ за шагомъ вырывали упослѣднихъ признаніе своихъ правъ. Основные принципы войны должны были радикально измѣниться, а система колониальной политики пасть окончательно для того, чтобы Англія отступилась отъ началъ *Consolato del mare*, и только новыя экономическія возрѣвія могли отвратить ее отъ послѣднихъ и отъ идеи фиктивной блокады. *Парижская декларация 16 апрѣля 1856 года есть первая кодификаціонная попытка изъ области морскаго права во время войны.* Для законодательнаго выраженія ея *4* началъ потребовались цѣлыя столѣтія, но вопросы о военной контрабандѣ и по сіе время спорны и трудно найти почву для соглашенія интересовъ разныхъ морскихъ державъ. *Женевская конвенція 1864 г.,* всеконечно очень выдающаяся работа международно-законодательнаго характера. Но было бы ошибочно полагать, что она явилась внезапно, еще ошибочнѣе придавать ей чрезмѣрно преувеличенное значеніе: конвенція 1864 г.—плодъ гуманизации войны и измѣненій ея основаній въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій; съ XVI вѣка до 1864 года на-

считываютъ болѣе 300 договоровъ между государствами о неприкосновенности раненыхъ на войнѣ, объ одинаковомъ за ними уходѣ и т. п. Другими словами, актъ 1864 г. подготовленъ вѣками, лишь обобщилъ и дополнилъ правила, исподоволь назръвавшія, вполне сознанныя и искавшія потому международно-законодательнаго выраженія. И тѣмъ не менѣе проектъ такого же соглашенія для ухода за ранеными на морѣ (въ 1868 г.) не былъ принятъ державами (конечно, это дѣло ближайшаго будущаго). Петербургская конвенція 1868 г. (о неупотребленіи разрывныхъ снарядовъ вѣсомъ ниже 400 граммъ)—дальнѣйшая попытка въ этомъ же направленіи (гуманизации войны)—тоже успѣшна потому, что подготовлялась исподоволь юридическимъ сознаниемъ цивилизованныхъ народовъ о вредѣ и безнравственности излишнихъ мученій на войнѣ, не достигающихъ цѣлей послѣдней. Но когда въ 1874 г. нѣкоторыя государства возымѣли мысль распространить кодификацію на всю область военнаго международнаго права, то мысль эта не могла осуществиться. Она была несвоевременна, такъ какъ международное сознание еще не сложилось съ достаточною выразительностью относительно всѣхъ институтовъ военнаго права, изъ которыхъ многіе находятся еще въ состояніи развитія и выясненія, другіе разлагаются (но новыя нормы еще не успѣли вполне сложиться и окрѣпнуть), почему о нихъ идетъ еще споръ въ наукѣ и международной практикѣ. А государства, видя въ войнѣ средство для самосохраненія, опасаются стѣснить себя кодификаціею ея институтовъ и такимъ образомъ причинить ущербъ обороноспособности и нападенію.

Въ самомъ дѣлѣ, рѣзкій антагонизмъ сказался на Брюссельской конференціи 1874 года между великими державами, желавшими опереться на свои многочисленныя регулярныя войска (Германія, отчасти Россія) и государствами второстепенными, которыя, не обладая большими военными силами (Бельгія, Голландія и проч.), по неволѣ должны были отстаивать права всего населенія на народную оборону, весьма трудно поддающуюся регламентации. Вотъ почему Германія пыталась на конференціи сѣзуть пользованіе народною войною, ополченіемъ, добровольными стрѣлками (francs-tireurs) и т. п., а маленькія государства склонялись къ практикѣ Франціи въ войнѣ ея съ Германіею въ 1870—71 гг. Соглашенія же на счетъ правилъ морской войны въ 1874 г. и совсѣмъ нельзя было достигнуть: Англія съ самаго начала исключила всю область международнаго морскаго права изъ программы обсужденія конференціи. Не мало разногласій вызвано на ней (и въ литературѣ) отдѣльными вопросами о томъ—допускать ли репрессалии, и если да,—то въ какихъ размѣрахъ, противъ кого и подъ чьимъ контролемъ; насколько и при какихъ условіяхъ надлежитъ пользоваться реквизиціями и контрибуціями, о которыхъ и понынѣ царитъ полная разногласица, какъ въ международной практикѣ, такъ и въ литературѣ. Даже мелкій вопросъ о шпіонствѣ—и тотъ не можетъ рассматриваться какъ вполне выясненный. Слѣдовательно, неудача конференціи 1874 г. объясняется тѣмъ, что она задалась для настоящаго времени непосильною задачею—кодифицировать все институты военнаго права, тогда какъ многіе изъ

нихъ не подготовлены еще къ этой кодификаціи потому, что о нихъ еще не выработалось достаточно общаго юридическаго сознанія, находящагося еще въ процессъ развитія и оформленія, подготовленія на исторической почвѣ. Поэтому такая кодификація являлась бы насиліемъ надъ выясняющимся сознаніемъ народовъ, произволомъ въ международныхъ отношеніяхъ, не имѣющимъ серьезныхъ шансовъ ни на осуществленіе, ни на правильное развитіе. Такая общая кодификація скорѣе повредила бы хорошей будущей кодификаціи и не столько содѣйствовала, сколько препятствовали бы полезной кодификаціи отъ частнаго къ общему, которая готовится (въ связи съ научными кодификаціями) послѣднюю; и этой-то постепенной и частной кодификаціи нельзя не сочувствовать.

Противники кодификаціи приводятъ и другія соображенія. Такъ, Гольцендорфъ указываетъ на примѣръ Англій, гдѣ гражданское и уголовное право, частью и публичное, основаны по большей части на обычномъ правѣ, что нисколько не препятствуетъ устойчивости и обезпеченности правовой жизни и государственнаго порядка. Но это доказываетъ только, что право можетъ существовать и охраняться и помимо кодификаціи, въ чемъ никто не сомнѣвается, и что отсутствіе кодификаціи международнаго права не есть доказательство противъ его положительности и обязательности. Болѣе солидно доказательство, на которомъ опирается Бульмеринкъ: для кодификаціи права необходима предварительная подготовительная работа надъ его источниками, т. е. очистительная работа въ области трактатовъ, обычаевъ и т. д. Эта неподготовленность къ широкому и удобному использованію сборниковъ трактатовъ и иного матеріала (о ней говорено въ главѣ IV) требуетъ предварительнаго упорядоченія источниковъ, подготовленія ихъ къ пользованію для выведенія изъ нихъ началъ, могущихъ быть заложенными въ основу кодекса. Пока еще далеко отъ этого. Но сила этого соображенія нисколько не подрываетъ вѣрности положенія о возможности частичнаго и постепеннаго кодифицированія международнаго права, такъ какъ изъ всѣхъ указанныхъ источниковъ и теперь уже можно извлечь матеріалъ, вполне подходящий для кодификаціи нѣкоторыхъ институтовъ международнаго права. Указанія (Гольцендорфа) на необходимость предшествующаго соглашенія между государствами о единомъ языкѣ для кодекса и о легально признанныхъ переводахъ его, а равно и на спорность вопроса о томъ, достаточно ли ограничиться занесеніемъ въ кодексъ однихъ руководящихъ началъ или же и нѣкоторыхъ подробностей, кажутся намъ: первое указаніе—слабымъ возраженіемъ, а второе—имѣющимъ лишь относительную цѣнность въ связи съ суммою другихъ возраженій. Если государства сознали необходимость и своевременность общей кодификаціи, то вопросъ объ языкѣ и переводахъ кодекса—вопросъ несущественный, чисто внѣшній; рѣшить его не трудно, разъ договорились о сути дѣла. Второе же возраженіе само по себѣ ведетъ къ общему вопросу о своевременности или несвоевременности общей кодификаціи: если она возможна, то необходимы и рѣшенія о подробностяхъ, такъ какъ главные, руководящія начала болѣе признаны, нежели подробности, а въ по-

слѣднихъ вся сущность кодификаціоннаго дѣла; *разнорѣчія въ существенныхъ подробностяхъ чаще всего и приводятъ къ неуспѣху кодификаціонныхъ попытокъ. Вѣрно также (Гольцендорфъ), что кодификація повела въ государствахъ къ паденію судебной практики и къ нѣкоторому ослабленію научнаго творчества; слѣдовательно, можно ожидать того же и для международного права. Но это паденіе и ослабленіе отражаются больше въ области теоретическихъ, отвлеченныхъ изслѣдованій. Кодификація гражданскаго, уголовнаго и государственнаго права доказала, что въ послѣднихъ развиваются научныя изслѣдованія положительнаго матеріала, дающія обильную пищу для систематическихъ научныхъ изысканій, опирающихся на твердую почву. Кодификація облегчитъ и судебную практику, если ей придется примѣнять международное право.* Но совершенно вѣренъ тотъ аргументъ (Гольцендорфъ), что международный кодексъ еще менѣе внутренне-законодательныхъ способенъ распространить въ населеніи болѣе ясныя и вѣрныя идеи о правѣ. *Массы не принимаютъ прямого и активнаго участія въ международной жизни, почему мало заинтересованы въ изученіи международного права и его кодекса.* Это положеніе еще никѣмъ не опровергнуто, чего отнюдь нельзя сказать о другомъ возраженіи, приводимомъ Гольцендорфомъ въ связи съ первымъ, — что *международный кодексъ не окажетъ вліянія на уменьшеніе столкновеній между государствами, такъ какъ они возникаютъ не по невѣдѣнію, а вслѣдствіе эгоистическаго преслѣдованія правительствами своихъ политическихъ интересовъ.* Но столкновенія нерѣдко проистекаютъ изъ невѣдѣнія и заблужденія; преобладаніе же эгоистичныхъ интересовъ есть само по себѣ причина производная; она вытекаетъ изъ недостаточно сознанный солидарности интересовъ между народами въ извѣстной области. Если же это сознаніе исторически подготовлено, то оно и выразится въ соотвѣтствующихъ актахъ, изъ которыхъ и можно извлечь общія начала для частичной кодификаціи. *Безспорно также, что кодификація свяжетъ государства (Гольцендорфъ), такъ какъ безъ этого она была бы пустою комедіею; но эти неудобства устранимы возможностью новыхъ соглашеній и измѣненій въ кодексахъ, вызываемыхъ и оправдываемыхъ вновь народившимися потребностями международного союза и его членовъ.* Это возраженіе (даже относительно общаго международного кодекса) — самое слабое: существуютъ же уголовные и гражданскіе кодексы, конституціи въ государствахъ, содержаніе законовъ въ нихъ измѣняется и однако же никто не докажетъ этимъ невозможности или несвоевременности кодификаціи государственнаго права или уголовнаго съ гражданскимъ. Наконецъ, вѣскій аргументъ противъ общей кодификаціи приводитъ проф. Эйхельманъ: американскія государства, стремясь къ установленію близкаго и единообразнаго общенія въ формѣ общаго между ними договора, пока не помышляютъ ни о какомъ кодексѣ международного права для американскихъ государствъ.

ГЛАВА VII.

Доказательства существованія положительнаго международнаго права.

(Возраженія отрицателямъ международнаго права).

Литература. Изъ русскихъ сочиненій: *Очень обстоятельно* у проф. Ф. Мартенса—Соврем. междуна. право, томъ I-й; еще смотри у Д. Каченовскаго — Курсъ, выпускъ I; у Бялэцкаго—О значеніи международнаго права (глава 5); у Эйхельмана—Введение, § 3-й.

Изъ иностранныхъ сочиненій: *Bulmerincq—Praxis*, отчасти у *Mohl—Geschichte und Literatur*, томъ I (Ewiger Frieden), особенно же у *Kaltenborn'a—Kritik (Die Leugner des Völkerrechts)*; кое-какія указанія въ общихъ сочиненіяхъ; затѣмъ у *Bergbohm 'a Staatsverträge*, у *Holtzendorff'a—Handbuch*.

Изъ новѣйшихъ отрицателей. См. особенно *Lasson—Princip und Zukunft des Völkerrechts*, 1871 г.; въ его же статьѣ—*Das Culturideal und der Krieg—1871 г.*, появившейся послѣ Франко-Прусской войны, можно найти смѣлое и грубое поклоненіе физической силѣ.

I. Съ момента зарожденія науки международнаго права встрѣчаются и противники его, которые, отрицая положительное международное право, строили чисто отвлеченныя научныя системы этого права (смѣшивая международное право съ естественнымъ, на примѣръ Пуффендорфъ). И теперь еще нѣкоторые писатели не признаютъ его за отрасль права, рассматривая его какъ отрасль политики или же какъ способъ осуществленія въ международныхъ отношеніяхъ грубой силы. Вообще можно сказать, что господство философскаго (абстрактнаго) направленія было враждебно положительному международному праву, а когда положительное направленіе вытѣснило абстрактное, возраженія противъ существованія положительнаго международнаго права стали строиться на соображеніяхъ, взятыхъ изъ государственнаго, но особенно изъ гражданскаго и уголовнаго права. Но съ давнихъ же временъ появлялись и бойцы за существованіе положительнаго международнаго права. Такъ еще въ концѣ XVIII вѣка Георгій Мартенсъ, а въ началѣ настоящаго Заальфельдтъ и Шмельцингъ выставляли подробныя возраженія отрицателямъ; но только фонъ-Кальтенборнъ впервые систематизировалъ

эти возраженія и принципиально опровергъ доводы противниковъ, а проф. Ф. Мартенсъ въ самое недавнее время дополнилъ защиту Кальтенборна.

Историческій очеркъ международныхъ отношеній и международного права доказалъ намъ, что международное право—вполнѣ юная отрасль правовѣдѣнія, которая могла возникнуть лишь въ сравнительно недавнее время (въ средніе вѣка). Права гражданское, уголовное и государственное зародились тогда, когда о международномъ правѣ не было и не могло быть рѣчи; они развивались въ государствѣ, подъ его покровительствомъ и въ болѣе позднее время даже какъ отрасль государственнаго законодательства, т. е. подъ охраною высшаго порядка, обладающаго средствами для защиты права. *Международный же союзъ возникъ сравнительно недавно и въ немъ дого шла борьба за преобладаніе авторитета отдѣльныхъ государствъ; начало же высшаго въ немъ порядка (международное правовое общеніе)—сравнительно еще болѣе юная идея, поэтому и нормы положительнаго международного права меньше окрѣпли, меньше охранены, легче нарушаются и вообще самыя способы и формы его защиты въ настоящее время не достигли еще той степени совершенства, на которой находятся способы и формы защиты въ уголовномъ, гражданскомъ и частью въ государственномъ правѣ, т. е. въ отрасляхъ положительнаго права, возникшихъ неизмѣримо ранѣе.* Поэтому, нѣсколько видоизмѣняя слова Каченовскаго, можно сказать, что международное право не достигло полной зрѣлости и окончательнаго развитія, какъ потому, что оно похоже на всѣ человѣческія учрежденія, такъ и потому въ особенности, что оно принадлежитъ къ числу наименѣе совершенныхъ человѣческихъ учреждений. *Однако историческій характеръ положительности его легко доказывается, какъ мы знаемъ, исторически.*

Каждый историческій періодъ развитія международного права пытается на чемъ нибудь опереться, чтобы создать и укрѣпить международный порядокъ, мысль о которомъ пустила глубокіе корни, получая юридическія основанія и выражаясь въ успѣшныхъ попыткахъ частной организациі международныхъ учреждений. *Вообще же, сравнивая каждую предшествовавшую эпоху въ исторіи международныхъ отношеній и международного права съ каждою изъ послѣдующихъ, получаемъ результаты вполнѣ благоприятные для положительнаго международного права; при этомъ періодъ среднихъ вѣковъ и до Вестфальскаго конгресса далеко отстаетъ, на примѣръ, отъ періода третьяго и весьма мало похожъ на періодъ 5-й. На почвѣ сравненія итоговъ историческаго развитія международныхъ отношеній и международного права по періодамъ можно побѣдоносно опровергнуть соображенія скептиковъ.*

II. По мнѣнію проф. Ф. Мартенса, скептицизмъ почерпалъ еще свою силу въ преобладавшемъ до послѣдняго времени характерѣ юридическаго образованія на Западѣ Европы, именно—въ исключительномъ почти изученіи римскаго права, которое, какъ непримѣнимое къ праву международному, отвлекало отъ послѣдняго, заставляло пренебрежительно относиться къ системѣ международного права, которую нельзя никоимъ образомъ втиснуть въ схему права римскаго. Бульмеринкъ же еще ранѣе жаловался на преобладаніе римскаго права, отчасти гражданскаго

и уголовного и на второстепенное мѣсто, отведенное въ Германіи для наукъ политическихъ.

Можно замѣтить, однако, что увлеченіе римскимъ правомъ не мѣшало появленію въ Германіи превосходныхъ изслѣдованій по международному праву; въ Россіи же, гдѣ международное право имѣло полное признаніе, занимало видное мѣсто въ преподаваніи (до 1884 г.), скептическое отношеніе къ нему, какъ къ праву положительному, распространено едва ли не болѣе, чѣмъ на Западѣ. *Больше вѣско другое мнѣніе проф. Ф. Мартенса: новѣйшее реалистическое направленіе исторической науки* (рѣзкій выразитель его Ипполитъ Тень), *отразившееся въ правовѣдѣніи, питаетъ и скептическое отношеніе къ наукѣ международного права и къ положительному международному праву.* Исходя изъ положенія, что природа и исторія сдѣлали свой выборъ, опредѣлили напередъ весь ходъ человѣческой жизни, реальная школа утверждаетъ, что всякая инициатива, всякій произволъ, всякая случайность и всякая свобода воли—должны быть изгнаны изъ исторіи; *въ области международных отношеній эта (почти фаталистическая) теорія приводитъ къ господству физической силы, почему „право безъ силы—мечта“.* Но если и такъ, то природа и исторія опредѣлили напередъ и законы отношеній между народами, основанные на потребностяхъ природы человѣка, ведущіе неизбѣжно къ усовершенствованію этой природы человѣка и человѣческихъ обществъ; эта природа стремится, путемъ совмѣстнаго существованія государствъ, осуществить извѣстныя, хотя бы предопредѣленныя и неотвратимыя цѣли. *Историческая реальная школа не доказала, чтобы въ этомъ предопредѣленіи хода нашей жизни и нашихъ отношеній не было мѣста и предопредѣленію извѣстнаго развитія отношеній между народами; во всякомъ случаѣ изъ этого „предопредѣленія“ совѣсть не истекаетъ вѣчное предопредѣленіе господства физической силы въ международных отношеніяхъ,* которая была удѣломъ извѣстной культурной ступени, но можетъ смѣниться другою силою (факторомъ). Историческій очеркъ международныхъ отношеній вполне опровергаетъ предположенія реальной школы: множество институтовъ международного права, постепенно сложившихся, доказываютъ, что грубая сила уступаетъ постепенно мѣсто идеѣ права, примиряющей интересы, на которыхъ основано бытіе и совершенствованіе человѣка и человѣческихъ сожитій. Можно даже сказать, что вся исторія международныхъ отношеній есть исторія упорной борьбы силы и произвола съ зарождающимся сознаніемъ права, съ постепеннымъ его проникновеніемъ въ область международныхъ отношеній, со стремленіемъ къ правовому высшему порядку (общенія) отношеній между народами.

Но само реалистическое направленіе въ исторіи встрѣчаетъ отпоръ во всемъ, что есть въ немъ крайняго и односторонняго. Еще и прежде историками допускалось вліяніе личности на ходъ исторіи. Въ настоящее время вопросъ о такомъ вліяніи вновь выдвинутъ (напримѣръ проф. Н. И. Карѣвымъ) и можно считать доказаннымъ, что историческія явленія слагаются изъ взаимодействія объективныхъ условій и вліянія личности, слѣдовательно, личной инициативы, нѣкотораго произвола и случайности.

III. Имѣются еще и спеціально юридическія возраженія противъ положительнаго международнаго права. Проф. Ф. Мартенсъ группируетъ ихъ на слѣдующія: а) отсутствіе принудительнаго характера положеній международнаго права, которыя—б) не исходятъ отъ международной законодательной власти и с) не охраняются международнымъ судомъ.

а) Первое изъ возраженій (въ современномъ его строеніи) черпаетъ свою силу въ тезисѣ извѣстнаго Германскаго юриста Теринга (Thering— „Der Kampf ums Recht“ и „Der Zweck im Recht“), согласно которому „сущность права лежитъ въ принужденіи или силѣ, которая есть органическая часть понятія о правѣ, безъ которой неммыслимо самое право“; международныя отношенія, не знающія принужденія, будутъ не юридическими, а скорѣе моральными отношеніями. Оставляемъ въ сторонѣ спорный вопросъ — составляютъ ли физическая сила и принужденіе дѣйствительно существенную принадлежность права, а если нѣтъ (мнѣніе противниковъ Теринга), то не смѣшивается ли въ этомъ ученіи школы Теринга самое право съ принудительнымъ порядкомъ его осуществленія (съ его защитой). Для насъ гораздо важнѣе то, что теорія, отождествляющая право и силу, принципиально вынуждена допустить существованіе международнаго права: она допускаетъ существованіе высшаго интереса у сильнѣйшаго, побуждающаго этого послѣдняго къ ограниченію своихъ силъ, къ заключенію мира; а самый миръ является основаніемъ порядка и права, которое основывается на соглашеніяхъ. Но если такъ, то мы получаемъ всѣ основанія для построенія положительнаго международнаго права, одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ котораго — соглашенія между государствами въ формѣ договоровъ и молчаливыя въ формѣ права обычнаго. Сознаніе же государствами взаимныхъ интересовъ влечетъ ихъ къ уступкамъ, которыя постепенно переходятъ изъ случайныхъ къ постояннымъ и признаваемымъ какъ необходимыя, а изъ этого проистекаетъ организація постояннаго юридическаго порядка (высшаго начала) международныхъ отношеній, въ которомъ сила постепенно уступаетъ мѣсто мирному осуществленію общихъ интересовъ въ видахъ самосохраненія и благополучія государствъ.

б) Это постоянное укрѣпленіе и развитіе идеи высшаго юридическаго порядка, связующаго народы, приведетъ послѣдній, безъ сомнѣнія, къ такой внѣшней организаціи, при которой окажется необходимымъ законодательный органъ для выраженія общей воли членовъ международнаго общенія. Пока онъ отсутствуетъ. Но можно ли отсутствіемъ его въ настоящее время доказать отсутствіе положительнаго международнаго права? *Отсутствіе его доказываетъ лишь, что международное право стоитъ еще на такой ступени, которая пережита уже другими существующими отраслями права.* Придетъ время, и международное право будетъ обладать законодательнымъ органомъ (источникомъ) для его проявленія и развитія. *Законодательство же само по себѣ во все не есть единственный источникъ права и его обязательной силы. Право, вытекающее изъ природы человека и условій существованія человеческихъ обществъ, создается и помимо законодательства.* Долго существовало одно обычное право; когда появилось законодательство, оно

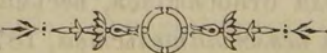
уважало обычное право, въ немъ оно почерпало свою силу и лишь въ слѣдствіи стало вытѣснять его. Но во всякомъ случаѣ плохъ тотъ законодатель, который изобрѣтаетъ право, а не основываетъ свои вѣдѣнія на формулированіи отношеній и интересовъ людей, вытекающихъ изъ природы человѣка и составляющихъ потому реальное содержаніе всякаго права. Вотъ почему въ несовершенной еще области международныхъ отношеній существуетъ положительное международное право (обязательное и соблюдаемое); мы знаемъ, что многіе его институты созданы обычнымъ правомъ, другіе выработаны договорами, третьи—внутренними законодательствами и т. п. *Наконецъ, конгрессы и конференціи могутъ быть разсматриваемы, до известной степени, какъ органы международного законодательства, хотя и не совершенные; самое же поступательное движеніе международныхъ отношеній все болѣе приближаетъ ихъ къ осуществленію идеи международного законодательства; мы имѣемъ уже нѣкоторое число договоровъ международно-законодательнаго свойства, нѣкоторыя конференціи такого же свойства (напримѣръ Берлинская Африканская).*

с) Сказанное о законодательствѣ примѣнимо въ цѣломъ и къ международному суду. *Пока еще нѣтъ постояннаго и правильно организованнаго общаго международного суда, который призываетъ къ отвѣту нарушителей международного права. Слишкомъ юно послѣднее, слишкомъ недавно возникла идея международного союза и господствующаго въ немъ высшаго порядка. До недавняго времени сложныя отношенія между государствами и поклоненіе ихъ предъ идеею абсолютной державности препятствовали осуществленію этой организаціи. Но мысль о ней весьма популярна, пустила глубокіе корни; о международномъ судѣ—отовсюду идутъ ходатайства. Общественное мнѣніе все чаще и рѣзче высказывается за международный судъ, какъ органъ, разрѣшающій споры между народами, уясняющій право, а по мнѣнію нѣкоторыхъ и формулирующій право, за судъ, призывающій къ отвѣту нарушителей и организованный въ общихъ интересахъ мира и порядка.*

Теперь уже имѣются спеціальныя постоянныя суды международного характера (смѣшанные въ Египтѣ) и спеціальныя временныя суды того же характера (призовые), хотя послѣдніе еще крайне несовершенны. Конгрессы и конференціи тоже играли иногда роль судебныхъ инстанцій (Вѣнскій конгрессъ, за нимъ многія конференціи), а примѣры (особенно Женевскій третейскій судъ) международного третейскаго суда, успѣшно выполнявшаго возложенныя на него задачи, столь частыя въ XIX вѣкъ, недоказываютъ ли, что несовершенное положительное международное право весьма быстро идетъ къ достиженію той организаціи въ защиту права отъ его нарушенія, которая давно создалась (при болѣе благоприятныхъ условіяхъ) для права уголовного и гражданскаго. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что защита уголовного и гражданскаго права въ свое время стояла на той же ступени самосуда (личной борьбы за право и интересъ), на которыхъ стоитъ и нынѣ юное международное право. Война есть въ международномъ правѣ тотъ способъ защиты, та система процессуальнаго права, съ которой мы встречаемся въ уголовномъ

и гражданскомъ процессъ подъ видомъ судебного поединка, при которомъ, какъ указываетъ исторія уголовного процесса, лицо, охранявшее свое право собственною силою, получало признаніе этого права въ исходѣ поединка, т. е. послѣ примѣненія физической силы (лично или въ лицѣ замѣстителя). При томъ поединокъ не только рѣшалъ споры о винѣ или невинности, о правѣ или его отсутствіи, т. е. былъ способомъ доказательства, но и создавалъ самое право. Въ международныхъ отношеніяхъ война и понынѣ носитъ характеръ такого поединка между народами, исходъ котораго можетъ породить право для стороны выигравшей (побѣдителя). По самому существу своему этотъ процессъ (война) есть крайне несовершенный способъ, но и онъ, насколько это допустимо существомъ его, подвергается дѣйствию закона прогрессивнаго улучшения: современная война не то, что война древности и даже война XVII и XVIII столѣтій.

Сводя все сказанное во едино, можно сказать, что положительное международное право существуетъ внѣ всякаго сомнѣнія, но что оно еще несовершенно, уступаетъ институтамъ гражданского и уголовного права, болѣе развитымъ и совершеннымъ, что оно замѣтно подвигается къ такой его организаціи и защитѣ, которыя уже достигнуты другими отраслями правовѣдѣнія. Отсутствие же этой совершенной организаціи и лучшихъ способовъ защиты само по себѣ нисколько не доказываетъ ни отсутствія, ни невыполнимости международного права: свойство и характеръ послѣдняго вполнѣ допускаютъ своеобразныя формы его осуществленія, пережитыя уже правомъ уголовнымъ, гражданскимъ и частью государственнымъ.

КНИГА ПЕРВАЯ

МАТЕРИАЛЬНОЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

ЧАСТЬ I ОБЩАЯ.

ГЛАВА I.

Субъекты международного права и международных отношений.

Литература. См. общіе учебники и сочиненія; въ особенности же изъ русскихъ—*Ф. Мартенсъ*, томъ I, глава II; *Бялэцкій*—„О значеніи...“, глава 4-я; *Эйхельманъ*—Введение, § 12--23, Конспектъ лекцій—§ 28—31.

Изъ иностранныхъ—*Блунчли* (§ 17 и проч.), *Pasquale-Fioré*—Trattato, томъ I; *Phillimore*, томъ I-й и II-й; *Calvo* (въ особенности), томъ I, livre II, III, V; *Wheaton*—Elements, livre I и II; *Holtzendorff*—Handbuch, томъ II-й; *Bulmerincq*—Völkerrecht, часть II, отдѣлъ I; *Pradier-Fodéré*—Traité, томъ I; *Funck-Brentano*—Précis, главы X и XI; *Lawrence-Wheaton*—Commentaire, tome I.

Изъ специальныхъ монографій:

1) *О формахъ соединенія государствъ*: *Iellinek*—Die Lehre von den Staatenverbindungen, 1882 г.; *Brie*—Theorie der Staatenverbindungen, 1886 г. 2) *О вмѣшательствѣ* (интервенція)—работы, сюда относящіяся, весьма подробно указаны и разобраны у графа *Камаровскаго*—*Начала невмѣшательства*, 1874 г.; см. также *В. Даневскій*—*Очеркъ новѣйшей литературы по международному праву* (изложеніе и разборъ ученія о вмѣшательствѣ у итальянскихъ писателей); изъ иностранныхъ (новѣйшихъ)—статья *Гейкена* у *Holtzendorff*'а—Handbuch (томъ IV); *Oliva*—Del diritto d'Intervento, 1881 г., *Tanoviccano*—De l'Intervention au point de vue du droit International, 1884 г.; *De Laveleye*—Des causes de guerre, страница 40 и слѣдующая.

А) I. Единственными субъектами международного права и непосредственными дѣятелями въ области международныхъ отношений являются государства, въ качествѣ юридическихъ личностей, обладающихъ въ сферѣ международного общенія право и дѣеспособностьк. Международное право приѣмлетъ государство въ качествѣ субъекта междуна-

роднаго права, если оно совмѣщаетъ въ себѣ слѣдующіе признаки: а) территорию, б) населеніе, занимающее определенную территорию, с) верховную власть, фактически существующую, способную поддерживать свое независимое существованіе и распространять свое господство надъ территоріей и ея населеніемъ. Отпаденіе одного изъ этихъ признаковъ отнимаетъ у организациі характеръ государства (не образуютъ государства евреи, разсѣянные по всему міру). Напротивъ того, даже совершенно дикія племена (напримѣръ въ центральной Африкѣ), не говоря уже о народахъ полудикихъ, являются субъектами международнаго права: достаточно, чтобы дикій народъ имѣлъ территорию и признавалъ надъ собою высшую власть хотя бы въ зачаточныхъ ея формахъ, съ которою народы культурные могли бы вступать въ юридическія отношенія. Этотъ взглядъ на дикіе народы признавался всѣми государствами, напримѣръ Россією въ ея отношеніяхъ къ Хивѣ и Бухарѣ, а отчасти и Соедин. Штатами Сѣверной Америки (и Верховнымъ судомъ Штатовъ) въ ихъ сношеніяхъ съ индѣйскими племенами, населяющими западныя ихъ границы. Впрочемъ, Соедин. Штаты присваиваютъ себѣ изъ соображеній чисто государственныхъ исключительное право сношеній съ индѣйцами, контролируютъ всѣ ихъ внѣшнія отношенія и даже не признаютъ ни за другими государствами, ни за иностранными подданными права пріобрѣтать покупкою (или иными способами) право территориальнаго верховенства надъ землями индѣйцевъ.

II. Если возникаетъ гдѣ-либо организациа, обладающая тремя вышеуказанными элементами государства, она получаетъ самымъ фактомъ своего возникновенія право на существованіе въ международномъ общеніи; оно должно выразиться въ признаніи международнымъ союзомъ новаго государственнаго образованія, въ которомъ высказывается санкція, даваемая новому факту порядкомъ высшимъ, заинтересованнымъ въ появленіи новаго члена общенія. Но понятно, что *признаніе не создаетъ государства, а предполагаетъ, что послѣднее уже родилось и обладаетъ внутреннею самостоятельностью и внешнею свободою, при чемъ совершенно безразлично—какимъ путемъ (легальнымъ или насильственнымъ) создалось такое независимое и самостоятельное (державное) государство.* Такъ какъ по идеѣ своей (мнѣніе Лоримера) признаніе есть формальная декларациа о результатѣ извѣстнаго процесса, посредствомъ которой государства приходятъ къ убѣжденію, что другая политическая единица (вновь образовавшаяся) обладаетъ самостоятельнымъ политическимъ бытіемъ, т. е. способна нести обязанности, а потому и обладать правами, вытекающими изъ ея международнаго существованія, то оно (*признаніе*) должно бы быть всегда *формальнымъ и коллективнымъ, то есть такимъ, въ которомъ всецѣло выражалась бы идея международного правового общенія.* Формальность и коллективность признанія дѣйствительно нерѣдко выражались въ международныхъ отношеніяхъ; такъ, еще Вестфальскій конгрессъ далъ формальное признаніе Швейцаріи, Вѣнскій—ей же, конгрессъ Берлинскій—Сербіи, Черногоріи, Румыніи, Берлинская конференціа 1885 года (африканская) государству Конго (косвенно),

Но государства различны по культурѣ, а потому и по степени ихъ устойчивости и способности правильно пользоваться правами и обязанностями членовъ международнаго общенія. Вслѣдствіе этого Лоримеръ различаетъ признанія полныя (распространяются на просвѣщенные народы), частичныя (на государства Азіи и на Турцію) и естественныя (всѣ остальные, политически неорганизованныя или, правильнѣе сказать, недостаточно организованныя, дикія), при чемъ, понятно, лишь первыя (полныя) могутъ быть абсолютными по своей природѣ, такъ какъ только культурныя государства могутъ имѣть волю и власть отвѣчать взаимностью на актъ признанія, остальнымъ же государствамъ скорѣе соответствуетъ такъ называемое относительное признаніе, основывающееся на относительной оцѣнкѣ государствъ съ международной точки зрѣнія. Кромѣ того, такъ какъ вопросъ о признаніи возникаетъ въ международномъ правѣ вслѣдствіе отдѣленія части народа, образующей независимое государство, или созданія одного государства изъ нѣсколькихъ частей (областей), или наконецъ, вслѣдствіе принятія новаго титула главою государства, то эти способы (особенно первые два) наиболѣе сопрягаются съ интересами нѣкоторыхъ державъ, терпящихъ непосредственный ущербъ отъ возникновенія новыхъ государствъ. Поэтому, исторія международныхъ отношеній указываетъ на то, что а) признаніе неохотно давалось этими непосредственно заинтересованными государствами и б) что государствамъ, непосредственно не заинтересованнымъ, надлежитъ обращаться съ признаніемъ очень осторожно, выжидая, чтобы самостоятельность вновь образовавшагося государства не могла уже подвергаться никакому сомнѣнію, чтобы жизнеспособность его вполнѣ проявилась.

Поэтому, было вполнѣ благоразумно поведеніе Соедин. Штатовъ Сѣв. Америки (и другихъ державъ), отказавшихъ въ признаніи независимости Венгрии (въ 1849 г.). Такимъ образомъ, идея формальнаго (официальнаго) и коллективнаго признанія ограничивается и по настоящее время признаніемъ разрозненнымъ (отдѣльными государствами), основаннымъ на соображеніяхъ политической мудрости (по оцѣнкѣ условій даннаго случая) и, являясь обязательнымъ въ принципѣ, не всегда является таковымъ *de facto*, особенно въ отношеніи къ государствамъ, непосредственно заинтересованнымъ. Такъ, на примѣръ, Соедин. Штаты Сѣв. Америки были признаны Франціею еще въ 1778 г., а Англіею — только въ 1783 г., Бельгія — всѣми державами еще въ 1831 г., а Голландіею только въ 1839 г. Сказанное объясняетъ намъ, почему часто избѣгаютъ официальнаго признанія, какъ болѣе торжественнаго и связующаго, а даютъ фактическое признаніе, проявляющееся въ самомъ фактѣ начатія правильныхъ международныхъ сношеній съ новымъ государствомъ; это фактическое признаніе можетъ быть и косвенное. Въ послѣднее время появилась еще условная форма коллективнаго признанія (на примѣръ Берлинскій конгрессъ 1878 года призналъ независимость Сербіи, Румыніи, Черногоріи подл. условіемъ внесенія въ ихъ законодательства началъ религіозной и гражданской равноправности всѣхъ подданныхъ). Эта новая форма, еще мало раз-

рабочая, вполне удовлетворяет идею международного общения: формальное и полное пользование всеми правами и благами международного общения может быть предоставлено лишь тем государствам, которые, сознавая себя членами этого общения народов высшей культуры, сравнялись с последними и устраняют из своего законодательства все то, что отдаляет их от народов цивилизованных.

III. Территория существенно необходима для состава государства. Очевидно, что *территориальные изменения, постигающие государство, должны отражаться на международных отношениях, так как влекут за собой изменения границ между государствами.*

а) Государство может совершенно утратить всю свою территорию, которая (вместе с ее населением) сполна присоединяется к другому государству. Ясно, что такое государство перестало существовать, как самостоятельная личность в международном союзе; оно — инкорпорировано другим государством. На державу инкорпорирующую переходят в порядке наследования (по аналогии с гражданским правом) все права и обязанности, лежавшие на покойном государстве; инкорпорирующая держава все же остается единичным субъектом права (с одним голосом в международном союзе). Из недавних примеров такой инкорпорации можно указать на присоединение независимых государств Италии к Сардинии-Пьемонту и на инкорпорацию Ганновера, Кургессена, Нассау и Франкфурга на Майне (после войны 1866 г.) к Пруссии. К инкорпорирующей державе переходят не только все публичное достояние, казенная собственность умершего политического тела, но и все международные обязательства и трактаты не только политического свойства, но и частного-правового (например долги инкорпорируемого), хотя бы в последнем случае пассив превышал актив наследства. В этом публично-правовое наследование существенно отличается от гражданско-правового, допускающего при превышении пассива над активом отказ от наследования в имуществе наследодателя. В указанном смысле понимали свои обязанности Сардиния и Пруссия, присоединив к себе различные независимые государства Италии и Германии.

б) Известное государство может потерять лишь часть своей территории, которая присоединяется к другой державе, или же образует независимое политическое тело. Очевидно, что государство, хотя бы и значительно уменьшившееся, может потерпеть значительный ущерб в своем влиянии и политическом могуществе, но остается по-прежнему самостоятельным в международном союзе (субъектом международного права). Не переставая быть в принципе прежним субъектом права, старое государство, и после потери провинций, несет на себе в международных отношениях все прежние обязательства, кроме чисто местных, специально лежавших на данной отделившейся провинции. Местные же должны перейти на вновь образовавшееся государство или же к тому государству, которое присоединило к себе эти отторгнутые провинции. Так, например, долги по займам, сделанные австрийским правительством специально

для Венеціанской области, перешли къ Италиі вмѣстѣ съ этою областью (въ 1866 г.). Впрочемъ, *международная практика вырабатываетъ за послѣднее время исключеніе изъ вышеустановленнаго правила, оправдываемое соображеніями справедливости* и допускаемое тѣмъ чаще, чѣмъ значительнѣе отторгнутая часть территоріи. Именно — *государственные доли распределяются* (всегда путемъ соглашенія между непосредственно заинтересованными) *между государствомъ и отдѣлившеюся его частью*; чаще всего это раздѣленіе пропорціонально величинѣ территоріи, образовавшей новое государство, или присоединившейся къ другому, уже существовавшему; *всегда почти игнорируется экономическая сила раздѣляющихся частей*. Такъ, на примѣръ, по соглашенію (въ 1839 г.) между Бельгіей и Голландіей первая взяла на себя сравнительно незначительную часть долга Нидерландовъ, именно уплату 5 милліоновъ ежегодной ренты въ счетъ всего долга, образовавшагося за все время соединенія Бельгіи и Голландіи.

Присоединеніе провинцій или провозглашеніе ихъ независимости бываетъ нерѣдко условное (см. выше—условное признаніе). *Въ числѣ этихъ условій, практиковавшихся нерѣдко въ прежнее время, играли роль политическія права и льготы, которыя выговаривались государствомъ, уступавшимъ провинціи, въ пользу населенія этихъ отходившихъ отъ него областей* (на примѣръ по договору 1721 года сохраненіе мѣстныхъ правъ и привиллегій Остзейскаго края выговорено Швеціею у Россіи). Какое значеніе имѣютъ такія условія по отношенію ко времени, то есть—обязательны ли они на „вѣчныя времена“ для государства, присоединившаго провинцію на этихъ условіяхъ? Еще недавно Остзейскіе вѣмцы, стоявшіе за свои отжившія, феодальныя привиллегіи, подкрѣпляли свои требованія ненарушимости государственнаго и соціальнаго порядка Остзейскаго края ссылками на Ништадскій трактатъ 1721 г. *Допуститъ непреложность этого взгляда возможно только подъ условіемъ—признанія вѣчности и неизмѣнности какъ международныхъ договоровъ, такъ и извѣстныхъ государственныхъ и соціальныхъ формъ, что вполне противорѣчитъ закону измѣнчивости и прогресса всякихъ человѣческихъ организацій, а нерѣдко закон усамосохраненія государства и благу цѣлаго.*

IV. Каждое государство—членъ международного сообщества—должно имѣть высшую (верховную) власть; но послѣдняя можетъ проявляться въ различныхъ формахъ. *Международный союзъ пріемлетъ и охраняетъ государства со всякими формами государственнаго устройства, такъ какъ его задача—восполнить то, чего не достаетъ государственной организаціи, достигающей опредѣленной цѣли при валичности исторически сложившихся и видоизмѣняющихся формъ и условій государственнаго и общественнаго строя.* Для международного союза не только безразличны формы государственнаго устройства и соціальныхъ отношеній—республики, монархіи, деспотіи разныхъ оттѣнковъ, но для него не могутъ имѣть никакого юридическаго значенія и всякіе измѣненія, всякіе перевороты—законные и незаконные, даже насильственные, приключившіеся внутри государственныхъ организацій, если только эти перевороты и внутреннія государственныя измѣненія не затрогиваютъ сферы отно-

шений между государствами и началъ международного порядка, или же такихъ основныхъ правъ человека, которыя состоятъ подъ защитою международного союза и международного права. Такимъ образомъ, международное право считается лишь съ фактомъ переворота внутри государства: порядокъ, фактически создавшійся и фактически поддерживающійся въ государствѣ, есть легальный порядокъ для международного союза, и международное право нимало не заботится о законности прошлаго и незаконности настоящаго порядка: держащій власть въ данномъ государственномъ порядкѣ страны является законною властью въ международныхъ отношеніяхъ, состоящею подъ защитою международного права.

Но создавшійся новый порядокъ обязанъ предъ международнымъ союзомъ соблюдать обязательства, присущія каждому государству (члену общенія), какъ таковому, независящія отъ формъ государственнаго устройства и социальныхъ отношеній.

Изъ всего сказаннаго вытекаетъ: а) международныя отношенія ведутся правительствами фактически независимыми, стоящими у власти; б) правительства низвергнутыя, хотя бы и законныя, теряютъ право на самостоятельныя международныя сношенія, но вновь получаютъ это право, если незаконное, но фактическое правительство низвергнуто окончательно; в) всѣ прежнія международныя обязательства государства, перемѣнившаго форму государственнаго и социального строенія, сохраняютъ свою силу; г) исключеніе изъ этого послѣдняго правила вполне оправдывается лишь по отношенію къ договорамъ личнаго (или династическаго характера), теряющимъ свою силу съ лишеніемъ престола династіи или со смертію заключившаго ихъ государя; и е) договоры, заключенные хотя временными, но жизнеспособными фактическими правительствами, обязательны для возвратившагося къ власти законнаго правительства.

Изложенное можно подтвердить слѣдующими примѣрами. Лондонскій протоколъ (1831 г.), узаконившій отдѣленіе Бельгіи отъ Голландіи, провозглашаетъ, что „трактаты не теряютъ своей обязательности, какимъ бы измѣненіямъ ни подвергалась внутренняя организація народовъ“. Это начало признавалось вполне еще въ XVII вѣкѣ и нарушение его (напримѣръ объявленіе французской республики въ 1848 г. о необязательности для нея Вѣнскихъ трактатовъ 1815 г.) встрѣчало энергическій отпоръ. Но договоръ Наполеона III съ Максимилианомъ мексиканскимъ, обязывавшій перваго поддерживать имперію послѣдняго въ Мексикѣ, имѣлъ личный характеръ и потерялъ всякое значеніе для Франціи и для самого Наполеона III со смертію Максимилиана. Бурбоны, восстановленные во Франціи, признавали обязательными всѣ договоры государственнаго характера, заключенные узурпаторомъ Наполеономъ I (это признано и Европою въ 1814 г., въ противность настояніямъ курфюрста Гессенскаго, вздумавшаго не исполнять трактаты, заключенные узурпаторомъ, королемъ Геронимомъ Вестфальскимъ). Понятно, что обязательства, принятыя на себя Кошутомъ (диктаторомъ Венгрии), не имѣли никакой силы для австрійскаго правительства, такъ какъ Венгрии не удалось получить фактической независимости.

В) *Основные права государствъ, какъ субъектовъ международнаго права.* Подъ основными правами государствъ—субъектовъ международнаго права—должно разумѣть права, которыя принадлежатъ имъ въ качествѣ юридическихъ личностей, фигурирующихъ въ международныхъ отношеніяхъ, права, безъ которыхъ государство теряетъ свою индивидуальность, свою способность быть членомъ международнаго общенія. Уничтоженіе основныхъ правъ государства—есть уничтоженіе послѣдняго; существенныя умаленія ихъ—равносильны обезличенію государства, его униженію въ качествѣ дѣятеля въ международномъ сообществѣ. Поэтому, *недѣйствительны договоры, уничтожающіе или извращающіе эти основныя права; ясно, что основныя права государствъ должны состоять подъ охраною высшаго порядка, т. е. международного правового общенія.*

Существеннѣйшее изъ этихъ правъ есть право на верховенство (droit de souveraineté)—право суверенитета, безъ котораго немислимо государство, какъ независимая, полноправная личность въ международныхъ отношеніяхъ. Это право верховенства (державности), какъ высшее и сложное, заключаетъ въ себѣ необходимо изъ него вытекающее, неразрывное съ нимъ право на независимость внутреннюю и внешнюю. Изъ внутренняго государственнаго верховенства истекаетъ право территоріальности, т. е. право государства на исключительное господство на всемъ пространствѣ его территоріи, охраняемое и международнымъ правомъ; изъ внешнего же верховенства истекаетъ право государствъ на равенство ихъ, необходимое (см. введеніе, гл. I) для высшаго порядка въ отношеніяхъ между государствами; изъ права государствъ на равенство истекаетъ право ихъ на уваженіе и честь. Все государства, обладающія вышеперечисленными правами, источникъ которыхъ лежитъ въ правѣ верховенства, являются одинаково правоспособными въ сферѣ международнаго правового общенія; но эта правоспособность ихъ должна выразиться въ ихъ дѣеспособности, т. е. въ дѣйствительномъ проявленіи ихъ правъ и соотвѣтствующихъ имъ обязанностей въ международныхъ отношеніяхъ. Но проявленіе дѣеспособности приводитъ къ необходимости самозащиты (право на самосохраненіе), которая можетъ въ исключительныхъ случаяхъ породить и необходимость прибѣгнуть къ мѣрамъ принудительнаго свойства, т. е. къ праву принужденія.

I. *Право на независимость.* Оно выражается во внутренней и внешней независимости государствъ. *Идея первой гораздо полнѣе и абсолютнѣе второй.* Государство свободно въ области внутренняго законодательства, управленія, суда; во всѣхъ этихъ сферахъ проявляется самобытность и свобода государства, съ которыми оно входитъ въ международное общеніе и при посредствѣ которыхъ оно вноситъ свою лепту въ общую сокровищницу всего человѣчества. *Потому то внутренняя государственная независимость въ принципѣ почти абсолютна; она допускаетъ ограниченія лишь въ исключительныхъ случаяхъ, когда они вызываются необходимыми требованіями и правами всего международного союза, и не иначе, какъ подѣ контролемъ всѣхъ сочленовъ международного сообщества. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ внешнею государственною независимостью. Она принципиально ограничена и при томъ въ зна-*

чительной степени правами, принадлежащими высшему порядку, который, въ интересахъ цѣлаго, контролируетъ право независимыхъ государствъ самостоятельно управлять международными отношеніями.

Начало вмѣшательства (интервенція). Вышеизложенное даетъ намъ точку опоры для рѣшенія спорнаго вопроса о томъ—*допустимо ли и въ какихъ случаяхъ вмѣшательство одного государства въ дѣла другого?* Прежде всего надо отдѣлать, какъ это дѣлаетъ профессоръ Ф. Мартенсъ, *понятіе о вмѣшательствѣ отъ понятія о посредничествѣ.* Подъ послѣднимъ разумѣется попытка разрѣшенія спора третьей державой по просьбѣ самихъ спорящихъ, обращенной къ державѣ—посредницѣ; *подъ вмѣшательствомъ же—самовольное вступленіе (при томъ насильственное) постороннихъ державъ въ спорныя отношенія между непосредственно заинтересованными сторонами.* Всякое ненасильственное и не угрожающее насиліемъ (мирное) вмѣшательство—законно: если оно облечено въ спокойныя и вѣжливыя формы, то въ немъ проявляется живая связь между народами; оно скорѣе полезно, имѣетъ нерѣдко (напримѣръ вмѣшательство нейтральныхъ во время войны) большое нравственное значеніе и способно, если проявляется умѣло и особенно въ коллективной формѣ, предотвратить войну и опасныя усложненія въ сферѣ международныхъ отношеній; оно не опасно для непосредственно заинтересованнаго государства, такъ какъ послѣднее или уступаетъ требованіямъ вмѣшивающихся или же, сознавая свою правоту, устраняетъ эти требованія. Далѣе, для правильнаго рѣшенія вопроса *необходимо еще отдѣлать вмѣшательство во внутреннія дѣла государства отъ вмѣшательства во внѣшнія его отношенія къ другимъ державамъ.* Можетъ ли быть допущено первое? *Являясь нарушеніемъ внутренняго государственнаго верховенства, проявляющагося въ независимомъ законодательствѣ, администраціи и судѣ, такое вмѣшательство не можетъ быть терпимо. Оно не есть право, а произволъ.* Встрѣчаясь въ международной практикѣ (особенно въ эпоху конгрессовъ первой четверти XIX столѣтія), оно получило и теоретическое оправданіе у многихъ писателей, пытавшихся создать цѣлую теорію права вмѣшательства. Но современная международная практика отвергаетъ послѣднее, а наука склонялась до самаго послѣдняго времени къ принципиальному отрицанію его. При этомъ нѣкоторые писатели, по преимуществу итальянскіе, усматривавшіе во вмѣшательствѣ нарушеніе права національностей на независимость, совершенно отвергали право интервенціи, противопоставляя ему начало абсолютнаго невмѣшательства; другіе же пытались, исходя изъ принципа невмѣшательства, установить (на почвѣ опыта или отвлеченно) исключенія изъ общаго начала невмѣшательства, въ видѣ отдѣльныхъ положеній, узаконяющихъ право вмѣшательства. Эти исключенія очень разнообразны и противорѣчивы; ихъ трудно свести къ единству. Наиболѣе часто допускались писателями слѣдующія положенія, узаконяющія право вмѣшательства: 1) *Нѣкоторые (Геффтеръ, Ф. Мартенсъ и другіе) допускаютъ вмѣшательство по трактату, обезпечивающему въ пользу вмѣшивающихся государствъ (поручителей) извѣстное устройство страны.*

Такое вмешательство должно быть отвергнуто. Оно противорѣчитъ началу прогресса и измѣняемости формъ государственнаго и социальнаго устройства, мыслимо только по отношенію къ трактатамъ личнаго характера, которые преобладали въ періодъ господства въ международныхъ отношеніяхъ династической политики. Это вмешательство по трактату призвано гарантировать извѣстную форму политическаго устройства, а между тѣмъ „международное право“, говоритъ графъ Камаровскій, „совсѣмъ не призвано давать гарантіи никакой формѣ политическаго устройства“. 2) Тѣ же писатели допускаютъ вмешательство въ томъ случаѣ, если приключившійся гдѣ-либо внутренній государственный переворотъ нарушаетъ законныя права другихъ державъ (напримѣръ, декларація Ламартина въ 1849 г. о необязательности для Франціи Вѣнскихъ трактатовъ 1815 г.). Но если нарушены права отдѣльнаго государства, то послѣднее обладаетъ извѣстными законными средствами защиты и возстановленія нарушеннаго права. Слѣдовательно, государство обладаетъ въ этомъ случаѣ правомъ войны противъ нарушителя его законныхъ правъ, а не правомъ вмешательства. Если же государственнымъ переворотомъ нарушены права всего международнаго союза, то охрана правъ послѣдняго при посредствѣ вмешательства будетъ уже интервенціею во внѣшнія отношенія даннаго государства.

Есть писатели (напримѣръ Прадье-Фодере), ограничивающіе применение права вмешательства случаемъ, когда иностранная держава приглашается къ интервенціи большинствомъ гражданъ. Не можетъ быть ничего опаснѣе и неустойчивѣе этого положенія! Иноземному правительству трудно судить о причинахъ государственнаго переворота, правильно оцѣнить достоинства низвергнутаго и новаго правительства и еще труднѣе выяснитъ, на чьей сторонѣ дѣйствительное большинство гражданъ. Слѣдовательно, вмешательство въ пользу „большинства“ узаконило бы произволъ вмешивающагося; оно не всегда спасаетъ слабое правительство, вноситъ раздраженіе и недоувѣріе въ отношенія между партіями внутри страны и иноземнымъ правительствомъ (интервенирующимъ). Сказанное въ равной степени относится, въ 3-хъ, и къ мнѣнію Блунчи, допускающему вмешательство по просьбѣ государства, требующаго интервенціи или принимающаго предлагаемое дружественною державой вмешательство, такъ какъ „въ этомъ случаѣ нисколько не нарушается независимость государства“. Между тѣмъ ясно, что просящее государство нежизнеспособно, если само не въ состояніи справиться съ внутренними неурядицами; поддерживать искусственно такія государства не есть ни задача международнаго права, ни требованіе государственной мудрости.

4) Оправдываютъ еще вмешательство (Геффтеръ, Амари, Ф. Мартенсъ) противъ вмешательства другого государства. Но въ этомъ случаѣ употребленіе силы противъ незаконнаго акта (вмѣшательства) есть ничто иное, какъ союзническая война противъ державы, пустившей въ ходъ интервенцію, т. е. одинъ изъ случаевъ пользованія правомъ войны, а не правомъ вмешательства.

Наконецъ, въ 5-хъ) проф. Ф. Мартенсъ допускаетъ интервенцію и въ томъ случаѣ, когда христіанское населеніе подвергается со стороны нецивилизованныхъ народовъ гоненію или убіенію, т. е. по соображеніямъ общности религіозныхъ интересовъ и человѣколюбія. Нѣкоторые (Блунчи, Филлморъ и графъ Камаровскій) идутъ еще дальше: допускаютъ въ подобныхъ случаяхъ вмѣшательство „во имя высшаго принципа человѣколюбія, долженствующаго быть признаннымъ и въ международномъ правѣ“ даже по отношенію къ народамъ высшей культуры, противъ чего нельзя не замѣтить: а) что понятіе о „вышемъ принципѣ человѣколюбія“ неопредѣленно и растяжимо, а слѣдовательно условно, б) что невозможно представить себѣ цивилизованный народъ, отвергающій въ настоящее время религіозную свободу и терпимость, а тѣмъ менѣе культурное государство, открывающее гоненіе на христіанъ или убивающее ихъ.

Нельзя допустить и крайностей, вытекающихъ изъ теоріи Монроэ. Она справедлива, но сколько отвергаетъ право иноземныхъ державъ на вмѣшательство во внутреннія дѣла американскихъ государствъ, устраняетъ незаконныя насилія въ родѣ экспедиціи французовъ въ Мексику. Но она является крайностью и должна быть отвергнута, по сколько на ней опираются требованія Соед. Штатовъ—руководитъ всеми внѣшними отношеніями государствъ американскаго континента и разсматривать Америку, какъ исключительную принадлежность однихъ американцевъ (съ исключеніемъ, слѣдовательно, всякой дальнѣйшей колонизаціи европейцевъ). Эти претензіи Соед. Штатовъ Сѣв. Америки приводятъ къ идеѣ ихъ протектората надъ остальными государствами Америки, несовмѣстимую съ началомъ внутренней и внѣшней независимости, т. е. верховнымъ началомъ суверенитета государствъ.

Отвергая все вышеисчисленныя исключенія изъ начала невмѣшательства, мы допускаемъ право вмѣшательства лишь какъ коллективное, предпринимаемое въ интересахъ высшаго порядка, а потому рѣшаемое и обсуждаемое всеми членами международнаго сообщества. Идея такого коллективнаго вмѣшательства, покоясь на идеѣ международнаго праваго общенія, получаетъ все большее признаніе въ международной жизни (напримѣръ, постановленія Парижскаго конгресса 1856 г., Берлинскаго конгресса 1878 г. и послѣдовавшихъ за ними конференцій по отношенію къ дѣламъ Турціи и ея христіанскихъ провинцій), а за послѣднее время и въ литературу (Паскаль Фіоре, Олива и за ними проф. Ф. Мартенсъ, повидимому—и графъ Камаровскій). Коллективное вмѣшательство—хорошій способъ охраны международнаго порядка, который не терпитъ грубыхъ отступленій отъ начала внутренней независимости государствъ, долженъ охранять его и указывать тѣмъ уклоненія отъ требованій, выдвигаемыхъ общеніемъ между культурными народами, которыя должны быть подавляемы даже вооруженною рукою, т. е. вторженіемъ и въ область внутренней государственной независимости. Вопросъ сводится къ тому, чтобы рѣшить—нарушенія какихъ началъ со стороны государствъ въ области ихъ внутренней автономіи узаконяетъ это коллективное вмѣшательство и съ какого момента начинается это право интервенціи?

Международное общеніе имѣетъ въ виду развитіе и совершенствованіе человѣка, которое достижимо лишь при признаніи за человѣкомъ (и коллективною личностью—націею) извѣстныхъ правъ. Государство должно охранять эти права человѣка на личную свободу (совѣсти и свободу гражданскую). Но если оно почему нибудь безсильно дать имъ охрану, или по низкой степени культуры не желаетъ дать этой защиты, то *международный союзъ, имѣющій обязанностью содѣйствовать охранѣ правъ человѣка, долженъ устранить все то, что прямо препятствуетъ этой защитѣ (напримѣръ, бороться съ неготорговлею и рабовладѣніемъ) и принять мѣры, иногда и насильственныя, къ побужденію государства, не сознающаго своихъ обязанностей культурной націи, къ признанію основныхъ правъ человѣка и къ созданію гарантій ихъ ненарушимости на будущее время. Эти основныя права всякаго культурнаго человѣка (безъ различія подданства)—право на физическое существованіе и физическую свободу, право на свободу совѣсти (религіозная свобода), право на свободу гражданскую. Очевидно, что они могутъ быть нарушаемы только государствами низшей культуры, почему международный союзъ обладаетъ по отношенію къ нимъ правомъ, котораго онъ не имѣетъ въ настоящее время относительно народовъ высшей культуры, сознающихъ и охраняющихъ основныя права человѣка, т. е. правомъ вмѣшательства даже во внутреннія дѣла этихъ нецивилизованныхъ государствъ. Примѣненіе этого права, для избѣжанія произвола и эгоистическихъ поползновеній со стороны отдѣльныхъ державъ, должно быть обставлено гарантіею коллективности: общее обсужденіе и рѣшеніе спорнаго вопроса вполне обезпечено при нормальномъ порядкѣ международныхъ отношеній, такъ какъ цивилизованныя державы связаны между собою единствомъ главныхъ началъ европейской культуры, а отступленія отъ послѣднихъ, допускаемыя дикими и полудикими народами, настолько поражаютъ основныя права человѣка, что о необходимости ихъ устраненія не можетъ быть и сомнѣнія. Моментъ коллективнаго вмѣшательства опредѣляется временемъ появленія законодательныхъ актовъ или дѣйствій правительствъ некультурныхъ, которые должны встрѣчать протестъ со стороны народовъ цивилизованныхъ.*

А если эти протесты не уважены или обстоятельства указываютъ на необходимость быстрого и энергичнаго противодѣйствія (напримѣръ—избіеніе христіанъ, или возможность и вѣроятность его въ ближайшемъ будущемъ), то наступаетъ моментъ вмѣшательства, коллективно обсуждаемаго, но приводимаго въ исполненіе по порученію всѣхъ однимъ или нѣсколькими государствами.

Что же касается до вмѣшательства во внѣшнія отношенія государствъ, то оно допускается писателями чаще и при томъ въ формулахъ довольно растяжимыхъ. Можно даже высказать, что *право вмѣшательства во внѣшнія отношенія составляетъ скорѣе правило, а невмѣшательство—исключеніе.* Это вполне объясняется существомъ понятія о внѣшней независимости государствъ, ограниченной въ принципѣ идеею и требованіями международнаго правоваго общенія. Но и по отношенію къ внѣшнимъ отношеніямъ писатели чаще всего смѣшиваютъ право вмѣ-

шательства съ правомъ на законную самозащиту при посредствѣ войны (интервенція смѣшивается съ войною). Такъ (Тревесъ-Твиссъ), допускаютъ право вмѣшательства противъ увеличенія государства, если оно дѣйствительно вредитъ правамъ другого или очевидно угрожаетъ имъ вредомъ. Но эта формула растяжима, а главное ущербъ праву даетъ законное основаніе для войны въ защиту своего права и въ возмѣщеніе ущерба. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ явная („очевидная“) угроза правамъ тоже можетъ дать основаніе для предупрежденія непосредственно угрожающей опасности войною. Еще неопредѣленныя и растяжимыя близко подходящая къ первой формула такого вмѣшательства (выставлена Филлиморомъ), оправдываемаго „защитою равновѣсія“, нарушаемаго „опаснымъ увеличеніемъ государства чрезъ посредство внѣшнихъ (территоріальныхъ) приобрѣтеній“; по мнѣнію другихъ писателей (напримѣръ того же Филлимора и итальянца Росси), право вмѣшательства существуетъ и въ томъ случаѣ, когда внутренніе государственные перевороты (напримѣръ междоусобная война), или создавшіяся внутри государства учрежденія, переступая за предѣлы государства, переносятся на международную почву, т. е. угрожаютъ сосѣдямъ (самому ихъ существованію). Но очевидно, что только угроза существованію узаконяетъ, въ силу права на самосохраненіе, сопротивленіе, но не въ видѣ права на вмѣшательство, а въ видѣ права на войну. Одна опасность революціи для сосѣда не можетъ установить никакого права вмѣшательства, такъ какъ таковое явилось бы узаконеніемъ личнаго произвола и усмотрѣнія, создало бы для отдѣльныхъ государствъ или для всего международного союза поводы къ подавленію, во имя возможной опасности распространенія, учрежденій почему-либо непріятныхъ имъ (какъ это было въ эпоху конгрессовъ въ Троппау, Лайбахѣ и Веронѣ). Поэтому можно принять (вслѣдъ за проф. Мартенсомъ и графомъ Камаровскимъ) два основанія для права вмѣшательства (тоже коллективнаго) во внѣшнія отношенія государствъ (см. лекціи Даневскаго 1879—80 годовъ: 1) для противодѣйствія стремленію какой-либо державы основать всемірное государство; 2) въ случаѣ нарушенія трактатовъ международно-законодательнаго характера. Въ обоихъ случаяхъ „нарушаются“, говоря словами графа Камаровскаго „основные законы международного права“: въ первомъ случаѣ, имѣется нападеніе на независимость, т. е. на одинъ изъ кровныхъ принциповъ международного права, во второмъ—нарушеніе началъ высшаго порядка, связующаго государства въ ихъ общихъ интересахъ. А такъ какъ международный союзъ обязанъ противодѣйствовать стремленію, одинаково угрожающему каждому изъ его членовъ, или же основамъ международного порядка, то ему остается прибѣгнуть къ коллективному воздѣйствію для отвращенія опасности. Это воздѣйствіе (насильственное) будетъ вмѣшательствомъ, а не войною, потому что война предполагаетъ лишь стороны, непосредственно и прямо заинтересованныя, а вмѣшательство (коллективное) именно предполагаетъ идею совмѣстнаго и общаго воздѣйствія всѣхъ не только прямо заинтересованныхъ (каковы воюющіе), права которыхъ нарушены или правамъ которыхъ угрожаетъ непосредственная опасность, но и

заинтересованных косвенно и отдаленно въ устройствѣ и правильномъ охраненіи международнаго порядка.

II. *Право территоріальности.* Оно вытекаетъ изъ внутренняго государственнаго верховенства и выражается въ исключительномъ (публично-правовомъ) господствѣ государства на всей его (сухопутной и водной) территоріи, надъ всеми лицами и имуществами, состоящими на этой территоріи, подчиняющимися исключительно законамъ и судамъ этого государства. А такъ какъ право территоріальности присуще каждому государству, то ни одно изъ нихъ не должно (подъ угрозою отпора и репрессіи) нарушать территоріальныхъ правъ другого.

III. *Право на равенство въ международномъ общеніи* вытекаетъ изъ внѣшняго государственнаго суверенитета (верховенства). Оно требуетъ общеніемъ между народами, охраняется послѣдними, необходимо потому, что международное общеніе имѣетъ дѣло со множествомъ одинаково суверенныхъ, державныхъ политическихъ тѣлъ, соприкасающихся между собою необходимо и обязательно въ сферѣ внѣшнихъ отношеній, право на которыя истекаетъ изъ внѣшняго суверенитета государствъ. Поэтому государства равноправны въ юридическомъ смыслѣ, хотя фактически неравны. Начало равноправности общепризнанно (исключеніе— Лоримеръ, см. гл. I Введенія) и имѣетъ послѣдствіемъ признаніе за всеми государствами однихъ правъ и соотвѣтствующихъ имъ одинаковыхъ обязанностей. Такъ называемыя „великія державы“, хотя имѣютъ большія силы и средства для осуществленія своихъ правъ, не обладаютъ никакими бѣльшими правами и не могутъ предписывать законы для государствъ слабыхъ. Тѣмъ не менѣе старинный взглядъ на начало суверенитета, какъ на единственное руководящее въ международныхъ отношеніяхъ, а равно и, оставившія по себѣ слѣды, стремленія къ преобладанію въ международномъ союзѣ, выработали такъ называемые ранги и титулы государствъ и представителей верховной власти, которые признавались не только международными трактатами и обычаями, но и нѣкоторыми конгрессами (напримѣръ Вѣнскимъ). Хотя принципъ верховенства предоставляетъ каждому государству право на принятіе любого титула и ранга, но такъ какъ государство внѣшнимъ своимъ суверенитетомъ входитъ по преимуществу въ сферу международнаго порядка, то требованія послѣдняго порождаютъ для международнаго союза право на признаніе этихъ титуловъ и ранговъ, которые должны быть въ настоящее время разсматриваемы лишь какъ традиціонныя фикціи, не дающія обладателямъ ихъ никакихъ особенныхъ (по существу) правъ и преимуществъ въ международныхъ отношеніяхъ, кромѣ чисто внѣшнихъ отличій. Въ признаніи или непризнаніи послѣднихъ (ранговъ и титуловъ) международный союзъ руководствуется дѣйствительнымъ мѣстомъ и значеніемъ даннаго государства въ международномъ сообществѣ. Въ прежнее время это признаніе давалось чаще отдѣльнымъ государствомъ, по собственному усмотрѣнію, по соображенію дружбы и выгоды добрыхъ отношеній къ державѣ или государю, принимавшимъ извѣстный рангъ или титулъ. Такъ, напримѣръ, титулъ Императора былъ принятъ Петромъ I въ 1721 году, но достоинство это признано было

за Россією и ея государями различными державами въ разное время (напримѣръ Пруссією въ 1722 г., а Польшею, съ которой у насъ существовала исконная вражда, только въ 1764 г.). Но съ XIX столѣтія замѣчается, что государства ступили на путь коллективной оцѣнки предъявляемаго державок требованія о новомъ рангѣ или титулѣ. Напримѣръ, Вѣнскій конгрессъ узаконилъ различные ранги и титулы за вновь образованными имъ государствами; Ахенскій конгрессъ (1818 г.) отказалъ „по недостаточности оснований“ курфюрсту Гессенскому въ королевскомъ титулѣ, конгрессы Парижскій и Берлинскій (1878 г.) дали ранги и титулы (князей) Румыніи, Сербіи, Болгаріи; и всѣ державы, подписавшія акты этого конгресса, согласились на признаніе королевскаго титула за Румынскимъ и Сербскимъ князьями. Во всякомъ случаѣ теперь не можетъ уже быть рѣчи о тѣхъ серьезныхъ спорахъ и недоразумѣніяхъ, которые вызывались въ XVI—XVII столѣтіяхъ требованіями государствъ на предсѣданіе (первенство)—*droit de préséance*, рѣшителями которыхъ въ XVI вѣкѣ выступали папы. Въ настоящее время обычай и договоры выработали слѣдующія правила о рангахъ и титулахъ: выше другихъ считаются государства, обладающія такъ называемыми *honores regii* (королевскія почести), къ которымъ одинаково относятся монархіи и республики, имперіи, королевства и великія герцогства. Государя такихъ монархій имѣютъ одинаковое право на титулъ „*Majesté*“ (Величества), особые гербы и право посылать пословъ (*ambassadeurs*), причемъ императорскій титулъ не создаетъ никакихъ привиллегій, такъ какъ всѣ попытки установить различіе между королевствами и имперіями, напримѣръ, на основаніи, будто-бы, всемірнаго значенія первыхъ (Блунчли)—не выдерживаютъ критики: Франція, напримѣръ, была королевствомъ, но обладала громадными колоніями и всемірнымъ значеніемъ, Англія—и по нынѣ обладаетъ ими въ громадной степени, но остается королевствомъ, и только по отношенію ея къ Индіи билль 1876 г. предоставилъ королевѣ титулъ „императрицы Индіи“. Среди же католическихъ государствъ различнаго или равнаго ранга предсѣданіе по обычаю признается за папскими представителями; государства неполнаго суверенитета (полу-независимыя) всегда ниже полныхъ. Древніе титулы (религіознаго свойства), пожалованные въ былыя времена папами разнымъ государямъ, остаются за ними; напримѣръ, король Франціи имѣлъ титулъ „*roi très chrétien*“ (христіаннѣйшій король), Испаніи—*roi catholique*, Австро-Венгерскій монархъ—*Majesté Apostolique*.

Нерѣдко въ XVII и XVIII столѣтіяхъ возникали споры и столкновенія изъ-за морскаго церемоніала (въ открытомъ морѣ и въ иностранныхъ портахъ): долго державы (напр. Англія), претендовавшія на господство надъ морями, вынуждали слабѣйшія оказывать имъ на моряхъ и въ портахъ почести (спускать флагъ и привѣтствовать первымъ пушечнымъ выстрѣломъ) довольно унижительнаго свойства, въ которыхъ выражалось подчиненіе слабыхъ сильнымъ. Такъ, французскій ординавъ 1689 г., предписывалъ французскимъ военнымъ кораблямъ принуждать въ открытомъ морѣ всѣ иноземные корабли къ первому пушечному салюту, а Англія около того же времени обязала по договору Нидер-

лавды спускать флагъ предъ всякимъ англійскимъ кораблемъ, но только въ британскихъ моряхъ. И только въ XVIII в. униженный салютъ, выражавшійся въ спускъ флага, былъ отвергнутъ; по Нимитатскому трактату 1721 г. Россіи съ Швеціей установлено полное равенство въ салютъ военныхъ кораблей и обязанность ихъ дѣлать первый салютъ (пушечный выстрѣлъ) крѣпостямъ и портамъ. Съ этого времени (рядомъ трактатовъ—особенно Россіи конца XVIII и первой половины XIX вѣка) морской церемоніаль существуетъ, какъ международный знакъ въѣзливости и взаимнаго уваженія державъ и обоснованъ на началахъ полного равенства. Эти принципы высказаны въ принятыхъ, по почину Великобританіи всѣми морскими державами „Правилахъ о салютахъ и морскихъ визитахъ между различными флагами“ (1878 г.).

IV. Такъ какъ всѣ государства суверенны и равноправны, то всѣ они имѣютъ одинаковыя права на уваженіе и честь, принадлежащія имъ въ качествѣ международ. личностей.

Отсюда взаимное между государствами уваженіе къ внѣшнимъ знакамъ государственнаго достоинства (къ флагу, гербу, титулу), къ ихъ представителямъ въ международ. отношеніяхъ (дипломатическимъ агентамъ), и т. п. Всякое дѣйствіе, клонящееся къ выраженію презрѣнія или явнаго неуваженія къ гербу, флагу, дипломатическому агенту, является дѣйствіемъ оскорбительнымъ, могущимъ привести къ требованію удовлетворенія отъ обидчика, къ репрессаліямъ и даже къ войнѣ. Напр., когда въ 1799 г. русскій флагъ (государственный) былъ сорванъ австрійцами въ Анконѣ, то Россія потребовала удовлетворенія отъ Австріи и неудовлетвореніе справедливаго требованія русскаго правительства повело къ разрыву между двумя державами.

V. Всѣ суверенныя государства, какъ личности правоспособныя, должны проявлять внутри и внѣ свою дѣеспособность. Внѣшняя дѣеспособность проявляется въ поддержаніи отношеній къ другимъ народамъ, къ которымъ государства призваны въ качествѣ членовъ международнаго общенія, почему ни одинъ цивилизованный народъ, членъ послѣдняго, не можетъ отказаться отъ сношеній съ другими народами. По идеѣ своей международ. общеніе совпадаетъ съ понятіемъ о всемъ человѣчествѣ, а въ послѣднее входятъ дикіе и полудикіе народы, не сознающіе еще требованій общенія, а потому и отказывающіе государствамъ цивилизованнымъ въ допущеніи ихъ поданныхъ въ предѣлы страны (напр. для торговыхъ сношеній). Какъ быть въ подобномъ случаѣ? Можно ли было, напр., требовать (и вынуждать насильственно) отъ Китая и Японіи, которые долго противодействовали открытію торговыхъ сношеній съ христіанскими народами, разрѣшенія этихъ сношеній? Международ. практика, оправдываемая мнѣніями писателей, усматривавшихъ въ правѣ международ. торговыхъ сношеній естественное право, осуществленіе котораго возможно и при посредствѣ силы, весьма долго склонялась (начиная съ XV столѣтія) къ оправданію насилія надъ дикарями и полудикарями, при посредствѣ котораго полагали возможнымъ охранить „естественное“ право торговыхъ сношеній и даже завоевывать дикія и полудикія страны, изгонять изъ

нихъ (и уничтожать) туземцевъ. Въ настоящее время подобныя насилія осуждаются: международ. практика (напр. постановленія Берлинской Африканской конференціи) и писатели стремятся предоставить сближающему вліянію времени добровольное возникновеніе сношеній вообще, въ частности торговыхъ между этими народами различныхъ культуръ. Одно время въ состояніи сгладить враждебныя страсти, разрушить взаимныя предубѣжденія и пробудить новыя нужды и интересы. И уже въ настоящее время замѣтно, что преграды мирному распространенію христіанской цивилизаціи значительно понизились и что торговля по-сыяла стѣна, которая не могла быть оплодотворена силами одного оружія (Кальво).

VI. Право верховенства (внутренняго и внѣшняго), проявляясь въ дѣеспособности, необходимо приводитъ къ праву государства на сохраненіе (самозащиту) своей суверенной независимости и вытекающихъ изъ нея правъ внутри и внѣ государства. Это право самосохраненія, изъ котораго вытекаетъ право принужденія (и высшаго его проявленія—войны) порождаетъ право государствъ на принятіе всякъ мѣръ къ оборонѣ и къ нападенію на другія государства, если нападеніе должно предупредить непосредственную угрожающую опасность, при посредствѣ содержанія арміи, флотовъ, крѣпостей, союзовъ оборонительныхъ и наступательныхъ. А такъ какъ задача государства — охранять подданныхъ, ихъ права и интересы, то государственная оборона должна быть допускаема и въ защиту правъ отдѣльныхъ лицъ. Рядъ ненормальныхъ отношеній въ исторіи сношеній между государствами создалъ весьма существенныя ограниченія этого основнаго права государствъ на самосохраненіе. Напримѣръ, по трактату 1856 г. Россія должна была срыть укрѣпленія по Черному морю, не содержать военного флота на немъ, конгрессъ Берлинскій повелѣлъ срыть всѣ укрѣпленія по Дунаю (отъ Желѣзныхъ воротъ до устьевъ). Всѣ подобныя ограниченія (особенно первое изъ приведенныхъ)—нападеніе на основное право субъектовъ международныхъ отношеній, не могутъ быть терпимы; ихъ можно допустить, въ видѣ исключенія, не иначе, какъ подъ условіемъ коллективнаго ихъ наложенія, въ интересахъ всего международного союза и лишь по отношенію къ государствамъ, явно доказавшимъ (на дѣлѣ) опасность ихъ стремленій для общаго мира и международного порядка и при томъ только на время, т. е. пока эта опасность существуетъ для даннаго времени или для ближайшаго будущаго.

С) *Особенныя формы строенія государствъ, какъ субъектовъ международного права.* Изложенныя основныя права государствъ, какъ субъектовъ международного права, принадлежатъ обыкновеннымъ или простымъ государствамъ, въ составъ которыхъ входятъ и колоніи, какъ бы велики ни были послѣднія и какъ бы значительны ни были ихъ политическія права и автономія. Но исторія выработала, подъ вліяніемъ различныхъ условій, нѣсколько особенныхъ формъ строенія государственныхъ тѣлъ, имѣющихъ интересъ для государственнаго права и

получающихъ особенное значеніе въ правѣ международномъ вслѣдствіе своеобразнаго положенія этихъ формъ въ международномъ союзѣ. Эти особенныя формы слѣдующія: § I) Государства полунезависимыя и состоящія подѣ протекторатомъ; § II) Государства соединенныя. Ихъ 2 типа: 1) унія личная (*unio personalis*) и 2) унія реальная (*unio realis*); § III) Особый видъ соединенія государствъ, именно—сложныя государства, которыя тоже могутъ бытъ подведены подѣ 2 господствующіе типа: 1) союзъ государствъ (*Staatenbund, Confederatio*) и 2) союзное государство (*Bundesstaat, Federatio*).

§ I) Государства полунезависимыя и состоящія подѣ протекторатомъ.

1) Подѣ именемъ полунезависимаго государства слѣдуетъ понимать державу, обладающую полнымъ внутреннимъ суверенитетомъ, но лишенную суверенитета внѣшняго, поглощаемого государствомъ—сюзереннымъ. Что же касается до государства, состоящаго подѣ протекторатомъ, то оно лишено внѣшняго суверенитета (какъ и полунезависимое), а внутренній суверенитетъ его тоже ограниченъ контролемъ и *de jure* установленнымъ правомъ вмѣшательства сюзеренной державы во внутреннія дѣла протектируемаго государства, которое такимъ образомъ напоминаетъ провинцію съ большою политическою автономіею. Но различіе между послѣднею и протектируемымъ государствомъ въ томъ, что провинція не имѣетъ отдѣльной верховной власти, держава же, состоящая подѣ протекторатомъ, считается обладающею стдѣльной отъ протектора верховною властью.

Ничего не можетъ бытъ нептъне юридическаго положенія этихъ государствъ. Понятіе о государствѣ, какъ о высшей политической организаціи, необходимо предполагаетъ суверенитетъ съ двумя его сторонами—верховенствомъ внутреннимъ и внѣшнимъ, взаимно связанными и другъ друга пополняющими. По этому отнятіе у государства его внѣшней независимости и самостоятельности, лишеніе его правоспособности и дѣеспособности въ международномъ союзѣ—есть обезличеніе юридической персоны государства, уничтоженіе самыхъ основаній понятія о государственномъ тѣлѣ, которое всегда должно бытъ субъектомъ международного права.

Основную идею такихъ государствъ должно искать въ порядкахъ феодализма, допускавшаго самыя уродливыя сочетанія и компромиссы между верховными властями, формы политическихъ отношеній, совершенно непонятныя и невозможныя въ современномъ социальномъ и политическомъ укладѣ обществъ. Но феодальный порядокъ, въ отличительныхъ и главныхъ чертахъ его, давно погибъ на Западѣ, между тѣмъ полунезависимость и протектируемое государство существуютъ и понынь. Это объясняется исторически: стремленіемъ примирить часто противоположные интересы народовъ, при опасеніи дать развиваться и окончательно упрочиться естественному, историческому ходу вещей. Отсюда компромиссы, случайныя, уродливыя комбинаціи, которыми думали, задержавъ наступленіе порядка вещей, признаваемаго за опасный, въ то же время удовлетворить законнымъ и окончательно неотвратимымъ по-

бужденіямъ, толкавшимъ племена къ составленію независимыхъ государственныхъ тѣлъ. Вотъ почему законъ существованія этихъ уродливыхъ государствъ на Западѣ и въ мірѣ нецивилизованномъ весьма различенъ. *На Западѣ государства полунезависимыя и протектируемыя, какъ случайное наслѣдіе феодалима, почти все погибли или имѣютъ исчезнуть въ самомъ непродолжительномъ времени. На Востокъ же, и вообще въ странахъ низшей культуры, они созданы дипломатією, пытавшеюся задержать національныя стремленія къ выдѣленію и образованію независимыхъ государствъ.* Но и здѣсь дипломатія вынуждена была шагъ за шагомъ дѣлать уступки, которыя постепенно приводили къ тому, что извѣстныя земли, состоя сперва въ разрядѣ обыкновенныхъ провинцій, переходили потомъ къ состоянію провинцій автономныхъ, затѣмъ—полунезависимыхъ государствъ; но послѣднее положеніе являлось тамъ условнымъ и переходнымъ, всегда заканчиваясь (или видимо стремясь къ этому) полученіемъ полной независимости, т. е. обращаясь въ состояніе (нормальное) государства, обладающаго суверенитетомъ внутреннимъ и внѣшнимъ. Интересъ же который ощущалъ международный союзъ въ этихъ переходныхъ созданіяхъ, выражался въ томъ, что состоянія полунезависимости и протектората получали санкцію коллективную, или же прямо создавались коллективно, охранялись международнымъ союзомъ.

Юридическія послѣдствія состоянія полунезависимости и состоянія подъ протекторатомъ. Такъ какъ такія государства лишены внѣшняго суверенитета и не входятъ прямо и непосредственно въ международ. общеніе, то они не могутъ имѣть ни самостоятельнаго представительства въ международ. союзъ, т. е. права принимать и посылать дипломатическихъ агентовъ, ни самостоятельной дѣятельности, выражающейся въ правѣ заключать трактаты политическаго характера. *Stricto jure*, эти неполныя государства не должны бы имѣть ни права посылать и принимать консуловъ, ни права заключать договоры соціального свойства, напр. торговыя конвенціи, трактаты о выдачѣ преступниковъ и т. п. Но юридическое и особенно фактическое положеніе этихъ государствъ вызвано, въ качествѣ положенія переходнаго, вышеуказанными особенными причинами; поэтому, *эти державы нерѣдко пользовались* (особенно на Востокѣ) *правомъ заключать нѣкоторые международ. договоры соціального или полицейскаго характера, принимать и посылать консуловъ, подъ условіемъ, чтобы пользованіе этими правами не противорѣчило правамъ сюзеренной державы и заключаемымъ ею договорамъ.* До послѣдняго времени было почти общепризнано, что полунезависимыя государства не могли ни объявлять войны, ни вступать въ союзы оборонительные и наступательные безъ согласія сюзерена, почему война, объявленная государству полунезависимому, была объявленіемъ войны сюзеренной державѣ, а всякое нападеніе на полунезависимую державу должно было создавать для сюзеренной обязанность оказанія военной помощи вассалу. Такой взглядъ былъ высказанъ бывшимъ княземъ Болгаріи, принцемъ Александромъ Баттенбергскимъ, во время нападенія Сербіи на Болгарію, которое болгарскій князь разсматривалъ, какъ объявленіе войны Сербією

Турціи. Но прежде всего очевидно, что у полунезависимаго или протектируемаго государства невозможно отнять права войны оборонительной (хотя бы безъ вѣдѣнія и даже согласія сюзеренной страны), такъ какъ оно проистекаетъ изъ права на самосохраненіе той внутренней независимости и того вассальнаго положенія, въ которыхъ состоитъ подверженное нападенію государство. Въ послѣднее время выдвинуто въ литературѣ мнѣніе, идущее еще дальше (Роленъ-Жакменъ): къ положенію полунезависимости надлежитъ примѣнять правила, принятыя феодальнымъ порядкомъ и правомъ; но послѣднія допускали за вассаломъ самостоятельное право войны съ иноземными государствами, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже право войны противъ сюзеренной державы. Во всякомъ случаѣ положеніе полунезависимости или протектората, если оно гарантировано коллективною санкціею междунаро. союза, не можетъ быть измѣнено къ худшему исходомъ войны безъ согласія (коллективнаго) гарантовъ.

Отношенія этихъ государствъ къ сюзеренному покоятся на юридически признанной по договору подчиненности ихъ въ качествѣ вассаловъ другой (сюзеренной) державѣ. Эта подчиненность выражается для полунезависимаго государства въ утвержденіи сюзереномъ главы верховной власти, иногда въ платежѣ дани, вообще въ различныхъ знакахъ и проявленіяхъ вассальническихъ отношеній, характеръ которыхъ вполнѣ зависитъ отъ степени политической силы, отъ авторитета государства полунезависимаго. Понятно, что сюзеренъ вполнѣ завладѣваетъ (исключеніе см. выше) внѣшнимъ суверенитетомъ вассала, а по отношенію къ державѣ протектируемой власть высшая имѣетъ еще и права контроля и вмѣшательства во внутреннее управленіе страны подчиненной. Иногда сюзеринитетъ является сложнымъ, т. е. представляется двумя или нѣсколькими иноземными правительствами, имѣющими совмѣстное право на контроль надъ внѣшнею дѣятельностью вассала, а по отношенію къ протектируемой державѣ право совмѣстнаго вмѣшательства и контроля и надъ внутреннею сферою управленія подчиненной страны. Послѣднее положеніе (совмѣстнаго сюзеринитета) особенно уродливо и тяжело для вассала, который представляетъ изъ себя арену и жертву борьбы нѣсколькихъ сильныхъ и соперничающихъ державъ.

II. Изъ полунезависимыхъ государствъ Востока, перешедшихъ къ состоянію полной независимости, можно указать на Румынію (Молдаво-Валахію) и Сербію, (Черногорія всегда была вполнѣ независимою отъ Турціи державою, но Порта признала ее формально только на Берлинскомъ конгрессѣ), состоявшія въ вассальныхъ отношеніяхъ къ туркамъ. Благодаря покровительству Россіи, Молдавія и Валахія получили трактатомъ 1774 г., Бухарестскимъ договоромъ 1812 г., Аккерманскою конвенціею 1826 г., и Адрианопольскимъ трактатомъ 1829 г. гарантіи полной внутренней автономіи: „господари“ (князья) Молдавіи и отдѣльно для Валахіи избирались населеніемъ, утверждались султаномъ и платили ему опредѣленную дань. Такое же положеніе создано трактатомъ 1812 г. и конвенціею 1826 г. и для Сербіи, что подтверждено Парижскимъ трактатомъ 1856 г., когда уже Европа сдѣлалась коллективною по-

кровительницею *Сербіи и Молдаво-Валахій*. Изъ послѣднихъ Парижская конференція 1858 г., думала создать „соединенныя княжества Молдавіи и Валахіи“, съ отдѣльными государственными учрежденіями и господарями, избираемыми населеніемъ для каждой изъ нихъ и утверждаемыми султаномъ. Но уже въ 1859 г. великія державы признали полковника Кузу, избраннаго населеніемъ въ Молдавіи и Валахіи, господаремъ „Румынскаго княжества“, которое такъ мало считалось со своею полунезависимостью, что вело даже самостоятельныя дипломатическія сношенія (съ 1866 г. въ Румыніи революціею выдвинута новая династія Карла Гогенцолернскаго). Страхнуть съ себя турецкое иго старалась и Сербія и ей удалось въ 60 годахъ добиться отъ великихъ державъ удаленія турецкихъ гарнизоновъ, занимавшихъ по трактату 1856 г. сербскія крѣпости. Наконецъ *Берлинскій конгрессъ 1878 г.* создалъ изъ *Сербіи и Румыніи* вполне независимыя державы.

Тотъ же *Берлинскій трактатъ (1878)* создалъ для *Болгаріи*, бывшей провинціи, *переходное состояніе полунезависимости*. Она обязана платить дань султану, болгарскій князь избирается населеніемъ, но утверждается султаномъ, все трактаты *Турціи* (и капитуляціи о консульской юрисдикціи) сохраняютъ силу и для *Болгаріи*, а подданные князя, внѣ *Болгаріи* пребывающіе, подчинены властямъ и законамъ *Турціи*. Національное болгарское собраніе должно было выработать органической внутренней уставъ княжества. Такимъ образомъ *полунезависимое положеніе Болгаріи* создано и взято подъ коллективную охрану международного союза (проф. Эйхельманъ не признаетъ въ противность господствующему мнѣнію, за Болгаріей положеніе полунезависимой державы).

De jure состоятъ еще въ положеніи полунезависимости туземные князья въ *англійской Индіи* и индійскія племена *Соед. Штатовъ Сѣв. Америки*, а также ханство *Хивинское* по отношенію къ *Россіи*; ханъ (договоръ 1873 г.) есть „покорный слуга Императора *Всероссійскаго*“, не можетъ имѣть независимыхъ внѣшнихъ отношеній къ сосѣдямъ, ни заключать съ ними трактатовъ, ни воевать съ ними безъ разрѣшенія русскаго правительства, которое (въ лицѣ генераль-губернатора *Туркестанскаго*) контролируетъ и все дипломатическія сношенія хана. Такимъ образомъ *ханство Хивинское* являетъ изъ себя въ настоящее время *наибольше чистый типъ полунезависимаго государства*. На югѣ *Африки* состоитъ подъ сюзеренитетомъ *Англій*, контролирующей одни внѣшнія сношенія, „*Трансваальская республика*“.

Въ настоящее время примѣромъ *полунезависимаго государства*, состоящаго подъ сложнымъ сюзеренитетомъ, является *Тунисъ*. До послѣдняго времени самъ тунисскій бей, утверждавшійся султаномъ и платившій ему дань, равно какъ и европейскія правительства (и русское), признававшія *Порту* отвѣтственною за пиратство тунисскихъ морскихъ разбойниковъ, разсматривали *Тунисъ* какъ государство полунезависимое. Но въ 1881 году. *Франція* заключила съ тунисскимъ беемъ трактатъ, по которому бей призналъ надъ собою „протекторатъ *Франціи*“, что выражается не только въ подчиненіи внѣшнихъ сношеній *Туниса* контролю французскаго министра-президента, но, на основаніи трактата

1883 г., и въ обязательствѣ бея вводить въ Тунисъ, по указаніямъ Франціи, реформы въ области управленія, суда и предоставить ей контроль надъ государственными долгами Туниса. Такимъ образомъ договоръ 1883 г. переводитъ уже Тунисъ въ разрядъ государствъ, состоящихъ подъ протекторатомъ (Эйхельманъ). Но такъ какъ вассальныя отношенія бея къ Турціи не отмѣнены ни отказомъ послѣдней, ни международнымъ договоромъ, то Тунисъ долженъ быть разсматриваемъ какъ держава полунезависимая по отношенію къ Турціи и состоящая въ то же время подъ протекторатомъ Франціи. Права обѣихъ державъ могутъ приходиться въ постоянное столкновеніе.

Изъ западно-европейскихъ полунезависимыхъ государствъ можно указать лишь на одну ничтожную, но весьма древнюю республику—Санъ-Марино, состоящую подъ сюзеренитетомъ Италіи съ 1862 г.

Изъ восточныхъ государствъ, состоявшихъ подъ простымъ протекторатомъ, можно указать на Ионическіе острова. Вѣнскій конгрессъ отдалъ ихъ подъ протекторатъ Англіи, которая не только вѣдала всѣ международныя сношенія острововъ, но и имѣла высшій контроль и право вмѣшательства во внутреннее ихъ управленіе чрезъ посредство особаго органа (англійскаго лорда-коммиссара). Въ 1863 г. Ионическіе острова присоединены къ Греціи. *Изъ существующихъ же въ настоящее время на Востокъ многочисленныхъ случаевъ простаго протектората, практикуемаго разными великими державами (Англією, Соед. Штатами Сѣв. Америки, Германією и Францією), можно указать, въ видѣ примѣровъ, на протекторатъ, принадлежащій Франціи надъ Мадагаскаромъ, Камбоджей, Тонкиномъ и Аннамомъ.* Общія черты всѣхъ договоровъ, устанавливающихъ протекторатъ европейскихъ державъ, выражаются въ томъ, что дипломатическіе и консульскіе агенты протектора представляютъ и охраняютъ въ сферѣ международныхъ сношеній протектируемыя государства, а равно и ихъ подданныхъ въ иностранныхъ государствахъ; протектируемое государство можетъ оставаться нейтральнымъ въ войнѣ протектора; права протектора распространяются и на упорядоченіе различныхъ отраслей управленія покровительствуемой страны (Эйхельманъ). Наконецъ, Черногорія состоитъ (съ 1878 г.) подъ протекторатомъ Австро-Венгріи, принятымъ подъ коллективную гарантію Европы. Особенность положенія Черногоріи въ томъ, что *de jure* международныя отношенія ея независимы, но она не обладаетъ ни своими консулами, ни своимъ консульскимъ уставомъ. Въ ней дѣйствуютъ австро-венгерскіе консулы и консульскій уставъ, морскіе законы Далмаціи; *изъ области же внутренняго управленія у Черногоріи отняты полицейскій, морской и санитарный надзоръ въ Антивари и по всему черногорскому побережью и переданъ Австро-Венгріи.* Т. е. положеніе Черногоріи—что-то очень уродливое, нѣчто смѣшанное изъ юридическихъ послѣдствій состоянія полунезависимости и протектируемаго государства.

Изъ восточныхъ государствъ, состоящихъ въ настоящее время подъ сложнымъ протекторатомъ, можно указать на Египетъ. До недавняго времени Египетъ былъ полунезависимымъ государствомъ подъ сюзеренитетомъ Порты; это положеніе его было гарантировано Австріей, Англіей,

Пруссіей и Россіей (съ согласія Турціи) Лондонскою конвенціею 1840 г., при посредствѣ которой 4 державы, въ видахъ обезпеченія неприкосновенности и цѣлости Турецкой монархіи, которой угрожало возстаніе египетскаго генераль-губернатора Мегмета-Али паши, отдѣлившагося отъ Турціи, установили, что египетскій хедивъ пользуется внутреннею автономіею, но не обладаетъ самостоятельными международными сношеніями, происходящими при посредствѣ султанскаго правительства, которое располагаетъ и военными силами Египта. И хотя права хедива постепенно расширялись (Турція согласилась на признаніе наследственности египетскаго престола, а въ 1873 г. даже на признаніе за Египтомъ права заключать торговые договоры), тѣмъ не менѣе Египетъ оставался полунезависимою державою по отношенію къ одной Турціи. Съ учрежденіемъ же смѣшанныхъ судовъ, а въ особенности съ учрежденіемъ въ Египтъ (1885 г.) постоянной финансовой коммисіи изъ представителей Англій и Франціи, контролирующей все финансовое управленіе Египта, послѣдній очутился въ очень странномъ и сложномъ положеніи: сюзеренныя права Порты (Лондонская конвенція 1840 г.) сохраняютъ свою силу, но протекторатъ, т. е. право контроля и вмѣшательства во внутреннія дѣла (въ финансы государства), установленъ соглашеніемъ между Англіей и Франціей (на правахъ равенства) въ пользу этихъ двухъ державъ. Послѣ же оккупации англійскими войсками Египта (въ 1882 г.) фактически вліяніе Англій почти совершенно вытѣснило права Франціи. Такимъ образомъ, Египетъ состоитъ теперь подъ сюзеренитетомъ Порты, гарантированнымъ Лондонскою конвенціею 1840 г. и подъ юридическимъ протекторатомъ (по отношенію къ внутреннимъ дѣламъ) Франціи и Англій, фактически же подъ полнымъ протекторатомъ одной Англій, при чемъ Турція имѣетъ лишь одно *pidum jus*.

Изъ западно-европейскихъ государствъ, нынѣ еще состоящихъ подъ простымъ протекторатомъ, который несомнѣнно окончится полнымъ поглощеніемъ этихъ государствъ, можно указать на княжество Монако (въ графствѣ Ницца, во Франціи), состоящее съ 1861 г. подъ протекторатомъ Франціи, введшей тамъ свою таможенную систему и администрацію таможенной части; изъ государствъ же, состоящихъ подъ сложнымъ протекторатомъ, можно указать на республику Андору (въ Пиренеяхъ); протекторатъ надъ ней имѣютъ (съ 1881 г.) Франція совместно съ епископомъ Урельскимъ (въ Испаніи), т. е. съ лицомъ, подчиненнымъ чужеземной государственной власти. Епископъ и Французское правительство посылаютъ въ Андору своихъ комиссаровъ, контролирующихъ внутренній порядокъ республики.

Изъ прежде существовавшихъ сложныхъ протекторатовъ должно упомянуть о Краковской республикѣ, объявленной Вѣнскимъ конгрессомъ „нейтральною“ и состоящею подъ коллективнымъ покровительствомъ Россіи, Австріи Пруссіи, которыя получили право вмѣшательства во внутреннія дѣла „независимой республики“, въ видахъ наблюденія за тѣмъ, чтобы территория Кракова не служила убѣжищемъ политическимъ преступникамъ и агитаторамъ-полякамъ. Въ 1846 г. Краковъ инкорпорированъ Австріею, не смотря на протесты Англій, Франціи и Швеціи.

III) Имѣются и нѣкоторыя провинціи (всегда на Востокѣ), пользующіяся особымъ международнымъ положеніемъ (подъ коллективную гарантію державъ), благодаря различнымъ политическимъ и социальнымъ осложненіямъ въ нихъ, вызвавшимъ вниманіе международного союза и принятіе имъ мѣръ къ созданію особаго *modus vivendi* для этихъ провинцій. Таково положеніе Сиріи и Восточной Румелии. Вслѣдствіе избіенія въ 1860 г. въ Сиріи христіанъ, вызвавшаго вмѣшательство Франціи (по постановленію Парижской конференціи), выработанъ былъ европейскою комиссіею особый регламентъ (въ 1864 г.), дающій христіанскому населенію Сиріи гарантію въ назначеніи Турціею генералъ-губернатора съ согласія державъ. *Восточная Румелия есть* (на основаніи Берлинскаго трактата) провинція Турціи, подъ непосредственною „политическою и военною властью султана“. Но внутренняя автономія ея очень широка и находится подъ защитою державъ, подписавшихъ акты Берлинскаго конгресса; она имѣетъ особаго генералъ-губернатора изъ христіанъ (на блѣтъ, съ „согласія“ державъ), охраняющаго внутренній порядокъ милиціею изъ туземцевъ, офицеры которой назначаются султаномъ, всецѣло заботящимся о защитѣ страны. При этомъ генералъ-губернаторъ въ правѣ призывать турецкія (но только регулярныя) войска при нападении извнѣ или внутренней революціи (подъ контролемъ европейскихъ посланниковъ въ Константинополѣ). Въ 1886 г. Восточная Румелия соединена съ Болгаріею, но пока въ формѣ временной и непрочной связи въ лицѣ князя болгарскаго, признаннаго на 5 лѣтъ генералъ-губернаторомъ Восточной Румелии. Очевидно, что это—переходное состояніе, которое должно привести къ полному сліянію Восточной Румелии и Болгаріи.

§ II) Соединеніе государствъ (элементарная, простая форма).

Нужно различать двѣ типичныя формы этого соединенія: I) личная унія (*unio personalis*) и II) реальная унія (*unio realis*). Вѣрно замѣчаетъ Йеллинекъ, что ученіе объ уніяхъ, или соединеніяхъ нѣсколькихъ государствъ подъ властью одного монарха, до настоящаго времени представляетъ изъ себя смѣшеніе понятій. Это видно изъ того, что нѣкоторые писатели (напр. Кальво), не только смѣшиваютъ инкорпорацию съ уніями, но серьезно причисляютъ Швецію—Норвегію къ типу личной уніи, другіе же (напримѣръ проф. Эйхельманъ) раздѣляютъ уніи на „случайную“ (всегда личную и временную) и „органическую“ (вѣчную), которая тоже можетъ быть личною (Бельгія—Конго и Швеція—Норвегія) или въ „тоже время“ и реальною (Австро-Венгрія). „Органическою“ она будетъ потому, что основывается на особомъ, такъ называемомъ органическомъ (постоянномъ) государственномъ актѣ. Наконецъ, финляндскіе писатели (а за ними нѣкоторые европейскіе), напримѣръ сенаторъ Мехелинъ, утверждаютъ, что Финляндія состоитъ съ Россіей въ связи уніи. Все это происходитъ отъ неустойчивости въ понятіяхъ; избѣгнуть ошибокъ можно только установленіемъ и разграниченіемъ понятій. Йеллинекъ раздѣляетъ всѣ соединенія государствъ на 4 разряда: 1) инкорпорация, когда земля утратила свою юридическую независимость, но пользуется нѣкоторою историческою самобытностью, 2) союзное государство, когда отдѣльные члены остаются государствами, но несuverенными, 3) реальная унія

когда государства (члены) вступили въ соединеніе по общему взаимному соглашенію, и 4) когда они соединились не юридически, а только въ лицѣ монарха, что составляетъ личную унію. Но страна инкорпорированная, хотя бы и сохранившая широкую автономію и если бы даже послѣдняя стояла подѣ защитою трактатовъ и подѣ коллективною охраною державъ, есть уже не соединеніе въ узкомъ, нами принимаемомъ смыслѣ, двухъ державъ, а унитарное государство. Второе соединеніе (союзное государство) можно выдѣлить въ особый видъ соединенія государствъ, который можно назвать сложнымъ государствомъ; и лишь третье и четвертое относятся къ этому типу простаго соединенія государствъ.

I. *Личная унія.* Теллинекъ опредѣляетъ личную унію (Personal union), сложившуюся подѣ вліяніемъ идей объ абсолютной монархіи, какъ „юридически-случайное соединеніе нѣсколькихъ государствъ (исторически — всегда только два) подѣ властью одного монарха“. Съ точки зрѣнія международнаго права болѣе полнымъ и характернымъ будетъ такое опредѣленіе— „случайное соединеніе двухъ государствъ въ лицѣ одного монарха, съ сохраненіемъ за каждымъ изъ нихъ полной внутренней и внешней независимости (суверенитета). Отсюда слѣдующія, логически вытекающія юридическія положенія: связь между частями слабая, всѣ учрежденія, „кромѣ двора самого государя“, какъ говоритъ Теллинекъ, раздѣльны, каждый членъ (государство) уніи вполне самостоятеленъ и независимъ отъ другаго въ области внешнихъ отношеній и внутренняго законодательства и управленія; у каждого, слѣдовательно, свое представительство за границею, свое право на заключеніе договоровъ, своя политика внутренняя и внешняя. Непослѣдовательно съ юридической стороны отрицать у членовъ право войны другъ противъ друга, какъ это дѣлаетъ Теллинекъ, хотя *de facto*, въ виду общности монарха, избѣгали непосредственно воевать другъ съ другомъ. Но и *de jure* и *de facto* нѣредко одно государство состояло въ войнѣ, тогда какъ другое, соединенное съ нимъ, оставалось нейтральнымъ. Соединенія этого рода—отчасти плодъ патримоніальнаго воззрѣнія на государство, отчасти же—династической политики государей; поэтому, оно всегда встрѣчалось только между монархіями, всегда было слабо и склонно къ распаденію; въ наше время оно не имѣетъ подѣ собою твердой опоры ни въ государственномъ правѣ и національной политикѣ державъ, ни въ требованіяхъ международнаго порядка. Теперь существуетъ только одно такое соединеніе—государства Конго съ Бельгійскимъ королемъ (съ 1885 г.). Это соединеніе есть единственный примѣръ „вѣчной“ личной уніи; всѣ другія соединенія бывали лишь болѣе или менѣе продолжительными, почему „временность“ соединенія признавалась многими писателями однимъ изъ существенныхъ признаковъ „личной уніи“. Всѣ остальные личныя соединенія исчезли (не существуетъ съ 1890 г. личное соединеніе Голландіи и Люксембурга, созданное актами Вѣнскаго конгресса и подтвержденное Лондонскою конференціею 1867 г.). Личныя уніи возникали чаще всего совпаденіемъ законовъ династическаго наслѣдованія двухъ государствъ въ одномъ лицѣ (напримѣръ, соединеніе княжества Невшательскаго съ Прусскою короною; оно окончилось въ 1857 г., когда

Невшатель сталъ кантономъ Швейцаріи). Наболѣе продолжительно было соединеніе (съ 1714 по 1837 г.) Англійи съ Ганноверомъ, окончившееся потому, что законы наслѣдованія престола въ Ганноверѣ не совпали при королевѣ Викторіи съ англійскими, не знающими салического закона, исключющаго женщинъ изъ престолонаслѣдія. Нерѣдко, впрочемъ, личная унія возникала и вслѣдствіе избранія царствовавшаго уже государя, на примѣръ неоднократно соединенія Саксоніи съ Польшею, сеймъ которой избиралъ курфюрстовъ Саксонскихъ королями Польскими, соединеніе (въ 1519 г.) Испаніи съ Германскою имперіею при Карлѣ V.

II. *Унія реальная* (unio realis, real union). Нѣкоторые писатели (на примѣръ Шульце) принимаютъ ее за чисто государственную форму соединенія, возникающую въ силу закона. Члены этого государственнаго соединенія, обладая, по мнѣнію Шульце, нѣкоторою политическою самостоятельностью, устанавливаютъ между собою по основному закону извѣстные общіе государственные органы, почему реальная унія возможна и между республиками. *Но другіе (Теллинекъ, Бри) относятъ ее къ международнымъ формамъ соединенія, возможнымъ только между монархіями* (по Теллинеку—лишь между монархіями ограниченными, такъ какъ въ монархіяхъ неограниченныхъ реальная унія легко переходитъ въ инкорпорацию). Основаніе этой уніи, по Теллинеку, лежитъ въ такомъ соединеніи самостоятельныхъ государствъ, которое можетъ образоваться не по закону, а лишь по взаимному соглашенію, необходимо предполагающему договоръ. Ей присущи—общность, созданная по договору, а потому и суверенитетъ отдѣльныхъ членовъ, общая цѣль—по крайней мѣрѣ внѣшняя безопасность и выраженіе этой общности въ организациі общаго органа, т. е. признаки, свойственные и союзу государствъ. Но *въ отличіе отъ послѣдняго, государства, связанная реальною уніею, болѣе или менѣе прочно соединяются въ особъ царствующаго государя или династіи и обладаютъ центральными объединяющими учрежденіями*; поэтому эта форма уніи является соединеніемъ самихъ государствъ. Это соединеніе, болѣе прочное, нежели предыдущее, или союзъ государствъ, можетъ быть, по мнѣнію Теллинека, юридически расторгнуто (по мнѣнію Бри лишь по общему соглашенію государствъ, составляющихъ реальную унію), что не допускается, однако, большинствомъ писателей. Последнее мнѣніе не можетъ быть принято:—всякій договоръ равноправныхъ субъектовъ можетъ быть уничтоженъ согласіемъ воль контрагентовъ.

Съ точки зрѣнія международнаго права можно дать слѣдующее опредѣленіе реальной уніи: прочное договорное соединеніе независимыхъ государствъ въ лицѣ единой династіи, съ общими учрежденіями, съ сохраненіемъ за каждымъ изъ нихъ внутренняго суверенитета и съ поглощеніемъ внѣшняго суверенитета членовъ внѣшнимъ суверенитетомъ единаго предъ лицомъ междунар. союза государства. Отсюда слѣдующія юридическія послѣдствія: оба государства—единая, нераздѣльная личность въ междунар. отношеніяхъ; цѣлое посылаетъ и принимаетъ пословъ, заключаетъ всякіе трактаты, обязательные для членовъ, хотя заключаемый договоръ и можетъ имѣть въ виду интересы одного изъ государствъ (напр. торговые его интересы); миръ и война одинаково относятся къ обоимъ

членамъ, союзъ или нападеніе для одного изъ нихъ есть союзъ или нападеніе и для другого; о войнѣ между членами не можетъ быть и рѣчи, равно какъ и о нейтралитетѣ одного когда другой находится въ состояніи войны. Имѣя цѣлью по преимуществу защиту внѣшней безопасности, долгое сожитіе государствъ въ реальной уніи можетъ создать постепенно и общіе внутренніе интересы, что и выразится въ одинаковомъ законодательствѣ, напр. въ общей монетной регалии, въ таможенной системѣ. Но въ принципѣ *объ части совершенно независимы* (суверенны) *въ области внутренняго законодательства, управленія и суда. Общія же учрежденія, предусматривая ихъ взаимные внѣшніе интересы, указываютъ и способы соглашенія по этимъ общимъ вопросамъ и выходъ изъ затрудненія на случай недоразумѣній и столкновеній между интересами членовъ.* Въ случаѣ прекращенія династіи органическіе законы обоихъ членовъ должны предусматривать способъ избранія главы новой династіи. Если въ договорѣ о соединеніи не указано выхода изъ этого положенія, то оба члена *ipso jure* получаютъ полную независимость и связь уніи между ними прекращается.

Примѣрами реальной уніи служатъ: Швеція и Норвеія и Австро-Венгрія. Въ основѣ реального соединенія Швеціи и Норвегіи (которое нѣкоторые писатели, напр. Кальво и Филлиморъ, неправильно называютъ „личнымъ соединеніемъ“, а проф. Эйхельманъ „органическою“, по то же „личною“ уніею) лежитъ трактатъ 1814 г., заключенный между ними въ Моссѣ. По этому договору, разсматривающему оба государства какъ равноправныя, Норвегія сохранила полнѣйшую независимость въ области законодательства, администраціи и суда, свое политическое устройство, существенно разнящееся отъ Шведскаго, но, исчезая какъ личность въ междунар. союзѣ, образуетъ, въ лицѣ общей династіи, со Швеціею единое государство въ сферѣ междунар. отношеній. Всякій договоръ долженъ быть одобренъ народными представителями Швеціи и Норвегіи, участіе ихъ въ войнѣ обоюдно и неразрывно; при королѣ организованъ особый „соединенный государ. совѣтъ“ изъ представителей отъ Швеціи и Норвегіи, обязанный давать королю совѣты по дѣламъ иностранныхъ сношеній (Эйхельманъ). На случай же прекращенія царствующей династіи, законодательныя собранія Швеціи и Норвегіи отдѣльно избираютъ новаго короля. Если же выборъ ихъ палъ на разныхъ кандидатовъ, то образуется сводный „комитетъ изъ 72 уполномоченныхъ“ (по 36 отъ cadaго изъ собраній), который и избираетъ окончательно (закрытымъ голосованіемъ) короля изъ 2 кандидатовъ (Эйхельманъ). Что же касается до Австро-Венгрии, то *еще древнѣйшіе памятники законодательства* (начиная съ завѣщанія Императора Фердинанда I отъ 1543 г. и кончая прокламаціею Вѣнскаго правительства о „нераздѣльности“ Венгрии и Австріи, изданною послѣ возстанія 1848 г.) *не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что Австро-Венгрія соединены реальной уніею, названною въ нѣкоторыхъ памятникахъ „вѣчно нераздѣльнымъ государствомъ“.* Но конституція 1867 г., создавъ (по мысли графа Бейста) такъ называемую дуалистическую систему управленія, дала многимъ писателямъ (напр. Треверсъ-Твиссу, Функъ-

Брентано и Сорелю) поводъ видѣть въ Венгріи государство вполнѣ независимое внутри и внѣ. Это мнѣніе (отвергаемое Кальво и Бри) не можетъ быть принято: Венгрія обладаетъ (съ землями Венгерской короны, или Транслейтаніей), полнымъ внутреннимъ суверенитетомъ, т. е. независимымъ законодательствомъ, судомъ, администраціею, даже собственными военными силами, собственнымъ парламентомъ (изъ 2 палатъ) и министерствомъ; но *внѣшній ея суверенитетъ поглощенъ* (вмѣстѣ съ суверенитетомъ земель Австрійскихъ, т. е. Цислейтаніи, тоже обладающихъ полною внутреннею независимостью, своимъ парламентомъ и министерствомъ) *единымъ цѣлымъ въ лицѣ Австрійскаго Императора, Короля Венгерскаго, чрезъ посредство котораго Австрія и Венгрія, какъ нераздѣльное цѣлое, представляются въ междунар. отношеніяхъ со всеми вытекающими отсюда юридическими послѣдствіями. Общіе обоимъ членамъ этой уніи интересы выражаются въ общихъ для нихъ органахъ.* Цѣль этого „вѣчнаго“ союза между обоими государствами—взаимное охраненіе международной безопасности. Связь между Австріей и Венгріей выражается не только въ принадлежности престоловъ обѣихъ странъ одному государю изъ династіи Габсбурговъ, но и въ объединеніи внѣшней политики и междунар. представительства обоихъ государствъ, части военнаго и финансоваго управленія. Для веденія общихъ дѣлъ и защиты общихъ интересовъ обѣ державы обладаютъ особыми союзными учрежденіями— „имперское министерство“ и „делегаціи“. Послѣднія, будучи отдѣльны для Австріи и Венгріи, избираются палатами этихъ государствъ. Но „делегаціи“ голосуютъ вмѣстѣ лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Объединеніе же внутренней экономической политики достигается тѣмъ, что обѣ стороны условливаются чрезъ каждыя 10 лѣтъ обѣ общихъ принципахъ ихъ законодательства и управленія. (Эйхельманъ).

Существуютъ уклоненія отъ чистаго типа реальной уніи, въ формѣ такъ называемой *неравной реальной уніи* (*unio realis inaequalis*), куда нѣкоторые писатели относятъ Кроацію и Славонію по отношенію къ Венгріи; другіе признаютъ Кроацію и Венгрію вполнѣ подходящими подъ типъ реальной уніи. *Нельзя отрицать возможности существованія уклоненій отъ чистаго типа реальной уніи; но, какъ вѣрно замѣтилъ Теллинекъ, Кроація и Славонія—провинціи Венгріи съ громадною внутреннею автономіей, которую нельзя отмѣнить безъ ихъ согласія.*

III. Что же касается, наконецъ, до *Польши и Финляндіи, то ни та ни другая никогда не были и не состоятъ ни въ реальной, ни въ личной уніи съ Россіею.* Прежніе писатели видѣли реальную унію въ связи Польши съ Россіею, изъ современныхъ нѣкоторые (напр. Кальво) видятъ въ этомъ соединеніи какую-то особенную „унію чрезъ посредство инкорпораціи“, т. е. прямо смѣшиваютъ два понятія, не имѣющія между собою ничего общаго. Между тѣмъ безспорно, что *Польша, оставляя въ сторонѣ незаконность ея раздѣловъ между тремя державами, была актами Вѣнскаго конгресса инкорпорирована въ Россію, составляетъ ея провинцію, которой дана была широкая автономія актами односторонней воли русскихъ государей, а не по договору между Польш-*

шею и Россією, какъ двумя самостоятельными государствами, всегда лежащему въ основаніи реальной уніи. Если же Императоры русскіе именовались „царями польскими“ и нынѣ именуется такъ, то въ этомъ нельзя видѣть признанія независимости Польши, такъ какъ титулъ „царя польскаго“ имѣетъ такое же чисто церемоніальное значеніе, какъ и титулы „царя Казанскаго и Астраханскаго“ и проч., нисколько не указывающихъ на реальное соединеніе Россіи съ Казанью и Астраханью, какъ независимыми державами.

Тоже относительно Финляндіи. Тщетно финляндскій сенаторъ *Мехелинъ* (въ своей „Конституція Финляндіи“, переводъ Ордина, 1888 г.), проф. *Даниельсонъ* и другіе пытаются доказать то, что и ранне (больше по слухамъ и по финляндскимъ одностороннимъ свѣдѣніямъ) утверждалось иностранными публицистами (напр. *Геффкеномъ* и *Бри*), именно— что Финляндія соединена съ Россією связью реальной уніи. Противъ этого высказываются *Теллинекъ*, изъ русскихъ писателей очень рѣшительно проф. *Ф. Мартенсъ*, *Коркуновъ*, *Таганцевъ* и переводчикъ *Мехелина*—г. *Ординъ*. Въ основаніи инкорпорации (присоединенія) Финляндіи, бывшей шведской провинціи, съ Россіей лежитъ не взаимное соглашеніе (договоръ) соединяющихся государствъ (а здѣсь, кстати замѣтить, дѣло шло о государствахъ—Россіи и одной лишь провинціи другого государства—Швеціи), а договоръ (мирный трактатъ) *Фридрихсгамскій* (1809 г.) между побѣдителемъ (Россією) и побѣжденнымъ (Швецією), по которому, въ силу права завоеванія, Финляндія „переходитъ въ полную собственность и верховенство Россійской имперіи и останется присоединенною къ ней“. Можно высказываться противъ права завоеванія и отчужденія побѣдителями отъ побѣжденнаго провинцій безъ согласія ихъ населенія; но право завоеванія стало оспариваться очень недавно, понынѣ признано въ междунар. отношеніяхъ, а прежде (и въ началѣ XIX вѣка всецѣло) оно было господствующимъ въ междунар. отношеніяхъ способомъ пріобрѣтенія верховенства надъ территорією и населеніемъ. Поэтому въ силу давняго права завоеванія, принадлежащаго Россіи надъ Финляндіей, нельзя оспаривать ни его законности, ни вытекающихъ изъ него послѣдствій, освященныхъ договоромъ 1809 г. Впрочемъ, *Бри* и *Мехелинъ* находятъ, что Россія и Финляндія (чины ея, собраныя на сеймѣ въ Борго въ 1809 г.) вели между собою переговоры въ 1809 году, положившіе основаніе ихъ уніи. Но это были не переговоры между независимою Финляндіей и Россією, а переговоры подданныхъ (финляндскаго сейма), собравшихся съ согласія Верховной Власти, съ этою послѣднею на счетъ сохраненія старинныхъ (шведскихъ) правъ и вольностей. Согласіе русскаго государя (Александра I), подтвержденное и послѣдующими государями, на продолженіе дѣйствія въ Финляндіи конституцій 1772 г. и 1789 г., выговоренныхъ въ ея пользу и Швецією, уступившею эту область Россіи, создало право финляндскаго народа на дальнѣйшее пользованіе этими актами односторонней монаршей воли, которые не могутъ быть произвольно отмѣняемы. Но это право населенія на дальнѣйшее пользованіе конституціею само по себѣ нисколько не доказываетъ, что Финляндія и Россія составляютъ unio realis; про-

долженіе существованія финляндскихъ учреждений или измѣненія въ нихъ, вызванныя потребностями времени и общими интересами Имперіи суть дѣло мудрой государственной политики, такъ какъ нельзя въ принципѣ допустить вѣчности и неизмѣнности ни политическаго и соціальнаго строя, ни самихъ международныхъ договоровъ.

§ III. *Особенный видъ соединенія государствъ—сложныя государства.* Союзъ государствъ и союзное государство.

Обѣ формы—весьма интересны, были до послѣдняго времени мало изслѣдованы, а между тѣмъ въ первой изъ нихъ нѣкоторые писатели (напр. Блунчли, Гольцендорфъ) видятъ ту форму, которую призванъ со временемъ принять и международный союзъ. *Союзъ государствъ и союзное государство суть особыя формы (сложныя) соединенія государствъ, изъ которыхъ первый—основанъ на договоръ многихъ государствъ, касается ихъ внешней жизни и имѣетъ характеръ международного соединенія; второе же—создается по закону, касается и внутренней жизни многихъ соединяющихся государствъ и имѣетъ потому характеръ соединенія государственнаго.* Понятно, что обѣ формы создаются въ виду общей цѣли, ведущей къ общимъ органамъ. При относить ихъ къ группѣ организованныхъ соединеній между государствами, возникающихъ въ случаѣ принятія на себя государствами обязанности стремиться къ осуществленію положительнымъ путемъ общей для нихъ цѣли, которую онъ называетъ Staatengemeinwesen (сообщество, общеніе государствъ). Обѣ формы—суть государства, принявшія видъ союзовъ, т. е. создавшія, независимо отъ своихъ членовъ, особые органы для выраженія общей, цѣлостной воли всего ихъ соединенія (Gesamtwillen). *Обѣ формы почти не встрѣчаются въ полномъ, чистомъ ихъ видѣ; народились онъ исторически, начиная всегда съ первой, древнѣйшей формы (союза государствъ).* Послѣдняя при благопріятныхъ условіяхъ, на примѣръ, подъ вліяніемъ процесса національнаго объединенія, постепенно развивая значеніе и авторитетъ центральной власти, переходитъ болѣе или менѣе скоро, смотря по степени центробѣжныхъ стремленій, къ формѣ соединенія государственнаго характера, болѣе объединяющей отдѣльныя части и значительно ограничивающей ихъ внутренній суверенитетъ. Очевидно, что при особенно благопріятныхъ условіяхъ и при продолжительной совмѣстной жизни частей въ формѣ союзнаго государства, нельзя ни предвидѣть, ни положить предѣлъ этому поступательному, объединяющему движенію, которое можетъ закончиться въ отдаленномъ будущемъ полнымъ сліяніемъ, т. е. потерю частями ихъ суверенной независимости, обращеніемъ ихъ въ разрядъ автономныхъ провинцій унитарнаго государства.

I. *Союзъ государствъ (Staatenbund, confederatio).* По мнѣнію Йеллинека онъ покоится на договорѣ, въ немъ всегда сохраняется верховенство за членами, почему союзъ государствъ не есть юридическое лицо, а юридическое отношеніе (взглядъ Роберта Моля), что не препятствуетъ ему выступать въ междунар. отношеніяхъ чѣмъ то цѣльнымъ (свое право войны, посольское право и т. д.). *Очевидная непослѣдовательность: всякій организованный союзъ, съ политическими цѣлями—*

есть юридическая личность. Этот последний характер признают за нимъ другие писатели (Шульце и въ особенности Бри), какъ въ отношеніи союза государствъ къ другимъ членамъ междунар. союза, такъ и въ отношеніяхъ его къ собственнымъ его членамъ. Но, спрашивается, есть ли этотъ союзъ вѣчный и нерасторжимый, или же отдѣльные члены могутъ расторгнуть актъ о союзѣ (nullification) или выйти изъ него (secession)? Теллинекъ, исходя изъ идеи суверенитета членовъ, рѣшаетъ вопросъ въ послѣднемъ смыслѣ; такъ же рѣшала его и американская теорія союза государствъ (теорія Кельгауна), согласно которой власть передана союзу по договору между отдѣльными штатами, которые и сохраняютъ право выхода изъ союза (Южане, отдѣляясь отъ союза въ 1861 г., основывались на этой теоріи). Но Бри рѣшаетъ вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ: части обязаны подчиняться рѣшеніямъ союзной власти, если послѣднія постановлены въ предѣлахъ ея компетенціи, и не имѣютъ права расторженія или выхода изъ союза. Правъ Бри, а не Теллинекъ; первый стоитъ на исторической почвѣ: во всѣхъ органическихъ законахъ союзовъ государствъ всегда установилось положеніе, что союзъ вѣченъ и что власть союза можетъ принуждать членовъ къ повиновенію (напр. экзекуціонное право сейма надъ членами германской конфедераціи). Идею постоянства связи (соединенія) союзъ государствъ существенно отличается отъ реальной уніи, имѣющей съ нимъ (см. § II) существенно общія черты (количество членовъ соединенія не составляетъ существеннаго различія между реальной уніей и союзомъ государствъ): реальная унія существуетъ между монархическими государствами и всегда можетъ прекратиться пресѣченіемъ династіи, если въ договорѣ соединенія не предусматрѣнъ способъ совмѣстнаго избранія монарха, союзъ же государствъ нисколько не затрогивается фактомъ прекращенія въ одномъ изъ государствъ царствующей династіи; при томъ же эта форма вполне мыслима между государствами различныхъ формъ устройства.

Члены союза государствъ—суверенны, но навсегда ограничиваютъ свой суверенитетъ по договору въ пользу союза, который тоже суверененъ, но въ предѣлахъ, всегда ограниченныхъ, указываемыхъ въ самомъ актѣ союза. Существенная черта чистаго типа союза государствъ состоитъ въ томъ, что союзъ не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ гражданамъ отдѣльныхъ государствъ, а только къ послѣднимъ; поэтому представительство въ органахъ союза основано не на избраніи или назначеніи гражданъ, а на избраніи депутатовъ отъ самихъ государствъ (Бри), какъ субъектовъ правъ и обязанностей въ союзѣ. Т. е. въ союзѣ выдерживается идея индивидуализаціи, суверенности частей, съ которыми (а не съ гражданами) и имѣетъ только дѣло союзъ. Въ этихъ чистыхъ (и всегда болѣе древнихъ) формахъ союза государствъ—союзъ располагаетъ не рѣдко особыми исполнительными органами, издаетъ обязательныя распоряженія для частей, но суверенность послѣднихъ настолько выдержана, что союзъ не обладаетъ ни самостоятельными войсками, ни матеріальными средствами для охраны себя внутри и внѣ, а части даютъ ему при надобности и то и другое. Изъ всего сказаннаго ясно, что эта форма соеди-

ненія не прочна, можетъ легко развалиться, мало способна къ проявленію энергіи въ международныхъ отношеніяхъ. Она *всегда переходная форма.*

Съ точки зрѣнія *международнаго права* можно дать такое опредѣленіе союзу государствъ: *постоянное, договорное соединеніе многихъ государствъ, съ слабою союзною властью, обладающею внѣшнимъ суверенитетомъ, и съ сохраненіемъ за отдѣльными государствами внутренняго и внѣшняго ихъ верховенства.* Отсюда слѣдующія *юридическія послѣдствія:* и союзъ и члены имѣютъ свое *международное представительство*, право заключать трактаты, подѣ условіемъ, чтобы отдѣльное представительство членовъ и заключаемые ими договоры съ иноземными правительствами не противорѣчили цѣли союза (чаще всего одна внѣшняя безопасность). За предѣлами этой ограниченной общей цѣли каждый членъ обладаетъ правомъ войны и мира съ иноземными державами и даже противъ другихъ членовъ союза непосредственно или въ союзъ съ иноземными державами, если только эта война не грозитъ опасностью всему союзу или строго установленнымъ цѣлямъ его. Союзъ оказываетъ помощь членамъ при нападеніи извнѣ лишь при условіи отношенія этого нападенія къ интересамъ безопасности союза или отдѣльнаго государства, какъ части союза, затрагивающей его интересы.

Примѣры наиболее чистаго типа союза государствъ: а) *Соединенные Штаты Сѣверной Америки по конституціи 1781 г. и Германскій союзъ (конфедерація) послѣ Вестфальскаго конгресса и по конституціи конгресса Вѣнскаго (1815 г.)*

По конституціонному акту 1777 г., существенно не измѣненному и въ 1781 г., союзъ штатовъ (государствъ) названъ „вѣчнымъ“, но каждый изъ нихъ сохранялъ свою полную независимость внутри и внѣ; союзъ имѣетъ международное значеніе, состоялъ изъ конгресса депутатовъ отъ каждаго государства (штата), который вѣдалъ исключительно дѣла мира и войны, посылалъ и принималъ дипломатич. агентовъ, заключалъ трактаты и союзы, т. е. *обладалъ правомъ внѣшнихъ отношеній цѣлаго къ международ. союзу.* Цѣль его состояла во внѣшней защитѣ союза и отдѣльныхъ его членовъ.

б) Древнѣйшая Германская конфедерація была скорѣе агломератомъ отдѣльныхъ государствъ; фикція единства „священной римской имперіи Германской націи“ выражалась въ избраніи (коллегіею курфюрстовъ) Германскаго императора, которое замѣнилось позднѣе наследственностью этого достоинства въ австрійской (Габсбургской) династіи. Но ни сеймъ, ни тѣмъ менѣе императоръ не имѣли почти никакой власти надъ членами, которые, сохраняя полнѣйшее внутреннее и внѣшнее верховенство, даже воевали другъ съ другомъ и съ императоромъ, заключали трактаты и союзы съ иноземными государствами, обладали своимъ дипломатическимъ представительствомъ, преслѣдовали самостоятельную политику внутри и внѣ, возвышаясь весьма рѣдко до сознанія общихъ интересовъ защиты отъ внѣшняго нападенія. Слѣдовательно, древнѣйшая Германская конфедерація была въ дѣящемся положеніи постоянной близости къ полному распаденію и существовала скорѣе какъ фикція.

Большею реальною силою конфедерация проявилась съ 1815 г. на основаніи постановленій Вѣнскаго конгресса. Верховною цѣлью союза были „внѣшняя и внутренняя безопасность Германіи, неприкосновенность и независимость членовъ конфедерации“. Въ нее вошли 38 (а позднѣе 33) государствъ (монархіи и республики-вольные города), изъ которыхъ нѣкоторые, обладавшіе не нѣмецкими владѣніями, только нѣмецкими своими землями (императ. Австрійскій, королі Пруссій, Датскій и Голландскій), владѣніе которыми гарантировано имъ федеральнымъ актомъ. При сохраненіи полной внутренней и внѣшней независимости членовъ, союзъ осуществлялъ свои цѣли чрезъ посредство особаго органа—сейма, заставляшаго во Франкфуртѣ на Майнѣ, составлявшагося изъ уполномоченныхъ отъ каждаго государства, заседавшихъ постоянно. Сеймъ раздѣлялся на обыкновенный или *Engerer Rath* (постоянный совѣтъ) и на полное собраніе (*Plenum, Plenarsitzung*), въ которыхъ предсѣдала Австрія. Въ первомъ всѣ члены конфедерации обладали всего 17 голосами, распредѣлявшимися такъ, что каждое государство имѣло число голосовъ, соотвѣтствующее его значенію и силѣ, при чемъ наименьшія государства, (напр. вольные города) имѣли вкупѣ одинъ голосъ. Это собраніе рѣшало вопросы второстепенной важности, а также вопросы о перенесеніи дѣла на разсмотрѣніе *Plenum*'а, въ которомъ имѣлось 70 голосовъ (Австрія и Пруссія по 4 голоса, Баварія 3, и т. д.), а рѣшенія постановлялись $\frac{2}{3}$ голосовъ. *Plenum* завѣдывалъ всеми основными законами и необходимыми въ нихъ измѣненіями, вырабатывалъ органическіе законы для союза и рѣшалъ вопросъ о допущеніи въ составъ конфедерации новыхъ государствъ. Война, объявленная союзомъ иноземной державѣ, была войною для всѣхъ членовъ конфедерации, которые не могли вступать въ отдѣльные переговоры съ непріятелемъ; члены конфедерации никоимъ образомъ не могли вести войну другъ съ другомъ и все свои споры должны были отдавать на рѣшеніе сейма, а въ случаѣ недачи послѣднимъ рѣшенія, обращались къ т. наз. высшему суду (*Austragalinstanz*), не подлежавшему обжалованію.

Вообще же сеймъ имѣлъ попеченіе о междунар. интересахъ союза, активное и пассивное посольское право, объявленіе войны и заключеніе мира; онъ вѣдалъ также заключеніе трактатовъ для всего союза и право посредничества въ случаѣ какихъ-либо жалобъ или требованій иностранныхъ державъ къ члену союза. Декреты и рѣшенія сейма были обязательны, насколько не выходили изъ его компетенціи, для членовъ конфедерации, которые, въ случаѣ отказа въ исполненіи, могли понуждаться къ тому экзекуціоннымъ способомъ; но сеймъ не имѣлъ ни своихъ финансовъ, ни войска, а въ случаѣ надобности каждый членъ давалъ средства и контингентъ войскъ въ распоряженіе союза. Конституціею предусматрѣнъ единственный случай вмѣшательства сейма во внутреннія дѣла суверенныхъ государствъ конфедерации: возстаніе или серьезное народное движеніе въ одномъ изъ государствъ союза. Намекъ на нѣчто, имѣющее отношеніе къ сознанію единства государственнаго, т. е. на порядокъ вещей, присущій союзному государству (*Bundesstaat*), выразился въ правѣ частныхъ лицъ, корпорацій, сословій и учрежденій обращаться къ посредничеству сейма въ случаѣ отказа или незаконнаго

замедленія государства въ отправленіи правосудія, при чемъ сеймъ могъ въ извѣстныхъ случаяхъ передать споръ на разрѣшеніе спеціальнаго судилища. При всемъ томъ члены конфедерации, вполне самостоятельныя внутри, обладали своимъ активнымъ и пассивнымъ посольскимъ правомъ, заключали трактаты (подъ условіемъ согласованія ихъ съ интересами и цѣлями союза), вступали въ союзы оборонительные и наступательные съ иноземными державами, воевали и заключали съ ними миръ (подъ тѣми же ограничительными условіями); т. е. они были междунар. личностями, субъектами междунар. права.

II. а) *Союзное государство* (Bundesstaat, federatio). Оно есть соединеніе многихъ державъ съ государственнымъ характеромъ; по происхожденію своему—продуктъ новѣйшей исторіи, постепеннаго перехода въ эту форму соединенія типа союза государствъ. Оно всегда постоянная форма соединенія (хотя это и оспаривается Робертомъ Молемъ); но тогда какъ одни (напр. Бри) видятъ возникновеніе союзнаго государства въ договорѣ, другіе (Теллинекъ) усматриваютъ въ договорѣ лишь подготовительное дѣйствіе къ образованію союзнаго государства, основаніе же его—лежитъ въ законѣ. Эта форма—государство, основаніе котораго въ народѣ, сознающемъ свое единство и придающемъ послѣднему политическую форму. *Вступленіе отдѣльныхъ государствъ въ составъ союзнаго государства есть, по мнѣнію Теллинека, то же, что вступленіе въ составъ государства отдѣльныхъ лицъ* (подданныхъ), т. е. подчиненіе ихъ верховной власти. Поэтому, всякія отдѣльныя права, удерживаемыя за собою членами, могутъ быть, безъ всякаго ихъ на то согласія, отняты центральной властью. И тогда, какъ союзъ государствъ, покоясь на договорѣ, ограничивается верховенствомъ, сохраняющимся у членовъ, союзное государство, созидаясь на законѣ, не знаетъ иныхъ ограниченій, кромѣ верховенства центральной власти. *Необходимыя его условія—суверенитетъ центральной власти, непосредственное подчиненіе ей всего населенія* (идея единства, государственности организациі) и *наличность многихъ государствъ* (членовъ), за которыми Теллинекъ, слѣдуя крайнему своему возрѣнію на верховенство, отрицаетъ даже всякій суверенитетъ. Возникая лишь въ силу сознанаго населеніемъ національнаго единства, союзное государство должно (по вѣрному замѣчанію графа Камаровскаго) покоиться на приблизительномъ равенствѣ его членовъ по величинѣ и могуществу (Соед. Штаты Сѣв. Америки, Аргентинская федерація), чего нѣтъ въ современной Германской Имперіи (почему она и есть „искаженная“, лучше сказать—смѣшанная форма союзнаго государства). Понятно, что *центральной власти принадлежитъ все внѣшнее представительство* (верховенство) въ междунар. отношеніяхъ (право посольское, война и миръ). Въ случаѣ же споровъ между центральной властью и частями о компетенціи, одни писатели (и всѣ конституціи—Швейцаріи и Соед. Штатахъ Сѣв. Америки) рѣшаютъ ихъ въ пользу членовъ (при посредствѣ особыхъ постоянныхъ верховныхъ судовъ въ Швейцаріи и Соед. Штатахъ Сѣв. Америки, а не третейскихъ, какъ въ союзѣ государствъ), другіе (Теллинекъ) въ пользу центральной власти; послѣднее мнѣніе вѣрнѣе потому, что федерація есть въ сущности государство, центральная власть въ ней—

центр тяжести этого соединенія. Но законъ федераціи предоставляетъ центральному правительству опредѣленные самимъ закономъ права и функціи. Всѣ остальные права и функціи сохраняются за членами, свободными въ ихъ внутренне-государственной дѣятельности, въ предѣлахъ намѣченной для нихъ компетенціи. Такъ какъ союзное государство обладаетъ органическимъ характеромъ, выражающимъ идею единства, то послѣднее непременно предполагаетъ національный парламентъ, члены котораго (по избранію всего населенія) суть не депутаты государства, въ предѣлахъ котораго они избраны, а представители всего союза; о войнѣ между членами федераціи не можетъ быть и рѣчи. Пользованіе же ими, хотя бы въ подчиненной степени, самостоятельнымъ правомъ посольства и заключенія договоровъ съ иноземными правительствами, не только „неполитично“, но, по нашему мнѣнію, *несогласимо съ идеею чистаго типа союзнаго государства*. Исторія формы союзнаго государства доказываетъ, что различныя государственныя устройства частей вполне возможны въ нечистыхъ (смѣшанныхъ) формахъ союзнаго государства (Бри допускаетъ это различіе для всякаго Bundesstaat), въ типѣ же наиболѣе чистомъ (напримѣръ Соед. Штаты) всегда встрѣчались только государства республиканскаго образа правленія.

Такимъ образомъ, существо этой формы состоитъ въ томъ, что она есть въ одно и то же время союзъ (Bund) и государство; т. е. характеръ ея организаціи двойственный: федеративный и національный (Бри). Члены же ея суть настоящія государства, лишенные внѣшняго верховенства, и съ ограниченіемъ верховенства внутренняго въ пользу центральной власти; члены федераціи всегда должны дать свое согласіе на измѣненіе конституціи (Геллинекъ противнаго мнѣнія), т. е. власть ихъ конкурируетъ съ властью союзною. Послѣдняя имѣетъ верховный надзоръ за соблюденіемъ всюду общихъ законовъ, имѣетъ право непосредственнаго обращенія къ подданнымъ, которые подвластны ей прямо.

Съ точки зрѣнія междунар. права можно такъ опредѣлить чистый типъ союзнаго государства: постоянное, на органическомъ законѣ основанное соединеніе многихъ государствъ, сознающихъ свое національное единство, съ сильною центральною властью, захватывающею весь внѣшній суверенитетъ членовъ и ограничивающею ихъ внутреннее верховенство.

б) *Наиболѣе чистые типы союзнаго государства: Соед. Штаты Сѣв. Америки по конституціи 1787 г., Аргентинская республика (изъ 13 государствъ; въ ней почти та же конституція, что и въ Соед. Штаты Сѣв. Америки) и Швейцарская федерація (послѣ 1848 г., и особенно по новѣйшимъ законодательнымъ актамъ).*

Соединенные Штаты Сѣв. Америки. По конституціи 1787 г. (вступила въ дѣйствіе съ 1789 г.), Соед. Штаты признаютъ себя „народомъ“, желающимъ образовать „болѣе совершенный союзъ“ съ цѣлью „охранить внутреннее спокойствіе, озаботиться объ общей защитѣ, установленіи правосудія, увеличеніи общаго благосостоянія и гарантіи благодѣяній свободы“. Слѣдовательно, цѣль федераціи распространяется и на сферу внутренней жизни и чисто государственныхъ задачъ. *Центральный органъ Штатовъ—Вашингтонскій конгрессъ и президентъ. Первый подраздѣляется на 2 палаты: а) сенатъ и б) палата пред-*

ставителей. Въ первомъ засѣдаютъ по два сенатора, какъ представители отъ каждаго штата (государства). Въ этомъ учрежденіи явно сказывается федеративный характеръ этого соединенія, т. е. союза между равноправными государствами, изъ которыхъ каждое имѣетъ одинаковое представительство и голосъ въ органѣ центральной власти, контролирующемъ и внѣшнія сношенія Соед. Штатовъ (президентъ назначаетъ дипломатическихъ агентовъ съ согласія сената). Идея же національная, т. е. государственнаго единства союза, выражена въ палатѣ представителей, составляемой изъ депутатовъ, избираемыхъ каждые 2 года населеніемъ различныхъ штатовъ; число ихъ пропорціонально количеству населенія каждаго штата и они представляютъ не штаты, а весь союзъ, всю націю. Конгрессу принадлежатъ власть законодательная надъ всѣмъ союзомъ (власть эта очень широка: правила для натурализаціи, монетная регалія, общій вѣсъ и мѣра, почтовая регалія, наложеніе податей, собираніе и содержаніе арміи и флота, подавленіе революцій и т. п.), всѣ мѣропріятія и дѣйствія по внѣшнимъ сношеніямъ. Власть же исполнительная въ союзѣ принадлежитъ президенту (на 4 года), который есть главнокомандующій войскомъ, флотомъ и милиціей отдѣльныхъ государствъ, призываемой на дѣйствительную службу союза. Онъ назначаетъ чиновниковъ Соед. Штатовъ, заключаетъ трактаты и посылаетъ пословъ (съ согласія сената). Наконецъ, власть судебная въ союзѣ принадлежитъ верховному суду (съ характеромъ апелляціоннымъ, а иногда и суда первой инстанціи). Задача его—охранять федеральную конституцію, т. е. изслѣдовать законы, изданные штатами и конгрессомъ и объявлять ихъ ничтожными, давать рѣшеніе по дѣлу, въ которомъ замѣшаны общіе законы Соедин. Штатовъ, рѣшаютъ споры, вытекающіе изъ договоровъ съ иностранными державами, вопросы, касающіеся дипломатическихъ агентовъ иностранныхъ державъ и т. п. Отдѣльные же Штаты, оставаясь при внутреннемъ суверенитетѣ (собственныя политическія учрежденія, по образцу центральныхъ, законодательство, судъ и администрація), совершенно лишены права на междунар. представительство (они не могутъ даже ни собирать, ни содержать войска и военные корабли въ мирное время).

Швейцарія. Она являетъ изъ себя примѣръ длящейся упорной борьбы между сепаратистическими стремленіями кантоновъ и объединяющими стремленіями центральной власти, постепенно приведшей ее отъ формы конфедераціи, въ которой она состояла послѣ Вестфальскаго мира (1648 г.), при конституціяхъ 1803 и 1815 годовъ и во время попытокъ къ усиленію центральной власти въ 1832 г., къ формѣ союзнаго государства въ 1848 г. (и дополнительный актъ 1874 г.). До 1848 г. власть центрального органа (федеральнаго сейма) была очень ограничена, кантоны были вполнѣ самостоятельными государствами, заключавшими независимые трактаты съ иноземными державами (въ томъ числѣ и капитуляціи, т. е. подряды на поставку воюющимъ своихъ гражданъ въ качествѣ наемнаго войска). Съ 1848 г. Швейцарія приблизилась къ типу союзнаго государства (хотя и не столь чистаго, какъ Соед. Штаты Сѣв. Америки); центральный органъ его (законодательный)— есть федеральное собраніе, раздѣляющееся на: а) національный совѣтъ

и в) *советъ кантоновъ*. Въ первомъ царитъ идея единства цѣлаго, государственности, такъ какъ онъ состоитъ изъ депутатовъ, избираемыхъ по 1 на 20 т. населенія (на 3 года); идея суверенитета (независимости) кантоновъ, т. е. принципъ федеративности, выдержана въ советѣ кантоновъ, состоящемъ изъ 44 депутатовъ (по 2 отъ каждаго кантона; каждый полукантонъ избираетъ по 1). Оба совета заботятся о мѣрахъ внѣшней и внутренней безопасности Швейцаріи, о прекращеніи споровъ между кантонами, собираютъ континентъ войскъ, налоги, выдаютъ займы, полицію надъ иностранцами, высшій надзоръ надъ федеральною юстиціею и администраціею. Власть исполнительная принадлежитъ въ союзъ „союзному совету“ и его президенту. Первый избирается всѣмъ федеральнымъ собраніемъ въ число 7 человекъ изъ числа всѣхъ швейцарскихъ подданныхъ (на 3 года). Онъ-то и выдаетъ внѣшнія сношенія союза, охраняетъ его независимость и нейтралитетъ. Президентъ же и вице-президентъ избираются изъ членовъ (союзнаго) совета федеральнымъ собраніемъ (на 1 годъ), но они не имѣютъ и тѣни власти президента Соед. Штатовъ, а состоятъ только въ почетной роли президента и вице-президента федераціи. Каждый кантонъ независимъ внутри, но лишенъ внѣшняго представительства. Кантоны не могутъ заключать капитуляцій, но за ними сохранена тѣнь внѣшней независимости, выражающаяся въ правѣ ихъ заключать съ сосѣдями трактаты полицейскаго и хозяйственнаго свойства. Въ этомъ правѣ ихъ, хотя и чрезвычайно ограниченномъ, нельзя не видѣть отступленія отъ чистаго типа федеральнаго государства. Законъ 1874 г. нѣсколько расширилъ право вмѣшательства федеральной власти въ дѣла кантоновъ и права ея относительно натурализаціи иностранцевъ въ видахъ „поддержанія и увеличенія единенія и силы швейцарской націи“.

с) *Смѣшанныя (нечистыя) формы союзнаго государства*. Къ нимъ относится современная Германская Имперія, которую нѣкоторые нѣмецкіе писатели называютъ „Staatenreich“ (имперія государствъ, союзъ государствъ въ формѣ имперіи). Нынѣшняя Германская имперія—продуктъ метаморфозъ, которымъ подвергалась, подъ давленіемъ объединяющей національной идеи, германская конституція 1815 г. Такъ, Карлсбадскія конференціи (1819 г.) и постановленія сейма 1832 г. нѣсколько усилили центральную власть, предоставивъ ей нѣкоторыя права вмѣшательства во внутреннія дѣла членовъ конфедераціи. Постановленіемъ же Франкфуртскаго сейма въ 1834 г. учреждается особый посреднической (третейскій) судъ для рѣшенія затрудненій и споровъ, возникающихъ между членами конфедераціи, а также столкновеній между правительствомъ и законодательными палатами въ какомъ либо изъ государствъ союза. Послѣ неудачной попытки объединенія въ 1848 г., только въ 1866 г. Пруссіи удалось организовать *Сѣверо-германскій союзъ*, въ составъ котораго вошли 22 государства (къ сѣверу отъ рѣки Майна), т. е. всѣ оставшіяся еще независимыми послѣ войны 1866 г. германскія государства, за исключеніемъ Баваріи, Вюртемберга, Бадена и части Гессенъ-Дармштадта, образовавшихъ Южно-германскій союзъ. Многія существенныя черты его устройства восприняты и конституціею 1871 г. (Германской имперіи). Компетенція союз-

наго правительства была громадна, налагала печать единства на всю сферу внутренняго управленія (оно вѣдало почты, телеграфы, законодательство таможенное, коммерческое, косвенные налоги, систему мѣры и вѣса, монетную регалию, регламентацію банковъ, общія консульскія учрежденія, желѣзныя дороги „въ интересахъ защиты страны“ и т. п.); оно вмѣшивалась даже въ мельчайшія подробности. Центральная власть проявлялась въ Союзномъ совѣтѣ и въ Рейхстагѣ, изъ которыхъ первый охранялъ идею независимости членовъ (государствъ), посылавшихъ въ него своихъ представителей числомъ отъ 1 (для мелкихъ государствъ) до 17 (Пруссія), всего 43 голоса, смотря по важности политическаго могущества государства, а Reichstag, составляемый изъ депутатовъ по выборамъ, представлялъ собою принципъ единства союза. Центръ тяжести въ послѣднемъ всецѣло лежитъ въ Пруссіи. Она не только обладала въ союзномъ совѣтѣ болѣе чѣмъ $\frac{1}{3}$ общаго числа голосовъ, но въ рукахъ ея сосредоточивались, какъ представительство въ союзѣ (король прусскій созывалъ и закрывалъ совѣтъ и Рейхстагъ), такъ и вся исполнительная власть, все междунар. сношенія союза (корона прусская объявляла войну, заключала миръ и трактаты, посылала и принимала дипломатическихъ агентовъ). Центральная власть была снабжена правомъ вооруженнаго вмѣшательства противъ государства, неповинующагося предписаніямъ органическаго закона и даже правомъ лишенія послѣдняго отправленія государственныя функций. По конституціи 1871 г. все вышеуказанная начала, съ небольшими поправками, перенесены и на Южно-германскій союзъ, соединившійся съ Северо-германскимъ въ общемъ союзѣ (Имперіи), при чемъ король Прусскій есть наследственный императоръ Германіи (22 монархическихъ, 3 республиканскихъ государства и Эльзасъ-Лотарингія, какъ имперская область). Все представительство имперіи, какъ междунар. личности, принадлежитъ императору, при которомъ состоитъ имперскій канцлеръ (всегда изъ прусскихъ министровъ). Союзный совѣтъ и Рейхстагъ играютъ прежнюю роль; но при первомъ, въ которомъ выражается идея суверенной самостоятельности членовъ, состоитъ *de jure* особый комитетъ по „иностраннымъ дѣламъ“ (уполномоченные Баваріи, Вюртемберга, Саксоніи и 2 члена отъ другихъ государствъ, по выбору союзнаго совѣта), который имѣетъ контроль надъ внѣшними сношеніями Имперіи, ведущимися непосредственно имперскимъ канцлеромъ. А такъ какъ за отдѣльными государствами признано еще и право посылать и принимать дипломатическихъ агентовъ и заключать трактаты, непротивные правамъ и интересамъ имперіи или другихъ ея членовъ, то въ этомъ правѣ, а равно и въ учрежденіи особаго органа, (контролирующаго) „комитета по иностраннымъ дѣламъ“, нельзя не усматривать учрежденій, соответствующихъ существу формы союза государствъ (конфедерации). Въ учрежденіи же Рейхстага, императора и имперскаго канцлера съ широкою властью явно сказываются формы союзнаго государства (Bundesstaat); слѣдовательно, современная Германская имперія—форма смѣшанная: *de facto* въ ней преобладаетъ типъ союзнаго государства, *de jure* же—установлено что-то среднее, очевидно переходное.

ГЛАВА II.

Организація общенія между государствами.

Литература. Изъ русскихъ—Ф. Мартенсъ—т. I, часть общая, глава I; у графа Л. Камаровскаго—О междунар. судѣ, книга III; Эйхельманъ—Введение.

О началахъ политическаго равновѣсія, легитимизма и національности—смотри: В. Даневскій—Системы политическаго равновѣсія, легитимизма и начало національности (здѣсь приведены многочисленныя указанія на литературу); А. Штиллицъ—Изслѣдованіе о началахъ политическаго равновѣсія, легитимизма и національности, 3 части. 1889—91 г.; о началѣ національности (спеціально)—А. Градовскій—*Національный вопросъ въ исторіи и литературѣ*, 1873 г.; графъ Камаровскій—*О междунар. судѣ*, кн. IV.; указанія на современную литературу и критическій разборъ сочиненій, посвященныхъ устройству междунар. союза—см. у графа Камаровскаго—*Обзоръ современной литературы*, 1887 г. глава VI.; *Его-же—Объ идеѣ мира*, Русская мысль 1884 г.

Изъ иностранныхъ сочиненій: а) *О вѣчномъ мирѣ и его проэктахъ*: Laurent, — Histoire т. X; Wheaton—Histoire т. I; Rhamon—Völkerrecht und Völkerfriede 1881 г. (См. у гр. Камаровскаго—Обзоръ соврем. литературы по междунар. праву. гл. VI); особенно у Holtzendorff'a—Die Idee des ewigen Völkerfriedens, 1882 г.; б) спеціально проэктъ междунар. организаціи—*неизвѣстнаго автора*: Mission actuelle des souverains par l'un d'eux, 1882 г.; Lorimer, The Institutes 1884 г. (французск. переводъ 1885 г.), Bluntschli—Kleine Schriften, 1881 г., во 2 томѣ—„Die Organisation des europäischen Staatenvereines; в) *О началѣ національности* (новѣйшія сочиненія)—*неизвѣстнаго автора*—Essai sur le principe des nationalités par un diplomate, 1882 г.; Pioy—Margall—Les Nationalités, 1879 г.; также у Vulmerincq—Praxis, (здѣсь же о политическ. равновѣсіи и легитимизмѣ). *О легитимизмѣ—спеціальная монографія*—Brockhaus—das Legitimitätsprincip, 1868 года.

§ I-й. Попытки организаціи междунар. союза въ постоянныхъ политическихъ формахъ.

Идея высшаго порядка (межд. правового общенія) необходимо предполагаетъ идею организаціи (юридич. свойства) этого высшаго порядка. Вся исторія междунар. отношеній и междунар. права есть рядъ попытокъ создать эту организацію.

I. Элементарнѣйшая и древнѣйшая есть попытка организовать высшій порядокъ (общеніе) на идеѣ мира, какъ вѣчнаго и нормальнаго отношенія между народами. Въ этихъ попыткахъ миръ, какъ ненарушимое

состояніе, является конечною цѣлью, для достиженія ея рекомендуются средства искусственнаго и часто насильственнаго свойства. И замѣчательно, что мечты о вѣчномъ мирѣ между народами возникли еще въ отдаленной древности и среди народовъ, которые не знали междунар. союза и права, и жили въ состояніи вѣчной войны. Въ средніе вѣка идея вѣчнаго мира, какъ идеальной цѣли стремленій человѣческихъ на землѣ, берется подъ защиту христіанства (церкви и писателей, напр. Августинъ и Тертуліанъ), появляются даже (въ XII в.) первыя общества друзей мира. Создавъ духовное родство между народами на почвѣ христіанства, средніе вѣка подготовили позднѣйшее сближеніе между ними въ области экономической и политической. Понятно, что это сближеніе, начавшееся съ Вестфальскаго мира (и даже еще въ XVI ст.), должно было натолкнуть на организацію междунар. общенія въ формѣ наиболѣе простой и доступной тому времени. Образецъ этой формы былъ на лицо: онъ состоялъ въ распространеніи идеи государства на весь міръ (или, по крайней мѣрѣ, на весь тогдашній междунар. союзъ). Отсюда—рядъ попытокъ въ исторіи, начиная еще съ отдаленной древности и до XIX вѣка, ко всемірному государству (чаще всего въ формѣ монархіи) унитарному, или же (въ послѣднее время) въ формѣ союзаго государства. Цѣль эта должна была быть достигнута войнами и насиліями или искусственными комбинаціями, помимо желанія и добровольнаго согласія народовъ, безъ подготовленности ихъ къ такой объединяющей организаціи сознаниемъ ея необходимости.

Таковы попытки ко всемірной монархіи въ древности, мысль о священной Германской имперіи, распространяющейся на весь міръ, покушенія на всемірное господство Карла V, Филиппа II, Людовика XIV, Наполеона I. А когда всѣ эти попытки оказались недостижимыми, на Вѣнскомъ конгрессѣ устанавливается идея пентархіи, т. е. властвованія пяти великихъ державъ, диктующихъ законы и правила поведенія остальнымъ, какъ бы подчиненнымъ членамъ организаціи. Фактически эта идея не разъ сказывалась (и продолжаетъ сказываться и теперь); но она не можетъ создать никакого юридическаго состоянія подчиненности всѣхъ другихъ государствъ, не входящихъ въ эту организацію на правахъ полного равенства.

Можно-ли допустить идею всемірнаго государства, какъ форму организаціи междунар. отношеній? Блунчли выводилъ необходимость всемірнаго государства изъ его общечеловѣческаго характера и предназначенія и полагалъ, что оно вовсе не предполагаетъ непременно монархическую форму, но, допуская независимость отдѣльныхъ народовъ, ведетъ къ обезпеченію свободы и мира. Но идея всемірнаго государства (и даже распространяющагося только на одну часть свѣта) противорѣчитъ именно природѣ государства, допускающей расширеніе послѣдняго только до извѣстныхъ границъ (указуются природою территория и населенія); она обезличиваетъ государство, которое перестаетъ быть способнымъ къ уподобленію и претворенію чуждыхъ ему населеній; наконецъ, непомѣрное распространеніе государства влечетъ ослабленіе въ немъ закона и политической свободы, что происходитъ отъ ослабленія связи центра съ частями и отъ усиленія личнаго произвола властей (гр. Ка-

маровскій). А это приводитъ чаще всего къ военной диктатурѣ и деспотизму (Наполеонъ I, отчасти Людовикъ XIV). Если же говорятъ, что всемірное государство должно быть федеративное (въ формѣ Bundesstaat), то упускаютъ изъ виду, что федераціи прочны лишь при приблизительномъ равенствѣ членовъ въ политическомъ могуществѣ, государственныхъ формахъ и экономическихъ началахъ (Швейцарія) и что даже при наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ (напр. Соед. Штаты Сѣв. Америки) возможны вражда и даже войны между членами (напр. междоусобіе въ Соед. Штатахъ). *А среди монархій федераціи видимо ведутъ къ унитарному государству* (современная Германская имперія и роль въ ней Пруссіи). Создать же федерацію для разныхъ народовъ, раздѣленныхъ громадными національными, культурными и историческими различіями, возможно лишь путемъ насилія, узаконяющаго революціи частей и войны за освобожденіе.

II. Иллюстраціею сказаннаго служатъ также *проекты искусственныхъ и насильственныхъ организацій междунар. общенія* (въ политической формѣ); изъ нихъ нѣкоторые думали достигнуть при ихъ посредствѣ вѣчнаго мира.

а) Такъ, *проектъ короля Франціи, Генриха IV* (а можетъ быть его министра, герцога Сюлли), разсматривавшій всѣ христіанскія государства Европы, какъ великую „христіанскую республику“, дробилъ ихъ на 15 государствъ; территоріи между ними распредѣлялись самымъ искусственнымъ и случайнымъ способомъ, а нѣкоторыя державы (Россія и Турція) совсѣмъ изъ „республики“ исключались; съ мусульманами должна была происходить вѣчная война для изгнанія ихъ изъ Европы. Управление „республики“ передавалось „совѣту“ изъ уполномоченныхъ государствъ, съ правомъ вмѣшательства во внутреннія дѣла (противъ „тираническаго правленія“ и религіозной нетерпимости) и для мирнаго рѣшенія споровъ между государствами республики. На Утрехтскомъ конгрессѣ 1713 года, въ противовѣсъ завоевательнымъ войнамъ Людовика XIV, аббатъ Сень-Пьеръ представилъ проектъ „вѣчнаго союза“ между государствами на основахъ трактатовъ Вестфальскаго и Утрехтскаго (союзъ или лига на подобіе Германской имперіи того времени). Органомъ союза, гарантировавшаго членамъ ихъ владѣнія и вѣчный миръ, служилъ общій сеймъ съ правами законодательными, судебными и исполнительными; взаимныя права частей опредѣлялись общею конституціею, измѣняемою только при единогласіи членовъ. Сень-Пьеръ кладетъ „равновѣсіе“ въ основаніе рѣшеній сейма при распредѣленіи открывшихся земельныхъ наслѣдствъ. Многіе философы и публицисты XVIII и XIX вѣковъ развивали мысли Сень-Пьера, особенно Руссо, указавшій на „просвѣщеннѣйшій абсолютизмъ“, государей XVIII вѣка, поддерживавшій вѣчную, часто открытую войну между народами, какъ на препятствіе къ укрѣпленію мира. Болѣе практиченъ Бентамъ, предлагавшій для рѣшенія споровъ и устраненія войнъ учрежденіе постоянного конгресса изъ депутатовъ отъ державъ, обладающаго для приведенія въ исполненіе своихъ постановленій международ. войскомъ, а также правомъ исключенія изъ союза всѣхъ неповинующихся государствъ.

Мысль Бентама наиболее практична, такъ какъ она построена на идеѣ конфедераціи съ постояннымъ конгрессомъ (судебнаго характера) и, не противорѣча идеѣ независимости членовъ, вовсе не говоритъ ни о насильственномъ ихъ вовлеченіи въ эту конфедерацію, ни объ искусственномъ распредѣленіи территорій и населеній между государствами. Въ фантастическихъ конструкціяхъ указываютъ на путь къ достиженію и постепенному укрѣпленію мира между народами—Кантъ (его „Zum Ewigen Frieden), Фихте (говоритъ о федераціи между народами), Шеллингъ (федерация государствъ съ ареопагомъ для разрѣшенія споровъ).

в) Всѣ эти писатели (начиная съ Бентама) являются переходною ступеню къ современнымъ проектамъ политической организаціи междунаро. общенія, которые, въ отличіе отъ выше разсмотрѣнныхъ, не думаютъ ни о какихъ насильственныхъ организаціяхъ, не предлагаютъ раздѣленій существующихъ государствъ, а, исходя изъ факта существованія и изъ потребности организаціи между государствами, даютъ свои собственные предположенія на счетъ наилучшихъ способовъ и формъ этой организаціи; идея мира играетъ у нихъ роль подчиненную. Иногда они допускаютъ даже возможность войнъ; но миръ долженъ быть достигнутъ при посредствѣ добровольной организаціи между народами, проистекающей изъ признанія необходимости высшаго порядка. Миръ является здѣсь не конечною цѣлью, а скорѣе только средствомъ для достиженія идеальной цѣли—всемірнаго порядка для блага человѣка.

Такъ, Сень-Симонъ и Фаллати (гегелианецъ) предлагаютъ народамъ организацію въ формахъ конституціонной монархіи; другіе въ формахъ федеративной республики (на подобіе Соед. Штатовъ).

Особенно извѣстенъ проектъ Блунчли. Онъ исходитъ изъ признанія самостоятельности и свободы государствъ, дѣйствующихъ сообща для нѣкоторыхъ общихъ цѣлей; поэтому, союзъ государствъ (Staatenbund)—наилучшая форма для междунаро. союза, основаннаго на юридическомъ равенствѣ членовъ и на различной ихъ дѣеспособности, почему болѣе дѣеспособнымъ (великимъ державамъ) дается и большее число голосовъ въ общемъ представительствѣ. Послѣднее выражается въ междунаро. законодательствѣ, въ междунаро. охранѣ мира и достиженія цѣлей высшей политики, въ междунаро. управленіи и юстиціи. Первое принадлежитъ союзному совѣту и сенату; изъ нихъ союзный совѣтъ (члены его—по назначенію правительствъ; великія державы имѣютъ по 2 представителя; члены сената—по назначенію или по выборамъ, если въ государствахъ имѣются представительныя учрежденія) руководитъ вопросами высшей общеевропейской политики. Международное управленіе и юстиція имѣютъ общіе органы въ видѣ третейскихъ судовъ, а для нѣкоторыхъ дѣлъ и въ видѣ постоянныхъ междунаро. судовъ. Исполненіе рѣшеній союзныхъ органовъ возлагается на государства, въ исключительныхъ случаяхъ допускается и принужденіе подъ строгимъ контролемъ сената и съ его согласія, $\frac{2}{3}$ голосовъ въ союзномъ совѣтѣ и въ коллегіи великихъ державъ. Возможность войны абсолютно не устраняется. 2. *Проектъ Лоримера.* Авторъ приписываетъ проектамъ предшественниковъ тотъ недостатокъ, что они построены на неизмѣняемости

фактическихъ отношеній между народами въ извѣстную эпоху, а также въ нихъ неустановлено достаточной связи между законодательствомъ международнымъ и національнымъ. Лоримеръ рекомендуетъ организацію въ видѣ органовъ властей законодательной, судебной, исполнительной и финансовой. Органы первой—*сенатъ* (изъ пожизненныхъ членовъ, назначаемыхъ высшею властью въ отдѣльныхъ государствахъ) и *палата представителей* (избираются на срокъ нижними палатами или единою палатою представителей въ отдѣльныхъ государствахъ; число сенаторовъ и представителей пропорціонально могуществу государствъ). *Органъ второй—международ. судъ* (двѣ палаты—гражданская и уголовная) изъ 15 членовъ (6 отъ великихъ державъ), назначаемыхъ изъ членовъ высшихъ судовъ отдѣльныхъ государствъ, а со временемъ изъ членовъ „международ. адвокатуры“ (назначаются пожизненно). *Органъ третьей—бюро или министерство* (оно избираетъ и судей), *состоящее изъ 15 членовъ* (5 сенаторовъ и 10—изъ депутатовъ, по выбору сената и палаты депутатовъ), избираемыхъ на 1 годъ (каждая великая держава не менѣе 1 члена). *Изъ состава бюро* (по выбору)—*президентъ международного правительства* (онъ же предсѣдатель сената). *Мѣсто международного правительства—Женева*; издержки его покрываются особымъ налогомъ. Для исполненія рѣшеній законодательной власти и суда—особая сила изъ континентовъ отдѣльныхъ государствъ или собираемая на ихъ средства. Эта сложная организація можетъ воспитать массы „въ идеяхъ международ. справедливости и солидарности“.

Проектъ Лоримера сложенъ и нѣсколько фантастиченъ. Достаточно припомнить одного „президента международ. правительства“, чтобы понять, что онъ на врядъ ли когда либо получить осуществленіе. Блунчли вѣрно замѣтилъ, что *международ. организація не можетъ быть воспроизведеніемъ какой бы то ни было политической* (внутреннегосударственной) *формы; форма Лоримера—форма союзнаго государства* (на подобіе нынѣшней Германской имперіи). Государства Европы, столь разнообразныя по устройству, національнымъ стремленіямъ и своему прошлому, никогда не подчинятся, говоритъ Блунчли, всемірному монарху (или президенту), общеевропейскому парламенту или центральнымъ правительствамъ. Дѣйствительная политическая сила и жизнь должны быть предоставлены отдѣльнымъ государствамъ, а желаемое ихъ соединеніе вовсе не требуетъ установленія верховной власти, тройственно раздѣленной. А Ролень-Жакменъ указываетъ на то, что международ. организація—задача весьма трудная, что она создается постепенно (путемъ отъ частнаго къ общему), сперва въ нѣкоторыхъ спеціальныхъ сферахъ (напр. почтовой, монетной) и что лишь такія спеціальныя организаціи могутъ пріучить народы къ необходимости установленія надъ самими государствами новой, высшей организаціи съ постоянными, ей свойственными органами. Международ. общеніе по самому существу своему стремится къ такой постоянной организаціи; наиболѣе подходящая для ней та, которая опирается на правовомъ существованіи государствъ, т. е. на основахъ юридическихъ, можетъ выразиться въ такой внѣшней организаціи, которая ближе всего подходитъ къ формѣ союза государствъ (конфедера-

ціи), покоящейся на внутренней и внѣшней независимости членовъ. Связью могъ бы быть постоянный органъ (нѣчто въ родѣ конгресса) изъ представителей суверенныхъ правительствъ, съ характеромъ законодательнымъ. Постепенно осуществилась бы и идея междунар. судебного органа съ болѣе широкими задачами. Но вѣрный путь къ достиженію такой организациі есть добровольное образованіе ея государствами. Она получится сама собою, какъ только идея междунар. правового общенія пуститъ глубокіе корни, завладѣетъ сознаниемъ просвѣщеннаго человѣчества и выльется безъ всякаго насилія и внѣ искусственныхъ комбинацій въ форму внѣшняго выраженія этого общенія. Разсматриваемые съ этой точки зрѣнія, наибольшую вѣрностью отличаются проекты Блунчли и особенно Бентама. *Всѣ остальные—крайне субъективны и случайны, а нѣкоторые—просто утопіи; напр. пресловутый проектъ „Mission actuelle des souverains“, трактующій пресерьезно о какой то „европейской имперіи цивилизациі или синархіи“, обладающей „совѣтами національныхъ церквей, національныхъ государствъ и національныхъ общинъ“, изъ которыхъ первый долженъ представлять религіозную и умственную жизнь, второй—политическую и юридическую, а третій—хозяйственную жизнь народовъ.*

Если же многіе проекты (особенно древнѣйшіе) мечтаютъ о вѣчномъ мирѣ, то они грѣшатъ искусственностью и навязываются нерѣдко насильственно, тогда какъ идея мира развивается постепенно и параллельно съ развитіемъ междунар. отношеній и идеи международ. общенія. Насиліе и война—противорѣчіе самой сущности идеи мира. Вѣрно говоритъ Гольцендорфъ, что *эта идея подготавливается постепенно, частью смѣлою, частью же совокупностью разныхъ факторовъ: учрежденія государства (древнѣйшая форма замиренія людей), установленія общечеловѣческой нравственности христіанствомъ, отмѣнившимъ войну и насиліе въ принципѣ, зарожденія обще-человѣческаго права (въ сущности междунар. права), которое привело къ проектамъ вѣчнаго мира и къ организациі столь распространенныхъ и дѣятельныхъ въ послѣднее время обществъ и лигъ друзей мира, оказывающихъ нерѣдко нравственное давленіе на правительства. И хотя Гольцендорфъ возстаетъ противъ возможности и справедливости разоруженія, не считаетъ войну безусловнымъ варварствомъ (онъ допускаетъ законность оборонительныхъ войнъ), тѣмъ не менѣе онъ признаетъ въ вѣчномъ мирѣ—высшую цѣль междунар. права, вытекающую изъ сознанія человѣчества, жаждущаго нравственнаго, усовершенствованія; и только миръ приведетъ къ нравственному возрожденію человѣчества, а послѣднее въ свою очередь приведетъ къ миру.*

§ II-й. Системы политическаго равновѣсія, легитимизма и начало національности.

Указанныя въ предшествующемъ очеркѣ попытки къ организациі междунар. общенія преслѣдовали цѣль—дать этой организациі устои въ формахъ политическаго уклада съ большимъ или меньшимъ характе-

ромъ государственности, къ которому можно было пригнать идею междунар. общенія. Но на ряду съ ними междунар. отношенія и литература выдвинули нѣсколько системъ, которыя должны были организовать общеніе и скрѣпить междунар. порядокъ, такъ сказать, косвенно, не придавая ему характера формъ государственности, а путемъ внесенія въ междунар. отношенія и въ международ. право нѣкоторыхъ основныхъ принциповъ. При посредствѣ этихъ началъ полагали возможнымъ создать правильность и постоянство въ сферѣ междунар. отношеній, охраняя начало индивидуальной свободы государствъ и сочетая его съ задачами общаго порядка, т. е. междунар. общенія.

I. Древнѣйшая и простѣйшая изъ этихъ системъ—*система политическаго равновѣсія*, появившаяся вмѣстѣ съ возникновеніемъ идеи междунар. союза и правильныхъ междунар. отношеній, процарившая въ нихъ до Французской революціи. На Вѣнскомъ конгрессѣ она начинается (см. гл. II „введенія“) вытѣсняется началомъ легитимизма, затѣмъ принципомъ національности и во 2-й половинѣ нашего вѣка система политическаго равновѣсія расшатана въ междунар. отношеніяхъ, примѣняется въ нихъ, какъ „традиція прошлаго, потерявшая свой *ésprit* и свою *raison d'être*“, и поражена въ наукѣ. Соотвѣтствуя тому періоду исторіи междунар. отношеній, который характеризуется замѣтнымъ преобладаніемъ начала абсолютнаго верховенства (независимости) государствъ, это начало имѣло главнымъ образомъ въ виду охрану верховенства; косвенно же и въ конечной своей цѣли она должна была охранять начала порядка, т. е. общенія между народами. Но если она не достигала первой цѣли, то не могла достигнуть и второй, такъ какъ идея суверенитета субъектовъ международ. права неразрывно связана съ идеею высшаго порядка: *нарушеніе первой влекло за собою и потрясеніе второй*. Имѣя въ виду устраненіе войнъ и попытокъ ко всемірной монархіи, она свелась къ нарушенію того, что желала охранить, т. е. независимости и свободы государствъ, внесла разстройство и неустойчивость въ междунар. порядокъ.

а) Упомянутое о равновѣсіи въ трактатахъ мы встрѣчаемъ рѣже, чѣмъ можно было бы ожидать въ виду громаднаго значенія, которое придавалось равновѣсію въ международныхъ отношеніяхъ. *Первое упоминаніе о немъ—въ утрехтскомъ трактатѣ 1713 г.* (Англіи и Испаніи), гдѣ говорится (art. II), что миръ заключенъ „для укрѣпленія и упроченія мира и спокойствія христіанскаго міра *справедливымъ равновѣсіемъ силы, которое есть лучшее и наиболее прочное основаніе взаимной дружбы и продолжительнаго согласія*“. Съ этихъ поръ до 1813 г.—въ сколько нибудь важныхъ трактатахъ умалчивается о равновѣсіи. *Теплицкій трактатъ Австріи и Россіи* (1813 г.) говоритъ о „возстановленіи справедливаго равновѣсія силъ“ (также въ трактатахъ того же года между Австріею и Пруссіею, Австріею и Англіею); то же и въ трактатѣ Австріи и Неаполя (1814 г.), но особенно въ первомъ *парижскомъ мирѣ* (1814 г.)—„о справедливомъ распредѣленіи силъ между государствами, образующими Европу“, и въ секретномъ *параграфѣ къ парижскому трактату 30 мая 1814 г.*, гдѣ говорится о *распредѣленіи вакантныхъ территорий* „по си-

стемъ реального и продолжительнаго равновѣсія“; въ виду же этого „справедливаго равновѣсія“, Бельгія должна соединиться съ Голландіей. Самые же акты Вѣнскаго конгресса упоминаютъ о немъ въ устройствѣ Германской конфедераціи и въ трактатѣ Австріи и Нидерландовъ (1815 г.). Затѣмъ лишь въ трактатѣ 1852 года, къ которому примкнули многія державы Европы, провозглашено, что „нераздѣльность Датской монархіи разсматривается ихъ правительствами, какъ дѣло общаго интереса въ охраненіи мира и европейскаго равновѣсія“ (почти тоже повторено и въ деклараціи Франціи, Англіи, Россіи и Швеціи 1864 г. относительно Даніи, необходимой для равновѣсія на сѣверѣ). Съ обостреніемъ восточнаго вопроса западныя державы, охраняя Турцію, часто ссылаются на равновѣсіе въ протоколахъ, дипломатическихъ переговорахъ, на конгрессахъ и конференціяхъ, а также въ трактатахъ 1854 и 1855 годовъ (Англіи, Франціи и Турціи и этихъ 3-хъ державъ съ Швеціею). Множество же трактатовъ, вышедшихъ изъ войнъ, такъ или иначе затрогивавшихъ „равновѣсіе“, не упоминаютъ о немъ ни слова: таковы—договоры Виллафранкскій (1859 г.), Пражскій 1866, Франкфуртскій 1871 и Берлинскій 1878 г.

б) Невозможно отрицать, что непосредственная цѣль системы равновѣсія — защита независимости государствъ — вполне объясняется естественными законами существованія и развитія междунар. союза. Но способы и средства, составлявшіе эту систему, оказались несостоятельными. Что такое система политическаго равновѣсія? Ее можно опредѣлить приблизительно такъ: устройство порядка междунар. отношеній охраненіемъ независимости и неприкосновенности государствъ чрезъ посредство равномернаго распредѣленія между ними политическаго могущества и отраженія нападений, угрожающихъ этому установленному равномерному распредѣленію силъ. Но исторія не выработала сколько-нибудь точныхъ указаній на такія комбинаціи силъ (могущества) между державами, которыя сдѣлали бы ихъ въ данное время приблизительно равными. Пространство территоріи и число населенія не вліяютъ исключительно на это могущество; напр. Франція при Людовикѣ XIV приобрѣла большія владѣнія и населенія, но была много слабѣе въ 1713 году (Утрехтскій миръ), чѣмъ въ началѣ его царствованія. При взвѣшиваніи силы политической (могущества) надо принимать въ соображеніе совокупность факторовъ, сочетающихся между собою самымъ причудливымъ образомъ—распространеніе границъ, число населенія, его богатство, земледѣльчeskій или промышленный характеръ страны, степень культуры (Китай съ 300 милл. населенія не тоже по могуществу, что Франція или Германія), энергію правительства и народа, т. е. всю индивидуальную фizioгномію государства и населенія. Франція, напр., потеряла Эльзасъ и часть Лотарингіи, перешедшіе къ Германіи, уплатила ей 5 миллиардовъ контрибуціи, но теперь гораздо богаче Германіи и способна оказать ей серьезное сопротивленіе. Государства же очень распространенныя (Англія) слабѣе уже потому, что величина территоріи и разбросанность колоній препятствуютъ концентраціи силъ и энергичному нападенію, затрудняютъ защиту. Допустимъ даже, что можно было бы водворить равновѣ-

сіе раздробленіємъ Европы на приблизительно одинаковыя по могуществу государства. Но для этого одни государства пришлось бы уменьшить, другія—увеличить, третьи, быть можетъ, уничтожить; т. е. учинить нападеніе на ихъ суверенную независимость; слѣдовательно, для охраненія независимости и порядка приходится нападать на нихъ. А если бы комбинація осуществилась, она рухнула бы неминуемо: между видимо равными по могуществу скоро появилось бы неравенство силъ, энергіи, богатства и т. д. *Начало политическаго равновѣсія всегда неблагоприятно и національнымъ стремленіямъ, такъ какъ во имя равновѣсія (напр. на Вѣнскомъ конгрессѣ) приходилось сплачивать, сшивать различныя національности въ одномъ государственномъ тѣлѣ, раздроблять единую національность между различными политическими тѣлами. Выпадая всегда на долю побѣдителей, не щадившихъ побѣжденныхъ, оно было проникнуто идеею случайности и субъективизма, началомъ усмотрѣнія; а такъ какъ, благодаря невозможности комбинировать заранее все факторы, образующіе могущество (силу) государства, оно страдало неопредѣленностью (т. е. отсутствіемъ опредѣленныхъ правилъ для комбинацій) и непостоянствомъ въ сочетаніи силъ, то отсюда понятно, почему государства, питая свою алчность и стремленіе къ расширенію, всегда требовали, при захватѣ кѣмъ либо лакомаго кусочка, и для себя т. наз. „пропорціональныхъ приращеній и пріобрѣтеній“.* Такимъ образомъ, одна какая нибудь территориальная комбинація влекла за собою многія другія, захватъ сильными у слабыхъ; послѣдніе всегда были обречены на жертву произвола сильныхъ, порождаемаго интересами династической политики и возрѣнія на государство (на территорію и населеніе) какъ на объектъ для захвата и полного, безконтрольнаго распоряженія. Династическая политика поддерживала систему, весьма выгодную для своекорыстной политики. *Политическое равновѣсіе нисколько не охраняло права народовъ, не поддерживало сознанія обязанностей, а приносило ихъ въ жертву случайнымъ, измѣнчивымъ комбинаціямъ, расшатывавшимъ междунар. порядокъ, въ которомъ не могло быть должной устойчивости.* Неопредѣленность содержанія этого неустойчиваго понятія видна, напр., изъ того, что на Вѣнской конференціи 1855 года союзники требовали изгнанія Россіи съ Чернаго моря „во имя равновѣсія и охраны неприкосновенности Турціи“, а русскій уполномоченный настаивалъ на сохраненіи за Россіею права содержать военный флотъ на Черномъ морѣ во имя той же „независимости“ Порты и того же „европейскаго равновѣсія“.

Система политическаго равновѣсія имѣетъ и другой принципиальный недостатокъ. Въ лучшемъ ея видѣ, она стремится къ охраненію извѣстнаго status quo, признаннаго приблизительно удовлетворяющимъ равновѣсію. Но тогда надо его укрѣпить навсегда для упроченія мира, являющагося въ этой системѣ средствомъ; но вѣрно замѣтилъ еще Лоранъ, что самъ по себѣ „миръ, какъ средство укрѣпить данное положеніе,—самая нераціональная и неосуществимая изъ всѣхъ концепцій, такъ какъ она стремится къ тому, чтобы „сдѣлать человечество неподвижнымъ и укрѣпить его навсегда въ извѣстномъ положеніи“, при томъ же случайномъ и произвольномъ. Сама система была всегда „только фактомъ,

воздвигнутымъ въ право, фактомъ произвольнымъ и случайнымъ“. Но укрѣпленіе факта на вѣчныя времена—физически невозможно, да и нежела-тельно въ виду закона естественныхъ измѣненій, роста, паденія и унич-тоженія государствъ.

Если же говорятъ, что во имя „равновѣсія“ составлялись союзы слабыхъ для противодѣйствія сильнымъ, не разъ разрушавшіе поползнове-нія ко всемірной монархіи, то это указываетъ вовсе не на устойчи-вость и опредѣленность понятія о равновѣсіи, а на то, что количество и качество силъ соединяющихся по инстинкту самосохраненія, являлись про-дуктами условій даннаго времени и обстоятельствъ, а не постоянною, строго опредѣленною комбинаціею силъ. Во всякомъ случаѣ торжество этой си-стемы осудило бы Европу на состояніе „вѣчнаго покоя и однообразія“.

с) Политическое равновѣсіе имѣло и продолжаетъ имѣть защит-никовъ среди современныхъ публицистовъ, особенно же среди диплома-товъ старой школы. Но всѣ недостатки этой системы всецѣло отража-ются и на аргументаціи ея защитниковъ (Филлиморъ, Гефферъ, дипло-матъ Гагернъ, въ его „Kritik des Völkerrechts“). Количество же против-никовъ ея и прежде было не мало, а теперь все возрастаетъ. Такъ, еще *Георгій Мартенсъ* упрекаетъ эту систему въ „неопредѣленности, колеба-ніяхъ и произвольности ея основъ“ (почти то же говоритъ о ней и *Клю-беръ*); *Оппенгеймъ*—называетъ ее „системою зависти и обоюднаго ослаб-ленія, употреблявшейся въ защиту самостоятельности и противъ само-стоятельности другихъ“. Она вызвала „войнъ столько же, сколько должна была предотвратить“. „Равновѣсіе“, говоритъ *Ganesco*, „никогда не су-ществовало и всякій понималъ его по своему“; эта „филантропическая утопія очень нравилась завоевателямъ“ (*Ришаръ*); невѣрная по содер-жанію, на практикѣ „она не принимала въ соображеніе противополож-ныхъ династическихъ правъ и національныхъ притязаній“ (*Брокгаузъ*). Конечно, *Лоримеръ* заходитъ далеко, говоря, что она „съ начала до конца была не болѣе какъ провозглашеніемъ международной анархіи“, но совершенно правъ, утверждая, что внутренняя ея несостоятельность высказалась въ неспособности ея образовать хотя бы что нибудь похо-жее на законодательные, судебные и исполнительные органы для между-народнаго порядка.

II. Система легитимизма (законности). Если начало политическаго равновѣсія было по существу своему чисто политическимъ принципомъ, проведеніе котораго должно было охранить междунар. порядокъ, то на-чало легитимизма имѣетъ безспорно сильную юридическую окраску (*Буль-меринкъ* и *Брокгаузъ*). Ему можно дать такое опредѣленіе: „законное наслѣдованіе извѣстнымъ лицомъ государственной власти, коренящееся въ принадлежности этого лица къ извѣстной правомѣрной семьѣ и укрѣпленное историческими традиціями“. Въ этомъ государственно-право-вомъ смыслѣ легитимизмъ очень старъ; въ приведенной формулѣ выра-жается еще средневѣковое представленіе о государственной власти, какъ о собственности на территорію и ея населеніе, къ которому при-соединилось еще метафизически-богословское воззрѣніе на происхожде-ніе этой власти свыше, отъ вѣлній Божества, охраняющаго ее. Выдви-

нуете съ особенною силою, какъ протестъ противъ доктринъ революціи, оно получило въ государственномъ правѣ богатую и всестороннюю разработку въ ученіяхъ Бональда (въ 1802 г.), Де Мэстра (Du Pare—1817 г.), Малекранша (1837), а въ смягченномъ видѣ, съ приведеніемъ его въ нѣкоторое соотвѣтствіе съ жизненными условіями современнаго общества—въ ученіи Фридриха Штала (Die Philosophie des Rechts, 1854—56 г.) Но въ международныя отношенія систему легитимизма перенесли сознательно только съ Вѣнскаго конгресса, когда она вступила въ борьбу съ началомъ политическаго равновѣсія и, вытѣснивъ послѣднюю въ эпоху конгрессовъ, слѣдовавшихъ за Вѣнскимъ, стала вполне законченною стройною системою (См. введение, гл. II, періодъ 4-й). И тогда какъ, политическое равновѣсіе имѣло въ виду главнымъ образомъ охраненіе самостоятельности и независимости государствъ, а охрану международного порядка лишь косвенно и въ своей конечной цѣли, начало легитимизма, перенесенное на междунар. почву, поставивъ на задній планъ идею независимости государствъ, даже прямо попирая ее, стремилось къ упроченію и охраненію высшаго начала междунар. отношеній и междунар. права, т. е. международного порядка.

Такъ какъ легитимизмъ опирался на вышеприведенное юридическое основаніе, а въ монархической (абсолютной) власти видѣли идеальную форму государственнаго устройства, то казалось необходимымъ поддерживать или вводить легитимизмъ нравственно, а въ чрезвычайныхъ случаяхъ и посредствомъ вооруженнаго вмѣшательства въ сосѣднія государства. Т. е. междунар. союзъ беретъ на себя защиту порядка, основаннаго на „правомѣрныхъ монархіяхъ Божественнаго права“, посредствомъ созданія или возстановленія легитимизма тамъ, гдѣ онъ палъ подъ напоромъ внутренней революціи или завоеванія. Понятно, что легитимизмъ противенъ завоеванію, такъ какъ ни одинъ государь не можетъ быть лишенъ владѣній, неразрывно связанныхъ съ законнымъ династическимъ наслѣдованіемъ престола, котораго не можетъ лишить его ни узурпація внѣшняя, ни революція внутренняя. Владѣніе же государственною территоріею и населеніемъ — есть правомѣрная собственность, неразрывная часть владѣнія верховною властью по праву династическаго наслѣдованія, установленному закономъ и божественною властью въ извѣстной семьѣ. Собственника верховной власти никто судить не можетъ (кромѣ Всевышняго), почему завоеватель, не будучи судьей надъ равнымъ себѣ, не можетъ ни лишить побѣжденнаго государя престола, ни части его земель. И только трактатъ, добровольно заключенный, можетъ освятить отторженіе территоріи въ пользу побѣдителя. Междунар. союзъ, какъ высшая инстанція, печется о ненарушимости священныхъ правъ монарховъ на ихъ владѣнія, осуждаетъ завоеваніе и не признаетъ его праворождающимъ факторомъ въ междунар. отношеніяхъ. Онъ же признаетъ незаконность всего того, что создано или передѣлано завоевателемъ на извѣстной территоріи и что можетъ быть отмѣнено потомъ легитимною властью; самое время, протекшее между изгнаніемъ законной власти и ея возвращеніемъ къ власти (res titutio in integrum),—какъ бы не существуетъ. Т. е. легитимизмъ на

международной почвѣ оберегалъ только интересы династическаго наслѣдованія, абсолютизма; онъ созидаль порядокъ на легитимистическихъ началахъ, послѣдствіе его — миръ для Европы и благо человѣчества. Для „порядка“ эта односторонняя система, отождествлявшая государство и носителя верховной власти и не знавшая народа и его правъ, осудила измѣненія и реформы внутри, хотя бы они и коренились въ насущныхъ потребностяхъ времени и народа, а также всякія измѣненія въ системѣ внѣшнихъ отношеній между государствами. И въ отдѣльныхъ государствахъ и въ междунар. союзѣ думали создать не только прочный, но и „вѣчный“ порядокъ. Всякій порядокъ долженъ обладать возможною степенью ненарушимости противъ насилія; но изъ этого вовсе не проистекаетъ неизмѣнность правового порядка. „Ненарушимое господство права (Брокгаузъ) тѣмъ именно и охраняется, что оно можетъ быть измѣнено определеннымъ, въ немъ самомъ заключеннымъ способомъ. Оно отнюдь не можетъ быть разсматриваемо, какъ вѣчное существованіе тѣхъ или иныхъ правовыхъ положеній; ненарушимость правового порядка означаетъ только непрерывность правового состоянія“. Если же нѣтъ органа, исправляющаго правовыя основанія и замѣняющаго новыми основы уже отжившія, то это — прямой путь къ революціямъ; т. е. легитимизмъ, оберегавшій Европу отъ революцій и потрясеній внутри и внѣ, осуждалъ ее на застой и приводилъ къ революціямъ и потрясеніямъ порядка; онъ былъ „тиранією определеннаго принципа“, закрывавшаго правомѣрные пути для естественной потребности къ измѣненію легитимнаго основанія. Система легитимизма грубо нарушала начало внутренней независимости государствъ, такъ какъ вторгалась во внутреннюю ихъ жизнь, чего не дѣлала система политическаго равновѣсія, давила свободу и прогрессъ, вводила невозможное однообразіе государственныхъ формъ, т. е. обезличивала государства, при томъ путемъ насилія (вооруженнаго вмѣшательства). Подавляя же внутреннюю независимость (суверенитетъ) государствъ, легитимизмъ, вполнѣ и очевидно враждебный и національному началу, не могъ ни создать, ни прочно охранить междунар. порядокъ.

III. *Начало національности.* а) Зародыши національной идеи лежатъ еще въ эпохѣ реформаціи, но были задавлены началами политическаго равновѣсія; получивъ болѣе определенныя очертанія въ эпоху французской революціи, національный принципъ былъ опять же подавленъ системою легитимизма. Онъ воспрялъ (глава II „введенія“, періоды 4-й и 5-й) съ новою силою послѣ Вѣнскаго конгресса, повліялъ на разрушеніе нѣкоторыхъ старыхъ и на созданіе новыхъ государствъ и значительно измѣнилъ характеръ отношеній между народами. Только постепенно, послѣ упорной борьбы, получилъ онъ признаніе въ трактатахъ, на конгрессахъ и конференціяхъ, вынудилъ дипломатію къ серьезнымъ уступкамъ и, отбросивъ на задній планъ идею политическаго равновѣсія, сокрушилъ совершенно систему легитимизма. Тѣмъ не менѣе и въ настоящее время націон. принципъ не получилъ еще широкаго и послѣдовательнаго оффиціального признанія, что объясняется опасностью этого начала, клонящагося къ уничтоженію или къ совершенному пересозда-

нію нѣкоторыхъ изъ существующихъ государствъ. *Новое начало* (національности) стремилось пересоздать порядокъ на основѣ свободы и независимости государствъ, построенныхъ на національномъ фундаментѣ. Оно требуетъ, чтобы націи совпали съ понятіемъ о народѣ (*Volk*) въ государственномъ смыслѣ, т. е. чтобы границы государствъ и національностей совпали между собою. *Національная идея* имѣетъ въ виду охранить это новое, національное государство, т. е. является началомъ, разрушающимъ понятіе о прежнемъ государствѣ, поскольку послѣднее образовалось завоеваніемъ, дареніемъ, куплею-продажею, мѣною или другими способами, посредствомъ которыхъ сливали въ одно цѣлое провинціи, различныя по національностямъ. *Національный принципъ* имѣетъ цѣлью создать болѣе прочный порядокъ, въ который должны войти отдѣльные члены (національныя государства), удовлетворенные въ своихъ естественныхъ стремленіяхъ, что должно сократить поводы къ столкновеніямъ между ними, создать цѣльность стремленій и установить болѣе правильную въ отношеніяхъ между государствами.

Въ указанномъ смыслѣ *національное начало*, опирающееся на безспорные историческіе факты, жизнеспособно; оно перестраивало не всегда правильную конструкцію давно создавшихся государствъ. Разъ ему удалось пересоздать государство, породить новое политическое тѣло, т. е. слиться съ государствомъ (образовать національное государство), оно должно быть признано. *Т. е. оно есть политическій принципъ, вліявшій и продолжающій вліять на конструкцію государственныхъ тѣлъ, которыя не перестаютъ быть субъектами междунароудн. права, хотя бы они и совершенно не удовлетворяли требованіямъ національнаго принципа, до тѣхъ поръ, пока національныя стремленія не сдѣлались настолько могущественными, чтобы побѣдить и измѣнить прежній складъ государства.*

Поэтому, слѣдуетъ устранить увлеченія многихъ итальянскихъ писателей, которые приводятъ нерѣдко къ установленію въ корнѣ ложнаго взгляда на національности, не перешедшія еще въ государства, какъ на субъекты междунар. права; такой взглядъ вноситъ путаницу въ понятія, анархію въ междунар. отношенія. Этими крайностями объясняется до нѣкоторой степени и враждебное отношеніе многихъ серьезныхъ писателей къ національному принципу.

Что же такое національность (*Nation*), могущая привести къ образованію государства, т. е. выразиться въ политической формѣ государственнаго тѣла? Выдвинуто болѣе 50 опредѣленій, что указываетъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей (напр., Гвидо-Паделетти), на неопредѣленность и растяжимость самаго понятія. Но опредѣленіе сложнаго понятія изъ области соціальныхъ явленій всегда трудно; и все же безъ труда можно подмѣтить черты сходства среди многочисленныхъ опредѣленій. *Величайшее заблужденіе полагаютъ въ основу опредѣленія одинъ какой нибудь признакъ* (напр. раса—у Deloche, языкъ—у Воеск'а, единство цѣли—у Bucher, и т. д.); поэтому другіе писатели кладутъ въ основаніе опредѣленія совокупность признаковъ, при чемъ одни напираютъ преимущественно на признаки нравственные и духовные (Джонъ Стюартъ Милль, Паскаль-Фіоре и Маміани), а другіе—главнымъ образомъ на признаки

матеріальні (напр. Манчини). *Правильний путь*—сочетаніе элементовъ (признаковъ) духовныхъ и матеріальныхъ, изслѣдованіе которыхъ даетъ возможность выяснитъ ихъ значеніе въ отдѣльности и въ совокупности для состава понятія національности, которое можно опредѣлитъ такъ: *тѣсное и естественное соединеніе на опредѣленной территоріи людей общаго происхожденія, языка, сознающихъ свою коллективную личность, свободно и энергически преслѣдующихъ общія цѣли дѣятельности въ организованномъ социальномъ сожитіи* (исправленныя и дополненныя формулы Манчини и Маміани).

в) *Международ. союзъ*, охраняющій личную свободу индивидуума, не долженъ препятствовать жизнеспособнымъ національностямъ въ ихъ стремленіи къ образованію государствъ; онъ обязанъ невмѣшательствомъ въ образованіе послѣднихъ. Въ многочисленныхъ примѣрахъ національнаго образованія государствъ видятъ часто одни факты (Бульмеринкъ), или считаютъ національный принципъ и „безполезнымъ и опаснымъ“ (Гвидо-Паделетти); другіе писатели утверждаютъ, что право національности отнюдь не болѣе сильно, чѣмъ право, признавшее соединеніе различныхъ національностей въ одно государство (Бульмеринкъ, Робертъ фонъ Моль и др.). Наконецъ, рассматриваютъ „национальную революцію“, когда она не оправдывается безусловно нравственнымъ закономъ (Роб. Моль), какъ „величайшее преступленіе и грубѣйшую ошибку“. Но при этомъ упускаютъ изъ виду, что: 1) *множество фактовъ, исходящихъ изъ однихъ основаній, стоящихъ въ связи между собою* (а таковы многіе факты національныхъ движеній и сложенія національныхъ государствъ), *обязываютъ къ выведенію изъ нихъ общаго имъ начала;* 1) *опасность* — понятие относительное и условное; не менѣе „опасно“ и неудовлетвореніе законныхъ національныхъ стремленій. Подавленіе же вполне окрѣпшихъ и жизнеспособныхъ національностей всегда потрясало междунар. порядокъ, движенія же, не имѣющія достаточной энергіи и жизнеспособности, легко подавляются непосредственно заинтересованными въ нихъ государствами, или же скоро сами собою замираютъ. Национальность, обладающая всѣми указанными въ нашей формулѣ элементами, становясь государствомъ, тѣмъ самымъ проявляетъ въ себѣ законъ прогресса и естественнаго измѣненія государствъ, который не можетъ быть игнорируемымъ междунар. союзомъ и междунар. правомъ подъ угрозой застоя и регресса въ междунар. отношеніяхъ; 3) наконецъ, вполне сложившаяся національность, освобождаясь хотя бы революціоннымъ путемъ, получаетъ оправданіе именно въ нравственномъ законѣ. Наврядъ-ли, напр., можно оспаривать ссылками на „нравственный законъ“ революціи Бельгіи, Греціи, областей Италіи и освободительныя войны Сербіи, Румыніи и Болгаріи! А когда говорятъ, что *национальный принципъ идетъ въ разрѣзъ съ трактатами*, на уваженіи къ которымъ покоятся междунар. отношенія и междунар. право, то, во 1-хъ, трактаты—не вѣчны и жизнь націй не можетъ быть скована договорами вѣчными и неизмѣнными, во 2-хъ, они могутъ и должны быть пересматриваемы и измѣняемы непосредственно заинтересованными сторонами и междунар. союзомъ, когда дѣло идетъ о порядкѣ вещей, освященномъ въ трактатѣ, но затрогивающемъ

права и интересы всего междунар. союза. Такъ рассуждали и руководящія державы, отмѣняя на Лондонской конференціи 1831 г. постановленія Вѣнскихъ трактатовъ о соединеніи Бельгіи и Голландіи, создавая постановленія Парижскаго конгресса 1856 г. (относительно Сербіи и Румыніи), на Берлинскомъ конгрессѣ 1878 г. и т. д.

Возражаютъ еще, что начало національности угрожаетъ духу общенія между народами, сглаживающему индивидуальныя различія (Rüdigger), такъ сказать нивелирующему человека и народы. Но еще очень спорно, чтобы развитіе культуры вело къ обезличенію человека и національной фізіогноміи народовъ. Пока все народы, не смотря на сильно развѣвшіяся сношенія, продолжаютъ сохранять свои индивидуальныя (національныя) черты и скорѣе правъ Лоранъ, утверждающій, что начало индивидуализма (національности) вполне примиряется съ началомъ единства (человѣчества), такъ же, какъ въ междунар. союзѣ и междунар. правѣ вполне примиримы начало верховенства государствъ съ принципомъ высшаго между ними порядка (междунар. правоваго общенія). Еще распространеннѣе то возраженіе, которое усматриваетъ въ національномъ началѣ элементъ раздора и войнъ. Національная независимость покупалась цѣною кровопролитныхъ войнъ, громаднхъ жертвъ (Dupont-White): „націи не знаютъ морали, присущей индивидууму, способной сдѣлаться закономъ; законъ націи—ея жизнь, т. е. независимость, сводящаяся къ числу жителей и пространству территоріи“. „Нужда жизни для однихъ—смертельна для другихъ“. Но этому можно противопоставить: 1) война была крайнимъ средствомъ для достиженія національностью независимости, въ которой отказывали трактаты и дипломатія; если бы національное начало получало при помощи междунар. союза законное и своевременное признаніе тамъ, гдѣ оно имѣло всѣ права на это послѣднее, очень многія войны (особенно XIX в.) были бы устранены. Съ достиженіемъ національностью независимости исчезаютъ и нѣкоторые шансы на войну; въ частности, напр., современная Италія имѣетъ меньше шансовъ на войну съ Австріей, нежели имѣла ихъ Италія эпохи Вѣнскаго конгресса. Торжество начала національности можетъ привести къ отождествленію народной политики съ политикою правительства, стоящаго подъ контролемъ общественнаго мнѣнія, сознательно относящагося къ внѣшней политикѣ; а современные народы—положительно скорѣе миролюбивы, чѣмъ воинственно настроены; 2) націи состоятъ изъ индивидуумовъ, обладающихъ en masse моралью; можетъ ли не быть моральныхъ началъ у націи? Во всякомъ случаѣ національныя войны XIX вѣка выработали такія правила для болѣе гуманнаго веденія и ограниченнаго примѣненія войны, о которыхъ и мечтаютъ нечего было при прежнихъ войнахъ. Поэтому, болѣе правильнымъ представляется намъ мнѣніе (Deloche), согласно которому „національности высказываютъ себя въ послѣднее время все болѣе терпимыми и расположенными къ уступкамъ во всемъ, что не касается ихъ независимости, такъ какъ онѣ сознаютъ, что должны работать сообща на пользу усовершенствованія человѣческаго существа и соціальнаго строя“. Нельзя вполне согласиться

съ Лораномъ, который говоритъ, что „начало національности—лучшая гарантія мира“; имѣются и другія причины для войнъ. Но удовлетвореніе національныхъ стремлений, если бы оно было взято подъ охрану и контроль междунар. союза, уменьшитъ значительно шансы на войны, т. е. дастъ лишнее основаніе для замиренія народовъ и, слѣдовательно, для устроенія устойчиваго междунар. порядка, который долженъ признавать всякое государство субъектомъ междунар. отношеній и междунар. права, но обязанъ охранять національности, имѣющія законное право на государственную независимость, жизнеспособныя и энергично защищающія свои требованія—быть независимыми государственными тѣлами.

ГЛАВА III.

Органы общенія.

Литература. Изъ русскихъ сочиненій: *О конгрессахъ и конференціяхъ*—см. у *Ф. Мартенсъ*—т. I, часть общая; *Графъ Л. Камаровскій*—О междунар. судѣ, книга I; *В. Даневскій*—Конгрессы и конференціи, въ журналѣ „Наблюдатель“ за 1884 г.

О междунар. судѣ. *Графъ Камаровскій*—только что названное сочиненіе (единственное полное изслѣдованіе въ русской литературѣ); статьи (журнальныя)—*Его же*—О внутреннемъ основаніи идеи междун. суда (Юрид. Вѣстн. 1882 г.), *Храбро-Василевскій*—о междун. третейскомъ судѣ (въ журналѣ гражд. и угол. права за 1881 г.), также у *А. Стоянова*—„Очерки“; немного у *Иванова*—„Характеристика“.

О междун. администраціи—*Мартенсъ* т. II, глава I.

О посольскомъ правѣ: *Ф. Мартенсъ*, тамъ же; у *Стоянова*—„Очерки“; также *М. Капустинъ*—Дипломатическія сношенія Россіи съ Западной Европой, 1852 г.; особенно у *Эйхельмана*—Конспектъ лекцій, выпускъ IV.

О консулахъ.—Кромѣ общихъ русскихъ учебниковъ (*Мартенсъ*, *Стояновъ*), см. спеціальныя монографіи—*Ф. Мартенсъ*—О консулахъ и консульской юрисдикціи на Востокъ, 1873 г.; *Наумовъ*—Консульское право Европы и Америки, 1856 г.; *М. Капустинъ*—Обозрѣніе предметовъ междун. права, 1856—59 г. (3 выпуска), см. вып. II.

Изъ иностранныхъ. *О конгрессахъ и конференціяхъ*: кромѣ общихъ сочиненій—*Геффтера*, *Блунчи*, *Филлимора*, *Треверсъ-Твисса*, особенно у *Calvo*—*Le droit Internat.* tome III и друг.; спеціальныя монографіи: *W. Zaleski*—*Die völkerrechtliche Bedeutung der Kongresse*, 1874 г. и *Berner*—*Kongresse und Friedenschlüsse der neueren Zeit*, въ сборникѣ *Bluntschli*—*Staatswörterbuch*, т. V.

Собраніе актовъ и постановленій отдѣльныхъ конгрессовъ или критическія изслѣдованія отдѣльныхъ конгрессовъ можно найти (кромѣ общихъ историческихъ сочиненій):

О *Вестфальскомъ конгрессѣ*: *Meiern*—*Acta pacis Westphalicae*, 1734—1736 г (единств. полное собраніе актовъ этого конгресса); краткія указанія у *Flassan*—*Histoire de la Diplomatie française*, 1811 г. т. III, и у *Garden*—*Histoire générale des traités de paix*, т. I). Объ *Утрехтскомъ конгрессѣ* 1713 г. у *Dumont*—*Corps Diplomatique*, т. VIII.

О *Вьнскомъ конгрессѣ* (писано очень много): *Angeberg*—*Congrès de Vienne et les traités de 1815* г.; особенно же у *Klüber*—*Acten des Wiener Congresses*, VII томовъ, 1815—1817 г.; а также—*Correspondance inédite du prince de Talleyrand et du roi Louis XVIII pendant le congrès de Vienne*, par Pallain, 2 изданіе, 1881 г.; *Flassan*—*Histoire du Congrès de Vienne*, 3 т. 1829 г.; нѣкоторыя указанія у *Metternich*—*Mémoires*, изд. Klinkowstralm, 3 изд. 1881 г.

О *Веронскомъ конгрессѣ*: *Schaumann*—*Geschichte des Congresses von Verona* (въ *Baumer's*—*Historisches Taschenbuch*, 1855), *Chateaubriand*—*Congrès de Verone*, 3 тома.

О *Парижскомъ конгрессѣ*—*Etude diplomatique sur la guerre de Crimé* par un ancien diplomate, 1874 г.; акты его напечатаны въ большомъ сборникѣ *Martens* (*Samwer*), т. II-й.

О Берлинскомъ конгрессѣ: *Berner*—Die Orientfrage beantwortet durch die Verträge von 1856 und 1878, 1878 г.; полные акты его со всеми текстами трактатовъ и конвенцій, касающихся восточнаго вопроса съ 1841 г. у *Brunswik* — Le traité de Berlin annoté et commenté, 1878 г.; *Bonghi*—Il congresso di Berlino et la crisi d'Oriente, 1878 г.; въ особенности же *Bluntschli*—Le Congrès de Berlin (въ Revue de droit international за 1877 г., 1880 и 1881 годы).

О международномъ судѣ:—Очень много указаній въ общихъ сочиненіяхъ, напр. особенно полно у *Calvo* — Le droit international, t. III; указанія у *Блунчли*, *Треверсъ-Твисса* и т. д.; не мало и специальныхъ монографій и статей: *Bulmerincq*—Schiedsspruch (въ Rechtslexikon — Holtzendorff'a, 1881 г.); *Pierantoni* — Gli arbitrati Internazionali, 1872 г.; *Charles Lucas* — de la Substitution de l'arbitrage à la voie des armes, 1873 г.; *Rouard de Card*—L'arbitrage international, 1877 г.; работы института междунар. права—*Goldschmidt*—Projet de règlement pour la procedure arbitrale, напечатанный въ „Annuaire de l'Institut“, 1877 (переводъ его напечатанъ графомъ Камаровскимъ—„Первое трехлѣтіе института междунар. права“, 1877 г.); статьи *Rolin-Jacquyns'a* (Ролень-Жакмень) въ Revue de droit international, 1872 г., 1875. Впрочемъ все эти монографіи и статьи относятся больше къ междунар. третейскому суду и имѣютъ лишь косвенное отношеніе къ вопросу объ общемъ междунар. судѣ. О послѣднемъ смотри: *Trendelenburg*—Lücken im Völkerrecht, 1870 г., *Seebohm*—De la réformé du droit des gens (съ англійскаго) 1873, *Bara*—La science de la paix (1872 г.), *Goblet d'Alviella* — Désarmer ou déchoir, 1872 г., *Larroque*—De la Création d'un code de droit international et de l'Institution d'un haut tribunal, 1875; извѣстныя уже намъ сочиненія *Lorimer'a* и *Bluntschli*; *Laveleye*—Des causes actuelles de guerre en Europe et de l'arbitrage, 1873 г.

О международной администраціи: *Lorenz von Stein* — Bemerkungen über das internationale Verwaltungsrecht—у *Schmoller'a*, въ его Jahrbuch für Gesetzgebung, 1882 г.; *Laband*—Staatsrecht des Deutschen Reichs, 2-й томъ; *Jellinek*—Die Lehre von den Staatenverbindungen, 1882 г.; *Brie*—Theorie der Staatenverbindungen, 1886 г.

О посольскомъ правѣ (громадная литература). Извѣстнѣйшія сочиненія (кромѣ значительныхъ отдѣловъ у *Филлимора*, т. II, *Calvo*, т. III, *Wheaton'a*, *Паскаля Фиоре*, *Блунчли*, *Гольцендорфа* (Handbuch) и мн. др.): *Miruss*—Das Europäische Gesandtschaftsrecht 1847 г.; *Alt*—Handbuch des Gesandtschaftsrechts 1870 г.; *Charles de Martens*—Guide Diplomatique (5 изд. *Geffken'a*) 1866 г.; *Pradier-Fodéré*—Cours de droit diplomatique 1881 г.; *Pasquale-Fiore*—Agenti Diplomatici, 1883 г.; небольшая статья *Slatin*—De la jurisprudence sur les agents diplomatiques (въ Journal du droit internat. privé, 1884 г.).

О консульскихъ учрежденіяхъ (громадная литература). Важнѣйшія сочиненія (кромѣ значительныхъ отдѣловъ въ общихъ сочиненіяхъ): *Miltitz*—Manuel des Consuls, *König* — Handbuch des deutschen Konsularwesens, 3 издание 1885 г.; *De Clercq et de Vallat*—Guide pratique des Consulats, 4 тома (1880 г.); *Mikonios*—Les Consuls en Orient et les tribunaux mixtes, 1881 г. (См. у графа Камаровскаго—Обзоръ соврем. литературы, глава III); *Lawrence* (комментаторъ *Wheaton'a*)—томъ IV (1880 г.); особенно подробно о консулахъ на востокѣ у *Contuzzi* — La Instituzione dei Consolati in Oriente, 1885 г.

А) I. Конгрессы и конференціи. По идѣ своей они—органы правового общенія между народами, которые должны имѣть характеръ законодательный для международнаго союза, т. е. устанавливать общія нормы для упорядоченія интересовъ между народами и для построенія порядка ихъ взаимныхъ отношеній. Поэтому они должны быть постоянными или по крайней мѣрѣ періодическими собраніями уполномоченныхъ всѣхъ просвѣщенныхъ государствъ, заседающихъ въ нихъ на правахъ полного равенства для рѣшенія и законодательнаго опредѣленія всякихъ вопросовъ общаго интереса.

Но совсѣмъ не такова была дѣйствительная роль этихъ собраній. Они были случайными, всегда временными собраніями представителей государствъ для рѣшенія вопросовъ международнаго свойства; они собирались по усмотрѣнію непосредственно заинтересованныхъ державъ, когда это представлялось для нихъ выгоднымъ и желательнымъ. Начало равенства не только въ правѣ участія на этихъ собраніяхъ, но и въ правѣ равнаго обсужденія поднятыхъ вопросовъ долго не признавалось: участвовали и рѣшали дѣла чаще одни сильнѣйшіе, тѣ, которые являлись въ данное время руководителями международнаго союза. Исторія междунар. отношеній не знаетъ еще ни одного конгресса, ни одной конференціи, въ которой участвовали бы всѣ члены европейскаго междунар. союза. (Конгрессъ Вѣнскій, но особенно Берлинская Африканская конференція и Женевская 1864 г. наиболѣе подходятъ къ типу общихъ конгрессовъ и конференцій). Всѣхъ конгрессовъ, начиная съ перваго (Вестфальскаго—отъ 1641 по 1648 г.) и кончая Берлинскимъ (1878 г.) насчитывается 25, изъ которыхъ на шести (Эрфуртскомъ, Вѣнскомъ, Ахенскомъ 1818 г., Троппаускомъ, Лайбахскомъ и Веронскомъ) присутствовали и государи (на Эрфуртскомъ—одни государи) съ ихъ министрами. Конференцій очень много; они появляются въ XIX вѣкѣ и нѣкоторыя изъ нихъ по своему значенію и результатамъ ничуть не уступаютъ конгрессамъ (напр. Берлинская Африканская).

Вообще говоря, трудно установить существенное различіе между конгрессами и конференціями. Одна изъ лучшихъ попытокъ этого рода принадлежитъ Ф. Мартенсу (намѣчена еще ранѣе Кальво), который различаетъ ихъ: а) по личности представителей; б) по предметамъ обсужденія и с) по цѣлямъ. Онъ утверждаетъ, что на конгрессахъ присутствуютъ государи или важнѣйшіе представители, имѣющіе уполномочіе на заключеніе договоровъ и соглашеній, тогда какъ на конференціяхъ участвуютъ „делегаты, назначенные съ рѣшительнымъ или совѣщательнымъ голосомъ, рѣдко министры и никогда государи“; что предметы обсужденія первыхъ—важные жизненные интересы государствъ и всего междунар. союза, а вторыхъ—существующихъ уже обязательствъ и ихъ истолкованіе или же подготовленіе рѣшенія важнаго дѣла (напр. Брюссельская конференція 1874 г.); и что, наконецъ, первые—пытаются рѣшать спорный вопросъ, предупредить войну или недоразумѣнія между государствами и обезпечить сохраненіе междунар. правопорядка, тогда какъ вторыя—новыхъ началъ не провозглашаютъ, а только развиваютъ существующія и лишь готовятъ разрѣшеніе спорныхъ вопросовъ.

Попытка проф. Мартенса (и Кальво) не может быть признана удачною. Хотя рѣдко, но государи участвовали на конференціяхъ (напр. Пильницкая конференція 1792 г. трехъ государей, на которой рѣшено вооруженное вмѣшательство въ дѣла Франціи); первые же министры и послы съ громадными полномочіями—сплошь и рядомъ принимаютъ участіе въ конференціяхъ нашего вѣка (напр. Константинопольская конференція 1877—78 г., особенно же Берлинская Африканская); а на многихъ важныхъ конгрессахъ—государи совершенно отсутствовали (напр. на Парижскомъ 1856 и Берлинскомъ 1878 г.). Польза и необходимость присутствія самихъ государей даже оспаривается: при безотвѣтственности ихъ съ одной, при необходимости контроля въ конституціонныхъ монархіяхъ надъ дѣятельностью министровъ и дипломатическ. агентовъ съ другой стороны, наврядъ ли можно ожидать, чтобы прежняя практика личнаго участія государей въ междунар. собраніяхъ получила дальнѣйшее развитіе; лишь эпохи династической политики и легитимизма были благопріятны личному участію государей въ междунар. конгрессахъ. Что же касается до предметовъ вѣдомства и обсужденія, то и конференціи весьма часто обсуждали предметы жизненной важности для государствъ и всего междунар. союза: достаточно припомнить важное для Голландіи и всей Европы собраніе 1831 г., носившее названіе „конференціи“, постановившей отдѣленіе Бельгіи отъ Голландіи, т. е. отмѣну одного изъ важнѣйшихъ постановленій Вѣнскихъ трактатовъ; то же—относительно Лондонскихъ конференцій 1864 г. (по вопросу датско-германскому) и въ особенности относительно Берлинской Африканской конференціи, имѣвшей громадное значеніе для междунар. союза. Наконецъ, весьма многія конференціи то же имѣли въ виду, какъ и конгрессы, рѣшаютъ спорные вопросы (напр. Берлинская Африканская, Парижская 1858 г. относительно Дунайскихъ княжествъ), предупреждать войну (Константинопольская 1877 г., Лондонская 1867 г.—по вопросу о Люксембургѣ и т. п.) и обезпечить сохраненіе междунар. правоваго порядка (Лондонскія 1864 и 1867 гг., Парижская 1868—по поводу столкновенія Греціи и Турціи вслѣдствіе возстанія на островѣ Критѣ, Константинопольская 1886 г. по дѣламъ Восточной Румеліи и т. д.).

До настоящаго времени нельзя установить никакого серьезнаго различія между конгрессами и конференціями. Замѣчено лишь, что конгрессы слѣдовали обыкновенно за большими междунар. войнами и что созывъ и совѣщанія ихъ отличаются особенною торжественностью, что гораздо рѣже замѣчается относительно конференцій. Весьма возможно, что со временемъ конференціи будутъ созываться изъ дипломатическ. агентовъ (всего *corps diplomatique*) при данномъ государствѣ для скорого рѣшенія незначительныхъ споровъ и затрудненій по исполненію и примѣненію началъ, установленныхъ важными международными трактатами, выработанными на конгрессахъ. Но сказанное можетъ осуществиться лишь до созданія междунар. третейскаго разбирательства или, лучше сказать, общаго междунар. суда, который вытѣснитъ такія конференціи, сохранивъ конгрессы съ ролью законодательной власти въ междунар. общеніи.

Международныя собранія, особенно древнѣйшія изъ нихъ (до Вѣнскаго конгресса) созывались послѣ войнъ (при посредничествѣ нейтральныхъ державъ); на нихъ принимали участіе однѣ непосредственно заинтересованныя державы и чаще всего подписывали мирные трактаты и территоріальныя измѣненія, т. е. санкціонировали результаты войнъ; т. е. они являлись не органами, руководившимися правомъ, а органами политическихъ интересовъ и соображеній. Съ Вѣнскаго конгресса (1815 г.) характеръ ихъ нѣсколько измѣняется: участвуютъ въ нихъ почти всегда всѣ державы-руководительницы (напр. въ эпоху пентархіи), а не однѣ непосредственно заинтересованныя; кромѣ рѣшенія вопросовъ территоріальныхъ, о мирѣ и другихъ чисто политическихъ, они начинаютъ становиться органами выраженія сознанія междунар. союза о правовыхъ основаніяхъ для отношеній между народами, необходимости общей нормировки этихъ основаній (напр. постановленія Вѣнскаго и Веронскаго конгрессовъ о негроторговлѣ, о дипломатич. агентахъ, рѣчномъ судоходствѣ). Съ этого же времени начинаетъ весьма замѣтно выдвигаться судебная роль этихъ междунар. собраній: конгрессы (1815—22 годы) становятся судьями надъ государями и народами; но судимые не всегда допускались на конгрессъ, у нихъ отнимался не только рѣшающій, но и совѣщательный голосъ (напр. на Вѣнскій конгрессъ не были допущены ни король Саксонскій, тогда какъ рѣшалась участь его династіи и территоріи, ни уполномоченный короля Густава Шведскаго); конгрессы являлись часто и стороною и судьбою въ своемъ дѣлѣ. Эта же эпоха вырабатываетъ идею нѣкотораго постоянства и правильности въ междунар. собраніяхъ, что выразилось въ періодическихъ конгрессахъ (начиная съ Ахенскаго 1818 г. и кончая Веронскимъ 1822—23 г.), ставшихъ судьями внутреннихъ дѣлъ государствъ, что дало одному писателю (Zaleski) нѣкоторое основаніе утверждать, что эти періодическіе конгрессы установили междунар. третейскій судъ съ опредѣленными нормами и кодексомъ. Въ общемъ и цѣломъ, конгрессы этой эпохи были частью органами законодательными, частью органами посредничества и третейскаго суда, приводившими въ исполненіе свои рѣшенія при посредствѣ вооруженнаго вмѣшательства. Съ 1856 г. (Парижскій конгрессъ), по мнѣнію Верже (Vergé), а въ Америкѣ съ конгрессовъ въ Панамѣ и Лимѣ (1826 и 1847 г.) намѣчается новое направленіе въ задачахъ конгрессовъ и конференцій. Не только великія державы и всѣ непосредственно заинтересованныя, но и другія сколько-нибудь вліятельныя, начинаютъ приглашаться на междунар. собранія по всѣмъ дѣламъ общаго интереса. Мирные договоры — важная цѣль ихъ собранія, но при этомъ устроеніе общихъ началъ (юридическихъ) междунар. порядка получаетъ все большее признаніе (напр. Берлинскій конгрессъ, но еще больше конференціи 1864 г. въ Женевѣ и Берлинская Африканская). На ряду съ законодательною ролью сохраняется и роль судебная, но съ узкимъ характеромъ — посредничества (напр. на Берлинскомъ конгрессѣ), или чисто третейскаго суда (напр. конференція 1880 г. по дѣламъ Греціи и Турціи), при чемъ нерѣдко уже заранѣе сговариваются путемъ дипломатическихъ переговоровъ о главныхъ

началахъ для разработки на международныхъ собраніяхъ. Во всякомъ случаѣ замѣчается исчезновеніе чисто судебной роли этихъ междунар. собраній, что вполне понятно: давно признано, что функции законодательства и суда очень трудно соединить въ одномъ органѣ, соединеніе это—принципіально неверно, а практически—недостижимо безъ ущерба для законодательства или суда. Къ тому же дипломатія по природѣ своей рѣдко способна выступать въ судебной роли; идея коллективнаго посредничества очень хороша, но она допустима лишь какъ стадія, предшествующая обсужденію спора по существу особымъ международнымъ судомъ. Конгрессы же въ измѣненномъ составѣ, т. е. какъ постоянныя, а на первое время хотя бы періодически собираемыя учрежденія, могутъ быть только законодательными органами для междунар. общенія, но и то лишь подъ условіемъ равноправнаго участія въ нихъ представителей всѣхъ державъ, поставленныхъ по возможности независимо отъ избравшихъ и пославшихъ ихъ государствъ. Только при этихъ условіяхъ они будутъ уполномоченными, независимыми отъ правительствъ, заботящимися о защитѣ суверенитета и интересовъ своихъ государствъ, и значительно дѣйствующими агентами междунар. общенія. Чаще всего конгрессы и конференціи созывались инициативою самихъ непосредственно заинтересованныхъ государствъ, иногда при посредничествѣ третьихъ державъ (напр. посредничество Австріи для созванія конгресса послѣ 1-й восточной войны 1854—55 гг., Германіи для созванія Берлинскаго конгресса 1878 г.); въ послѣднее время сталъ появляться очень желательный способъ созыва, не вызываемый никакими войнами или угрозами значительныхъ междунар. осложненій, а только сознанною необходимостью рѣшенія общихъ междунар. вопросовъ и установленія законодательства (иниціатива созванія принадлежитъ, конечно, всякой державѣ); таковы, напр. случаи созыва Берлинской Африканской и Брюссельской конференцій (1889—90 г.). Участвуютъ на междунар. собраніяхъ исключительно государства съ полнымъ суверенитетомъ; за послѣднее время склонились къ признанію правила, что всегда участвуетъ держава, о дѣлахъ которой идетъ рѣчь. Начиная съ 1856 г., всего 3 раза встрѣчалось уклоненіе отъ этого правила: Парижская конференція 1869 г., допустивъ уполномоченнаго Турціи, не допустила на правахъ равенства представителя Греціи, тогда какъ дѣло шло объ улаженіи недоразумѣній, возникшихъ между Портою и Греціей по поводу возстанія на островѣ Критѣ; поведеніе, опротестованное русскимъ правительствомъ какъ „нарушеніе основнаго начала справедливости, требующей допущенія обѣихъ спорящихъ сторонъ“; турецкій уполномоченный не былъ допущенъ на предварительныя совѣщанія Константинопольской конференціи 1876—77 годовъ, хотя дѣло шло о мирѣ между Сербіей, Черногоріей и Турціей и о реформахъ для Босніи и Герцеговины, а самыя совѣщанія происходили въ столицѣ Турціи; наконецъ, въ 1883 г. Румынія не была допущена къ участію въ Лондонской конференціи для обсужденія вопросовъ о судоходствѣ по Дунаю, хотя она и состоитъ въ числѣ придунайскихъ державъ.

Порядокъ совѣщаній въ XVII и XVIII вѣкахъ былъ сложенъ, запутанъ, велъ къ спорамъ и недоразумѣніямъ, особенно по вопросу о пред-

сдании и порядкъ подписи протоколовъ и конечныхъ постановлений. Виною тому—щепетильность государствъ, ихъ преувеличенное понятіе о суверенитетѣ. Съ XIX вѣка порядки очень упростились. Предсѣдательствуетъ всегда уполномоченный державы, въ предѣлахъ которой происходятъ засѣданія (въ знакъ уваженія къ мѣстной власти); исключенія очень рѣдки: въ 1874 г. въ Брюсселѣ, изъ уваженія къ инициатору конференціи (государю Александру II), предсѣдалъ баронъ Жомини (1-й изъ 2-хъ русскихъ уполномоченныхъ; вторымъ былъ проф. Ф. Мартенсъ); тому же русскому уполномоченному поручили предсѣдательство на предварительныхъ совѣщаніяхъ Константинопольской конференціи 1876—77 г., такъ какъ, за отсутствіемъ уполномоченнаго Турціи, графъ Игнатъевъ былъ старшимъ изъ пословъ, т. е. имѣлъ почетное званіе „doyen du corps diplomatique“ (декана дипломатическаго корпуса). *Посль обмѣна и провѣрки полномочій идутъ совѣщанія* (устныя и непосредственныя), при чемъ для подготовленія вопросовъ, требующихъ спеціального изученія или очень сложныхъ, а равно для окончательной формулировки принятыхъ въ принципъ рѣшеній, организуются иногда спеціальныя комиссіи изъ членовъ собранія; въ нихъ приглашаются и лица (съ совѣщательнымъ голосомъ), спеціально знакомыя съ вопросомъ. Такъ, особыя комиссіи были на Вѣнскомъ конгрессѣ (раздѣлившемся на отдѣльные комитеты), напр. комиссія по рѣчному судоходству. На Берлинской-Африканской конференціи (по вопросу объ опредѣленіи географическаго и экономическаго бассейна рѣки Конго, по вопросу о свободѣ торговли) и т. д.

Посредникъ на конгрессѣ, созванномъ при его участіи, примиряетъ стороны, передаетъ документы и переписку, даетъ проекты соглашенія, и проч. (такую роль играла Россія на Тешенскомъ конгрессѣ по отношенію къ Пруссіи и Австріи, а Германія на Берлинскомъ конгрессѣ по отношенію къ Россіи и Турціи. *Рѣшенія конгрессовъ и конференцій должны быть непременно единогласныя по всемъ вопросамъ.* Это правило, не знавшее никакихъ исключеній, выводилось изъ начала суверенитета государствъ, добровольно засѣдающихъ на конгрессѣ, который могъ принимать лишь рѣшенія, вытекавшія изъ свободной воли всѣхъ державъ, участвующихъ на междунар. собраніяхъ. Въ этомъ „единогласіи“ высказывается страшная сила, которою обладаетъ и по сей день идея государственнаго верховенства. Но *положеніе это опасно и принципиально можетъ быть оспариваемо:* опасно—потому, что даетъ возможность одной державѣ взорвать по мелочному вопросу всѣ труды и рѣшенія конгресса, принятыя хотя бы множествомъ державъ; принципиально невѣрно потому, что противорѣчитъ идеѣ верховнаго порядка, требующаго нѣкоторой подчиненности частей, т. е. отдѣльныхъ государствъ. Во всякомъ случаѣ слѣдовало бы по меньшей мѣрѣ подѣлать подлежащіе обсужденію вопросы на существенныя и несущественныя. Только первые могутъ еще примирить съ требованіемъ единогласія. И если установившаяся практика объясняется неудовлетворительнымъ составомъ и характеромъ конгрессовъ и конференцій (см. выше) особенно XVII, XVIII и первой половины нашего вѣка, то улучшение

характера ихъ въ наше время даетъ основаніе требовать — до полной реформы ихъ—введенія начала большинства для вопросовъ второстепеннаго свойства. Понятно, что *въ виду отсутствія общемеждународной исполнительной власти, пока нѣтъ и рѣчи объ особомъ порядкѣ исполненія рѣшеній конгрессовъ и конференцій*, которое всегда зависитъ отъ самихъ государствъ, принявшихъ эти постановленія. Иногда одной или нѣсколькимъ державамъ поручалось привести въ исполненіе рѣшеніе; такъ, конгрессы въ Троппау и Лайбахѣ поручили Австріи выполнить ихъ постановленія по отношенію къ подавленію революцій въ Неаполѣ и Пьемонтѣ, а Веронскій предоставилъ Франціи вооруженное вмѣшательство въ дѣла Испаніи.

II. Изслѣдованный нами характеръ конгрессовъ и конференцій, не вполне измѣнившійся къ лучшему и въ наше время, объясняетъ намъ скептическое, иногда почти ненавистное отношеніе къ нимъ многихъ писателей. Поэтому, на ряду съ писателями, обращающими вниманіе на ихъ идею, а потому скорѣе сочувствующими имъ (напр. Геффтеръ, Блунчли, Паскаль-Фиоре, Стояновъ, Ф. Мартенсъ, отчасти Кальво и др.), какъ органамъ, имѣющимъ выразить общіе интересы и юридическое сознаніе культурныхъ народовъ, встрѣчаемъ писателей, стоящихъ на исторической почвѣ (при томъ болѣе отдаленнаго прошлаго), которые разсматриваютъ ихъ, какъ *безполезные, даже вредные* (напр. Ваттель, Пингейро-Феррейра, Филлиморъ; скорѣе къ нимъ склоняется и графъ Камаровскій). Такъ, *Пингейро-Феррейра* говоритъ: „одни изъ нихъ, послѣ продолжительныхъ и бурныхъ преній, кончаютъ тѣмъ, что ничего не высказываютъ, другіе, разсматривая слабыя государства, какъ данниковъ сильныхъ, земли — какъ собственность ихъ правительствъ, а народы, какъ стада дѣлятъ земли на акры, а населенія, какъ стада, заботясь лишь о своей собственной выгодѣ“. *Ваттель* называетъ ихъ „позорными комедіями, игранными на политическомъ театрѣ“, а *Филлиморъ* — „судилищами пристрастными и не компетентными въ разрѣшеніи вопросовъ междунар. права“. Все это отчасти справедливо по отношенію къ конгрессамъ древнѣйшимъ и къ неподходящей имъ роли судилищъ. Но все дѣло въ необходимыхъ реформахъ для нихъ (см. выше).

В) I. *Общій международный судъ*. Идея его, въ принципѣ тѣсно связанная съ идеею мира и съ мыслью о юридической организаціи международнаго союза, появилась въ видѣ дальнѣйшаго развитія мысли о междунар. третейскомъ судѣ. (См. книга II). На этой послѣдней формѣ междунар. суда остановились потому, что идея третейскаго разбирательства весьма древняя и имѣла не только историческое значеніе переходной формы охраненія права отъ самоуправства къ государственнымъ судамъ, но и характеръ современности, такъ какъ третейское разбирательство и понынѣ продолжаетъ свое существованіе въ качествѣ дополненія къ государственнымъ судамъ, необходимаго для исправленія недостатковъ этихъ послѣднихъ. Поэтому, казалось просто и естественно перенести идею третейскаго суда и въ область международныхъ отношеній. И вотъ, третейскій судъ встрѣчается въ междунар. сферѣ съ отдаленныхъ временъ, хотя съ случайнымъ характеромъ. Постепенно

древнѣйшая практика третейскаго разбирательства, почти не отличавшаяся отъ простаго посредничества, не только все болѣе распространяется, но и видоизмѣняется. Создается теорія междунар. третейскаго разбирательства, которое стремится къ тому, чтобы быть облеченнымъ въ постоянныя юридическія формы. Но разъ это разбирательство стремится стать „обыкновеннымъ и правильнымъ способомъ рѣшенія споровъ между государствами“ (Ролень-Жокмень), то оно неизбежно идетъ по пути достиженія общаго междунар. суда, который упрочить и распространить сферу дѣйствія перваго. Впрочемъ, скептицизмъ по отношенію къ такому общему суду очень распространенъ и въ настоящее время. Многие писатели (Бара, Зибоомъ, Гoble д'Альвіелла и особенно Гольцендорфъ), опираясь на случайность и отрывочность примѣровъ междунар. третейскаго разбирательства, полагаютъ, что общій междунар. судъ лишенъ почвы организованной юстиціи, приводимой въ дѣйствіе силою (Бара), начала же междунар. права частью еще неопредѣленны и трудно распознаваемы, споры же между народами еще слишкомъ подвержены вліянію эгоистическихъ интересовъ и симпатій (Гольцендорфъ); что междунар. третейское разбирательство не можетъ предупреждать споры, а только рѣшаетъ уже возникшіе и не даетъ ручательства въ рѣшеніи безпристрастномъ (Зибоомъ), и что оно не можетъ замѣнить законъ (Гoble д'Альвіелла). Эти возраженія вѣрны, но главнымъ образомъ по отношенію къ прошлому междунар. третейскаго суда, который становится на твердую почву лишь въ XIX вѣкѣ. Успѣхи междунар. права и все болѣе сознаваемая необходимость юридической организаціи междунар. общенія замѣтно приводятъ къ признанію необходимости междунар. суда, какъ органа судебного, настолько же, насколько уже сознается и успѣла сдѣлать успѣхи и идея законодательнаго междунар. органа. Первый дополняетъ послѣдній, логически съ нимъ связанъ. Междунар. судъ будетъ способствовать уясненію и развитію междунар. права, его правилъ, законовъ и обычаевъ, т. е. окажетъ услугу и кодификаціи междунар. права (графъ Камаровскій). При современныхъ условіяхъ сфера его дѣйствія можетъ быть только очень ограниченная; но первая необходимая въ немъ реформа есть чисто юридическая его организація взамѣнъ существовавшей доселѣ организаціи съ характеромъ политическимъ, а затѣмъ уже возможно въ болѣе отдаленномъ будущемъ учрежденіе его въ качествѣ постояннаго суда, который призванъ въ далекомъ будущемъ вытѣснить собою третейскій судъ. Т. е. идея общаго междунар. суда замѣнитъ собою со временемъ междунар. третейскій судъ.

II. Мысль о постоянномъ междунар. судѣ, какъ органѣ общенія между народами, который охранялъ бы междунар. право, встрѣчается за послѣднія 2 десятилѣтія большое сочувствіе. Такъ, Тренделенбургъ (1870 г.) замѣчаетъ, что право и судъ — неразрывное цѣлое; слабая сторона междунар. права — въ томъ, что оно не обладаетъ судьей, который рѣшалъ бы на основаніи этого права. Прочность же всякаго юридическаго порядка требуетъ существованія закона и юридическаго способа рѣшенія споровъ. Англичанинъ Зибоомъ, (Seebohm), указавъ на зависимость народовъ, усиливающуюся по мѣрѣ ихъ развитія,

признаетъ необходимымъ отказаться отъ первобытнаго состоянія, въ которомъ состоитъ еще международный порядокъ, признающій законъ Линча. Выходомъ изъ него будетъ изданіе закона, созданіе органа для его интерпретаціи (черезъ посредство чего то въ родѣ междунар. суда) и органа для санкціи междунар. права черезъ посредство силы. Впрочемъ, *большинство изъ числа писателей, высказывающихся за общій междунар. судъ, отклоняютъ всякое преступленіе междунар. судомъ его естественныхъ предѣловъ, всякій захватъ имъ власти законодательной или исполнительной.* Таковы, напр., Гондонъ и Сарторій; строго юридическимъ характеромъ отличается проектъ Бара (1872 г.), признающій настоятельную необходимость междунар. суда, осуществимаго, впрочемъ, только по окончаніи постепенной кодификаціи всего междунар. права. Еще практичнѣе воззрѣніе Гобле д'Альвіелла, который признаетъ, что междунар. союзъ получитъ исполнѣ юридическую организацію лишь со введеніемъ положительнаго законодательства, судовъ для его истолкованія и публичной силы для его примѣненія и вѣритъ исполнѣ въ постепенное проникновеніе въ жизнь международ. судовъ черезъ посредство извѣстныхъ конвенцій, учреждающихъ суды, и дальнѣйшаго затѣмъ распространенія ихъ на аналогичные случаи.

Мнѣнія Лоримера и Блунчли намъ уже извѣстны. Наконецъ, *если всѣ перечисленные писатели ставятъ идею междунар. суда въ связь съ федераціею народовъ и подъ контроль матеріальной санкціи* (приведеніе въ исполненіе его рѣшеній силою), *то имѣются нѣкоторые, полагающіе междунар. судъ возможнымъ помимо федераціи и при отсутствіи матеріальной санкціи* (таковы отчасти Бентамъ, руководители американскихъ обществъ друзей мира, также Эмиль де Лавеле). Резюмировать ихъ мнѣнія можно такъ: нужно упрочить миръ, но для этого необходимо, чтобы народы сознали, что война имъ всегда невыгодна и чтобы они нашли способы прекращенія неизбѣжныхъ между ними столкновеній. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи необходимы—кондификація и международный судъ, который не уничтожитъ войнъ, но уменьшитъ число ихъ. Судъ возможенъ, такъ какъ онъ вытекаетъ изъ идей и потребностей нашего времени и можетъ быть легко принятъ большинствомъ цивилизованныхъ народовъ, потому что ихъ интересы въ сущности тождественны. Очевидно, *что писатели этой послѣдней группы ближе всего къ истинѣ: они указываютъ на законъ постепеннаго прогресса въ междунар. отношеніяхъ, неизбѣжно ведущій къ юридической организаціи междунар. общенія, а слѣдовательно и къ международному суду* (прибавимъ и законодательству). Вѣрно говоритъ гр. Камаровскій, что „изученіе начала государственнаго суверенитета съ междун. точки зрѣнія указываетъ уже на принципиальную возможность междунар. суда, которая превращается въ научное требованіе принципомъ общенія, приводящимъ къ необходимости организаціи междунар. союза (а слѣдовательно къ учрежденію постоянного междунар. суда, т. е. междунар. юстиціи). Но нельзя принять предлагаемыхъ имъ и другими писателями подробныхъ плановъ организаціи междунар. суда, такъ какъ междунар. жизнь не дала еще достаточнаго къ построенію такой организаціи ма-

теріала и опредѣленныхъ формъ. Законъ постепенности и медленной подготовляемости идеи междунар. суда для практическаго ея осуществленія доказываетъ, что такіе проекты—продуктъ личныхъ взглядовъ, интересныхъ больше съ точки зрѣнія успѣха и популярности идеи постоянного междунар. суда въ общественномъ мнѣніи, нежели съ точки зрѣнія осуществимости ея въ будущемъ. *Въ настоящее время рѣшительно нельзя еще предвидѣть, какой планъ судебной организаціи выработается въ дѣйствительности, а можно лишь сказать, что эта организація, какъ требованіе общенія, должна постепенно выработаться.*

С) *Международная администрація (управленіе).* До настоящаго времени нѣтъ еще ничего похожего на общее международное управленіе. Появляются въ сферѣ экономической и соціальной учрежденія нѣкоторыхъ международныхъ органовъ съ административнымъ характеромъ, но всѣ они—чисто спеціальныя органы, съ опредѣленно очерченною сферою дѣйствій и обладающіе спеціальными полномочіями отъ всѣхъ государствъ, изъявившихъ согласіе на ихъ учрежденіе. *Никакой общей администраціи въ международномъ союзѣ, никакихъ органовъ ея—нѣтъ, да и наврядъ ли они образуются. За послѣднее время, впрочемъ, появилась въ литературѣ попытка создать понятіе о международномъ управленіи.* Оно проявилось впервые у Лоренца Штейна, а затѣмъ усвоено и другими (Теллинекомъ, Кирхенгеймомъ), а профессоръ Ф. Мартенсъ далъ ему широкое примѣненіе и развитіе. Видя въ международномъ управленіи „проявленіе идеи челоѣчества чрезъ посредство самодержавной идеи государства“, Лоренцъ Штейнъ полагаетъ, что все международное право призвано въ будущемъ обратиться въ ученіе о междунар. управленіи. Проф. Мартенсъ нашелъ возможнымъ всѣ международныя отношенія въ сферѣ различныхъ интересовъ приурочить къ междунар. управленію и его органамъ, полагая его уже установившимся въ междунар. отношеніяхъ. *Онъ понимаетъ подъ нимъ „свободную дѣятельность государствъ въ области междунар. общенія для достиженія ими жизненныхъ своихъ цѣлей, въ предѣлахъ, установленныхъ междунар. правомъ“.* Онъ отличаетъ еще это управленіе отъ „права управленія“, опредѣляемаго имъ, какъ „совокупность юридическихъ условій или нормъ, опредѣляющихъ международную дѣятельность государствъ“. Но тогда очевидно, что *понятіе объ управленіи совершенно совпадаетъ у автора съ понятіемъ междунар. права, а въ такомъ случаѣ нѣтъ и raison d'être для подведенія всего богатаго содержанія междунар. отношеній подъ понятіе управленія, чуждое междунар. праву* (графъ Камаровскій), заимствованное изъ государственнаго права (ученіе объ администраціи) и перенесенное искусственно въ область международныхъ отношеній. *Но такъ какъ проф. Мартенсъ видитъ въ управленіи нѣчто отличное отъ права, то очевидно, какъ вѣрно замѣчаетъ графъ Камаровскій, не можетъ быть и рѣчи о междунар. управленіи: послѣднее предполагаетъ правильно организованную законодательную и судебную власти, но ихъ нѣтъ въ междунар. союзѣ. Администрація въ междунар. сферѣ приведетъ къ произволу и насилію великихъ державъ; это неизбѣжно тѣмъ болѣе, что двигателями междунар. управленія у проф.*

Мартенса являются отдѣльные государства, руководящіяся своими интересами, которые они будутъ истолковывать по своему и менѣе всего по предписаніямъ междунар. права, юридически еще недостаточно выработаннаго. Во всякомъ случаѣ междунар. управленіе и послѣ появленія законодательныхъ и судебныхъ органовъ вовсе не будетъ нуждаться въ особыхъ сложныхъ органахъ и наврядъ ли пойдетъ далѣе органовъ уже существующихъ (графъ Камаровскій). Какіе же существуютъ органы этого междунар. управленія, на которые, по мнѣнію проф. Ф. Мартенса „возлагаются опредѣленныя административныя задачи съ облеченіемъ ихъ правами должностныхъ лицъ, дѣйствующихъ по уполномочію государств. власти?“ Къ нимъ самъ проф. Ф. Мартенсъ относитъ только дипломатич. агентовъ и консуловъ, которые являются у него „настоящими“ органами междунар. управленія. Но, во-первыхъ, странно приурочивать все громадное содержаніе междунар. отношеній только къ дѣятельности дипломатич. агентовъ и консуловъ (графъ Камаровскій), которыхъ можно разсматривать скорѣе, какъ единственные пока постоянные органы междунар. общенія, выработанныя исторіею. Дипломатич. агенты и даже консулы или прекращаютъ свою дѣятельность во время войны, или же значительно сокращаютъ ее, а между тѣмъ профес. Ф. Мартенсъ серьезно говоритъ о „междунар. управленіи въ области принудительнаго охраненія интересовъ и правъ народовъ и подданныхъ“ и такимъ образомъ приурочиваетъ дипломатич. агентовъ и консуловъ, какъ органовъ междунар. управленія, и къ этой спеціальной сферѣ послѣдняго. Понятно, что консулы и дипломатич. агенты вовсе не примѣняютъ и междунар. частнаго права; органъ примѣненія послѣдняго—суды, которые должны быть совершенно отдѣлены отъ администраціи (графъ Камаровскій). *Поэтому, международн. администрація не можетъ замѣнить междунар. права, а есть самостоятельная отрасль политики—междунар. политики.*

Но если не было и наврядъ ли будетъ существовать общая междунар. администрація, то имѣются уже и могутъ существовать отдѣльныя административныя управленія, выражающіяся въ организаціи спеціальныхъ, административныхъ союзовъ, которые призваны поднять значеніе международного права какъ положительнаго (Теллинекъ). Эти большіе союзы въ сферѣ управленія доказываютъ, что государства солидарны и проникнуты идеею общечеловѣческой цивилизаціи. Такіе союзы возникли способами вполнѣ юридическими и обладаютъ строго выясненными и опредѣленными функціями. Теллинекъ раздѣляетъ эти „междунар. административныя“ союзы на 2 разряда: 1) союзы междунар. характера, когда цѣль ихъ осуществляется особыми междунар. органами, созданными соглашеніемъ между государствами; 2) союзы съ характеромъ государственнымъ: цѣли ихъ входятъ въ составъ дѣятельности даннаго государства, но становятся общими и для другихъ правительствъ (тоже по соглашенію), такъ что органы одного государства являются органами союза. Къ первому разряду Теллинекъ относитъ междунар. комиссіи для управленія рѣками междун. характера. Сюда можно причислить управленіе Рейномъ (на основаніи актовъ Вѣнскаго конгресса и послѣдующихъ соглашеній), судоходствомъ по Дунаю („меж-

дунар. комиссія судоходства по Дунаю“ — постановленія конгрессовъ Парижскаго, Берлинскаго и Лондонской конференціи 1883 г.), *управленіе бассейномъ рѣки Конго* (Берлинская Африканская конференція), *каналомъ Суэцкимъ* (въ 1888 г. и его нейтрализація) *на основаніи подготовительныхъ работъ Парижской конференціи 1885 года*. Почти всѣ междунар. комиссіи, управляющія этими рѣками, издають обязательные регламенты о судоходствѣ, связывающіе прибрежныя государства, устанавливаютъ даже за нарушеніе ихъ извѣстныя наказанія, т. е. обладаютъ нѣкоторою долею права на междунар. законодательство и междунар. судъ. Такимъ образомъ, отдѣльныя государства, руководясь началами междунар. общенія, отказались отъ части своихъ верховныхъ правъ въ пользу этихъ органовъ, т. е. идея междунар. порядка побѣждаетъ идею суверенной независимости. Международное управленіе каналомъ Суэцкимъ и бассейномъ рѣки Конго имѣетъ уже міровой характеръ. *Такой же характеръ носятъ и созданія новѣйшаго времени* (въ области социальныхъ интересовъ)—*всемирный телеграфный союзъ* (1865) *и почтовый* (Берлинская конференція 1874 г.; съ 1878 г. онъ называется „union postale universelle“); *комиссія для междунар. мѣръ и вѣса* (въ Парижѣ въ 1875 г.); *промышленная унія 1883 г. и литературная 1886 г.* Эти союзы имѣютъ не только свои постоянные органы (бюро), но и періодически созываемыя конференціи (бюро для мѣръ и вѣсовъ имѣетъ чисто научный характеръ). Впрочемъ, бюро этихъ комиссій сами не издають постановленій, а собираютъ матеріалы для нихъ; постановленія исходятъ еще отъ административныхъ органовъ отдѣльныхъ государствъ. Союзы нерасторжимы, хотя заключаются на срокъ. Служащіе назначаются или самими учрежденіями или отдѣльными правительствами, но и въ послѣднемъ случаѣ служащіе являются междунар. сановниками, контролируемыми центральными междунар. органами.

Что же касается до союзовъ втораго разряда, то они вызываются, по словамъ Геллинека, желаніемъ финансовыхъ сбереженій или же и общностью государственныхъ интересовъ между нѣсколькими народами. Органы одного изъ нихъ дѣлаются общими. Примѣры: въ Любекѣ существовалъ высшій апелляціонный судъ для четырехъ вольныхъ городовъ Германіи, для обоихъ Мекленбурговъ—общій судъ въ Роштокѣ. *Наисовершеннѣйшій типъ такихъ союзовъ—Германскій Zollverein* (съ 1867—1876 г.). Онъ обладалъ особымъ союзнымъ совѣтомъ, таможеннымъ парламентомъ и законодательствомъ по таможеннымъ вопросамъ (несомнѣнно, что онъ сильно сблизилъ южный германскій союзъ съ сѣвернымъ и способствовалъ ихъ политическому объединенію). Онъ покоился на договорѣ, образовавшемъ союзъ суверенныхъ государствъ (сѣверо и южно германскаго союзовъ); союзное правительство издавало законы по таможенному вѣдомству, подлежавшіе лишь обнародованію въ отдѣльныхъ государствахъ; *рѣшенія* (въ совѣтѣ и въ парламентѣ) *принимались большинствомъ голосовъ*, такъ какъ члены совѣта и парламента были скорѣе представителями всего союза.

D.) Дипломатическіе агенты и государи. § I. Дипломатическіе агенты. I. Облеченные характеромъ представительства государствъ, ихъ

назначающихъ, дипломатическіе агенты являются вмѣстѣ съ тѣмъ постояннымъ учрежденіемъ, дѣйствующимъ въ интересахъ поддержанія и охраненія мирныхъ и вообще добрыхъ отношеній между государствами, т. е. нормальныхъ отношеній, на которыхъ зиждется высшій порядокъ въ междунар. союзѣ. *Требованія междунар. порядка, т. е. начала междунар. правового общенія, придаютъ дипломатическимъ агентамъ особый характеръ, даютъ санкцію ихъ основнымъ правамъ, налагаютъ на нихъ извѣстныя обязанности, почему ихъ и можно разсматривать, какъ постоянные органы общенія между народами.* Эти органы создались давно, установились прочно путемъ обычнаго права, обладающаго гарантіей твердаго юридическаго сознанія всего просвѣщеннаго человѣчества. *Дипломатическіе агенты представляютъ собою высшіе политическіе интересы государствъ въ международномъ общеніи и, какъ таковыя, пользуются особеннымъ уваженіемъ и вниманіемъ со стороны междунар. союза. Совокупность юридическихъ нормъ, опредѣляющихъ права и обязанности дипломатич. агентовъ, какъ представителей государствъ въ международ. общеніи, образуетъ такъ называемое посольское право.*

Фактическія отношенія между народами очень давни, такъ какъ народы посылали другъ къ другу и принимали уполномоченныхъ для поддержанія этихъ отношеній. Еще древность, (и теперь дикари) принимала и посылала пословъ и давала имъ нѣкоторую охрану, признавая, напр., ихъ личную неприкосновенность. Но такъ какъ *отношенія между народами древности и дикими, не сознающими общенія, случайны и не построены на началахъ юридическихъ, то институтъ посольскаго права не могъ сложиться ни въ древности, ни среди дикарей.* Такъ называемое *jus fœciale* древнихъ римлянъ было лишь совокупностью правилъ и обрядностей, наблюдавшихся коллегіею феціаловъ при заключеніи трактатовъ, объявленіи войны и заключеніи мира. *Согласно позднѣйшимъ изслѣдователямъ этого института возникновеніе его въ качествѣ постоянного учрежденія должно быть отнесено къ XV столѣтію* (мнѣнія Ниса и Крауске): *ихъ стали учреждать итальянскія республики (сперва Венеція) въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ, а потомъ и въ отношеніяхъ къ иностраннымъ государствамъ.* А такъ какъ къ концу XV и въ XVI вѣкѣ всюду въ Европѣ возникаютъ крѣпкія государственныя тѣла съ сильною властью неограниченныхъ королей, начинающихъ эру династической политики, то это учрежденіе воспринимается и королями. Испанія (при Фердинандѣ Католическомъ и Изабеллѣ) организуетъ постоянныя посольства въ западной и центральной Европѣ, въ концѣ XVI вѣка—они переносятся и въ сѣверныя страны. Въ XVII ст., благодаря политикѣ Людовика XIII и кардинала Ришельё, они утверждаются окончательно. Во всякомъ случаѣ *несомнѣнно, что начиная еще съ Венеціи постоянныя дипломатическіе органы были вполне сознательнымъ нововведеніемъ* (Крауске). Въ первое время новизна этого учрежденія приводила даже къ его введенію путемъ трактатовъ (напр. договоръ 1520 г. между Англійей и Германскимъ императоромъ о содержаніи другъ у друга посланниковъ). А такъ какъ народы нецивилизованные до самаго послѣдняго времени мало сознавали необходимость постоянныхъ сношеній съ цивилизован-

ными государствами, а нѣкоторые изъ нихъ и по настоящее время избѣгаютъ ихъ, то инициатива посылки дипломатическихъ агентовъ принадлежала всегда народамъ образованнымъ, которые не гнушались исторгать силою разрѣшеніе на посылку своихъ постоянныхъ дипломатическихъ агентовъ къ державамъ нецивилизованнымъ. Замкнутость Россіи въ XV—XVII столѣтіяхъ, ея недовѣріе къ иностранцамъ объясняютъ, почему она не принимала и не посылала постоянныхъ дипломатическихъ агентовъ, а всѣ посольства ея и посольства къ ней отличались случайностью. Всѣ попытки (напр. Курфюрста Бранденбургскаго въ 1675 г.) учредить въ Москвѣ постоянныя посольства терпѣли неудачу. Лишь съ Петра I, съ посылкою имъ въ 1696 г. „великаго посольства“ за границу, открывается эра постоянныхъ русскихъ посольствъ за границею и иностранныхъ посольствъ въ Россіи. Въ 1700 году Россія получила право имѣть постоянныя посольства въ Турціи, въ началѣ настоящаго столѣтія—въ Персіи, въ Китаѣ же и Японіи—лишь съ самаго недавняго времени.

Нѣкоторые писатели (напр. Гефферъ, Эйхельманъ), утверждаютъ, что принятіе посольства не есть обязанность государства, а лишь вопросъ пользы. *Мнѣніе до очевидности ошибочное. Основаніе его покоится на явномъ или скрытомъ преувеличеніи идеи суверенитета и слѣдовательно независимости государствъ. Если же стать на точку зрѣнія начала правоваго общенія между народами, обязывающаго ихъ, какъ членовъ высшаго порядка, сознательно стремящихся при его посредствѣ къ достиженію извѣстныхъ цѣлей, къ поддержанію нормальныхъ отношеній, органами которыхъ являются диплом. агенты, то объ отказѣ принимать и посылать ихъ не можетъ быть и рѣчи.*

II. *Активное посольское право, т. е. право посылать дипломатическихъ агентовъ, принадлежитъ stricto jure только государствамъ полнаго суверенитета; (въ своемъ мѣстѣ говорено уже о неимѣніи этого права у государствъ полунезависимыхъ и протектируемыхъ, у членовъ федераціи и объ ограниченіяхъ его у членовъ конфедераціи). Въ государствахъ же полнаго суверенитета оно принадлежитъ верховной власти—монарху, президенту республики, по личному ихъ усмотрѣнію или подъ контролемъ или съ согласія народнаго представительства; напр., въ Соед. Штатахъ Сѣв. Америки президенту съ согласія сената. При междуусобной войнѣ ни одна партія не обладаетъ этимъ правомъ, пока она фактически не захватила въ свои руки верховной власти; если же мятежная партія (или узурпаторъ) фактически захватила власть, то они имѣютъ право посылать дипломатическихъ агентовъ и междунар. союзу нѣтъ дѣла до законности или незаконности способа полученія этой власти. Понятно, что (съ этой точки зрѣнія—фактическаго держанія верховной власти, всякій государь и всякое правительство, лишившіеся власти фактически, тотчасъ же теряютъ и активное посольское право. Примѣры: двое лицъ (Масонъ и Слайдель), именовавшіе себя посланиками южныхъ конфедеративныхъ штатовъ, не могли быть разсматриваемы какъ дипломатич. агенты, такъ какъ правительство южанъ еще продолжало борьбу, фактически не утвердилось и не было признано иностранными правительствами,*

слѣдовательно и не могло посылать пословъ. Посланики Карла II, изгнаннаго изъ Англіи, не были допущены Франціею на Пиринейскій конгрессъ (1659 г.), такъ какъ Кромвель былъ главою фактическаго правительства въ Англіи, участвовавшаго на конгрессѣ. *Пассивное посольское право, т. е. право принимать дипломатическихъ агентовъ, принадлежитъ въ принципѣ всякому государству, обладающему активнымъ посольскимъ правомъ.* Впрочемъ, нѣкоторыя государства, пользовавшіеся первымъ, не находили иногда нужнымъ пользоваться активнымъ правомъ (напр. Германская конфедерація 1815 г.); такъ поступали до самаго послѣдняго времени Китай и Японія.

Какія лица могутъ быть посылаемы и должны быть, слѣдоват., принимаемы въ качествѣ дипломатич. агентовъ? Обязанность принимать пословъ вообще не значитъ обязанность принимать въ качествѣ посла именно данное лицо. *Цль дипломатич. агентуры—охраненіе интересовъ общенія посредствомъ поддержанія добрыхъ отношеній между государствами посылающими и державою принимающею посла—не была бы достигнута, если бы государство обязано было непременно принимать каждое лицо, которое желаютъ аккредитовать къ нему въ качествѣ посла.* Поэтому, въ XIX вѣкѣ окончательно установился обычай запрашивать государство конфиденціально о томъ — желаетъ ли оно принять такое-то лицо въ качествѣ дипломатическаго агента? Въ случаѣ отказа, избирается другой. Посылаемый агентъ долженъ быть личностью, пользующеюся уваженіемъ. Въ монархіяхъ обыкновенно избираютъ дипломатич. агентовъ изъ знатныхъ аристократическихъ семей, богатыхъ, что вполнѣ объяснимо прежнимъ возрѣніемъ на посла, какъ на представителя своего государя. Въ послѣднее время, подѣ вліяніемъ демократизаціи современнаго общества, обычай посылать людей родовитыхъ начинаетъ исчезать, но богатство повсюду имѣетъ еще вліяніе на выборъ, такъ какъ представительство дипломатич. агента обходится очень дорого и содержаніе, имъ получаемое, никогда не окупаетъ издержекъ, сопряженныхъ съ этимъ званіемъ. *Лица женскаго пола еще въ древности нерѣдко посылались дипломатич. агентами; этотъ обычай, нисколько не противорѣчащій задачамъ дипломатической миссіи, сохранился въ средніе вѣка и въ началъ новаго времени,* когда установились уже постоянныя посольства. Такъ, миръ въ Камбрэ (1529 г.) заключенъ (и названъ дамскимъ миромъ) послами-женщинами: Луизою Савойскою (матерью Франциска I) и Маргаритою Австрійскою (теткою Карла V). Герцогиня Орлеанская была посломъ Франціи при Карлѣ II Англійскомъ, заключившемъ договоръ, порвавшій союзъ Англіи съ Голландіею. Этотъ обычай исчезъ къ концу XVIII вѣка и наврядъ ли какая либо изъ современныхъ державъ рѣшится назначить посломъ лицо женскаго пола.

Можно отказать въ принятіи посломъ: 1) подданнаго страны, къ которой аккредитуется дипломатическій агентъ; громадныя права и привилегіи посольскаго званія легко могутъ прійти въ столкновеніе съ правами государства относительно своего подданнаго (напр. относительно привлеченія его къ уголовной отвѣтственности) и государству невозможно разрѣшить столкновеніе безъ ущерба для авторитета его законовъ; напр.

Соед. Штаты Сѣв. Ам. отказали въ признаніи посломъ (въ 1868 г.) своего подданнаго, избраннаго китайскимъ правительствомъ для заключенія торговыхъ трактатовъ съ правительствомъ Соед. Штатовъ; 2) *лица, опозореннаго судомъ, а равно 3) лицъ, завѣдомо зарекомендовавшихъ себя противниками правительства, къ которому ихъ желаютъ послать или занимающихъ такое спеціальное общественное положеніе, которое дѣлаетъ принятіе ихъ опаснымъ или неудобнымъ для мѣстной власти.* Напр., Русское правительство отказало въ согласіи принять посломъ отъ Англіи лорда Пальмерстона, извѣстнаго своимъ нерасположеніемъ къ Россіи и Императору Николаю I; папа отказалъ въ 1875 г. въ принятіи посломъ отъ Германіи князя Гогенлоэ, кардинала римской церкви, такъ какъ кардиналы по званію своему члены римской куріи и подчинены папѣ. *Каждое государство можетъ послать пословъ въ количествѣ, которое сочтетъ нужнымъ.* Прежде и даже до XVIII в. правомъ посылать коллективныя посольства пользовались нерѣдко. Не говоря уже о конгрессахъ и конференціяхъ, на которые и теперь посылаютъ по 2 и болѣе лицъ въ виду успѣшнаго разрѣшенія обыкновенно сложныхъ и трудныхъ задачъ, возлагаемыхъ на эти междунар. собранія (на Вѣнскомъ конгрессѣ Англія и Франція имѣли по 4 уполномоченныхъ, Россія 3, Австрія и Пруссія— по 2; Парижскій конгрессъ 1856 г.—по 2 уполномоченныхъ отъ каждой державы, на Берлинскомъ 1878 г.—тоже), отдѣльныя государства посылали по 2 и даже болѣе пословъ. Напр., Венеція посылала всегда 2 для поздравленія императора или короля съ восшествіемъ на престолъ (и 4 къ папѣ); въ 1822 г. въ Вѣнѣ состоялъ русскимъ посломъ графъ Головкинъ, но туда же былъ посланъ и Татищевъ, чтобы тайно отъ перваго вести переговоры о восточномъ вопросѣ. *Но въ настоящее время посылаютъ всегда одного посла:* количество пословъ почти безразлично для державы, при которой они состоятъ, но не безразлично для посылающей; *финансовыя соображенія и требованія единства въ дѣйствіяхъ вынуждаютъ ограничиваться однимъ дипломатич. агентомъ.* Обычай послѣдняго времени, согласно которому всѣ великія державы посылаютъ еще другъ къ другу особыхъ „военныхъ агентовъ“ для изученія и наблюденія за техническими усовершенствованіями и строеніемъ военнаго и морскаго дѣла и управленія, представляется кажущимся исключеніемъ изъ правила: эти „военные агенты„ и „attachés“ (для изученія другихъ спеціальныхъ вопросовъ) подчинены посламъ, хотя и не лишены права непосредственныхъ донесеній своимъ правительствамъ, не выходящихъ за предѣлы ихъ спеціальныхъ задачъ и порученій. *Дѣйствительное исключеніе изъ правила можно видѣть въ послылкѣ одного уполномоченнаго къ нѣсколькимъ державамъ; напр. Франція посылаетъ одного къ 5 республикамъ центральной Америки, Россія—одного же къ нѣсколькимъ мелкимъ германскимъ государствамъ. Китай и по настоящее время посылаетъ одного посла къ нѣсколькимъ великимъ державамъ, избирающаго себѣ мѣсто пребыванія въ одной изъ нихъ (въ Лондонѣ). Случается также, хотя рѣже, что одно лицо—посолъ отъ нѣсколькихъ государствъ (всегда незначительныхъ и имѣющихъ общіе междунар. интересы); напр. посланникъ Гондураса при дворѣ Наполеона III былъ въ то же время уполномоченнымъ*

и отъ республики Санъ-Сальвадора; одно время во Франціи дипломатич. агентъ Гватемалы былъ и посланникомъ Боливіи и Эквадора.

III. *Начало дипломатической миссии.* Моментъ, съ котораго данное лицо должно быть разсматриваемо въ качествѣ дипломатическаго агента, *слагается stricto jure изъ моментовъ назначенія и признанія* государствомъ, при которомъ оно состоитъ въ этомъ званіи. *Послѣдній моментъ выражается въ представленіи на такъ называемой торжественной аудіенціи предъ государемъ или главой правительства кредитивныхъ грамотъ (lettre de créance), получаемыхъ посланникомъ отъ его государя или правительства.* Только съ представленія кредитивной грамоты („вѣрющаго письма“) начинается пользование дипломатическимъ агентомъ всѣми его правами и преимуществами. *Но практика относитъ этотъ моментъ ко времени назначенія данного лица и его выѣзда за границу (мнѣніе Блунчли), при чемъ права его на независимость и личную неприкосновенность уважаются и другими государствами.* Проф. Ф. Мартенсъ признаетъ это „расширеніемъ права посланниковъ, зависящимъ отъ воли правительствъ и мѣстныхъ судебныхъ установленій“, *съ чѣмъ нельзя вполне согласиться.* Дипломатич. агенты—органы общенія между народами; ихъ функціи могутъ быть успѣшно отправляемы только подъ условіемъ содѣйствія имъ со стороны всѣхъ государствъ оданакowo заинтересованныхъ въ независимости и неприкосновенности дипломатич. агентовъ. Поэтому, агентъ, аккредитованный къ правительству, долженъ, проѣздомъ къ нему, или возвращаясь отъ него, пользоваться основными правами независимости и личной неприкосновенности, подъ условіемъ, что онъ: а) назначенъ своимъ правительствомъ, имѣющимъ право назначать пословъ, б) что на назначеніе его изъявлено согласіе правительства, къ которому онъ аккредитованъ, с) и что данный дипломатич. агентъ очутился на территоріи 3-й державы проѣздомъ къ своему посту или возвращеніемъ оттуда. *Самыя церемоніи приѣма (торжественной аудіенціи) дипломатич. агентовъ различны по обычаямъ данного государства и отчасти по рангу агента.* Всякій посланникъ имѣетъ обыкновенно инструкціи (всегда тайныя) и такъ называемое *plein pouvoir* или *уполномочіе на извѣстныя дѣйствія* (напр. заключить миръ или трактатъ); *паспортъ и проѣздной листъ (sauf-conduit) не имѣютъ никакого значенія для государства, при которомъ аккредитованъ дипломатич. агентъ, а только для третьихъ государствъ (для удостовѣренія личности агента).*

Оканчивается дипломатическая миссія—фактически (напр. смертью посланника) или юридически. Нормальные юридическіе способы прекращенія миссіи: *исполненіе порученія* (напр. поздравленія съ восшествіемъ на престолъ Государя), *истечение срока полномочія* (срочная миссія), *отозваніе посланника*; ненормальные (особенные): *отказъ мѣстнаго правительства продолжать съ нимъ дипломатич. сношенія, война между государствами пославшимъ и принявшимъ дипломатич. агента, а также въ случаѣ смерти, отрѣченія отъ престола или изнанія государей въ государствахъ посылающемъ или принимающемъ посла.* Необходимо возобновленіе полномочій; до полученія ихъ миссія приостанавливается.

Этотъ способъ прекращенія или пріостановки мыслимъ лишь по отношенію къ монархіямъ и представляетъ собою остатки традиціоннаго воззрѣнія, отождествлявшаго государя съ государствомъ и видѣвшаго въ дипломатич. агентѣ представительство особы государя.

IV. *Ранги дипломатическихъ агентовъ.* Въ прежнее время знали только одинъ классъ дипломатич. агентовъ—послы (ambassadeurs); съ установленіемъ постоянныхъ посольствъ, совпавшимъ съ эпохою усиленія государственной власти и династической политики, начались и препирательства между ними и ихъ представителями о рангахъ, поддерживаемая идеєю абсолютнаго суверенитета государствъ и переходившія нерѣдко въ кровавыя столкновенія между посланниками и ихъ свитами. Постепенно стали появляться и другіе разряды дипломатич. агентовъ (напр. резиденты и повѣренные въ дѣлахъ) и было очень трудно выяснитъ—кого изъ нихъ считать выше, какія оказывать имъ почести при торжественныхъ аудіенціяхъ. *Вѣнскій конгрессъ* (19 марта 1815 г.) былъ первый, издавшій регламентъ о рангахъ дипломатич. агентовъ. Онъ призналъ три класса ихъ: 1) *послы* (ambassadeurs, légats ou nonces), куда отнесены и папскіе уполномоченные (легаты и нунціи); 2) *посланники и полномочные министры* (envoyés, ministres plenipotentiaires); 3) *повѣренные въ дѣлахъ* (chargés d'affaires), аккредитованные къ министрамъ иностранныхъ дѣлъ. *А протоколъ ахенскаго конгресса 1818 г. дополнилъ эти разряды внесеніемъ еще 4-го—министровъ-резидентовъ* (ministres-résidents accrédités auprès des souverains), поставленныхъ ниже 2-го и выше 3-го класса. Но о какомъ-либо юридическомъ различіи между ними въ настоящее время не можетъ быть и рѣчи. Международное право даетъ всѣмъ имъ одинаковыя права и привилегіи; собственно говоря, долженъ существовать лишь одинъ классъ этихъ агентовъ (Прадье-Фодере), ибо юридически—всѣ они равны между собою. Имѣется, правда, воззрѣніе, опирающееся на Вѣнскій регламентъ („только послы и папскіе легаты или нунціи почитаются представителями своихъ государей“), доказывающее, что послы (ambassadeurs) могутъ быть назначаемы только государствами, обладающими „королевскими почестями“ (honores regii), и при томъ лишь монархіями, такъ какъ посольство—представляетъ лицо самого монарха, почему онъ, будто бы, можетъ даже вести переговоры съ самимъ государемъ. Это мнѣніе почерпаетъ свою силу въ прошломъ посольскаго права, когда въ немъ отражалась идея государства, отождествленнаго съ лицомъ государя. Для настоящаго времени, съ установленіемъ равенства въ междунар. союзѣ всѣхъ государствъ, безъ различія формъ правленія, и съ отдѣленіемъ государства отъ понятія о государѣ, вышеуказанное воззрѣніе есть устарѣлая фикція (Прадье-Фодере). Всякое государство можетъ посылать агентовъ любого ранга и класса; Франція (республика) посылаетъ пословъ, Соединенные Штаты не посылаютъ ихъ, но не потому, что раздѣляютъ взглядъ Ламартина на несомѣстимость представительнаго характера пословъ съ принципами республиканской формы правленія, а скорѣе въ видахъ экономическихъ, такъ какъ посольство по своему рангу требуетъ большаго содержанія. Можно сказать, однако, что маленькія и среднія государства по

обычаю и финансовымъ соображеніямъ, вообще, не посылаютъ пословъ, что послѣдніе чаще всего посылаются великими державами другъ къ другу (и больше монархіями); къ державамъ же 2-го и 3-го ранга великія державы посылаютъ дипломатич. агентовъ низшаго разряда. Но юридически—все они равны, обладаютъ безусловно одними правами, привилегіями и функціями и вся разница между ними сводится къ церемониальнымъ различіямъ.

V. Права и привилегіи дипломатическихъ агентовъ. Проф. Мартенсъ принимаетъ господствующее дѣленіе ихъ на основныя, безъ которыхъ немислимо самое отправленіе дипломатич. агентомъ его обязанностей, и на второстепенныя (скорѣе привилегіи), не имѣющія отношенія къ природѣ дипломатич. агентуры, безъ которыхъ вполне мыслима послѣдняя. Первыя (основныя) отличаются прочностью и постоянствомъ, вторыя—измѣняются и даже исчезаютъ.

Въ настоящее время основныя права дипломатич. агентовъ сводятся къ ихъ независимости, изъ которой исходитъ начало ихъ неприкосновенности; изъ послѣдней вытекаетъ ихъ неподсудность уголовнымъ и гражданскимъ судамъ страны мѣста ихъ пребыванія, также начало неприкосновенности ихъ жилища и неподчиненность мѣстной полиціи. Всѣ эти права развились въ XVII вѣкѣ и дошли даже до крайнихъ предѣловъ, что объясняется взглядомъ на пословъ, какъ на представителей личности ихъ государя, а также необходимостью огражденія ихъ отъ произвола мѣстной администраціи и судовъ, не дававшихъ правосудія иностранцамъ. Писатели древнѣйшіе (до Гроція) весьма суживали эти права и привилегіи посланниковъ (большинство даже отрицало ихъ неподсудность уголовнымъ судамъ). Только Гуго-Гроцій впервые обосновалъ широкое истолкованіе правъ посланниковъ, создавъ знаменитую въ международ. правѣ юридическую фикцію внѣземельности (экстерриториальности), по которой дипломатической агентъ (и государь), пребывая въ чужой странѣ, разсматривается какъ бы продолжающимъ пребываніе на своей территоріи, а слѣдовательно признается изъятымъ изъ-подъ дѣйствія законовъ и властей мѣста его пребыванія. Очевидны шаткость и противоестественность этой фикціи; однако, на ней очень долго строили всѣ права пословъ. Но литература (еще Пингейро-Феррейра, затѣмъ Блунчли, Нисъ, Прадье-Фодере, Ф. Мартенсъ, Паскаль-Фиоре и мн. друг.) рѣшительно отвергаетъ эту фикцію. Неприкосновенность дипломат. агентовъ вытекаетъ изъ требованій междунар. общенія, которое, призывая государства къ мирному сожитію, должно гарантировать за органами ихъ постоянныхъ сношеній (дипломат. агентами) положеніе, могущее создать имъ физическую и юридическую возможность для осуществленія ихъ предназначенія. Въ этихъ цѣляхъ необходимо признать за дипломат. агентами независимость, а послѣдняя ведетъ къ ихъ неприкосновенности, безъ которой они лишились бы свободы и авторитета.

а) Неприкосновенность дипломатич. агентовъ уважалась даже въ древности; ее признаютъ и дикари; но правомъ она стала съ XVII вѣка. Ее рѣдко нарушаютъ теперь и нарушенія встрѣчаютъ энергичный отпоръ не только со стороны непосредственно заинтересованнаго,

но и со стороны другихъ государствъ. Турція, напр., долго позволяла себѣ заключать пословъ державъ, объявившихъ ей войну, въ тюрьму (Семибашенный замокъ); но и она отказалась отъ этого обычая. Изъ практики XVIII вѣка можно указать на случай, имѣвшій мѣсто въ Россіи, когда царь Петръ I, обвиняя голландскаго резидента въ Петербургѣ во вмѣшательствѣ во внутреннія дѣла Россіи и въ подозрительныхъ сношеніяхъ съ русскими гражданами, арестовалъ резидента. *Но какъ быть въ томъ случаѣ, когда незаконныя дѣйствія посла, напр. участіе его въ заговоръ противъ мѣстнаго правительства (въ чемъ нерѣдко провинялись прежніе дипломаты) или въ возстаніи или, наконецъ, совершеніе имъ преступленія противъ общаго права, представляютъ опасность для мѣстнаго правительства и порядка? Въ этомъ случаѣ происходитъ столкновение 2-хъ правъ: права государства и правительства на самосохраненіе и защиту существующаго порядка и права дипломатич. агентовъ, требуемаго интересами высшаго порядка, на неприкосновенность.* Разрѣшить это столкновение правъ не особенно трудно: въ случаяхъ менѣе важныхъ, напр. совершенія посломъ обыкновеннаго преступленія, достаточно просить объ его отозваніи и пріостановить съ нимъ дипломатическія сношенія; въ случаяхъ чрезвычайныхъ, напр. при возстаніи или заговорѣ, можно, оберегая государство, взять посланника и выпроводить его за границу, отнюдь не предавая его суду на мѣстѣ, не причиняя ему иныхъ насилій и не трогая его архивовъ и донесеній его правительству, которыя должны быть неприкосновенны для мѣстной власти. Международная практика богата примѣрами подобнаго рода: въ 60 годахъ настоящаго столѣтія русскій посланникъ въ Соединен. Штатахъ Катакази былъ отозванъ по настоянію президента, мотивировавшаго просьбу объ отозваніи „постояннымъ вмѣшательствомъ посланника во внутреннія дѣла Соед. Штатовъ“; въ 1744 г. изъ Россіи выслали подъ конвоемъ французскаго посланника маркиза де-Шаторди, что было мотивировано Императрицею Елизаветою „возбужденіемъ посланникомъ духовенства и другихъ подданныхъ къ бунту“; въ томъ же вѣкѣ арестовали и посланника Португаліи въ Вѣнѣ за убійство одного придворнаго. Въ случаяхъ, подобныхъ послѣднему, высылая посла, требуютъ обыкновенно у правительства наказанія виновнаго.

б) *Неподсудность уголовная.* Она вытекаетъ изъ начала неприкосновенности, какъ ея логическій и неизбѣжный выводъ, ни кѣмъ теперь не оспаривается (исключеніе — Лоранъ) и охраняется многими внутренними законодательствами (напр. ст. 171 улож. о наказ. и 223 уст. угол. судопр.). Всѣ перечисленные выше примѣры изъ междун. жизни вполне подтверждаютъ сказанное положеніе.

с) *Гражданская неподсудность также вытекаетъ изъ начала неприкосновенности, но должна быть истолковываема въ болѣе ограниченномъ смыслѣ, чѣмъ неподсудность уголовная, такъ какъ подчиненіе гражданскимъ судамъ и ихъ рѣшеніямъ принципиально мало затрагиваетъ личную неприкосновенность и независимость лица (большая разница — посадить посла въ тюрьму по обвиненію въ уголовн. преступленіи или же взыскать съ него по векселю: въ первомъ случаѣ неприкосновен-*

ность исчезаетъ, во второмъ—сохраняется). Въ принципъ законодательства охраняютъ начало гражданской неподсудности. Такъ, по 225 ст. уст. гражд. суд., настояніе объ удовлетвореніи денежныхъ претензій русскихъ подданныхъ къ лицамъ, принадлежащимъ къ иностраннымъ посольствамъ, выпадаетъ на долю Минист. Иностр. Дѣлъ, къ которому должны обращаться русскіе кредиторы. Суды не разъ высказывались въ этомъ смыслъ; а когда (при Петрѣ I) русскій посланникъ въ Лондонѣ (Матвѣевъ) былъ за долги арестованъ (по судебному приговору), то не только былъ скоро отпущенъ, но королева выразила Матвѣеву свое сожалѣніе, а парламентъ въ слѣдующемъ году (1709) издалъ билль о неподсудности посланниковъ мѣстнымъ уголовн. и граждан. судамъ. Такъ какъ принципъ гражданской неподсудности вообще ограниченъ неподсудности уголовной, то практика выработала уже нѣсколько изъятій: 1) если дипломат. агентъ—мѣстный подданный или состоитъ на службѣ мѣстнаго правительства; 2) если онъ занимается коммерческими дѣлами (тогда взысканія подаютъ на него, какъ на купца); 3) если онъ владѣетъ недвижимою собственностью въ странѣ мѣста своего пребыванія (тогда онъ отвѣчаетъ по всѣмъ искамъ, падающимъ на недвижимое имущество). Но не можетъ быть рѣчи о добровольной подсудности посланника, который вовсе не располагаетъ правомъ личнаго усмотрѣнія и самоотрѣшенія отъ правъ, принадлежащихъ ему въ интересахъ общенія для отправленія его обязанностей.

d) *Неприкосновенность жилища.* Право личной неприкосновенности было бы фикціею, если бы оно не сопровождалось неприкосновенностью жилища и всего находящагося въ немъ, принадлежащаго посланнику (особенно же архивовъ и дипломатической переписки). Но было время (XVII в.), когда фикція вѣзельности перестроила начало неприкосновенности жилища, т. е. личное право посланника, въ уродливую привиллегію „franchise des quartiers, изъ которой выводили совершенно невозможное право—*droit d'Asile* (право убѣжища) для всякаго и даже мѣстнаго подданнаго, укрывшагося отъ преслѣдованія мѣстныхъ властей и закона въ домъ посланника или даже въ кварталъ, прилежащемъ къ посольскому дому, въ его экипажъ и т. д. Въ правѣ убѣжища въ посольскомъ кварталѣ или домѣ (*franchise de l'hôtel*) должно видѣть грубое смѣшеніе понятій: право посла переносилось на непословъ, при томъ на мѣстныхъ гражданъ, что не только противорѣчило международному праву, но и территоріальному верховенству и достоинству государствъ, весьма страдавшихъ отъ этого права. Его начинаютъ отмѣнять съ конца XVII вѣка (позднѣе всего оно отмѣнено въ Римѣ); а право убѣжища для дома посла сохранилось еще дольше, встрѣчая защиту со стороны многихъ государствъ. Такъ, одною изъ причинъ войны, возникшей въ первой половинѣ XVIII вѣка между Англіею и Испаніею, было указаное неудовлетвореніе обиды, причиненной Англіи нарушеніемъ испанскимъ правительствомъ неприкосновенности дома ея посланника. Понятно, что въ настоящее время *droit d'asile* совершенно исчезло: мѣстные подданные и иностранцы могутъ быть схвачены въ посольскомъ отелѣ и судятся мѣстными судами и въ томъ случаѣ, когда совершаютъ преступленія

въ домѣ посла и даже противъ него самого или членовъ его посольства. Такъ, русскій подданный (Никитченковъ), покусившійся на жизнь секретаря русскаго посольства въ Парижѣ (въ 1867 г.), былъ арестованъ французскою полиціей, судимъ и наказанъ по французскимъ законамъ.

е) *Второстепенныя права.* Нѣкоторыя изъ нихъ, напр. право на свободное богослуженіе по обрядамъ своей церкви въ посольскихъ церквахъ, вытекаютъ изъ начала неприкосновенности жилища. Вызванное религіозною нетерпимостью и гоненіями иновѣрцевъ, оно потеряло теперь свое прежнее значеніе. Другія права, напримѣръ свобода отъ податей, повинностей и таможенныхъ пошлинъ, не могутъ быть логично выводимы изъ начала независимости и неприкосновенности дипломатич. агентовъ, такъ какъ нисколько не нарушаютъ послѣднихъ, за исключеніемъ, конечно, повинностей и податей личныхъ, унижающихъ представительный характеръ дипломатич. агента. Поэтому, дипломатич. агенты въ принципѣ обязаны нести таможенные пошлины, косвенные налоги, земскія и городскія повинности (напр. по владѣнію ими недвижимыми имуществами); лишь по традиціи, на основаніи соображеній въжливости и взаимности, они освобождаются отъ нихъ сполна или частію; напр. по австрійскому таможенному уставу посланники не платятъ пошлинъ съ вещей, привезенныхъ ими съ собою послѣ назначенія; за всѣ послѣ получаемыя— платятъ по началу взаимности съ государствомъ, ихъ назначившимъ.

VI. Традиціи сильно расширяютъ на практикѣ права и преимущества дипломат. агентовъ, распространяя ихъ не только на лицъ, служащихъ цѣлямъ миссіи („причисленные“ къ посольству, совѣтники и секретари), что вполнѣ справедливо, но и на членовъ семейства посланниковъ, на священно-служителей посольскихъ церквей, даже на личную прислугу пословъ, что не можетъ быть оправдано ни интересами общенія, ни характеромъ этихъ лицъ, не обладающихъ и тѣнью представительства. Нельзя также оправдать и права посланниковъ быть судьями по уголовнымъ дѣламъ и примѣнять право наказанія надъ подчиненными имъ членами посольства, что выводилось опять же изъ фикціи въземельности. Въ настоящее время послѣднее право нигдѣ не признается болѣе; посланники обладаютъ теперь лишь т. наз. безспорною юрисдикціей (напр. храненіе завѣщаній, выдача паспортовъ и проч.).

VII. Дипломатія, т. е. искусство вести переговоры и осуществлять цѣли дипломатической миссіи, не входитъ въ предметъ юридич. изслѣдованія посольскаго права. Здѣсь можно лишь замѣтить, что: 1) истинная задача дипломатіи не въ обманъ и скрытности, которыми она возбуждала справедливыя противъ себя нападки, вредила дѣлу мира и препятствовала сближенію между народами, а въ правильной постановкѣ своей дѣятельности и въ честномъ преслѣдованіи цѣлей посольскаго института; 2) для достиженія этихъ цѣлей необходима реформа въ подготовкѣ дипломатич. агентовъ, т. е. въ образованіи ихъ, въ большинствѣ случаевъ очень одностороннемъ и поверхностномъ, и въ практической приготовленности ихъ къ своему предназначенію (гр. Камаровскій). Конечно, „жизнь и исторія—лучшая школа для дипломатовъ“ (Геффтеръ и Прадье-Фодере); но для пониманія жизни и исторіи нужна основа-

вательная подготовка теоретическая и практическая, почему весьма желательно видѣть у дипломатовъ свѣдѣнія и практическія способности, требуемыя отъ консуловъ и дѣйствительно встрѣчающіяся у послѣднихъ (Прадье-Фодере).

Отсутствіе солиднаго образованія и практическихъ способностей (оставляя въ сторонѣ знаменитыхъ дипломатовъ, т. е. исключенія изъ правила), отличающее массу дипломатовъ прошлаго и настоящаго, а равно и другой исторической дефектъ ихъ—они служатъ только назначающимъ ихъ правительствамъ и специальнымъ интересамъ конкретнаго государства (гр. Камаровскій) и очень мало дѣлу общенія между народами—объясняютъ, почему многіе писатели (Прадье-Фодере, графъ Камаровскій) относятся очень скептически къ роли и вліянію диплом. агентовъ въ качествѣ органовъ распознанія и развитія международнаго права. По мнѣнію Прадье-Фодере въ наше время роль дипломата все болѣе сводится къ роли простаго „уполномоченнаго, говорящаго за своего довѣрителя“, отвѣтственность же его и область самостоятельной дѣятельности все болѣе сокращаются, почему уменьшается и важность его функцій. Во всякомъ случаѣ изъ мнѣній—одного (Гольцендорфа), видящаго въ посланникахъ „сановниковъ международной справедливости“, призванныхъ содѣйствовать развитію международнаго права и сознанію общенія между народами, и другаго (гр. Камаровскаго; близко къ нему и мнѣніе Прадье-Фодере), полагающаго, что роль дипломатическихъ агентовъ, значительно сократившаяся теперь сравнительно съ эпохою абсолютизма, вѣроятно, совсѣмъ упразднится съ установленіемъ правильной международной организаціи,—вѣрнѣе послѣднее мнѣніе. Разъ создадутся въ международномъ союзѣ, законодательный и судебный органы, дипломатія и дипломатическіе агенты потеряютъ свой *raison d'être*! Но пока они—органы международнаго общенія, съ политическимъ характеромъ.

§ II. *Права государей, президентовъ республикъ и членовъ семейства государей.* Нѣкоторые писатели (Геффтеръ, Блунчли, Филлиморъ и др.) признаютъ за государями и президентами республикъ значеніе субъектовъ международнаго права. Взглядъ невѣрный. Онъ основался (относительно государей въ особенности) на особой роли, которую играли государи въ международныхъ отношеніяхъ, гдѣ личность государства отождествлялась и поглощалась личностью носителя верховной въ немъ власти (государя). Но такъ какъ въ настоящее время не можетъ быть и рѣчи ни о чемъ подобномъ, то *различныя права государей въ международныхъ отношеніяхъ признаются за ними, какъ за представителями ихъ государства, долженствующими пользоваться на чуждой территоріи извѣстнымъ уваженіемъ (церемоніальныя права при встрѣчѣ и отбытіи ихъ) и извѣстными правами. Послѣднія охраняются и требованіями международного порядка, нарушаемаго неуваженіемъ, проявляемымъ относительно носителей верховной власти.* Поэтому, издавна всѣ права и привилегіи, принадлежащія дипломатическимъ агентамъ, признавались и за государями, а благодаря продолжительной и особенно вліятельной роли государей въ международныхъ отношеніяхъ—даже въ большей

степени, нежели за дипломатическими агентами; сказанное оправдывается исторически и тѣмъ, что въ государяхъ концентрировались въ прежнія времена и важнѣйшія функціи дипломатическихъ агентовъ и во всякомъ случаѣ высшій за послѣдними контроль. *Въ послѣднее время права государей во всякомъ случаѣ (за исключеніемъ правъ церемоніальныхъ) не большія чѣмъ дипломатическихъ агентовъ. Президентамъ республикъ они принадлежатъ въ равной мѣрѣ (за исключеніемъ правъ церемоніальныхъ, которыя всегда меньшія, чѣмъ у монарховъ);* противоположный взглядъ проф. Мартенса, усматривающаго, что президенты суть только представители исполнительной власти, а не верховной, покоящейся въ народѣ, и что въ международныхъ отношеніяхъ они выступаютъ прежде всего съ характеромъ частныхъ лицъ, а представителями народа только въ предѣлахъ законнаго полномочія, — не можетъ быть принятъ: и конституціонные монархи — тоже представители исполнительной власти по преимуществу, тоже могутъ выступать за границей съ характеромъ частныхъ лицъ, какъ и президенты республикъ, но тѣмъ не менѣе пользуются всѣми правами и привилегіями.

Для пользованія правами и привилегіями государи и президенты республикъ должны быть признаны таковыми въ предѣлахъ чужеземнаго государства и быть въ данное время дѣйствительными носителями верховной (или исполнительной) власти, т. е. фактически обладать ею, какими бы путями не произошло и не укрѣпилось такое держаніе власти. *Всѣ права, принадлежащія имъ (см. права дипломатическихъ агентовъ), тоже истекающія изъ началъ независимости и неприкосновенности, прекращаются съ лишеніемъ государя престола или съ низверженіемъ президента республики.* Всѣ эти права прекращаютъ свое дѣйствіе, если государь или президентъ вступили на иноземную территорию вопреки запрещенію мѣстной власти, во время войны съ послѣднею (тогда они дѣлаются военноплѣнными) или если они путешествуютъ incognito (до открытія incognito). *И по отношенію къ нимъ уголовная неподсудность — абсолютна (ихъ можно лишь выслать, какъ и пословъ, за границу); гражданская же — болѣе сужена; суды всегда признавали ее въ принципѣ, отказывая въ ней всякій разъ, когда государь или президентъ республики выступали въ интересахъ частныхъ лицъ и въ качествѣ таковыхъ.* Напр. французскій судъ (въ 1870 г.) высказалъ, что „подчинить франц. суду чужеземнаго суверена было бы нарушеніемъ международного права, освящающаго взаимную независимость государствъ“; но тотъ же судъ (въ 1872 г.) принялъ и удовлетворилъ искъ французскихъ ювелировъ къ эксъ-королевѣ испанской Изабеллѣ, которая заказывала брилліанты для себя лично и дочери, а не для короны. *Допускается еще подсудность исковъ, вчиняемыхъ самими иностранными государями, и логика требовала бы въ подобномъ случаѣ принятія и встрѣчныхъ исковъ къ нимъ (но практика судовъ здѣсь разнорѣчива и колеблется).* Защищаютъ еще (Геффтеръ, Блунчли и другіе) распространеніе всѣхъ правъ государей (и президентовъ республикъ) на ихъ женъ и наследниковъ престола; это очевидно невярно, такъ какъ они не носители верховной власти. Впрочемъ, не оправдываясь теоретически, мнѣніе этихъ писате-

лей опирается на практику, которая идетъ здѣсь традиціоннымъ путемъ распространенія этихъ правъ (см. сказанное о дипломатическихъ агентахъ). *Понятно, что о распространеніи этихъ правъ на свиту государей—еще меньше можетъ быть рѣчи. Также должно сказать и о юрисдикціи ихъ надъ членами своей свиты, которая вполнѣ признавалась за ними прежнею практикою (и литературою) и примѣнялась ими въ широкихъ размѣрахъ (нынѣ она отвергается совершенно; противъ только Филлиморъ).* Напр. королева Христина Шведская (въ 1657 году), будучи во Франціи, подвергла суду и казни своего камергера (нѣкоего Мональдески). Законность такой юрисдикціи не можетъ быть оправдана: начало личной неприкосновенности не даетъ никакихъ правъ по отношенію къ другимъ лицамъ и уже во всякомъ случаѣ здѣсь нарушается принципъ территоріальнаго дѣйствія закона относительно всѣхъ лицъ, пребывающихъ въ данной мѣстности, за исключеніемъ лишь тѣхъ, которыя пользуются личною неприкосновенностью (или фикціею „внѣземельности“).

Е) *Консулы.*

§ I. I. Они органы, которыми пользуются государства для охраны социальныхъ интересовъ и защиты личныхъ правъ гражданъ въ международномъ общеніи; не обладая характеромъ представительства политическихъ интересовъ государства,—почему они (за исключеніемъ консуловъ въ нецивилизованныхъ странахъ) лишены основныхъ правъ, принадлежащихъ дипломатическимъ агентамъ,—консулы поддерживаютъ общеніе между народами на одной изъ крѣпчайшихъ основъ послѣдняго, именно на почвѣ экономическихъ и личныхъ интересовъ государствъ и ихъ гражданъ. Поэтому, тогда какъ роль дипломатическихъ агентовъ замѣтно уменьшается, количество дипломатическихъ миссій убываетъ, число консульскихъ учрежденій быстро увеличивается, распространяясь по всему міру, а функціи консуловъ постоянно усложняются. Ихъ дѣятельность, права и обязанности опираются не только на обычное и договорное право народовъ, но и на цѣлый рядъ внутреннихъ законодательствъ отдѣльныхъ державъ. Практика и законодательства большинства цивилизованныхъ государствъ (Англія, Франція, Германія, частью и Россія—особенно для ея консуловъ на востокѣ) требуютъ отъ кандидатовъ на консульскія должности подготовки теоретической и практическаго прохожденія извѣстныхъ должностей.

Консулы возникли въ средніе вѣка. Ни въ проксенахъ Греціи, ни въ патронѣ Рима нельзя видѣть современныхъ консуловъ: и тѣ и другіе не только назначались изъ мѣстныхъ гражданъ (это практикуется и въ настоящее время для консуловъ), но и мѣстнымъ же правительствомъ, были слѣдовательно въ полной отъ послѣдняго зависимости и интересъ защиты иностранцевъ подчинялся высшему интересу—служенія своему государству. *Консулы появились при крестовыхъ походахъ,* когда купцы европейскихъ торговыхъ республикъ (Венеціи, Генуи, южной Италіи и Испаніи) отправились подъ охраною крестоносцевъ въ мусульманскія страны и, по мѣрѣ завоеванія послѣднихъ крестоносцами, селились тамъ, заводили факторіи и постоянные торговые пункты; они

управлялись въ нихъ, съ согласія крестоносцевъ, по законамъ европейскыхъ торговыхъ городовъ, изъ которыхъ они вышли. А въ этихъ послѣднихъ городахъ, подъ вліяніемъ широкаго коммерческаго оборота, торговое сословіе обладало правомъ избранія изъ своей среды особыхъ судей (*consuls des marchands, Archiconsuls*) для рѣшенія такихъ споровъ (Ф. Мартенсъ, Контупци). Когда крестоносцы постепенно были вытѣснены съ Востока мусульманами, послѣдніе, чуждаясь торговыхъ сношеній, но сознавая вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ необходимость и выгоду, сохранили за европейскими купцами ихъ торговля права и привилегіи, право суда по торговымъ дѣламъ черезъ посредство консуловъ и дали имъ дальнѣйшее распространеніе посредствомъ капитуляцій (договоровъ) съ торговыми республиками Европы. Постепенно, на основаніи капитуляцій, а частью и обычнаго права консулы сдѣлались судьями по торговымъ, гражданскимъ и даже уголовнымъ дѣламъ ихъ соотечественниковъ, получили полицейскую власть въ факторіяхъ и характеръ защитниковъ своихъ соотечественниковъ предъ властями мусульманскими. *Эта полная и стройная организація консуловъ перешла въ XIV и XV вѣкахъ въ Западную Европу* (итальянскія торговля республики имѣли, напр., консуловъ въ Англіи еще въ началѣ XV вѣка). Но когда на Западѣ окрѣпла государственная власть, забравшая въ свои мощныя руки всю юрисдикцію надъ подданными и иностранцами, когда средневѣковое личное право вытѣснилось территоріальнымъ принципомъ дѣйствія права, эта власть оказалась враждебною юрисдикціи иностранныхъ консуловъ надъ ихъ соотечественниками и послѣдняя стала исчезать въ XVII вѣкѣ, а къ концу XVIII не осталось и слѣдовъ ея. На Востокѣ же консульская юрисдикція продолжаетъ существовать; обычное право дѣйствуетъ, а капитуляціи продолжаютъ заключаться турками и другими восточными государствами съ европейскими народами. Въ большей или меньшей степени, но всѣ капитуляціи признаютъ въ пользу европейцевъ право юрисдикціи ихъ консуловъ по торговымъ, гражданскимъ, даже по уголовнымъ дѣламъ ихъ соотечественниковъ, и лишь въ спорахъ иностранцевъ съ туземцами или въ преступленіяхъ, совершенныхъ ими противъ послѣднихъ, принята другая система—смѣшанной юрисдикціи (консуловъ и мѣстныхъ властей) и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ исключительная юрисдикція одной мѣстной власти. *Изъ такихъ капитуляцій древнѣйшія, заключенныя съ Турціею, суть: капитуляціи Франціи* (еще въ 1528 г. и договоръ 1740 г.), *Англіи* (1675 г.—дѣйствуетъ и по настоящее время) и *Россіи* (1783 г., распространенная позднѣе на другія европейскія государства); *съ Персіею*—договоръ Франціи 1854 г., цѣлый рядъ договоровъ съ нею Россіи (съ 1717 г. по 1828 г.—Туркманчайскій мирный трактатъ); *съ Китаемъ* (договоры Россіи 1851 г., Тяндзинскій—1858 г. и Пекинскій—1860 г.); *съ Японіею* (Англіи и Соедин. Штат. въ 1854 г.) Россіи—въ 1855 г. и въ 1858 г., въ Едо); *съ Марокко*—въ 1880 г.—всѣхъ европейскихъ державъ, кромѣ Россіи и Соед. Штатовъ Сѣв. Америки; *съ Триполи* (протоколъ 1873 г. между Турціею, Франціею, Англіею и Италіею). *За послѣднее время такія капитуляціи стали даже заключаться между самими азиат-*

скими государствами; таковы капитуляціи—Китаю и Японіи (1871 г.), Японіи и Корее (1876 г.), Турціи и Персіи (1873 г.) (Контуцци). Такимъ образомъ, историческія судьбы консуловъ на Западѣ и на Востокѣ раздѣлились: на Западѣ они не имѣютъ въ настоящее время ни представительнаго характера, ни юрисдикціи надъ соотечественниками, на Востокѣ же они обладаютъ и тѣмъ и другимъ, что объясняется, какъ необходимою охранять самую личность консула отъ враждебности мусульманскаго населенія и недовѣрчиваго отношенія къ нимъ мусульманскихъ властей, такъ равно и невозможностью найти иностранцамъ дѣйствительное покровительство и защиту ихъ правъ въ спорахъ и столкновеніяхъ съ туземцами: юридическое міровоззрѣніе, основныя начала государственнаго права, религіи и социальныхъ устоевъ народовъ мусульманскихъ и полуварварскихъ вообще настолько еще не согласимы съ тѣми же началами и устоями народовъ высшей культуры, а отношенія судовъ и властей ихъ къ евреямъ настолько враждебны, что ни о какомъ правосудіи и безпристрастіи ихъ въ спорахъ между туземцами и европейцами не можетъ быть и рѣчи. Подчиненіе послѣднихъ мѣстной юрисдикціи—привело бы къ отказу въ правосудіи и въ защитѣ личныхъ правъ иностранцевъ, а въ дѣлахъ уголовныхъ и къ примѣненію варварскихъ наказаній, совершенно нетерпимымъ юридическимъ міровоззрѣніемъ просвѣщеннаго человѣчества. Вотъ почему европейскія державы всегда устранили попытки Восточныхъ государствъ сбросить съ себя обязательства капитуляцій; напр. всѣ увѣренія Турціи предъ Европою о равенствѣ правъ между мусульманами и христіанами—сухая неправда и неравенство ихъ передъ закономъ остается въ полной силѣ (Миконіосъ): достаточно напомнить о тяжеломъ положеніи Турецкихъ армянъ и христіанъ. А если такъ поступаетъ Турція, принятая еще въ 1856 г. въ „концертъ европейскихъ державъ“, то чего ждать отъ Персіи и Китая?

II. Постановленія о консулахъ на Западѣ почерпаются изъ консульскихъ конвенцій и внутреннихъ законодательствъ (консульскіе уставы). Изъ послѣднихъ особенно извѣстны по полному и точному опредѣленію правъ, обязанностей и функцій консуловъ—уставъ Германскій 1867 г. (нынѣ Имперскій), уставъ Италіи 1866 г. Въ Россіи первый уставъ (копія съ Ordonance de la Marine Людовика XIV) появился въ 1820 г., второй (дополненный и измѣненный) въ 1858 (о консулахъ на Западѣ). Онъ устарѣлъ, плохо редактированъ, неполонъ и совершенно не соотвѣтствуетъ широко развитымъ торговымъ интересамъ Россіи. И сами Русскіе консулы въ общемъ—плохіе консулы, мало подготовлены къ отправленію сложныхъ и отвѣтственныхъ обязанностей консульскаго званія; они или чиновники, или лица изъ мѣстныхъ гражданъ, по случайному назначенію, весьма мало сознаютъ обязанность защиты законныхъ правъ и интересовъ русскихъ подданныхъ за границею. Донесенія ихъ правительству, дающія на Западѣ богатый матеріалъ для изслѣдованія экономическихъ отношеній между государствами, лежатъ у насъ подъ спудомъ, крайне отрывочны и рѣдко полны. Эти недостатки русскихъ консуловъ давно обратили на себя вниманіе обще-

ства и правительства. Нѣсколько лѣтъ назадъ созвана при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ комиссія для реформы нашего законодательства и консулахъ (въ ней принималъ участіе и проф. Ф. Мартенсъ). Она выработала новый проектъ консульскаго устава, который можетъ получить законодательное утвержденіе (съ небольшими поправками).

III. Консулы на Западѣ назначаются обыкновенно министерствами (у насъ иностранныхъ дѣлъ, въ другихъ государствахъ иногда министерствомъ земледѣлія и торговли), съ утвержденіемъ (въ Россіи) верховной власти или безъ онаго. Во всякомъ случаѣ они должны получить назначеніе согласно законамъ страны назначающей, которое признается состоявшимся съ момента выдачи консулу такъ наз. „*lettre de provision*“. Каждый назначенный консулъ долженъ быть признанъ правительствомъ, на территоріи котораго онъ призванъ дѣйствовать. Отказъ въ допущеніи консуловъ вообще былъ бы отказомъ отъ поддержанія общенія между народами въ области социальныхъ интересовъ, органами котораго служатъ консулы. Онъ не мыслимъ среди цивилизованныхъ народовъ. Исключеніе (весьма рѣдкое) допускается (и въ принципѣ лишь какъ временное) по серьезнымъ мотивамъ политическаго свойства и только для некоторыхъ мѣстностей и при томъ одинаково для всѣхъ государствъ. Напр. русское правительство отказывало Англій въ допущеніи ея консула въ Ташкентъ, потому, можно полагать, что торговые интересы Англій тамъ не особенно значительны, а настоящая цѣль консульства сведется къ шпионству и интригамъ англійскаго правительства противъ русской власти и престижа Россіи въ этомъ краѣ пограничномъ съ азіатскими владѣтелями. Согласіе же на признаніе даннаго лица консуломъ выражается въ *exequatur*, т. е. въ формальномъ согласіи мѣстнаго правительства на отправленіе консуломъ его функций. Понятно, что всѣ условія, дающія право на отказъ въ принятіи даннаго лица въ качествѣ дипломатическаго агента, управомочиваютъ правительство и на отказъ въ выдачѣ *exequatur*'а консуламъ. А если возможно требовать, въ извѣстныхъ случаяхъ, отозванія дипломатическаго агента, даже прервать съ нимъ сношенія и выслать его, то вполне возможно и отнятіе *exequatur*'а, если, напр., консулъ компрометируетъ себя поведеніемъ, и особенно въ томъ случаѣ, когда онъ вмѣшивается во внутреннія дѣла страны. Напр. французское правительство въ 1834 году отобрало *exequatur* отъ прусскаго консула въ Байонѣ, который вздумалъ поддерживать карлистовъ, возставшихъ въ Испаніи противъ правительства, съ которымъ Франція была въ дружественныхъ отношеніяхъ. Консулы всегда состоятъ въ подчиненіи дипломатическимъ миссіямъ, мѣющимъ верховный надъ ними надзоръ и дающимъ имъ инструкціи; но сношенія они ведутъ часто непосредственно съ назначившимъ ихъ правительствомъ что объясняется спеціальностью консульскихъ обязанностей, не имѣющихъ политическаго значенія (на Западѣ).

Въ послѣднее время становится все болѣе замѣтно серьезное различіе между консулами штатными (*consules missi*), присылаемыми въ данное мѣсто въ качествѣ правительственныхъ агентовъ, изъ числа подданныхъ посылающаго правительства, и консулами нештатными (*consules*

sules electi), которые избираются правительствами из мѣстных почетныхъ лицъ, считающихся на службѣ правительства, уполномочившаго ихъ на отправленіе консульскихъ функцій. Въ недавнее еще время (въ Россіи и теперь еще) consules electi были учрежденіемъ весьма распространеннымъ. *Ненормальность его—внѣ сомнѣній*: зависимые отъ мѣстной власти и вполнѣ независимые отъ законовъ и властей страны, назначившей ихъ, рѣдко знакомые съ послѣднею и ея интересами, consules electi—самые неподходящіе представители и защитники подданныхъ государства, ихъ избравшаго. Авторитетъ ихъ въ глазахъ обѣихъ правительствъ совсѣмъ не тотъ, что у консуловъ штатныхъ. Поэтому, тогда какъ прежде они обладали почти одинаковыми правами и значеніемъ съ штатными консулами, въ послѣднее время нѣкоторыя державы ихъ совсѣмъ не назначаютъ. Въ будущемъ они должны совершенно исчезнуть и теперь они вездѣ пользуются меньшими правами и авторитетомъ сравнительно съ консулами штатными.

Всѣ консулы обыкновенно назначаются въ опредѣленные округа (территоріальная система), что весьма удобно въ практическомъ отношеніи для подданныхъ государства назначившаго и для властей державы, принявшей консула. Въ отношеніи же ранга и подчиненности различаются консулы: *генеральные*—начальники округа, которымъ подчинены всѣ остальные консулы округа, *консулы* (въ данномъ портѣ, городѣ или части округа), *вице-консулы*—помощники первыхъ (чаще всего изъ мѣстныхъ гражданъ) и *консульскіе агенты*. Послѣдніе—мелкіе чины, назначаемые и увольняемые генеральными консулами и консулами, обыкновенно лишь временно исправляющіе должность или замѣняющіе консуловъ въ маленькихъ пунктахъ.

Не обладая характеромъ представительства государствъ и не будучи органами общенія между государствами въ сферѣ ихъ политическихъ интересовъ, консулы на Западѣ не имѣютъ никакихъ правъ и привилегій, которыми пользуются дипломатическіе агенты. *Они освобождаются только отъ воинскаго постоя, воинской повинности, отъ прямыхъ налоговъ* (очень рѣдко, по традиціямъ, и отъ таможенныхъ пошлинъ); они могутъ выставлять на мѣстѣ своего обиталища гербъ и флагъ своего государства, а неприкосновенностью пользуются только ихъ архивы. Льготы ихъ относительно подсудности гражданскимъ судамъ очень ничтожны (напр. конвенція Испаніи и Россіи отъ 1876 г. даетъ консуламъ право не являться въ судъ свидѣтелями по гражданскимъ дѣламъ); а вице-консулы и консульскіе агенты никогда не пользуются привилегіями консуловъ. Всѣ консулы подчиняются уголовнымъ судамъ страны ихъ пребыванія.

IV. Кругъ консульскихъ функцій крайне сложенъ и разностороненъ. *Прежде всего они—охранители торговыхъ интересовъ государства и его подданныхъ* (слѣдятъ за соблюденіемъ торговыхъ договоровъ и конвенцій); поэтому, *они наблюдаютъ за мореходствомъ и торговымъ флотомъ ихъ государства*. Имъ подчинены капитаны и шкипера коммерческихъ кораблей, исполняющіе всѣ распоряженія консула, участвующаго въ опѣнкѣ и удостовѣреніи поврежденій судовъ во время плаванія, въ

спасенію корабля, груза и людей при несчастіи и взятіи спасеннаго имущества на сохраненіе, въ принятіи мѣръ къ обезпеченію корабля припасами и т. д. Относительно военныхъ кораблей консулы обязаны оказывать ихъ начальству содѣйствіе по разъясненію и указанію мѣстныхъ законовъ, по снабженію корабля нужнымъ продовольствіемъ, при его починкѣ, доставленію топлива для военныхъ пароходовъ. *Относительно отдѣльныхъ подданныхъ консулы въдаютъ охрану ихъ правъ и интересовъ на данной территоріи* (совѣтомъ и указаніями при тяжбахъ съ мѣстными гражданами, вспомошествованіемъ больнымъ и бѣднымъ и возвращеніемъ ихъ на родину); въ этихъ же видахъ они обладаютъ функциями полицейскаго характера, какъ-то: визированіе паспортовъ, улаживаніе споровъ между начальствомъ и матросами или пассажирами коммерческихъ кораблей; они могутъ даже требовать ареста матросовъ этихъ кораблей за проступки на непродолжительный срокъ. *Судебныхъ функций они теперь не имѣютъ. Исключеніе 1) право быть третейскимъ судьей* (между соотечественниками), по добровольному согласію тяжущихся сторонъ; 2) *по охранительному судопроизводству—роль судебного пристава* по описи и охранѣ имущества соотечественниковъ умершихъ, безвѣстно отсутствующихъ, опекаемыхъ и душевно-больныхъ; 3) *по нотаріату—совершеніе нотаріальныхъ сдѣлокъ* между соотечественниками (по законамъ страны, назначившей консула), а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и сдѣлокъ ихъ (гражданскихъ и коммерческихъ) съ иностранцами вообще или между иностранцами и подданными правительства, назначившаго консула.

V. *На Востокъ же консулы пользуются всеми правами и преимуществами дипломатическихъ агентовъ* (кромѣ церемоніальныхъ) и сверхъ того—правомъ юрисдикціи надъ ихъ соотечественниками въ дѣлахъ гражданскихъ, уголовныхъ и торговыхъ, въдаемой по отечественнымъ законамъ, но при помощи особой организаціи консульскихъ судовъ. Имѣется два типа этихъ судовъ: французская система и англійская. (По мнѣнію проф. Мартенса—три: французскій, англійскій и русскій). Французская система покоится на судѣ первой степени (въ Константинополѣ—единоличный судъ консула, въ каждомъ консульскомъ округѣ (консуль и 2 засѣдателя по приглашенію консула изъ французскихъ гражданъ округа), на апелляціонной инстанціи—эксій судъ (въ южной Франціи) и на кассационной—Парижскій кассационный судъ. Неудобство этой системы въ томъ, что апелляціонная и кассационная инстанціи очень отдалены отъ мѣста спора и судовъ первой степени. Для дѣлъ уголовныхъ единоличный судъ консула (безъ апелляціи) для полицейскихъ правонарушеній (contraventions), для проступковъ (delits)—судъ консула и 2 ассесоровъ (по назначенію консула), и для преступленій (crimes) —консуль есть судебный слѣдователь, предшествующій коллегіальный судъ—камера преданія суду, а мѣсто окончательнаго разбирательства—эксій судъ во Франціи (кассационная инстанція—Парижскій кассационный судъ). По образцу Франціи устроены суды Италіи, Германіи и друг. Система англійская для дѣлъ гражданскихъ и коммерческихъ построена на коллегіальномъ судѣ (въ каждомъ округѣ) изъ консула и 2 засѣдателей изъ англичанъ. Апелляціонная ин-

станція и „Верховный консульскій судъ для владѣній Высокой Порты Оттоманской“ (въ Константинополѣ; но онъ можетъ выѣзжать); для Китая и Японіи—особый судъ въ Шанхаѣ. Предсѣдатель и члены его—по назначенію англійскаго правительства. *По дѣламъ уголовнымъ имѣется въ каждомъ округѣ судъ присяжныхъ* (5 человекъ), составляемый изъ списка пребывающихъ въ округѣ англійскихъ подданныхъ. Эта система проще и быстрѣе французской, высшій судъ ближе къ тяжущимся. *Для русскихъ же консульскихъ судовъ имѣется пока одна только организація закономъ прочно установленная, именно — для судовъ Персіи.* (Фактически она же введена въ Китаѣ и Японіи). Суды въ Персіи имѣются при миссіи въ Тегеранѣ и при отдѣльных консульствахъ (первый—для лицъ, пребывающихъ въ Тегеранѣ, внѣ консульскихъ округовъ). Въ первомъ предсѣдаетъ драгоманъ посольства, во вторыхъ—консула, члены ихъ—купцы (по избранію изъ своей среды). Вѣдаютъ они всѣ иски свыше 30 руб. (на низшія суммы—рѣшаетъ единолично консулъ). *Апелляціонная инстанція*—въ Тегеранѣ (при миссіи). Предсѣдаетъ—старшій секретарь миссіи (онъ же генеральный консулъ), при членахъ изъ почетныхъ русскихъ подданныхъ, въ Тегеранѣ—по назначенію посла. *О кассационной инстанціи законъ умалчиваетъ.* Въ Турціи русское посольство учреждаетъ особыя комиссіи, которыя рѣшаютъ окончательно дѣла на сумму до 1000 піастровъ. По искамъ свыше этой суммы апелляціонныя жалобы подаются во 2-й департаментъ сената (Эйхельманъ). Такимъ образомъ, *русская система* (2 инстанціи, состоящія на мѣстѣ) *ближе къ англійской.* Уголовныя дѣла (лишь незначительныя) вѣдаются единолично консулами или драгоманомъ, а болѣе важныя—отправляются вмѣстѣ съ обвиняемыми въ Россію (съ актами дознанія, совершенными консулами при содѣйствіи мѣстныхъ властей).

Всѣ эти суды вѣдаютъ (по капитуляціямъ) дѣла между иностранными подданными одной національности (напримѣръ французскіе—дѣла французовъ). *Но какъ быть въ томъ случаѣ, когда истцомъ и отвѣтчикомъ являются иностранцы же, т. е. не подсудные мѣстнымъ судамъ, но подданные разныхъ государствъ? Обычаемъ выработанное и издавна соблюдаемое правило состоитъ въ томъ, что компетентнымъ признается судъ отвѣтчика (actor forum rei sequitur), такъ какъ только послѣдній можетъ выполнить рѣшеніе, постановленное противъ отвѣтчика, а судъ истца безсиленъ къ тому, въ виду неподчиненія отвѣтчика юрисдикціи и власти чужеземнаго консула.* *Случаи же споровъ и тяжбъ между подданными государствъ, заключившихъ капитуляціи, и туземцами рѣшаются разными капитуляціями не одинаково; въ Китаѣ, Японіи и Корей они рѣшаются сообща консуломъ и мѣстными властями, что болѣе справедливо; въ Турціи же и Персіи—судомъ мѣстнымъ, что согласуется съ началомъ верховенства территоріальной власти но нисколько не охраняетъ интересовъ и правъ иностранцевъ.*

§ II. Смѣшанные суды въ Египтѣ.

1) Эта организація, успѣла обратить на себя общее вниманіе и имѣетъ несомнѣнно большую будущность. Смѣшанные суды возникли подъ вліяніемъ нѣсколькихъ причинъ: а) неудовлетворительные резуль-

таты примѣненія капитуляцій, особенно въ Египтъ. Призванные лишь къ рѣшенію споровъ между иностранцами одной національности, консульскія юрисдикціи, созданныя капитуляціями, не разрѣшали вопроса о томъ, какой изъ консульскихъ судовъ компетентенъ въ рѣшеніи тяжбъ между иностранцами разныхъ національностей (почему обычай выработалъ положеніе „actor forum rei sequitur“). Рѣшая же споры о подсудности при тяжбахъ иностранцевъ съ туземцами въ пользу туземныхъ судовъ или смѣшаннаго судбища изъ консула и мѣстныхъ властей, капитуляціи приводили или къ нарушенію правъ иностранцевъ (въ первомъ случаѣ) или же къ ряду препирательствъ и недоразумѣній между консулами и мѣстными властями (во второмъ случаѣ). Вышло такъ, что консульскіе суды постепенно захватили въ Египтѣ, какъ тяжбы между иностранцами разныхъ національностей, такъ и споры между иностранцами и туземцами (если первые были отвѣтчиками). Мало-по-малу они совершенно вытѣснили въ Египтѣ мѣстные суды; страна сдѣлалась ареной 17-ти консульскихъ судовъ, прилагавшихъ законы своего отечества, нерѣдко расходившіеся между собою, что приводило къ полному юридическому хаосу (графъ Камаровскій). Несомнѣнно, что мѣстные суды не давали должной защиты иностранцамъ; но и консульскіе суды, узурпировавшіе судебную власть, притѣсняли туземцевъ, оказывались пристрастными въ пользу своихъ соотечественниковъ. А это приводило въ раздраженіе мѣстное правительство и населеніе, отвращало ихъ отъ европейской цивилизаціи; в) *Идея капитуляцій*, возникшая въ отдаленныя времена, совершенно противорѣчитъ въ учрежденіи консульскихъ судовъ *принципу суверенной независимости (верховенства) восточныхъ государствъ*, которыя лишаются всякаго права на отправленіе правосудія въ предѣлахъ своей страны по отношенію не только къ иностранцамъ (съ этимъ можно еще помириться въ виду презумпціи свободной воли ихъ на заключеніе капитуляцій, ограничивающихъ ихъ судебное верховенство), но и къ собственнымъ подданнымъ. Такое положеніе унижаетъ достоинство и авторитетъ мѣстной власти, является отнятіемъ у нея функцій, свойственныхъ каждой верховной власти; с) наконецъ, *капитуляціи разъединяли, а не сближали міръ христіанскій съ міромъ народовъ мусульманскихъ и языческихъ*, т. е. препятствовали ихъ общенію, отдаляли время распространенія началъ международнаго права на эти государства низшей культуры. Въ виду сказаннаго понятно, почему еще на Парижскомъ конгрессѣ Турція заговорила о несвоевременности и вредѣ капитуляцій для самихъ европейцевъ, но нельзя было и думать объ ихъ отмѣнѣ. Рѣчь могла идти только о суженіи сферы ихъ примѣненія и о замѣнѣ ихъ организаціею судебною же, въ которой нашли бы себѣ примиреніе идея суверенной независимости и судебной юрисдикціи мѣстныхъ правительствъ и идея необходимости спеціальной защиты интересовъ и правъ иностранцевъ, которые пока не должны быть предоставляемы мѣстнымъ судамъ народовъ низшей культуры и произволу восточныхъ властей. *Сочетаніе этихъ идей и выразилось въ организаціи смѣшанныхъ судовъ въ Египтъ, задуманной извѣстнымъ Нубаромъ-Пашею и проведенной въ его докладѣ*

хедиву (1867 г.) о необходимости и основаніяхъ предположенной имъ реформы. Этотъ докладъ привелъ къ разработкѣ окончательнаго проекта (1873), составленнаго Нубаромъ-Пашею и принятаго державами съ нѣкоторыми поправками въ 1875 г. (онъ вступилъ въ дѣйствіе съ 1876 г., сперва на 5 лѣтъ „въ видѣ опыта“, продолженъ еще до 1883 г., но дѣйствуетъ и понынѣ). Организациа его: суды первой степени (въ Каирѣ, Александріи и Измаиліи) составляются изъ 7 судей каждый (4 иностранца и 3 туземца). Предсѣдатель—одинъ изъ иностранцевъ, избираемый изъ среды членовъ послѣдними; апелляціонный судъ въ Александріи (7 иностранцевъ и 4 туземца). Всѣ судьи избираются и утверждаются правительствомъ хедива, но иностранные съ разрѣшенія ихъ правительства; кассационная инстанція отсутствуетъ. Компетенція смѣшанныхъ судовъ—гражданскія и торговля дѣла между туземцами и иностранцами и между послѣдними разныхъ подданствъ, всѣ иски о недвижимыхъ имѣніяхъ даже между лицами одной національности. Имъ подсудны также правительство, члены администраціи, управленія частнымъ имуществомъ хедива, члены семейства послѣдняго въ ихъ тяжбахъ съ иностранцами. Уголовные судьи: единоличныи судъ изъ одного изъ членовъ (иностранныхъ) гражданского суда; суды: исправительный и окружной, состоящіе каждый изъ трехъ судей (2 иностранца) и иностранныхъ ассессоровъ; наконецъ—ассизная палата (court d'assises)—изъ 3 совѣтниковъ (2 иностранцевъ). При ней 12 присяжныхъ—изъ иностранцевъ. Въдомство ихъ—всѣ полицейскія правонарушенія, проступки и преступленія, совершенные противъ лицъ судебного въдомства и присяжныхъ во время или по поводу исполненія ими ихъ обязанностей, а также совершенные противъ исполненія судебныхъ приговоровъ и, наконецъ, всѣ проступки и преступленія самихъ лицъ судебного въдомства и присяжныхъ по службѣ или по злоупотребленію ими властью. Во всей этой организации перевѣсъ (по предсѣданію и числу голосовъ) принадлежитъ иностранцамъ, но участіе въ ней мѣстнаго элемента и утвержденіе всѣхъ членовъ хедивомъ даютъ законное удовлетвореніе мѣстной власти. Для дѣятельности ихъ выработаны особые кодексы, но они руководствуются также и „естественнымъ правомъ и справедливостію“.

II. Большинство писателей одобряютъ въ принципѣ эту судебную реформу, признавая, что консульскіе суды устарѣли, нелогичны и не соответствуютъ требованіямъ хорошаго правосудія (гр. Камаровскій). Ее разсматриваютъ (Контуцци, графъ Комаровскій), какъ вѣрный, сравнительно съ капитуляціями, шагъ въ дѣлѣ сближенія между народами рѣзныхъ культуръ. Смѣшанные суды можно даже примѣнить къ другимъ государствамъ Востока (Контуцци, графъ Камаровскій), но подъ условіемъ, чтобы эти суды стали чисто международными (иностранные члены должны назначаться ихъ правительствами съ правомъ ехеquatur'a для мѣстной власти; всѣ державы должны имѣть право на назначеніе своихъ судей), получили хорошіе кодексы (составленные международной комиссіей изъ законовѣдовъ Востока и Запада), чтобы юрисдикція ихъ постепенно расширилась и прежде всего распространилась на лицъ одной національности (графъ Камаровскій, Контуцци и др.).

Смѣшанные суды въ Египтъ не отменили капитуляцій (т. е. суда консула надъ его соотечественниками), вытѣснивъ послѣдніе лишь для споровъ и тяжбъ между иностранцами разныхъ національностей и между иностранцами и туземцами. Большинство писателей видитъ необходимость (см. Мартенсъ, графъ Камаровскій) въ дальнѣйшемъ сохраненіи (хотя бы на время) этихъ капитуляцій для суда консуловъ надъ ихъ соотечественниками. Но вѣрнѣе другое мнѣніе (Контуцци), признающее, что консульскіе суды на Востокѣ отжили свое время, почему они могутъ быть замѣнены смѣшанными судами съ участіемъ въ нихъ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ (съ согласія восточныхъ правительствъ), т. е. судами международнаго характера, построенными на опредѣленныхъ юридическихъ принципахъ и съ верховнымъ кассационнымъ судомъ на востокѣ же. Имъ должны быть подчинены и туземцы. Необходимы также и общіе процессіальные кодексы. Этими судамъ должны быть подсудны гражданскія, торговля и уголовныя дѣла.

ГЛАВА IV.

О государственной территории и о международных сервитутах, какъ объ ограниченіяхъ территориальнаго верховенства.

Литература. *Изъ русскихъ*—В. Незабитовскій—Ученіе публицистовъ о междугосударственномъ владѣніи (1860 г.); А. Стояновъ—Очерки, часть I; Ф. Мартенсъ—томъ I (общая часть); Эйхельманъ—Замѣтки изъ лекцій, § 4—9; Его же—Лекціи, выпускъ II.

Изъ иностранныхъ—во всѣхъ общихъ учебникахъ и системахъ: Геффтеръ, Блунчли, Vulmerincq—Völkerrecht (часть общая); особенно же Calvo—томъ I, *Philimore*—томъ I, главы XIII—XV.

Изъ специальныхъ монографій: Ortolan—Des moyens d'acquérir le domaine international, 1849 г. (одна изъ лучшихъ работъ).

О моряхъ—Gessner—Le droit des neutres sur mer; Перельсъ—Морское международное право (переводъ Лилиенфельда) томъ I; Ortolan—Règles internationales et diplomatie de la mer (1864 г.) и въ другихъ специальныхъ сочиненіяхъ по морскому международному праву.

§ I. (I). *Территорія*—необходимая составная часть государства, какъ субъекта международного права; изъ идеи государственнаго верховенства вытекаетъ и публично-правовая собственность государства надъ всѣмъ пространствомъ принадлежащихъ ему суши и воды. Государство имѣетъ надъ территоріею право верховнаго господства въ публично-правовомъ смыслѣ, изъ чего проистекаютъ юридическія послѣдствія—права на приобрѣтеніе и отчужденіе территоріи (при извѣстныхъ условіяхъ), на ограниченіе своего территориальнаго верховенства въ интересахъ другихъ государствъ, наконецъ—право государства на распространеніе своей власти и контроля надъ всѣми предметами и лицами, находящимися на территоріи. Т. е. права территориальнаго верховенства сводятся къ совокупности публичныхъ правъ, а не частной собственности (не *dominium*, а *imperium*). Совокупность же правъ государства надъ имуществами его подданныхъ и иностранцевъ—есть *dominium eminens* (напр. право экспроприаціи). Земли, никому специально не принадлежащія на данной государственной территоріи, суть публично-правовая собственность государства.

Прежде всего необходимо точно установить границы территоріи каждаго государства, чтобы знать предѣлы распространенія террито-

ріального верховенства каждого изъ нихъ и избѣгнуть столкновений съ сосѣдями. *Исторія и наука выдвинули: естественныя границы и договорныя (условныя). Подъ естественными границами надлежитъ разумѣть такія, которыя установлены самою природою (рѣки, горы и пр.), какъ предѣлъ распространения данной государственной территоріи. Отсюда—теорія естественныхъ границъ для государствъ, какъ наиболее разумнаго разграниченія ихъ, удовлетворяющаго естественнымъ стремленіямъ народовъ, а потому и умиротворяющаго ихъ.* Она выдвинута рельефно Бональдомъ въ эпоху Вѣнскаго конгресса (см. глава II „Введенія“, періодъ 4-й), встрѣтила защитниковъ въ дипломатіи и въ наукѣ (особенно во Франціи и Италіи). *Но она не можетъ быть принята:*

а) *естественныя границы—понятіе условное, исторически измѣняющееся.* Въ XIV—XV вѣкахъ „естественною границею“ Франціи была скорѣе рѣка Сомма, въ XVII—она стремилась уже къ Рейну. Это передвиженіе „естественныхъ границъ“ доказываетъ, что ростъ національности и государства видоизмѣняется, почему одни — идутъ къ расширенію границъ, другія (напр. Швеція-Норвегія, Папская область) — къ отодвиганію границъ назадъ; одно государство крѣпнетъ внутри и распространяется во внѣ, другое—слабѣетъ и какъ бы съеживается;

б) *понятіе о естественныхъ границахъ очень субъективно;* писатели одной эпохи и одного народа различно понимали „естественныя границы“, а писатели разныхъ народовъ (напр. нѣмцы и французы) взаимно вторгались своими „естественными границами“ въ чужія территоріи (французы требовали рейнской границы, нѣмцы—для Германіи переступали за Рейнъ);

с) *эта теорія спяла, въ виду ея растяжимости и неопредѣленности, раздоръ и вражду, была орудіемъ въ рукахъ завоевателей и любителей насильственного завладѣнія чужими землями.* Поэтому, можно сказать, что нѣкоторые государства (напр. Испанія) по распространенію извѣстной національности, совпадающему съ границами, рѣзко очерченными самою природою, обладаютъ „естественными границами“, но для большинства—*эта теорія совершенно не приложима ни съ исторической стороны, ни съ точки зрѣнія національной.* Если нѣтъ специальныхъ договоровъ, то граница опредѣляется русломъ рѣки (фарватеромъ на судоходныхъ рѣкахъ), или математической линіей, проводимою на равныхъ разстояніяхъ отъ береговъ, линією хребта горъ или водораздѣла. Но въ громадномъ большинствѣ случаевъ границы опредѣляются договорами, устанавливающими извѣстные пограничныя знаки.

II. *Могутъ ли океанъ или море входить въ составъ территоріи государства, т. е. могутъ ли отдѣльные народы претендовать на распространеніе своего территоріального верховенства надъ океанами и морями, исключаящаго слѣдовательно пользованіе ими для другихъ народовъ?* Отвѣтъ — отрицательный. Но въ средніе вѣка и еще до конца XVII вѣка не только сильныя морскія державы, соперничествовавшія между собою въ колониальной политикѣ, предъявляли эту претензію, но она находила защиту и въ литературѣ. Это объяснялось, какъ стремленіемъ къ захвату колоній и къ исключенію изъ оборота съ ними дру-

гихъ державъ, такъ и преобладаніемъ идеи абсолютнаго суверенитета въ международныхъ отношеніяхъ, допускавшимъ распространеніе государства, ограниченное лишь его силами и способностью поддерживать свои притязанія. Къ этому присоединяется взглядъ древности и среднихъ вѣковъ на моря и океаны, какъ на стихіи враждебныя сближенію народовъ, какъ на „естественныя, природою или Богомъ установленныя преграды, почему о нихъ не могло быть и рѣчи“ какъ о соединяющихъ народы, какъ о предметѣ ихъ общаго пользованія. Этимъ объясняется, почему Венеція предъявляла притязанія на Адриатическое море, Швеція на Балтійское, Португалія на Индійскій океанъ и часть Атлантическаго, Турція—на все Черное море и т. д. И еще въ 1635 г. англичанинъ Сельденъ въ цѣломъ разсужденіи опровергалъ Гуго-Гроція, доказывавшаго (въ 1609 г.—«*Mare Liberum*»), что море—свободно. Понятно, что съ появленіемъ идеи международнаго союза и попытокъ организовать общеніе между народами (въ XVII вѣкѣ), эта теорія пала на практикѣ, осуждена наукою. Въ настоящее время законы и юриспруденція признають, что море и океанъ—свободны, стоятъ внѣ территориальнаго верховенства отдѣльныхъ государствъ, что они—достояніе всѣхъ народовъ, путь сближенія между ними; т. е. *начало общенія реформировало прежній взглядъ на моря и океаны.* Изъ новаго взгляда вытекають: а) *права всѣхъ народовъ на эксплуатацію морей и океановъ для судоходства и рыбной ловли;* б) *общій надзоръ за ними всѣхъ государствъ, выражающійся въ принятіи ими мѣръ къ охраненію свободы морей,* напр. отъ пиратовъ, и правильнаго по нимъ судоходства. *Но понятно, что моря, не имѣющія никакого сообщенія съ океанами и окруженныя владѣніями одного государства, суть закрытыя* (Аральское—принадлежитъ Турціи, Каспійское, на основаніи трактата 1828 г. между Россією и Персією—одной Россіи). Равнымъ образомъ, *суть закрытыя, а потому подлежатъ территориальному верховенству и тѣ части морей* (территориальныя моря), напр. *заливы, бухты, которыя окружены владѣніями одного и того же государства* (напр. Финскій и Рижскій заливы—моря русскія, Зюдерзе—Датское. *Изъ начала—«море свободно и не подлежитъ территориальному верховенству отдѣльнаго государства»—должны быть допущены исключенія, оправдываемыя интересами самозащиты государства и отчасти другими, совпадающими и съ интересами международнаго союза, на охраненіе прибрежныхъ водъ отъ неурядицы безвластія или неопредѣленности власти. Таковы—береговья моря, т. е. омывающія владѣнія прибрежнаго государства.* Вся задача состоитъ здѣсь въ опредѣленіи разстоянія (съ берега), на которое распространяется территориальная власть прибрежнаго государства, исключаящая понятіе о власти международнаго союза и о *condominium* государствъ. Теорія, начиная еще съ Бинкерсгука, опредѣляла предѣлы этого распространенія фактическою возможностью поддерживать власть даннаго государства (*Terrae dominium finitur—ubi finitur armorum vis*), что выражается практически въ разстояніи полета пушечнаго снаряда, пущеннаго съ берега (таковы, напр., русскія правила 1869 г.— «воды, не находящіяся подъ пушечными выстрѣлами бе-

реговыхъ батарей или отстоящія отъ береговъ на разстояніи 3 морскихъ миль»). Но такъ какъ эта мѣра очень относительная (одни орудія бьютъ на 1—2 версты, а другія на 7—8 верстъ), то въ договорахъ принята другая система — 3 англійскія мили (1 географическая) отъ предѣла морскаго отлива (также и въ законодательствѣ Англїи 1878 г.). *Что же касается до проливовъ, раздѣляющихъ государства, то писатели (Геффтеръ, Филлиморъ, Паскаль-Фиоре и друг.) отличаютъ (на вышеуказанномъ основаніи) проливы, состоящіе подъ выстрѣлами одного государства (они состоятъ подъ его территоріальнымъ верховенствомъ) отъ проливовъ, раздѣляющихъ два государства (при томъ узкихъ; болѣе широкіе—суть международные проливы); въ послѣднемъ случаѣ правила для отграниченія 2 государствъ (прибрежныхъ)—тѣ же, что и для рѣчныхъ границъ. Профессоръ Мартенсъ даетъ болѣе правильную для интересовъ международнаго общенія точку зрѣнія: *все проливы, соединяющіе открытыя моря, должны быть международными, т. е. подлежатъ законамъ открытаго моря, а проливы, соединяющіе море закрытое съ свободнымъ, подчиняются территоріальной власти прибрежнаго государства.* Для огражденія безопасности государствъ въ первомъ случаѣ—можетъ быть запрещенъ проходъ чрезъ проливы военнымъ иностраннымъ кораблямъ. Сказаннымъ проф. Мартенсъ объясняетъ незаконность пошлинъ, которыми Данія долго облагала купеческіе корабли, проходившіе черезъ Зундъ (соединяетъ открытыя моря), отмѣненныхъ по договору 1857 г. (вслѣдствіе протеста Соединенныхъ Штатовъ), а также справедливость трактатовъ, провозгласившихъ Босфоръ и Дарданеллы (соединяютъ открытыя моря) свободными для торговыхъ сношеній всѣхъ народовъ, но закрытыми (въ интересахъ безопасности Турціи) для доступа военныхъ кораблей всѣхъ націй. Наконецъ, *рѣки подлежатъ территоріальному верховенству государствъ прибрежныхъ, за исключеніемъ рѣкъ международнаго характера, идея которыхъ установлена Вѣнскимъ конгрессомъ (см. главу II «Введенія» періоды 4-й и 5-й) и примѣнена постепенно къ важнѣйшимъ рѣкамъ Европы, Америки и въ Африкѣ для рѣки Конго въ интересахъ всемірнаго оборота, международной торговли и судоходства по этимъ артеріямъ сближенія между народами.* Въ этихъ цѣляхъ появились даже международныя учрежденія (напр. Дунайская Европейская коммиссія и международный комитетъ судоходства по рѣкѣ Конго), охраняющія общими силами и сообща выработанными мѣрами пользованіе этими рѣками.*

III. *Способы приобрѣтенія и утраты государствами территоріальнаго верховенства.* Еще старинные писатели (и Ортоланъ) дѣлили способы приобрѣтенія, слѣдуя системѣ римскаго и гражданскаго права, на первоначальныя (acquisitio originaria) и производныя (acquisitio derivativa); изъ нихъ первый даетъ государству возможность приобрѣсти территорію безъ отнятія ея у другой державы, а второй—даетъ приобрѣтеніе одному съ ущербомъ для другаго, теряющаго часть территоріи по договору; поэтому, *договоръ—необходимый признакъ этого втораго способа.* Строго говоря, изъ первыхъ способовъ—приращенія, давности и завладѣнія имѣетъ нѣкоторое международное значеніе лишь

второй и третій, но и то для настоящаго времени почти исключительно въ отношеніяхъ цивилизованныхъ народовъ къ племенамъ и народамъ низшей культуры. *Accessio* (напр. образование въ рѣкѣ острова или наносъ—*alluvio*) почти никогда не встрѣчается, а если и приключалось, то почти не вызывало недоразумѣній; *всѣ приращенія всегда собственность державы, въ предѣлахъ которыхъ они образовались; давность (usucapio, praescriptio), признается лишь незапамятная (praescriptio immemorialis)*, такъ какъ въ силу ея образовался извѣстный *status quo* и территориальный составъ государствъ—членовъ междунаго общенія, по возможности охраняемый междунаго порядкомъ для избѣжанія споровъ и столкновеній между государствами; среди послѣднихъ лишь очень немногія могутъ похвалиться тѣмъ, что собрали свой территориальный составъ вполне законными путями (Филлиморъ). Но вопросы о давности владѣній возникали и продолжаютъ возникать нерѣдко въ отношеніяхъ къ народамъ дикимъ, приводившихъ часто къ завладѣнію (*occupatio*), т. е. къ способу и теперь еще очень распространенному (въ виду усиленія въ послѣднее время колониальнаго движенія среди европейскихъ народовъ). Для законности приобрѣтенія территориальнаго верховенства по оккупации необходимыми признаются: а) *animus rem habendi*, т. е. явно выраженное государствомъ намѣреніе завладѣть данною территоріею. Это желаніе должно проявиться черезъ уполномоченныхъ агентовъ правительственной власти; а если завладѣніе произведено частными лицами, то подъ условіемъ предшествующаго, сопровождающаго завладѣніе или послѣдующаго за нимъ согласія государственной власти. Споренъ вопросъ—можетъ ли образоваться государственное верховенство надъ территоріею чрезъ посредство завладѣнія частными лицами, которыя организуютъ послѣ нѣчто въ родѣ политическаго сообщества (государства)? Вопросъ сводится къ другому—о возможности происхожденія этимъ послѣднимъ путемъ государства вообще. Исторія—за этотъ способъ (многіе Штаты Сѣверной Америки, республика Либерія, и т. п., образовались такимъ путемъ). Но многіе писатели (португальскіе, и правительство португальское) оспаривали возможность и законность этого способа, несоотвѣтствующаго, по ихъ мнѣнію, современной идеѣ о государствѣ и его образованіи. Другіе (Треверсъ-Твиссъ) оправдывали его. Берлинская Африканская конференція, признавъ государство Конго, дала междунаго санкцію этому способу. Но очевидно, что онъ—всегда способъ исключительный и имѣющій примѣненіе лишь къ землямъ дикарей и при наличности другихъ условій, о которыхъ говорится ниже.

Начало „*animus rem habendi*“ было въ средніе вѣка и въ началѣ новаго времени рѣшающимъ элементомъ для завладѣнія, что объяснялось, какъ конкурирующими стремленіями народовъ къ колонизации, такъ равно и господствомъ идеи абсолютнаго верховенства государствъ, воля которыхъ была закономъ ихъ междунаго отношеній. Въ силу одного лишь „*animus habendi*“ морскія державы, дѣлая открытія въ XV—XVI столѣтіяхъ, претендовали на территориальное верховенство надъ громадными пространствами, тогда какъ фактически они завладѣвали только небольшими пространствами вдоль берега (или устьями

рѣки; напр. претензія Португаліи на владѣніе рѣкою Конго на всемъ нижнемъ ея теченіи). Такъ, испанцы претендовали на всю Южную Америку, англичане—на Сѣверную. Возникавшіе изъ этого споры и столкновенія разрѣшались папами, которые распредѣляли въ буллахъ между конкуррентами открытыя и даже имѣющія еще открыться земли. Напримѣръ булла папы Александра VI Борджіа (конецъ XV вѣка) отдавала испанцамъ всѣ открытыя въ дѣйствительности и будущія земли на разстояніи 100 миль отъ Азорскихъ острововъ на западъ и югъ, а внѣ этой линіи—англичанамъ. б) Постепенно (и съ конца XVII вѣка окончательно) въ международной практикѣ и литературѣ *требуется, чтобы „*animus rem habendi*“ дополнялось другимъ элементомъ юридическаго понятія объ оккупациі—фактическимъ держаніемъ владѣнія (реализаціею владѣнія)*. Послѣдняя должна проявиться въ государственномъ господствѣ надъ землею, именно—не только во внѣшнихъ знакахъ, но и въ устроеніи нѣкоторой власти, въ принятіи мѣръ обороны и защиты занятой земли отъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ. Прекращеніе этой фактической дѣятельности (реализаціи владѣнія)—есть признакъ рѣшающій, указующій на потерю владѣнія, хотя бы и сохранилось желаніе владѣть землею. Прерываясь очищеніемъ территоріи или бездѣйствіемъ на ней власти, такое фиктивное владѣніе можетъ быть захвачено другою державою; *но если оно не прерывалось, то въ силу незапамятной давности оно можетъ перейти въ полное имперіумъ, хотя бы захватъ былъ въ началѣ незаконенъ*. с) *Необходимо еще, чтобы территорія была вакантна, т. е. видимо не принадлежала уже другой державѣ: отсутствіе протеста при знаніи о завладѣніи другими государствами знаменуетъ вакантность земли*. д) *Согласіе туземцевъ. Надлежитъ требовать договоровъ объ уступкѣ ими (даромъ или за вознагражденіе) земли европейцамъ (таковы договоры купли—продажи, напр. агентами „международной ассоціаціи Конго“, образовавшей потомъ государство)*. *Прежняя практика (XV—XVII, даже XVIII вѣковъ) не требовала этого условія; въ силу „естественнаго права“ высшихъ расъ надъ низшими, послѣднія просто обирались европейцами, изгонялись и истреблялись*. Берлинская конференція 1884—85 г. рѣшительно возстала отъ имени 14 державъ противъ этой практики, осуждавшейся ранѣе литературою и нѣкоторыми договорами. Наконецъ, е) къ этимъ правиламъ, получившимъ прямую или косвенную санкцію Берлинской Африканской конференціи, послѣдняя присоединяетъ еще требованіе, подкрѣпляемое историческими примѣрами, *чтобы государство, занимающее землю, доводило о томъ дипломатическимъ путемъ до свѣдѣнія другихъ державъ, съ цѣлью дать послѣднимъ возможность протестовать или оспаривать это завладѣніе (въ объявленіи должны быть приблизительно очерчены и границы земли)*.

Что же касается, наконецъ, до производныхъ способовъ, то они (купля—продажа, мѣна, дареніе, отдача по завѣщанію и проч.), покоясь почти всѣ на патримоніальномъ возрѣніи на государство, какъ на частную собственность государя, были весьма распространены въ средніе вѣка, а въ новое время въ эпоху господства этой теоріи въ государ-

ственномъ правѣ и въ періодъ династической политики. Современное государственное право, а потомъ и международныя отношенія—не знаютъ этихъ способовъ. Въ видѣ рѣдкаго исключенія, вызваннаго чрезвычайными обстоятельствами, допускаются еще: а) *купля—продажа* (наприм. Россія продала Соединеннымъ Штатамъ ей ненужныя и обременительныя для защиты русско-американскія свои владѣнія за 7 мил. 210 тысячъ долларовъ); б) *добровольная уступка—еще того рѣже* (Туринская конвенція 1860 г. объ уступкѣ Франціи Ниццы и Савои и уступка въ 1863 г. Ионическихъ острововъ Греціи); с) *завоеваніе—древнѣйшій способъ, теперь нерѣдко еще практикуемый*, хотя вымирающій (см. о немъ книга II—о правѣ войны).

IV. *Способы утраты территориальнаго верховенства.* Они—способы приобрѣтенія для другаго государства и вызываются чаще всего крайнею необходимостью для отчуждающей державы, хотя въ принципъ всѣ законодательства признаютъ неотчуждаемость территоріи.

V. *Современное международное право знаетъ чудовищныя положенія конкурирующихъ территориальныхъ верховенствъ.*—Таковы положенія острововъ Кипра и провинцій Босніи и Герцеговины (см. „Введеніе“, глава II, періодъ 5-й). Кипръ состоитъ юридически подъ властью султана, фактически же всѣ суверенныя (и территориальныя) права переданы султаномъ Англіи, успѣвшей даже добиться (въ 1879 г.) отмѣны тамъ капитуляцій. Въ такомъ же положеніи Боснія и Герцеговина. Турція имѣетъ надъ ними номинальный суверенитетъ, но такъ какъ верховенство мыслимо только подъ условіемъ его реализаціи, т. е. занятія и управленія землями, перешедшихъ къ Австро-Венгріи, то послѣдняя, въ сущности, обладаетъ надъ ними всѣми правами государственнаго территориальнаго верховенства; за Турціею—*nudum jus*, номинальный суверенитетъ, т. е. юридическая нелѣпица (Контупци и Ф. Мартенсъ). Капитуляціи, по настоянію Австро-Венгріи, отмѣнены въ Босніи и Герцеговинѣ съ 1881 г.

§ II. *Международныя повинности* (сервитуты; *Servitutes juris gentium*).

I. Права государственнаго территориальнаго верховенства могутъ быть ограничиваемы въ интересахъ ближайшаго сосѣдства или въ высшихъ интересахъ международнаго порядка. *Поскольку они суть повинности естественнаго свойства, вызываемыя сосѣдствомъ, сервитуты законны и справедливы.* Но если они вызываются требованіями высшаго порядка въ международныхъ отношеніяхъ, то сервитуты должны быть опредѣляемы договорами. Никакіе сервитуты не могутъ переходить въ ограниченіе достоинства государствъ или права на ихъ самосохраненіе, такъ какъ начало правоваго общенія между народами требуетъ охраненія верховенства и вытекающихъ изъ него основныхъ правъ государствъ. Вотъ почему всѣ подобные сервитуты должны быть истолковываемы рестриктивно (въ пользу обязаннаго государства); *лучше всего было бы взять ихъ опредѣленіе и установленіе подъ коллективную охрану международнаго союза.* Сервитуты создаются только государствами, падаютъ

исключительно на территориальное верховенство державъ, основываются на договорахъ.

Нельзя допускать сервитутовъ, основанныхъ на молчаливомъ согласіи повиннаго государства, какъ это допускается Филлиморомъ, Ф. Мартенсомъ и друг. Какъ ограничивающіе верховенство, такіе сервитуты всегда могутъ быть отвергнуты государствомъ, если не принадлежатъ къ числу естественныхъ, вызываемыхъ требованіями сосѣдства. Прекращаются сервитуты по договору же или вслѣдствіе отказа въ пользованіи сервитутомъ (долгимъ непользованіемъ), и гибелью предмета. Переходъ же территоріи къ другому государству, въ силу начала обязательности для послѣдняго договоровъ прежняго государства, переносить на державу получившую территорію, и обязанность сервитута.

II. *Многіе писатели* (Блунчли, Филлиморъ и другіе), слѣдуя системѣ римскаго права, дѣлятъ и международныя повинности на *положительныя* (servitutes juris gentium affirmativae) и *отрицательныя* (servitutes juris gentium negativae). *Первыя* вынуждаютъ терпѣть на своей территоріи дѣйствія и распоряженія иноземной государственной власти (in patiendo), *вторыя*—отнимаютъ у повиннаго государства часть его территориальнаго верховенства и вынуждаютъ его не дѣйствовать (in non patiendo). Къ числу первыхъ относятся: право преслѣдовать своими агентами или отрядами дезертировъ на чужой территоріи (конвенція между Россіей и Австріей 1867г.), проводить свои войска на чужую территорію. Таковы—конвенція 1833 г. Австріи и Россіи, секретная конвенція Россіи и Пруссіи въ 1861 г. во время польскаго возстанія о переходѣ и занятіи прусскими войсками въ извѣстномъ случаѣ русской Польши (заключая ее, Пруссія имѣла своекорыстныя цѣли); право возводить на чужой территоріи разныя учрежденія, полезныя для торговли и сообщеній (договоръ Хивы и Россіи въ 1873 г.); сюда же относится право пользованія путями сообщеній на чужой территоріи (напр. Тильзитскій трактатъ 1807 года Пруссіи и Франціи установлялъ въ пользу послѣдней право передвиженія войскъ и транспортовъ чрезъ владѣнія Пруссіи); *наконецъ*—даже право временнаго или постояннаго занятія войсками извѣстной крѣпости или города. Напр. сервитутъ, наложенный Вѣнскимъ конгрессомъ на Сардинскія провинціи Чиаблезе и Фосиньи въ пользу Швейцаріи; онъ перешелъ къ Франціи съ 1860 г., когда обѣ провинціи были присоединены къ ней. Замѣчательный примѣръ сервитута, наложеннаго международнымъ союзомъ, состоящаго подъ охраною послѣдняго въ интересахъ мира и огражденія безопасности нейтрализованнаго государства есть Швейцарія. До 1867 г. крѣпость Луксембургъ занималась (съ 1815 г.) прусскимъ гарнизономъ.

Изъ сервитутовъ отрицательныхъ можно указать на очень тяжелыя повинности, ограничивающія право обороны и защиты государства. Такъ, Россія, по трактату 1856 г., обязалась скрыть и не возводить крѣпости на Черномъ морѣ, не держать тамъ военнаго флота; Берлинскій конгрессъ обязалъ сервитутами Болгарію (скрыть крѣпости и не сооружать новыхъ по Дунаю) и Черногорію, Россію (относительно Батума, объявленнаго «порто-франко, по преимуществу коммерческимъ»;

эта статья берлинскаго трактата отмѣнена указомъ 1886 г. и согла-
сіемъ державъ); далѣе — *государственное территориальное верховен-
ство ограничивается нерѣдко въ Восточныхъ государствахъ по отно-
шенію къ юрисдикціи надъ иностранцами* (такъ называемыя капитуляціи).
По мнѣнію нѣкоторыхъ писателей (Блунчли, Гольцендорфа и Ф. Мар-
тенса) къ разряду сервитутовъ, выпадающихъ на Италію, должно от-
нести и законъ о гарантіяхъ 1871 года, изданный Итальянскимъ пра-
вительствомъ, ограничивающій полицейскія и судебныя права прави-
тельства относительно дворца и помѣщеній папы, пользующихся непри-
косновенностью и закрытыхъ для распоряженій и дѣйствій итальянскихъ
властей въ видахъ огражденія независимости папы, обладающаго осо-
бымъ международнымъ положеніемъ.

ГЛАВА V.

Международные договоры.

Литература. Изъ русскихъ сочиненій: Стояновъ—„Очерки“, Ф. Мартенсъ — томъ I, М. Капустинъ—Обозрѣніе предмета международного права, выпускъ II.

Изъ иностранныхъ—во всѣхъ общихъ учебникахъ и системахъ, въ особенности же у Филлимора—(томъ II), Блунчли (съ § 402), Calvo—томъ III, и т. д.

Изъ спеціальныхъ монографій: Meier—Ueber den Abschluss von Staatsverträgen 1877 г.; Unger—Ueber die Gültigkeit der Staatsverträgen (въ Grünhut's-Zeitschrift für das Privat und Oeffentliches Recht, томъ VI, за 1879 г.); Iellinek—Die Rechtliche Natur der Staatenverträge, 1880 (одно изъ лучшихъ); Vinesieu,—Des traités internationaux, 1884 г.; Laghi—Teoria dei trattati Internazionali, I томъ, 1882 г. (общая теорія трактатовъ—лучшее и полнѣйшее изъ спеціальныхъ монографій по этому предмету).

I. Определенія международнымъ договорамъ (трактатамъ въ обширномъ смыслѣ) давались самыя различныя. Такъ, проф. Ф. Мартенсъ называетъ ихъ „соглашеніемъ воли двухъ или нѣсколькихъ государствъ“, устанавливающимъ извѣстныя обязательственныя отношенія между государствами“. Другіе (Лаги), видя источникъ права въ природѣ человѣка, а въ государствѣ лишь силу, санкціонирующую право, опредѣляютъ трактаты, какъ *соглашенія между народами, предметъ которыхъ—установить, упорядочить или прекратить какую либо юридическую связь или международное отношеніе на счетъ отчуждаемыхъ предметовъ*. Это опредѣленіе болѣе подходитъ къ требованіямъ международного общенія: трактаты разсматриваются въ немъ, какъ опредѣляющіе и примѣняющіе право къ конкретнымъ случаямъ (а не созидающіе права, какъ полагаетъ Иеллинекъ, такъ какъ каждому трактату предшествуетъ уже право въ зародышномъ состояніи).

II. Выдвинуто много основаній для оправданія обязательной силы межд. договоровъ, о которыхъ еще древніе говорили, что „*pacta servanda sunt*“.—Не говоря уже о попыткахъ основать ее на началахъ религіи и нравственности, не могущихъ служить фундаментомъ для *юридической* обязательности трактатовъ, и другія мнѣнія не отличаются ни опредѣленностью, ни точностью. Слишкомъ растяжима, напр., формула (Блунчли), выводящая обязательную силу договоровъ изъ „правосознанія

человѣческаго рода“, такъ какъ въ послѣднемъ надо видѣть внутренній источникъ всякаго права вообще, а слѣдовательно и международнаго. Другое мнѣніе (Геллинека) выводитъ эту силу изъ воли государствъ, самоограничивающихъ ее договорами, а также изъ матеріальныхъ основаній—моральнаго требованія вѣрности данному слову и изъ практической пользы сношеній для самихъ государствъ, требующей соблюденія и неприкосновенности трактатовъ. Этотъ взглядъ скорѣе освящаетъ нарушеніе договоровъ, такъ какъ, отказываясь отъ ихъ соблюденія, государства всегда могутъ сослаться на измѣнившуюся ихъ волю (Ф. Мартенсъ). Если, наконецъ, нѣкоторые писатели (Винезьё) выводятъ обязательную силу трактатовъ изъ „принципа абсолютной справедливости“, то съ этимъ трудно согласиться потому, что это понятіе—крайне условное и неопредѣленное. Оно всегда предполагаетъ вопросъ—что такое „абсолютная справедливость“? *Болѣе правильны взгляды проф. Мартенса и Лаги.* Первый сводитъ юридическую обязательную силу трактатовъ къ „признанію правоспособности одного государства другимъ“, вытекающему изъ понятія о международномъ общеніи (*ubi societas—ibi jus est*), которое опять же покоится на природѣ сожитія людей въ обществѣ; послѣднее было бы невозможно въ международномъ союзѣ безъ обязательности договоровъ, являющейся закономъ человѣческой природы (Лаги). Точнѣе это можно объяснить такъ: *природа человека толкаетъ его къ международному общенію, которое немислимо безъ права (оно всегда правовое), которое высказывается въ международныхъ трактатахъ; слѣдовательно, послѣдніе, какъ выясняющіе воззрѣнія государствъ—членовъ общенія—на нормы обязательнаго для нихъ права, должны имѣть юридическую силу, такъ какъ безъ нея трактаты были бы пустою случайностью, а нарушеніе ихъ разлагало бы устой международнаго порядка.*

III. Сказаннымъ объясняются и условія внутренней недѣйствительности (необязательности) международныхъ договоровъ, составляющія камень преткновенія въ ученіи о трактатахъ. Крайнія мнѣнія могутъ быть резюмированы такъ: *одни* (древнѣйшіе писатели и многіе дипломаты) *полагаютъ, что договоры обязательны, насколько и пока полезны.* Это—теорія политическаго макіавелизма, теорія произвола и усмотрѣнія. Противоположная ей крайность—*трактаты безусловно и всегда обязательны, вѣчны, пока ихъ не отмянутъ или не измѣнятъ сами договаривающіяся державы.* Это мнѣніе высказалъ еще голландскій юристъ Бюнкерсгукъ; въ дипломатіи оно поддерживалось герцогомъ Брольи (да погибнетъ государство, но да сохранится вѣрность трактату!). Между этими крайностями вращаются мнѣнія большинства современныхъ писателей (Кальво, Филлиморъ, Уитонъ, Блунчли, Бульмеринкъ, Лаги, Ф. Мартенсъ и другіе). Они сводятъ исключенія изъ начала обязательной силы трактатовъ къ правилу (оговоркѣ) „*clausula rebus sic stantibus*“, т. е. къ обязательности международныхъ договоровъ подъ условіемъ соответствія ихъ содержанія обстоятельствамъ, при которыхъ они заключены, и слѣдовательно къ прекращенію ихъ юридической силы съ момента наступленія обстоятельствъ, несоответствующихъ тѣмъ, которыя имѣлись въ виду при ихъ заклю-

ченіи. Насколько же серьезны должны быть эти измѣненія въ обстоятельствахъ? Въ этомъ то вся суть вопроса! Извѣстно, что безконечный рядъ нарушеній трактатовъ (особенно въ XVI—XVIII и въ первой четверти XIX вѣка) сдѣлалъ исключеніе изъ начала обязательной силы трактатовъ почти правиломъ. Наиболѣе вѣрныя объясненія этому ужасному явленію, столь ослабляющему силу положительнаго международнаго права, даны Фіоре и особенно Лаги: обыкновенная безнаказанность подобныхъ нарушеній, заставившая даже такіе умы, какъ Бентамъ, относиться къ трактатамъ съ пренебреженіемъ, а равно и внутренняя несостоятельность и несправедливость (можно прибавить—случайность, а также политической характеръ) большинства ихъ. Первое объясняется долгимъ господствомъ идеи абсолютнаго суверенитета и династической политики; начало общенія, въ связи съ болѣе національнымъ (народнымъ) построеніемъ современной внутренней и виѣшней политики государствъ, даютъ уже гарантіи обязательной силѣ трактатовъ. Со временемъ же, когда выработается международный судъ, обязательная сила договоровъ и „*clausula rebus sic stantibus*“ станутъ подъ защиту судебной международной власти и такимъ образомъ уменьшится и безнаказанность подобныхъ нарушеній. Пока желательно, чтобы вопросъ о силѣ трактата рѣшался международными третейскими судами (графъ Камаровскій); въ этомъ смыслѣ итальянская палата депутатовъ рекомендовала, напр., (и за нею многіе писатели) внесеніе въ трактаты Италіи условія—разрѣшенія спора о ихъ юридической силѣ и истолкованіи чрезъ посредство обязательнаго обращенія къ международному третейскому суду. Что же касается до внутренней несостоятельности и несправедливости большинства трактатовъ, то это явленіе также объясняется вышеуказанными причинами и отсутствіемъ правильной организаціи международного общенія (и международного суда). Вотъ почему множество трактатовъ встрѣчались „ненавистью народовъ“, вызывали протесты и постоянныя нарушенія. *Необходимо, следовательно, выдѣлить такіе трактаты, самое содержаніе которыхъ указываетъ на ихъ юридическую ничтожность и необязательность*, т. е. такіе международные договоры, которые совсѣмъ не должны бы заключаться или могли бы быть во всякое время нарушаемы. Понятно, что въ этомъ пунктѣ писатели весьма между собой расходятся. Такъ, Блунчли причисляетъ сюда трактаты, устанавливающіе рабство, поддерживающіе его, отмѣняющіе принципъ свободы морей, узаконяющіе религіозныя гоненія, вооруженное вмѣшательство во внутреннія дѣла, договоры о всемірномъ владычествѣ и пр. Другіе (Винезьё) прибавляютъ къ нимъ международные договоры, устанавливающіе господство одного государства надъ другимъ, распоряжающіеся дѣлами государствъ, не принимавшихъ участія въ ихъ заключеніи, предписывающіе уступку или обмѣнъ территории безъ согласія ея жителей (безъ плебисцита, тоже—Лаги). Эти перечисленія можно обобщить въ формулахъ: *трактаты недѣйствительны* во 1-хъ, *если въ нихъ нарушаются основныя права государствъ, несовмѣстимыя съ ихъ существованіемъ или естественнымъ развитіемъ* (Лаги) и во 2-хъ, *если они нарушаютъ основныя начала международного порядка. А всякій договоръ между народами,*

даже законный во время его заключенія, дѣлается недѣйствительнымъ, если первоначальныя условія его измѣнились такъ, что это измѣненіе нарушаетъ одинъ изъ приведенныхъ принциповъ. Оговорка „*clausula rebus sic stantibus*“ никогда не найдетъ примѣненія къ трактатамъ, которые установили какое нибудь опредѣленное дѣйствіе, совершеніе котораго само по себѣ прекращаетъ ихъ силу, или къ международнымъ договорамъ, подтверждающимъ или охраняющимъ основныя начала международного права. Ясно, что столь обычное въ трактатахъ политическаго характера (о мирѣ, въ союзныхъ договорахъ) провозглашеніе ихъ „вѣчными“— никоимъ образомъ не можетъ быть допущено: идея „вѣчности“ трактатовъ—идея абсурдная; нѣтъ вѣчныхъ политическихъ и социальныхъ положеній, слѣдовательно—нѣтъ и вѣчныхъ трактатовъ. Еще Джонъ Стюартъ Милль предлагалъ замѣнить условіе „вѣчности“ условіемъ „временности“ договоровъ (и Лаги).

IV. Но каждый международный договоръ, даже не противный указаннымъ требованіямъ при самомъ его заключеніи и предполагающій почти всегда *clausula rebus sic stantibus*, требуетъ еще наличности другихъ условій для его дѣйствительности и юридической обязательности. Эти условія—по внѣшности сходныя съ таковыми же условіями дѣйствительности договоровъ въ римскомъ и гражданскомъ правѣ, но не всегда согласующіяся съ послѣдними по ихъ содержанію—дѣлятся обыкновенно на (а) субъективныя и (б) объективныя.

(а) Субъективныя. Каждое государство можетъ заключать трактаты (исключенія см. въ главѣ I общей части). Нѣкоторые писатели (Лаги и Винецьё) признаютъ это право за полунезависимыми (и протектируемыми) государствами, лишая его лишь государства, вполнѣ потерявшія внѣшній суверенитетъ (сюда, очевидно, входитъ и Болгарія). Относительно же вопроса о томъ, кому принадлежитъ это право въ государствахъ, мнѣніе наиболѣе вѣрное высказано Винецьё: это право въ большинствѣ государствъ составляетъ прерогативу короны (что нужно разсматривать какъ наслѣдіе эпохи абсолютной монархіи); участіе палатъ допускается рѣдко, чаще всего въ случаяхъ уступки территоріи, возложенія финансовыхъ тягостей и при изданіи новыхъ законовъ, вызванныхъ трактатомъ. Въ видъ исключенія изъ правила непремѣнное содѣйствіе народнаго представительства требуется только въ Португаліи, Румыніи, Швейцаріи и Соединенныхъ Штатахъ. Желательно во всякомъ случаѣ предоставленіе этого права лишь власти законодательной: трактатъ—законъ для договаривающихся сторонъ въ области ихъ внѣшнихъ отношеній, нерѣдко отражающійся и на внутреннемъ законодательствѣ контрагентовъ; поэтому, обязывать имъ гражданъ и государство можетъ только власть законодательная. Но сами государства суть личности юридическія, поэтому они нуждаются въ физическихъ лицахъ, уполномоченныхъ для переговоровъ и заключенія трактатовъ, представляющихъ государственную власть, фактически существующую въ данное время и признаваемую большинствомъ населенія, въ уполномоченныхъ, получившихъ на это спеціальное полномочіе, которое никогда не предполагается само собою. Въ эпоху династической политики и абсолютныхъ монархій государи всегда могли

заключать трактаты. При отдѣленіи понятія о государѣ отъ понятія о государствѣ, государи могутъ заключать лишь трактаты личные (обязывающіе только государей), а не реальные (Кальво), обязывающіе государства. Но и въ этихъ предѣлахъ право государей (кромѣ абсолютныхъ монарховъ) можетъ быть серьезно оспариваемо. Разные же главнокомандующіе войсками, даже при громадныхъ полномочіяхъ, лишены этого права (кромѣ права заключенія военныхъ капитуляцій, небольшихъ перемирій мѣстнаго характера, договоровъ объ обмѣнѣ раненыхъ, плѣнныхъ, больныхъ и проч.). *Но всякій трактатъ, заключенный лицами законно уполномоченными, есть лишь проектъ или sponsio (обѣщаніе); для полученія силы закона для сторонъ безусловно необходима еще ратификація, т. е. согласіе, формально выраженное верховными властями контрагентовъ, на принятіе проекта трактата, заключеннаго между уполномоченными, хотя бы послѣдніе и не превысили своихъ полномочій и вполне выразили тѣ желанія сторонъ, которыми послѣдніе руководились при ихъ посылкѣ.* Старинные писатели вообще склонны были смотрѣть (Гроцій, Бюнкерсгукъ и другіе) на ратификацію, какъ на формальность, получающую силу, утверждающую значеніе трактата, лишь въ случаѣ превышенія уполномоченными ихъ правъ или „секретныхъ инструкцій“; писатели новѣйшіе, не придавая ей значенія пустой формальности, не допускаютъ отказа въ ратификаціи частью по юридическимъ, частью по нравственнымъ соображеніямъ (Геффтеръ, Блунчли, Филлиморъ и друг.). *Въ послѣднее время все больше принимается другое воззрѣніе: лишь ратификація превращаетъ проектъ договора въ трактатъ, поэтому она безусловно необходима и въ ней можетъ быть de jure отказано.* Такъ, (Теллинекъ, Лаги, Винезьё) выводятъ ратификацію изъ понятія о суверенитетѣ, который, будучи неотчуждаемъ, не можетъ быть перенесенъ на другаго уполномоченнаго; до ратификаціи нѣтъ трактата, а есть лишь sponsio (обѣщаніе), *отказъ въ ратификаціи можетъ быть (особенно немотивированный) неприличенъ и опасенъ, но онъ не есть нарушеніе международнаго права (Лаги).* Понятно, что тамъ, гдѣ утвержденіе договоровъ относится къ компетенціи народнаго представительства, ратификація, всегда принадлежащая представителю верховной власти, должна быть даваема лишь по утвержденіи договора палатами (Лаги), такъ какъ обратное начало ставитъ въ неловкое положеніе правительство страны и есть давленіе на волю народнаго представительства. Но международная практика признаетъ силу за трактатомъ, ратификованнымъ и ранѣе утвержденія его палатами, что, очевидно, неправильно. Въ случаѣ отказа въ ратификаціи оба государства обязаны къ *restitutio in integrum* по отношенію къ объектамъ нератификованнаго договора.

Ратификація безусловно необходима потому уже, что является лишнею гарантіей обязательной силы договора: есть время хорошо обдумать всѣ условія трактата; время можетъ измѣнить и обстоятельства, существовавшія въ періодъ переговоровъ и подписанія трактата; при всей опытности и талантѣ уполномоченные могутъ сдѣлать уступки, кажущіяся имъ незначительными, но важные въ глазахъ правительства; общественное мнѣніе страны тоже должно имѣть время и возможность

высказаться на счет *sponsio*, данного представителями контрагентов. Чѣмъ лучше соблюдены эти условія, тѣмъ больше гарантіи въ томъ, что трактатъ будетъ принятъ охотно и не подвергнется нарушенію. Слѣдовательно, интересъ прочности международныхъ договоровъ и требованія международного порядка вызываютъ ратификацію, какъ актъ необходимый и безусловно обязательный. Если же ратификація переводитъ *sponsio* въ трактатъ, то очевидно, что *обязательность послѣдняго наступаетъ съ момента ратификаціи; международная практика, переносящая этотъ моментъ на время подписанія трактата уполномоченными, грѣшитъ противъ логики.* Случаевъ отказа въ ратификаціи было очень много. Изъ новѣйшихъ можно указать, напр., на отказъ Франціи отъ ратификаціи договора, заключеннаго ею, Англійей, Австріей, Пруссіей и Россіей въ 1841 г. относительно пресѣченія неготорговли; Китай не далъ ратификаціи Ливадійскому трактату 1879 г. съ Россіей, обвинивъ посла Чунхау въ превышеніи власти; Португалія и Франція отказывали въ ратификаціи трактата, заключеннаго на Брюссельской конференціи 1890 г. Весьма рѣдко, но бывали случаи, когда въ самомъ договорѣ установлено, что онъ вступаетъ въ силу не дожидаясь ратификаціи (напр. Лондонская конвенція 1840 г. объ оказаніи немедленной помощи Портѣ противъ возставшаго египетскаго паши). Такіе случаи, хотя и очень исключительны, но не могутъ быть ничѣмъ оправданы: при современныхъ телеграфныхъ сообщеніяхъ текстъ трактата можетъ быть переданъ верховной власти дословно и она можетъ дать ратификацію по телеграфу.

Ратификація не требуется лишь въ томъ случаѣ, когда трактатъ заключенъ самими государями (напр. трактатъ 1859 г.—королемъ Италіи и императоромъ французовъ), имѣющими право заключенія трактатовъ безъ согласія палатъ.

Кромѣ ратификаціи, для юридической обязанности трактата необходимо, чтобы о немъ воспослѣдовало взаимное соглашеніе контрагентовъ, изъявляющихъ одни—предложеніе, другіе—принятіе договора. Поэтому держава, не предлагавшая или не принимавшая трактата, не можетъ быть имъ обязана (Лаги). По исключенію, имѣются такія постановленія трактатовъ, напр. въ торжественныхъ формахъ декларацій, изданныхъ многими державами, въ которыхъ высказываются общія начала международного права, вошедшія въ юридическое сознаніе даннаго времени. Эти деклараціи обязательны и для другихъ народовъ, такъ какъ они сознаютъ себя членами международного сообщества. Но такіе деклараціи и трактаты (напр. постановленія Берлинской Африканской конференціи противъ неготорговли и рабовладѣнія) сравнительно еще рѣдки. Пока нѣтъ международного законодательства начала такихъ трактатовъ, по общему правилу, не распространяются на третьихъ державъ: напр., нельзя признавать обязательными для Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки парижскую морскую декларацію 1856 г., такъ какъ Соединенные Штаты, по мнѣнію ихъ правительства, лишились бы, съ отмѣною каперства, средства для самосохраненія. Но такое явленіе будетъ становиться все рѣже: историческое развитіе трактатовъ, приводя

отъ формъ случайныхъ и временныхъ союзовъ съ оборонительными цѣлями между немногими державами къ болѣе сложнымъ и совершеннымъ договорамъ, обнимающимъ всѣ политическія отношенія государствъ, приближается къ формѣ трактатовъ съ характеромъ положительнаго закона, къ типу единого всеобщаго трактата (Лаги). *Т. е. трактаты все болѣе получаютъ международно-законодательное значеніе; а если такъ, то постепенно исчезнуть и случаи уклоненія меньшинства отъ участія въ такихъ договорахъ.*

Наконецъ, *трактатъ долженъ быть актомъ свободнаго соглашенія, въ которомъ выражается свободно проявленное единство сознанія и желанія контрагентовъ связать себя определенными условіями.* Отсюда, всякое насиліе или обманъ, жертвою которыхъ сдѣлались уполномоченные, заключающіе трактатъ, лишаютъ его юридической силы. Сказанное—общепризнанное положеніе. Но почти всѣ писатели (Мейеръ, Блунчли, Геффтеръ, Ф. Мартенсъ и друг.) проводятъ различіе между гражданскими договорами и международными въ томъ смыслѣ, что принужденіе уничтожаетъ первые, тогда какъ всѣ трактаты, вынужденные принужденіемъ, напр. договоры побѣдителя съ побѣжденнымъ, принципиально дѣйствительны; здѣсь *предполагается (praesumptio juris), что государства остались свободны, что у нихъ все же есть выборъ между заключеніемъ мира, хотя бы невыгоднаго и вынужденнаго, и отказомъ въ немъ; допустить противное—поставить въ опасность самое существованіе государства.* Исторически эта точка зрѣнія вѣрна; но она теряетъ часть своей цѣны съ точки зрѣнія современныхъ международныхъ отношеній, склоняющихся все болѣе къ замѣнѣ насилія правомъ при помощи юридической организациі общенія между народами и права коллективнаго вступничества державъ на защиту слабыхъ противъ сильныхъ, побѣжденнаго противъ побѣдителей. Вѣрно говоритъ Лаги, что необходимость можетъ заставитьъ человѣка и государство покориться ей, но она не заставитъ ихъ видѣть въ необходимости оправданіе несправедливости; самые же мирные договоры, вынужденные насиліемъ, непрочны, угрожаютъ всегда новою войной и международному спокойствію (напр. отторженіе Эльзаса и Лотарингіи отъ Франціи), вынуждаютъ пострадавшихъ при всякомъ удобномъ случаѣ протестовать противъ дѣйствительности такихъ договоровъ. *Надо различать принужденіе несправедливое (насиліе) отъ справедливаго, къ которому прибѣгаютъ для защиты или возвращенія нарушеннаго права.* Насиліе всегда останется грубою несправедливостью и не можетъ создать права въ пользу насилующаго. Эта точка зрѣнія встрѣчаетъ сочувствіе у многихъ писателей (Ахиллесъ Моренъ, многіе итальянцы, Винезье и другіе; противное—Теллинекъ). *Но съ этимъ понятіемъ о принужденіи отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать понятія о невыгодности договора для одной изъ сторонъ: понятіе о laesio enormis гражданскаго права не приложимо къ трактатамъ: одна сторона всегда можетъ получить больше правъ нежели другая, если при этомъ не было принужденія.* Понятіе о государственной выгодѣ очень относительно, такъ какъ государственная машина, ея интересы и цѣли слишкомъ

сложны и разносторонни: напр. уступка (въ 1890 г.) Англию Германіи острова Гельгоганда въ обмѣнъ на разныя территоріи послѣдней въ Африкѣ и на права Германіи въ Занзибарѣ разсматривается многими, какъ крайне невыгодная для Германіи, другими же—какъ достаточно выгодная (въ Англии ее тоже не всѣ считаютъ выгодною для Великобританіи), а уступка не была вынуждена никакими принужденіями. Во всякомъ случаѣ желательно, чтобы такіе договоры, неравномѣрно распредѣляющіе права и обязанности между государствами, становились рѣже, такъ какъ идея общенія требуетъ равномѣрнаго пользованія правами и обязанностями въ сферѣ международныхъ отношеній.

б) *Условія объективныя.* Предметъ международнаго договора (causa) опредѣляется дѣеспособностью контрагентовъ. Во всякомъ случаѣ необходимы—*физическая, юридическая и нравственная возможность заключенія трактата*: нельзя договариваться о предметѣ, физически не существующемъ, о правѣ отсутствующемъ, о предметахъ безнравственныхъ (напр. объ установленіи рабства, поддержаніи негроторговли) и т. д. Вообще *нельзя договариваться*: 1) *о предметахъ, нарушающихъ основныя права народовъ и 2) общія начала международного права* (см. выше); понятно также 3), *что нельзя уступать право ранѣ уступленное другому государству* (напр. Франція отказала въ признаніи правъ Маріи-Терезіи на Австрійское наслѣдство, такъ какъ ранѣ обязалась передъ Баваріей не соглашаться на прагматическую санкцію Карла VI).

V. *Международные договоры заключаются для того, чтобы быть исполняемы добросовѣстно.* Часто и граждане должны знать о ихъ содержаніи; а правительственные агенты—и подавно. Секретные договоры и даже отдѣльныя секретныя статьи, столь распространенныя въ недавнее еще время, все болѣе теряютъ смыслъ, а при контролѣ надъ трактатами со стороны палатъ—они совсѣмъ нетерпимы, составляя превышеніе власти. *Необходимо поэтому обнародованіе трактата въ качествѣ закона для государствъ въ области ихъ внѣшнихъ отношеній* (необнародованіе трактатовъ иногда равносильно ихъ неисполненію). Публикація требуется и нѣкоторыми писателями (Теллинекъ); *происходитъ она обыкновенно такимъ же способомъ, какъ и обнародованіе законовъ внутри государствъ* (въ Россіи чрезъ публикаціи въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“). Исполненіе договоровъ происходитъ чрезъ дипломатію, администрацію данныхъ государствъ или чрезъ посредство судовъ, смотря по содержанію и характеру трактата. (Ф. Мартенсъ, Лаги). Всѣ части договора (главныя и второстепенныя) одинаково должны быть исполняемы.

VI. *Для правильнаго исполненія трактатовъ необходимо правильно понимать ихъ, т. е. примѣнять къ нимъ правила истолкованія (interpretatio) по общимъ началамъ юридической герминевтики (ученія объ истолкованіи законовъ и договоровъ).* Аутентическое истолкованіе ихъ выпадаетъ на долю высшей, заключившей ихъ власти, а для договоровъ, касающихся правъ частныхъ лицъ (напр., конвенціи по вопросамъ частнаго международного права) на долю судебной власти (Лаги). *Общее, руководящее положеніе при интерпретаціи состоитъ въ томъ, что надлежитъ обращать вниманіе болѣе на намѣреніе контрагентовъ, пред-*

полагая ихъ добросовѣстность, *нежели на слова, болѣе на духъ, нежели на букву трактата*. Этому правила придерживался и императоръ Николай I, выступая третейскимъ судьей между Сардиніей и Австріей—въ 1845 году, по поводу спора между ними объ истолкованіи одной статьи конвенціи 1751 года. Императоръ призналъ, что буква трактата на сторонѣ Австріи, духъ же (намѣреніе)—на сторонѣ Сардиніи; Австрія уступила.

VI. *Трактаты все одинаково дѣйствительны, одинаково истолковываются и применяются въ какой бы формѣ они ни заключались*. Мнѣніе о томъ, что такъ называемыя деклараціи—не трактаты, а лишь выраженія государствами извѣстныхъ общихъ началъ, признаваемыхъ ими за разумныя и согласныя съ ихъ интересами, а потому и не обязательны (мнѣніе Каткова о Парижской деклараціи 16 апрѣля 1856 года, будто бы необязательной для Россіи), не можетъ быть принято. Въ *деклараціяхъ*—*все условія для дѣйствительности и юридической обязательности трактата*, а торжественность формъ декларацій, обращеніе съ ними ко всему международному союзу—скорѣе усиливаютъ ихъ нравственный авторитетъ, поддерживающій и ихъ юридическую обязательность. Обыкновенно чисто внѣшнія различія въ формахъ (названіяхъ) международныхъ договоровъ зависятъ отъ важности ихъ содержанія и способовъ заключенія (Ф. Мартенсъ). „Трактаты“—особенно торжественны (начинаясь словами „Во имя св. Троицы“ или „Во имя Всемогущаго Бога“), конвенціи—менѣе торжественны по формѣ (начинаются прямо съ мотивовъ); подъ „Картелями“ подразумеваютъ обыкновенно договоры о выдачѣ преступниковъ. *Въ настоящее время форма трактатовъ—всегда письменная*, но въ древности и въ средніе вѣка практиковался нерѣдко и словесный способъ заключенія трактатовъ (въ этой формѣ еще въ 1697 году заключенъ союзный трактатъ между Петромъ Великимъ и бранденбургскимъ курфюрстомъ Фридрихомъ III). По мнѣнію Иеллинека, никакая форма для трактатовъ не вытекаетъ изъ ихъ природы, почему даже „слово“ не всегда необходимо: на войнѣ допускаются соглашенія посредствомъ общепринятыхъ знаковъ и сигналовъ. Формы строго опредѣленной для международныхъ договоровъ, конечно, нѣтъ, но современныя условія сношеній среди цивилизованныхъ народовъ требуютъ письменной формы, которая на практикѣ (за исключеніемъ войны) исключительно теперь употребительна.

VII. *Не имѣетъ большаго практическаго значенія и спорный вопросъ о видахъ или классификаціи международныхъ трактатовъ*. Оставляя въ сторонѣ явно неприемлемыя классификаціи (напр. Геффтера и Блунчли), упомянемъ о распространенной и простой классификаціи, именно—о *дѣленіи всей массы международныхъ договоровъ на трактаты*, которые требуютъ постояннаго, непрерывнаго дѣйствія со стороны государствъ, и конвенціи, исполняемыя совершеніемъ одного опредѣленнаго акта; дѣленіе это очень старо (принято еще Ваттелемъ, изъ русскихъ—проф. Стояновымъ). Но оно устанавливаетъ классификацію по чисто внѣшнему признаку, а не по содержанію договоровъ; оно грѣшитъ и принципиально: многія конвенціи (напр. о консулахъ) осуществляются въ продолженіи долгаго времени, а отнюдь не одновременно; *другое дѣленіе*

(Кальво)—на личные и реальные потеряло смысл для настоящего времени. Лучшее дѣленіе Ф. Мартенса (и итальянца Скиатарелла)—на трактаты политическіе (касающіеся интересовъ и правъ государствъ, напр. о территоріи, мирные трактаты и т. д.) и социальныя, удовлетворяющіе социальнымъ и культурнымъ интересамъ государствъ, общественныхъ классовъ и лицъ (напр. о натурализаціи, торговые трактаты, о выдачѣ и т. д.). Это дѣленіе (сходится и съ классификаціею Теллинека) почти совпадаетъ и съ дѣленіемъ Ламі, который классифицируетъ трактаты на политическіе, экономическіе и судебныя (юридическіе); къ послѣднимъ онъ относитъ консульскіе трактаты, о выдачѣ, исполненіи рѣшеній иностранныхъ судовъ и т. д. Это дѣленіе, безспорно, самое удачное, такъ какъ оно наиболѣе согласуется съ тройственнымъ характеромъ массы международныхъ трактатовъ.

VIII. Въ международныхъ отношеніяхъ и въ науку издавна искали способовъ обезпеченія международныхъ договоровъ отъ нарушенія. Съ исторической стороны развитіе способовъ обезпеченія доказываетъ какъ нельзя лучше, что международное право постепенно переходило отъ способовъ крайне несовершенныхъ и случайныхъ къ способамъ болѣе совершеннымъ и постояннымъ. Поэтому, имѣются всѣ шансы на то, что эти способы и формы сдѣлаются вполнѣ юридическими, т. е. станутъ прямо подъ охрану общаго международнаго суда; переходною стадіею къ нему будутъ отдѣльныя третейскія разбирательства, предустановленныя въ самихъ трактатахъ.

Такъ, древнѣйшій и простѣйшій способъ, черпавшій свое содержаніе въ религіи, есть способъ присяги (въ широкомъ смыслѣ слова). Подъ нею надлежитъ понимать обѣщаніе исполнять договоръ, данное съ соблюденіемъ религіозныхъ обрядовъ, выражающихъ воззваніе къ Божеству, какъ поручителю и охранителю трактата. Религіозная охрана трактатовъ встрѣчалась еще въ древности (у Грековъ и Римлянъ, у язычниковъ). Въ средніе вѣка понятіе это сузилось, выразилось въ присягѣ на вѣрность трактату. Папы были верховными судьями и надзирателями за исполненіемъ трактатовъ, скрѣпляемыхъ присягой. Громадное вліяніе церкви сдѣлало этотъ способъ наиболѣе распространеннымъ, имѣвшимъ одно время могучее дѣйствіе для обезпеченія международныхъ договоровъ. Но когда исчезла чистота Евангельскаго ученія, когда церковь стала воинствующимъ учрежденіемъ, а папы—сильными свѣтскими государями, сама церковь стала учить о несоблюденіи присяги при трактатахъ, заключенныхъ съ еретикомъ или съ мусульманскимъ государствомъ; папы стали давать разрѣшительныя грамоты, освобождавшія отъ обязанности соблюдать трактатъ, обезпеченный присягою (Лоранъ).

Такъ какъ присяга есть чисто религіозно-нравственный способъ, не имѣющій подъ собою той юридической почвы, на которой могутъ строиться юридическія отношенія и формы ихъ обезпеченія, такъ какъ, далѣе, она часто нарушалась, то неудивительно, что съ XVI столѣтія она начинаетъ исчезать. Съ XVII в. она примѣняется лишь по исключенію; однако, послѣдній случай ея примѣненія былъ еще въ 1774 г.

(трактатъ между Швейцаріей и Франціей). Еще въ древности и въ средніе вѣка слабость перваго средства побуждаетъ искать другихъ, болѣе реальныхъ; они найдены въ такъ называемыхъ *заложенникахъ* (otages). Полагали, что взятіе лучшихъ людей (напр. принцевъ крови, видныхъ гражданъ), и держаніе ихъ въ плѣну на все время исполненія договора или на нѣкоторое время — лучшій способъ вынудить стороны къ соблюденію договора. Одно время (въ древности) казнили или оставляли въ пожизненномъ плѣну заложниковъ, въ случаѣ несоблюденія трактата противною стороною, на что эта послѣдняя отвѣчала тѣмъ же. Т. е. страдали ни въ чемъ неповинныя лица и отношенія между государствами лишь обострялись. Уже въ концѣ среднихъ вѣковъ исчезаетъ право на жизнь заложниковъ, въ новое время ихъ стали освобождать даже изъ плѣна и при нарушеніи договоровъ, такъ какъ убѣдились, что крѣпость обязательствъ ничего не выигрываетъ отъ смерти или плѣна заложниковъ; въ XVIII вѣкѣ — лишь одинъ договоръ 1748 г. (ахенскій трактатъ) между Англіей и Франціей практиковалъ систему заложничества, которая въ настоящее время встрѣчается только въ отношеніяхъ съ дикарями и въ военное время. *Болѣе реальнымъ, при томъ строго юридическимъ способомъ обезпеченія трактатовъ, выработавшимся въ средніе вѣка и нерѣдко практиковавшимся и въ новое время* (даже въ XIX столѣтіи), должно почитать залогъ *территоріи*. Онъ выполняется обыкновенно въ формѣ занятія войсками частей *территоріи* другаго государства до выполненія послѣднимъ обязательствъ трактата. Слабая его сторона въ томъ, что онъ всегда налагался лишь на побѣжденнаго, обезпечивалъ побѣдителя, но нисколько не гарантировалъ исполненія обязательствъ, принятыхъ на себя побѣдителемъ. Примѣровъ его очень много; напр. трактатъ 1871 года обезпечивалъ Германію въ уплатѣ ей Франціей 5 миллиардовъ контрибуціи оккупаціей нѣмецкими войсками нѣкоторыхъ восточныхъ и юго-восточныхъ департаментовъ Франціи. Почти всѣ писатели утверждаютъ (Блунчли, Кальво, Ф. Мартенсъ), что неисполненіе трактата даетъ залогодержателю право на присоединеніе занятой *территоріи* къ своимъ владѣніямъ. Но въ послѣднее время появилось (по преимуществу въ итальянской литературѣ) воззрѣніе, согласно которому не признается вообще законнымъ присоединеніе *территоріи* къ другому государству безъ согласія ея населенія, такъ какъ послѣднее не можетъ быть разсматриваемо какъ частная собственность государства (Лаги, Винезьё, Даневскій, отчасти Ладыженскій). Поэтому, Лаги допускаетъ за залогодержателемъ лишь право временнаго занятія и распоряженія *заложенной* (занятою) *территоріей*, за исключеніемъ мѣстностей незаселенныхъ или случая желанія самихъ жителей. Это мнѣніе болѣе соотвѣтствуетъ новѣйшимъ воззрѣніямъ на государство, *территорію*, ея связь съ населеніемъ и на задачи международнаго права.

Наиболѣе распространенная (съ XVIII вѣка) форма обезпеченія международныхъ договоровъ, способъ юридически-политическій, есть такъ называемая *гарантія* (поручительство). Она удовлетворяетъ основнымъ началамъ международнаго права въ томъ смыслѣ, что вноситъ

въ договоры, въ видахъ ихъ обезпеченія, участіе другихъ государствъ, почему гарантія является часто (Нейманнъ, Филлиморъ, Ф. Мартенсъ и друг.) дополнительнымъ договоромъ, судьба котораго связана съ главнымъ трактатомъ. Т. е. въ гарантіи сказывается заинтересованность международного союза въ дѣлѣ исполненія договоровъ, обязанность его охранять въ интересахъ мира и порядка начала, изложенныя въ соглашеніяхъ между государствами. По самой идее своей такая гарантія предполагаетъ коллективность, по крайней мѣрѣ относительно всякихъ трактатовъ общаго интереса, устанавливающихъ извѣстный порядокъ международныхъ отношеній, основныя начала права. Но такъ какъ не всѣ трактаты имѣютъ международно-законодательное значеніе, то пока эта форма коллективной гарантіи, выдвинутая еще въ эпоху Вестфальскаго трактата и все болѣе распространяющаяся, не есть еще единственная. Ранѣе ея появилась и теперь еще существуетъ наименѣе совершенная ея форма — простая гарантія, когда, напр., одно только государство обезпечиваетъ исполненіе даннаго трактата. Въ этомъ случаѣ само оно властно рѣшить — наступила ли, когда и въ какихъ предѣлахъ обязанность его вступить въ дѣло и требовать исполненія трактата. Сложная же (коллективная) гарантія можетъ быть или гарантіею даннаго положенія вещей, въ которомъ заинтересовано прямо и непосредственно нѣсколько державъ (напр. взаимная гарантія Россіи и Австріи въ 1833 году — Мюнхенгрецкая конвенція — спокойствія и ненарушимаго владѣнія ихъ польскими землями) или же общею гарантіею сохраненія этого порядка по отношенію къ другимъ государствамъ, т. е. обезпеченіемъ порядка, въ которомъ остальные державы заинтересованы косвенно. Напр., трактатъ 1832 г. (Англія, Франція и Россія) гарантировалъ независимость Греціи, трактаты Вѣнскіе — нейтралитетъ Швейцаріи, и т. д. Простая гарантія — связываетъ лишь одного гаранта, сложная первой формы — всѣхъ непосредственно участвующихъ, въ предѣлахъ договора, и каждая въ отдѣльности, сложная второй формы (наиболѣе совершенная), являясь въ сущности самостоятельнымъ договоромъ, связываетъ и обязываетъ всѣхъ поручителей лишь совмѣстно, но всякій разъ, когда дѣло заходитъ о нарушеніи общаго порядка, охраняемаго этою коллективною гарантіею. Нѣкоторыя державы признаютъ уже въ настоящее время обязанность дѣйствовать, въ случаѣ коллективной гарантіи втораго вида, всегда не иначе, какъ сообща съ другими гарантами. Вотъ почему правильно поступила Англія, объявивъ въ 1864 г., что она, участвуя въ гарантіи неприкосновенности Луксенбурга, не обязана одна жертвовать собою въ пользу исполненія поручительства; таковъ же и взглядъ гарантовъ Берлинскаго трактата 1878 года на права и обязанности совмѣстнаго дѣйствія ихъ въ Болгаріи, почему, при всемъ желаніи, Англія, Австро-Венгрія, Германія и Италія не признаютъ принца Фердинанда Кобургскаго законнымъ княземъ Болгаріи, такъ какъ этому противятся Россія и Франція, т. е. остальные гаранта трактата 1878 года. Имѣются единичныя исключенія и нарушенія этого правила; но они не опровергаютъ самаго правила. Во всякомъ случаѣ мысль о такой коллективной гарантіи, выходя изъ идеи международного общенія, предполагаетъ общее

и равномерное участіе въ созданіи и выполненіи гарантіи; наилучшая (до введенія междунаго третейскаго или общаго суда) форма обезпеченія трактатовъ общаго интереса; она гарантируетъ и охраняемые объекты отъ произвола единоличныхъ усмотрѣній и дѣйствій. Слѣдуетъ только заключать такіе трактаты осмысленно и осторожно.

IX. Гарантію не слѣдуетъ смѣшивать съ участіемъ третьихъ державъ въ трактатъ. Подъ такимъ участіемъ третьихъ надлежитъ разумѣть выраженіе ими желанія присоединиться къ договору, уже заключенному двумя или нѣсколькими державами; т. е. третьи, не принимая участія въ переговорахъ и въ заключеніи трактата, дѣлаются контрагентами его послѣ утвержденія и ратификаціи договора первыми контрагентами. Это участіе нѣкоторые писатели (напр. Ф. Мартенсъ) раздѣляютъ на: а) присоединеніе (adhesion) и б) приступленіе (accession), разумѣя подъ первымъ формальное выраженіе третьихъ о присоединеніи ихъ къ извѣстнымъ принципамъ договора или къ части его (условное присоединеніе или безусловное; напр. присоединеніе многихъ державъ къ акту деклараціи 16 апрѣля 1856 года), а подъ вторымъ—формальное вступленіе третьихъ въ договоръ и принятіе его цѣликомъ (наприм. акты Вѣнскаго конгресса). Но все различіе, крайне тонкое само по себѣ, по существу не имѣетъ никакого значенія: въ обоихъ случаяхъ для вступившихъ одинаково обязательны (третьихъ) всѣ постановленія ими принятыя и все сказанное о договорахъ (ихъ силѣ, форменныхъ условіяхъ и обязательности) одинаково распространяется на присоединившихся и на вступившихъ. Но присоединеніе и приступленіе слѣдуетъ отличать отъ участія третьихъ въ моментъ, предшествующемъ заключенію трактата между 2 или нѣсколькими государствами, когда, напр., третьи, по своему почину или просьбѣ договаривающихся, помогаютъ послѣднимъ въ заключеніи трактата въ неопредѣленной формѣ добрыхъ услугъ (bons offices) или же въ болѣе опредѣленной формѣ медиации или посредничества (médiation), когда посредникъ (по приглашенію чаще обѣихъ сторонъ, изрѣдка по своей инициативѣ) формально участвуетъ въ переговорахъ и старается привести ихъ къ соглашенію посредствомъ выработаннаго имъ проекта и компромиссовъ (напр. посредничество Наполеона III въ 1866 году между Австріей и Пруссіей, приведшее къ мирному трактату между ними). Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ третьи державы не участвуютъ въ договоръ и не гарантируютъ его, если послѣ не присоединились къ нему вышеуказаннымъ способомъ.

X. Что же касается, наконецъ, до прекращенія трактатовъ, то способы ихъ могутъ быть подѣлены на юридическіе и насильственные (Лаги дѣлитъ ихъ на естественные и насильственные). Къ первымъ относятся: истеченіе срока въ договорахъ срочныхъ (напр. въ литературныхъ конвенціяхъ), наступленіе *conditio resolutiva*, выполненіе дѣйствія, для исполненія котораго договоръ былъ установленъ, согласіе договаривающихся или и односторонній отказъ, если онъ предусмотрѣнъ въ договорѣ, уничтоженіе объекта. Трактаты личнаго свойства—прекращаются со смертію, отреченіемъ или изнаніемъ государей, заключившихъ договоры. Сюда же относится и *clausula rebus sic stantibus*. Насильственные же способы вы-

нуждаются или невозможностью выполнения трактата по физическимъ, нравственнымъ или юридическимъ причинамъ (смотри выше), или одностороннимъ нарушеніемъ договора одною изъ сторонъ. Почти все писатели признаютъ въ послѣднемъ случаѣ за другою стороною право на прекращеніе для нея обязательной силы договора. Новѣйшіе писатели начинаютъ возставать противъ абсолютности этого правила; такъ, Лаги оспариваетъ право отказа отъ всего трактата, если въ послѣднемъ имѣются самостоятельныя опредѣленія и постановленія, легко отдѣлимыя; нарушеніе одной изъ этихъ самостоятельныхъ статей, при соблюденіи другихъ, не даетъ права противной сторонѣ отказать въ признаніи обязательной для нея силы остальныхъ статей трактата.

XI. *Обязательства ex delicto.* И помимо трактата, государство можетъ быть обязано вознагражденіемъ и удовлетвореніемъ за незаконное нарушеніе имъ правъ другаго государства или его подданныхъ. *Если эти нарушенія совершены самими государствами (носителями верховной власти) или ихъ агентами (должностными лицами), то потерпевшее государство въ правѣ требовать вознагражденія за убытки и удовлетворенія своей поруганной чести и своего достоинства.* Примѣровъ тому множество; вся исторія международныхъ отношеній проявляла до послѣдняго времени даже излишнюю щепительность государствъ въ этомъ отношеніи: репрессалии, угрозы войною, даже самыя войны—обычныя мѣры воздѣйствія при отказѣ въ удовлетвореніи за обиды и въ вознагражденіи за убытки, причиненные незаконными дѣйствіями иноземныхъ властей и сувереновъ, какъ самому государству, такъ и его подданнымъ. Недавно, напр., Португалія должна была дать „удовлетвореніе“ Англіи отозваніемъ своего агента (Серпа Пинто) и рядомъ другихъ мѣръ въ виду того, что Англія считала дѣйствія португальскихъ властей въ Африкѣ неправильными и нарушающими права Англіи и ея подданныхъ. *Но въ принципѣ не можетъ быть и речи объ отвѣтственности государства за дѣйствія, хотя бы и преступныя, его подданныхъ за границею.* Здѣсь принципъ личной отвѣтственности подданнаго, а отвѣтственность его правительства наступаетъ только въ томъ случаѣ, когда правительство, имѣя возможность наказать виновнаго, явно уклоняется отъ этой обязанности, т. е. дѣлается какъ бы солидарнымъ съ правонарушителемъ (Ф. Мартенсъ).

Оглавление I-го выпуска.

ПРЕДИСЛОВІЕ—I—II.

ВВЕДЕНІЕ.

Стр.

Глава I. Опредѣленіе и основныя начала международного права.

1—16

§ I-й. Опредѣленіе международного союза и права. Ихъ историческій ростъ. Борьба начала абсолютной самостоятельности государствъ съ принципомъ высшаго порядка (стр. 1).

§ II-й. Начало междун. правового общенія (стр. 8).

§ III-й. Начало междун. правового общенія въ литературѣ (стр. 11).

§ IV-й. Защита интересовъ матеріальныхъ, духовныхъ и религиозныхъ, и охрана начала личной свободы. Взаимное вліяніе междун. правового общенія и внутреннихъ законодательствъ (стр. 13).

Глава II. Историческій очеркъ развитія международныхъ сношеній и международного права.

17—78

А) *Древность*. § I-й Востокъ (стр. 18); § II-й Греція (стр. 19) § III-й Римъ (стр. 23).

В) *Періодъ первый*. Средніе вѣка и новое время до Вестфальскаго конгресса (стр. 26).

С) *Второй періодъ*. Отъ Вестфальскаго конгресса до французской революціи (стр. 33).

Д) *Третій періодъ*. Отъ французской революціи до Вѣнскаго конгресса (стр. 40).

Е) *Четвертый періодъ*. Отъ конгресса Вѣнскаго до Парижскаго конгресса 1856 г. (стр. 44).

§ I-й. Характеристика эпохи (стр. 44).

§ II-й. Вѣнскій конгрессъ (стр. 45).

§ III-й. Актъ священнаго союза. Конгрессъ въ Ахенѣ (1818 г.). Карлсбадскія постановленія. Конгрессы въ Троппау (1820), Лайбахѣ (1821) и Веронѣ (1822—23). Вооруженныя вмѣшательства (стр. 50).

§ IV-й. Революція въ Греціи. Революція во Франціи и Бельгіи. Лондонскій трактатъ 1831 г. Движенія во Франціи, Пруссіи, Австріи, Венгріи и Италіи. Берлинскій трактатъ 1850 г. (стр. 53).

§ V-й. Возстаніе португальскихъ и испанскихъ колоній въ Америкѣ. Доктрина Монроэ. Конгрессы въ Панамѣ (1826) и въ Лимѣ (1847—48 гг.) (стр. 55).

Ф) *Пятый періодъ*. Отъ конгресса Парижскаго (1856 г.) до Берлинскаго конгресса 1878 г. (стр. 57).

§ I-й. Характеристика этого періода (стр. 57).

§ II-й. Крымская война, парижскій конгрессъ 1856 г. и лондонскій протоколъ 1871 г. Морская декларація 16 апрѣля 1856 г. (стр. 58).

§ III-й. Процессы національнаго объединенія въ Германіи и Италіи и выдѣленія національностей изъ Турціи. Вѣнскій трактатъ 1864 г. Пражскій миръ 1866 г. Лондонская конференція 1867 г. Франкфуртскій мирный договоръ 1871 г. Виллафранкскій трактатъ 1859 г. Цюрихскій трактатъ 1859 г. Туринская конвенція 1860 г. Пражскій миръ 1866 г. Декретъ 1870 г. Лондонская конференція 1863 г. Парижская конференція 1869 г. Возстаніе въ Босніи и Герцеговинѣ (1875 г.) и послѣдовавшія за нимъ событія. С.-Стефанскій прелиминарный трактатъ 3 марта 1878 г. Берлинскій конгрессъ 1878 г. Унія Болгаріи и Восточной Румелии 1885 г. Константинопольская конференція 1886 г. Конвенція 1880 г. Договоръ Англійи и Турціи относительно острова Кипра 1878 г. Берлинская конференція 1881 г. (стр. 62).

§ IV-й. Польскій вопросъ и проектъ конгресса въ 1863 г. (стр. 71).

§ V-й. Латино-американская лига (1856—64). Интервенція въ дѣла Мексики. Война 1860—65 г. Вашингтонскій договоръ 1871 г. Женевскій третейскій судъ. Полевая инструкция Либера. Блокада (стр. 72).

§ VI-й. Женевская конвенція 1864 и С.-Петербургская 1868 г. Брюссельская конференція 1874 г. (стр. 74).

§ VII-й. Берлинская конференція по рабочему вопросу 1890 г. Берлинская Африканская конференція 1884—85 гг. Государство Конго (стр. 75).

Глава III. Очеркъ развитія науки междун. права.

79—94

§ I-й. Предшественники Гуго-Гроція. Гуго-Гроцій (стр. 79).

§ II-й. Философское и положительное направленіе въ наукѣ международнаго права (стр. 81).

§ III-й. Современная литература межд. права: I) Англо-Американская (стр. 84); II) Германская (стр. 86); III) французскія сочиненія (стр. 89); IV) Итальянская школа (стр. 90); V) Русская литература: проф. А. Стояновъ, Ф. Мартенсъ, М. Капустинъ, проф. Эйхельманъ и проф. Д. Каченовскій (стр. 91).

Глава IV. Источники международнаго права.

95—102

A) Внутренній источникъ межд. права (стр. 95).

B) Виѣшніе источники межд. права (стр. 95): I) Трактаты (стр. 96), II) Международнй обычай (стр. 99), III) Внутреннія законодательства (стр. 100), IV) Рѣшенія судовъ (стр. 101). V) Наука международнаго права (стр. 102).

Глава V. Предѣлы распространенія международнаго права

103—106

Глава VI. Кодификація международнаго права.

107—113

I) Научная кодификація (стр. 107), II) Международно-законодательныя попытки (стр. 110), III) Доводы противниковъ кодификаціи (стр. 112).

Глава VII. Возраженія отрицателямъ международнаго права (стр. 114).

114—119

КНИГА I. Матеріальное международное право.

часть I—общая.

Глава I. Субъекты международнаго права и международныхъ отношеній. 120—156

A) I. Составные элементы государствъ (стр. 120). II. Признаніе государствъ (стр. 121). III. Территоріальныя измѣненія государствъ (стр. 123).

IV. Значеніе въ международномъ правѣ формъ государственнаго устройства и вліяніе внутреннихъ государственныхъ переворотовъ (стр. 124).

В) *Основныя права государствъ, какъ субъектовъ межд. права* (стр. 126).

I. Право на независимость. Начало вмѣшательства (стр. 126). II. Право территориальности (стр. 132). III. Право на равенство (стр. 132). IV. Право на уваженіе и честь (стр. 134). V. Дѣеспособность государствъ (стр. 134). VI. Право на самосохраненіе (стр. 135).

С) *Особенныя формы строенія государствъ, какъ субъектовъ международного права* (стр. 135).

§ I-й. Государства **полунезависимыя и состоящія** подъ протекторатомъ (стр. 136).

§ II-й. Соединеніе государствъ (уніи личная и реальная) (стр. 142).

§ III-й. Особенный видъ соединенія государствъ (сложныя государства) (стр. 148). I. Союзъ государствъ (стр. 148). II. Союзное государство (стр. 152). III. Нечистыя (смѣшанныя) формы союзнаго государства (стр. 155).

Глава II. **Организація общенія между государствами.**

157—172

§ I-й. Попытки организаціи международного союза въ постоянныхъ политическихъ формахъ (стр. 157).

§ II-й. Системы: I) политическаго равновѣсія (стр. 162); II) легитимизма (стр. 166), и III) начало національности (стр. 168).

Глава III. **Органы общенія.**

173—207

A) *Конгрессы и конференціи* (стр. 175).

B) *Общій международный судъ* (стр. 180).

C) *Международная администрація* (стр. 183).

D) *Дипломатическіе агенты и государи*: § I-й. Дипломатическіе агенты (стр. 185); § II-й. Права государей, президентовъ республикъ и членовъ семейства государей (стр. 196).

E) § I-й—Консулы (стр. 198); § II-й—Смѣшанные суды въ Египтѣ (стр. 204).

Глава IV. **О государственной территоріи и о международныхъ сервитутахъ, какъ объ ограниченіяхъ территоріальнаго верховенства.**

208—216

§ I-й. О государственной территоріи и верховенствѣ надъ ней (стр. 208).

§ II-й. Международныя повинности (сервитуты) (стр. 214).

Глава V. **Международные договоры** (стр. 2—).

217—230

I. Определенія междун. договора (стр. 217). II. Обязательная сила трактатовъ (стр. 217). III. Условія внутренней недѣйствительности трактатовъ (стр. 218). IV. Формальныя условія юридической обязательности трактатовъ (стр. 220). V. Исполненіе междун. договоровъ (стр. 224). VI. Формы трактатовъ (стр. 225). VII. Классификація трактатовъ (стр. 225). VIII. Способы обезпеченія трактатовъ (стр. 226). IX. Участіе третьихъ державъ въ трактатѣ (стр. 229). X. Способы прекращенія трактатовъ (стр. 229). XI. Обязательства ex delicto (стр. 230).

ЗАМЪЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строка	Напечатано:	Слѣдуетъ:
18	10	сверху т. е,	т. е.
21	4	снизу договорива	договорив-
—	6	„ договори	договора
—	7	„ сред-	среди
32	6	„ среди-	Среди—
35	11	„ Ахескій	Ахенскій
37	12	сверху измѣнила	измѣнившей
44	2	снизу кондификацію	кодификацію
60	1	„ живѣйшей,	живѣйшей
102	9	сверху участіе	участія
112	13	„ Противники	III. Противники
137	5	„ феодалима	феодализма
147	7	„ указывающихъ	указывающіе
150	1	„ развѣлтъся	развалиться
180	21	снизу стада дѣлать	стада,—дѣлать
200	15	сверху еврейцамъ	европейцамъ
201	2	„ и	о
201	9	снизу мѣющимъ	имѣющимъ
203	15	„ (консуль	—консуль

Сочиненія того же автора.

1. Очеркъ новѣйшей литературы по междун. праву. С.-Петербургъ, 1876 г.
2. Историческій очеркъ нейтралитета и критика Парижской морской Декларациі 1856 г. Москва, 1879 г.
3. Системы политическаго равновѣсія и легитимизма и начало національности въ ихъ взаимной связи. С.-Петербургъ, 1882 г.

БРОШЮРЫ:

1. О каперствѣ и морской войнѣ. Москва, 1878 г.
2. Принципы международнаго права. Москва, 1879 г.
3. Мысли о кодификаціи международнаго права. Москва, 1879 г.
4. Парижская морская Декларациа 16 апрѣля 1856 г. Москва, 1880 г.
5. La Russie et L'Angleterre en Asie Centrale. Londre, 1881 г.
6. Opinion impartiale d'un russe sur l'extradition des nihilistes. Paris, 1881 г.
7. Выдача преступниковъ и пренія о ней въ Оксфордской сессіи Гентскаго института международнаго права. Москва, 1880 г.
8. О конгрессахъ и конференціяхъ. С.-Петербургъ, 1884 г.
9. Критическія замѣчанія на проектъ новаго русскаго уголовного уложенія (общая часть). С.-Петербургъ, 1883 г.
10. Наблюденія надъ нѣкоторыми образцовыми тюрьмами и исправительными колоніями Запада. С.-Петербургъ.
11. Берлинская Африканская конференція. Москва, 1890 г.

Цѣна за оба выпуска 2 руб. 50 коп. сер.

(Оба выпуска продаются только вмѣстѣ).

МД

